ТЕКСТ
ЯЗЫК
ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

МГПУ им. И.П. Шамякина

ISBN 978-985-477-938-6

Министерство образования Республики Беларусь

Белорусское общественное объединение преподавателей
русского языка и литературы

Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь –
Русский дом в Гомеле

Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Пензенский государственный университет

МГПУ им. И.П. Шамякина

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2025

УДК 81.161.(08)
ББК 81.2Рус
Т30

Редакционная коллегия:

С. Б. Кураш, доктор филологических наук, доцент (ответственный редактор);
А. М. Аматов, доктор филологических наук, профессор;
В. И. Коваль, доктор филологических наук, профессор;
И. Г. Родионова, доктор филологических наук, доцент;
А. В. Буркова, кандидат филологических наук;
Л. Н. Мазуркевич, кандидат филологических наук, доцент;
О. В. Сергушкова, кандидат филологических наук, доцент

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор ***Е. Е. Иванов***
(Могилев, Республика Беларусь);
доктор филологических наук, профессор ***Н. В. Чайка***
(Минск, Республика Беларусь)

Печатается согласно плану научных мероприятий УО МГПУ им. И. П. Шамякина на 2025 год
и приказу по университету от 15.05.2025 № 564

Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2025. – 300 с.
Т30 ISBN 978-985-477-938-6.

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов XIII Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек» в рамках Недели русского слова – 2025, проведенной в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина.

Публикуются работы в области филологического анализа художественных текстов, в том числе посвященные 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и русским писателям, чьи юбилейные даты отмечаются в 2025 году; рассматриваются вопросы, связанные с неологическими процессами в сфере тексто- и жанрообразования, анализируются лингво- и социокультурные функции текстов и текстовых единиц.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.

УДК 81.161. (08)
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-985-477-938-6.

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2025

МГПУ им. И.П. Шамякина

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

УДК 807

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. П. КУЗНЕЦОВА: СЛОВО И СИМВОЛ

О. В. Ланская,
кандидат филологических наук, учитель
Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средняя школа № 14,
г. Липецк, Российская Федерация
E-mail: *o.vlad.lanskaja@ramble.ru*

В статье на материале стихотворений о Великой Отечественной войне исследуется ключевое слово *память*, а также слова *хлеб*, *буханка*, *вода*, *колодец* и другие с семами ‘страдания человека’, ‘жизнь’ и ‘смерть’. Анализируются номинации *пепелище*, *изба*, *труба*, *санки*, с помощью которых создаются трагические образы войны. Пространство (*страна*, *Родина*) и время соотносятся с историческими реалиями, предметами быта.

Ключевые слова: пространство, время, сема, словосочетание, символ, ключевое слово.

MEMORY OF THE WAR IN THE WORKS OF Y. P. KUZNETSOV: WORD AND SYMBOL

O. V. Lanskaya,
candidate of philological sciences, teacher
Municipal budgetary educational institution secondary school No. 14 of Lipetsk.
Lipetsk, Russian Federation
E-mail: *o.vlad.lanskaja@ramble.ru*

The article examines the keyword memory, as well as the words bread, loaf, water, well and others with the semes of 'human suffering', 'life' and 'death', using poems about the Great Patriotic War. The nominations of ashes, hut, pipe, sled are analyzed, with the help of which tragic images of war are created. Space (country, Motherland) and time are correlated with historical realities, signs of everyday life.

Keywords: space, time, seme, phrase, symbol, keyword.

Тема Великой Отечественной войны – одна из ключевых в творчестве Ю. П. Кузнецова. Как известно, в 1944 году на Сапун-горе погиб отец поэта. Впоследствии в статье «Воззрение» Кузнецов писал о произошедшем: *«Это жестокая правда моей поэтической судьбы. Если бы отец вернулся домой живым и невредимым, то трагедия народа была бы для меня умозрительным понятием и я был бы другим поэтом …»* [7, с. 160].

Трагедии войны посвящены такие произведения поэта, как «Сталинградская хроника. Оборона» (1984), «Память», «Отец в сорок четвертом», «Картинка 1945 года», «Слезы России» (1965), «Очки Заксенгаузена» (1968), «Отцу» (1969), «Звезда» (1970), «Возвращение», «Мать, глядящая в одну точку» (1972), «Дом» (1969–1973), «Гимнастерка» (1974) и другие.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Цель исследования – проанализировать ключевые слова, выявить их символические смыслы.

О войне написано и стихотворение «Черный хлеб» (1961). Название, открывающее текст, символично. Слово *черный* в славянской мифологии «ассоциируется с мраком, землей, смертью» [1, с. 481]. В стихотворении Кузнецова определение *черный* символизирует трагическое время, связанное с событиями Великой Отечественной войны, приобретает семы ‘лишение’, ‘страдание’, ‘голод’, ‘смерть’, ‘память о войне’.

Пространство текста трагично. Оно деформировано. Исчезает вертикаль «земля – небо». Мир становится черным. Утро начинается с хрипения гудка, призывающего на работу и определяющего жизнь человека. Сама природа участвует в событиях, которые влияют на происходящее в мире людей. Так, луна в славянской мифологии ассоциируется «с загробным миром, с областью смерти» [9, с. 285]. В тексте Кузнецова говорится о том, что она превратилась в измученную войной женщину, бредущую по дороге.

Изменилась и природа солнца. Если в фольклоре небесное светило «называли ясным и красным, светлым и святым, добрым и чистым» [10, с. 442] и оно символизировало жизнь, тепло и свет, то в тексте солнце становится черным, а лирический герой может видеть его только в колодце, фиксирующем в мифологии границу между реальным миром и потусторонним.

Происходит превращение белого цвета в черный. Изменение цвета также символизирует трагедию, нарушает естественное состояние мира. Пространство становится обесчеловеченным, на что указывает словосочетание *составы очередей*. Слово *состав* (в значении ‘ряд сцепленных вместе железнодорожных вагонов, подготовленных для отправки или находящихся в рейсе’ [8, т. IV, с. 208]) восходит к глаголу *составлять* (в значении ‘ставить вместе, сдвигать, ставить одну вещь вплоть къ другой’ [5, т. IV, с. 278]) и синонимично словосочетанию *люди в очереди*.

Фиксируется пространство и с помощью слова *ларек* (в значении ‘торговая палатка’ [8, т. II, с. 164]). По мнению М. Фасмера, данная лексическая единица обозначает ‘гроб’, ‘ящик’, ‘сундук’ [12, т. 2, с. 460]. В тексте Кузнецова данная номинация связана со временем тяжелых испытаний, которые выпали на долю народа:

Луна в грязи по колено. В черном снегу городок.
Заигранный, как пластинка, *хрипел по утрам гудок*.
А *у ларьков* по суткам *составы очередей*.
Хлеб выдавали по карточкам,
и не было *хлеба* вкусней [6, т. 1, с. 122].

Ключевым при этом является слово *хлеб* (в значении ‘мучное печенье изъ кислого теста, *печеный хлебъ* готовый на пищу’ [5, т. IV, с. 552]). Именно о хлебе вспоминает лирический герой, отец которого во время войны был на фронте, а сам он жил с матерью в маленьком городе. Хлеб этот был для ребенка самым лучшим, несмотря на то, что, описывая его, автор использует определения *дымный, колючий, прыщавый, сырой, рябой* с семами ‘недопеченный’, ‘закопченный’, ‘сероватый’, ‘корявый’, глаголы *обдирал* (дёсны), *скрипел*. Синонимом слова *хлеб* в тексте является номинация *буханка*, которая ассоциируется с чем-то родным, близким, напоминающим о доме. Отсюда сравнение *словно котенка*.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Важно отметить, какие чувства испытывал лирический герой, когда во время войны ел этот хлеб: он гордился тем, что жил в те годы, разделял судьбу народа; ел тот хлеб, который выдавали на фронте солдатам:

Мать его приносила, я ее дома ждал.
Я в руку *буханку* теплую, *словно котенка*, брал.
Он *обдирал* мне дёсны и на зубах *скрипел*.
Я в детстве другого не видел, но *горд*, что его я ел,
Такой же *дымный*, *колючий*,
прыщавый, *сырой*, *рябой*
В окопах отцам выдавали, и те уходили в бой… [6, т. 1, с. 122].

Стихотворение о хлебе выстроено на противопоставлениях «война – мир», «дом – окоп», «жизнь в тылу – фронт» и соотносится с понятиями «жизнь», «смерть», «военное детство», «память».

О Великой Отечественной войне вспоминает поэт и в стихотворении «Память» (1965). Наречие *снова*, фиксируя повторяемость события, приобретает сему ‘вечность’. При этом постоянное хождение за водой – символический образ, так как одна из первых стихий мироздания – «источник жизни» [2, с. 80], соотносится с границей между земным и загробными мирами [2, с. 80]. В тексте Кузнецова вода, также, как и колодец, связана с трагедией войны, вечным ожиданием близкого человека. Сама память ассоциируется с женщиной, матерью, вдовой, везущей воду на санках, еле передвигающей ноги и постоянно возвращающейся в прошлое:

Снова *память* тащит санки по двору.
Безотцовщина.
И нет *воды*.
Мать уходит в прошлое, *как по воду*,
А *колодец* на краю *войны*… [6, т. 1, с. 122].

Колодец, отражающий в тексте черное солнце, – страшное место, связанное со смертью и войной. Мир погружается во тьму. Отсюда использование в произведении сравнения *будто свечи* (ведра). Отсутствие воды тоже связано с гибелью человека. Слово *санки* соотносится с выражением *сидети на саньхъ*, то есть «стоять одной ногой в могиле», так как в древности существовал обычай «везти покойника на кладбище на санях даже летом» [12, т. 3, с. 557]:

Он *из снега черным солнцем светит*,
Освещая скудным бликом *дом*.
И *на санках* ведра, *будто свечи*,
Догорая, оплывают льдом [т. 2, с. 10].

Образ матери, трагическая судьба отца, страдания ребенка, детство которого пришлось на годы войны, созданы в стихотворении «Картинка 1945 года» (1965). Это произведение о Великой Победе, трагическом прошлом.

Открывает текст словосочетание *картинка 1945 года*. Номинация *картинка* имеет значение «живописное изображение», а также «устное или письменное живое и яркое изображеніе» [5, т. II, с. 94]. Наличие уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* в слове *картинка* оживляет детские воспоминания, а словосочетание *1945-ый год* напоминает о Великой Победе.

Начинается произведение с описания бытовой сцены: по улице идет женщина, чтобы продать вещи и накормить сына. Бытовое в данном эпизоде

МГПУ им. И.П. Шамякина

через художественную деталь начинает восприниматься как бытийное, библейское: мать – дорога жизни – преодоление – восхождение – готовность жертвовать собой ради сына.

Пространство в этом стихотворении определяется с помощью слов *страна*, *Родина*, а также *крыльцо* с семами 'дом', 'семья'. Фиксируется через слова, входящие в лексико-тематическую группу «военное детство». Это *мать*, *отец*, *голоден*, *хлеб*. Перечисленные лексические единицы восходят к ключевому слову *война*:

Мать вещи продавать идет: я *голоден*.
Мне не хватает *хлеба*, как *отца*.
Сползаю *в сорок пятый год с крыльца*,
Качусь слезинкой по щеке *у Родины* [т. 2, с. 16].

Родина ассоциируются с матерью. *Страна* – с женщиной, которая плачет от радости в День Победы. Данная номинация (в значении «государство» [5, т. IV, с. 335]) имеет семы 'горе', 'лишения', 'страдания', а также 'радость', 'единение', 'народ', 'общая судьба':

Война травой покроется.
С размаху
Солдаты *в чернозем* штыки воткнут.
Страна, как слезы радости, салют
Руками прямо по лицу размажет [6, т. 2, с. 16].

Боль войны отражена и в стихотворении «Пепелище. 1942» (1975). В комментариях Е. В. Богачкова отмечается, что ранняя версия произведения датирована 6 ноября 1973 года. Впервые оно опубликовано в альманахе «Поэзия» в 1981 году [6, т. 3, с. 171].

Название, открывающее текст, фиксирует пространство и время. Ключевое слово *пепелище* в Словаре Д. Н. Ушакова с пометой *переносное* обозначает ‘родной дом, очаг, жилище, преимущ. унаследованное от предков’ [11, с. 495]. В МАС *пепелище* с пометами *устаревшее* и *высокое* обозначает «родной очаг, отчий дом» [8, т. III, с. 41]. Для автора важно отметить время, когда происходили трагические события. Это 1942 год, который связан с обороной Сталинграда, попыткой прорыва обороны Ленинграда, Ржевской битвой, битвой за Кавказ, поражением в Крыму и под Харьковом.

В начале стихотворения создается образ войны. Мир в этом произведении разделен на две части, на разные стороны, которые восходят к противопоставлению «оккупированная территория / изуродованная войной земля – тыл». При этом если исследовать композицию произведения, то можно прийти к выводу, что предыстория событий находится за рамками текста, что нет в нем традиционного начала и завершения, что свидетельствует о тектонических, бытийных сдвигах. Образ трагического пространства и времени связан с ключевым словом *изба* (в значении ‘крестьянскій домъ’ [5, т. I, с. 465]) с семами ‘традиции’, ‘предки’, ‘славянская душа’, ‘семья’, ‘народ’, ‘история страны’, ‘Родина’:

Не осталось по ту сторону
От избы ни единой иголки.
Дико воет *труба* на луну,
И на вой собираются *волки* [6, т. 3, с. 171].

Исчезновение дома, родного очага – величайшая трагедия для человека, утрата духовных скреп. От избы осталась только печная труба, которая оплакивает своих хозяев, зола, прах, осквернённое священное место.

МГУ им. И. П. Шамякина

Место, где находился дом, воспринимается как отчужденное. Отсюда использование слово *чужба*, которое не зафиксировано в Словаре В. И. Даля, но соотносится с лексическими единицами *чужбина*, *чужина* (в значении ‘чужая сторона, место вне родины, оседлости, жительства’ [5, т. IV, с. 613]):

Не исплакать постылой *чужбы*.
Только *волки* сидят, подвывая.
И со свистом из *мертвой трубы*
Выползает *змея роковая* [6, т. 3, с. 171].

Ключевое слово *волки*, которое в славянской мифологии обозначает «посланца иного потустороннего мира (как Божьего, так и загробного, демонического)» [3, с. 85], связано с трагическим пространством, в котором уничтожено духовное начало, земля уподобляется преисподней. Отсюда использование определений с семой ‘смерть’: *ядовитый чашуйчатый* (дым), *роковая* (змея), *мертвая* (труба); появление образа хтонического существа – змеи, связанного с подземным мраком, миром мертвых, который коррелируется с представлением о покровительнице дома [4, с. 187], а также мщением:

Затянулись земные края
Ядовитым чашуйчатым дымом.
Опоясала небо *змея* –
Волчья шерсть поднимается дыбом [6, т. 3, с. 171].

Выводы. Итак, в статье исследуются ключевые слова, слова-символы, выявляются их смыслообразующие функции в художественном тексте. На основе анализа приходим к выводу, что образ войны в творчестве Ю. П. Кузнецова трагический, что память о прошлом, о Великой Отечественной войне, ее героях священна.

Список использованных источников

1. Белова, О. В. Цвет / О. В. Белова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 481–482.
2. Виноградова, Л. Н. Вода / Л. Н. Виноградова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 80–82.
3. Гура, А. В. Волк / А. В. Гура // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 85–87.
4. Гура, А. В. Змея / А. В. Гура // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 185–189.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2006.
6. Кузнецов, Ю. П. Стихотворения и поэмы / Ю. П. Кузнецов. – М. : Литературная Россия, 2011.
7. Кузнецов, Ю. П. Тропы вечных тем: проза поэта / Ю. П. Кузнецов. – М. : Литературная Россия, 2015. – 720 с.
8. Словарь русского языка :в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1988. – Т. 4. – 800 с.
9. Толстая, С. М. Луна / С. М. Толстая // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 285–287.
10. Топорков, А. Л. Солнце / А. Л. Топорков // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 442–443.
11. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М. : ООО «Дом славянской книги», 2014. – 960 с.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : ООО «Издательство Астрель» : «Издательство АСТ», 2004. – Т. 1–4.

МГПУ им. И.П. Шамякина

80-летию Победы в Великой Отечественной войне
К 115-летию со дня рождения
Александра Трифоновича Твардовского

УДК 81’42

ФИТОНИМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

О. В. Агафонова,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: timka2007.77@mail.ru

В статье анализируются функции родовых названий растений (или фитонимов) в лирике А. Т. Твардовского. Цель данного исследования – рассмотреть семантику и особенности функционирования фитонимов в поэзии А. Т. Твардовского на материале поэм «Василий Теркин», «Дом у дороги», «Страна Муравия» и поэтических текстов из сборника «Книга лирики». В работе были использованы описательно-аналитический, сравнительный, сопоставительный, количественный методы, прием семантической идентификации. В результате исследования были выделены наиболее частотные фитонимы, такие как береза, ель, рожь, дуб, сирень, липа. Поэт использовал названия растений для образного описания пейзажей малой родины, жизни советского солдата во время Великой Отечественной войны. Растения в поэзии А. Т. Твардовского становятся символами родной земли, Родины. Особенно ярко это проявляется в военной лирике. Многие фитонимы являются полисемантичными. Они могут олицетворять, например, мирную жизнь и ужасы войны, уход на фронт солдата и его возвращение домой.

Ключевые слова: фитоним, метафора, лирика А. Т. Твардовского, поэзия, семантика.

PHYTONYMS IN POETIC TEXTS A. T. TVARDOVSKY

O. V. Agafonova,
Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages
Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: timka2007.77@mail.ru

The article analyzes the functions of generic names of plants (or phytonyms) in the lyrics of A. T. Tvardovsky. The purpose of this study is to consider the semantics and features of the functioning of phytonyms in the poetry of A. T. Tvardovsky based on the poems "Vasily Terkin", "House by the Road", "Country of Muravia" and poetic texts from the collection "Book of Lyrics". The work used descriptive-analytical, comparative, contrastive, quantitative methods, the technique of semantic identification. As a result of the study, the most frequent names of plants were identified, such as birch, spruce, rye, oak, lilac, linden. The poet used phytonyms for figurative description of the landscapes of his native land, the life of a Soviet soldier during the Great Patriotic War. Plants in the poetry of A. T. Tvardovsky have become symbols of his native land, homeland. This is especially evident in the war lyrics. Many phytonyms are polysemantic. They can personify, for example, peaceful life and the horrors of war, a soldier's departure to the front and his return home.

Keywords: phytonym, metaphor, lyrics by A. T. Tvardovsky, poetry, semantics.

Введение. Уже в конце 20-ых годов XX века появляются работы, посвященные исследованию творчества А. Т. Твардовского. С середины XX века книги и заметки о творчестве А. Т. Твардовского издаются постоянно (А. Македонов «Творческий путь поэта: Дома и дороги», А. Белова «Ранний Твардовский: образы природы и образ матери», А. Н. Муравьев «Творчество А. Т. Твардовского», Р. М. Романова «Александр Твардовский»). С 90-ых годов исследователи отвлекаются от литературного аспекта и уделяют больше внимания

МГУ им. И.П. Шамякина

изучению биографии поэта, его личной и общественной жизни. Появляются мемуары, посвященные поэту (И. Твардовский «Родина и чужбина: книга жизни», В. Ильин «Не пряча глаза»).

Темы творчества Александра Трифоновича – это Родина, любовь к матери, женщине, дорога и многое другое. Близкий друг поэта М. Исаковский писал: «Твардовский пишет не так, как другие: он по-своему видит описываемое в стихах и старается говорить своими словами, не прибегая к установившимся шаблонам стихотворной речи» [1, с. 55]. Лирика Твардовского изобилует описаниями пейзажей, природа отождествляется как с малой Родиной, так и со всей Россией. Названия растений помогают более ярко описать природу родного края, события в жизни поэта и страны. В. А. Маслова пишет: «Для русской языковой картины мира характерно приписывание растениям свойств и признаков человека. Так, у растений тоже есть душа…» [2, с. 97]. С помощью метафор, эпитетов фитонимы создают запоминающиеся образы, позволяющие проникнуть в жизнь поэта, увидеть окружающую его действительность, пережить его эмоции. Названия растений получают особую смысловую нагрузку, они помогают создавать всевозможные поэтические образы.

Цель. Цель данного исследования – рассмотреть семантику и особенности функционирования фитонимов в поэтических текстах А. Т. Твардовского.

Методы. В работе были использованы описательно-аналитический, сравнительный, сопоставительный и количественный методы, прием семантической идентификации.

Материалы исследования. Материалом исследования послужили поэмы «Василий Теркин», «Дом у дороги», «Страна Муравия» и поэтические тексты из сборника «Книга лирики».

Результаты и их обсуждение. А. Н. Седакова (Ерофеева) вспоминает: «На большаке среди берез была одна выросшая боком. То ли ветром ее пошатнуло, пока не укрепилась, то ли еще что, но она такая и росла. Мы ее звали “кривая береза”. Была она толстая, крепкая. смельчаки пробовали взбираться по ней вверх. Слышим, Александр, обращаясь к ней, говорит: “*Наклонилась к земле, / Но не упала. / Рада солнцу, весне, / Что не пропала”*» [1, с. 5]. С детских лет А. Твардовский умел видеть положительные моменты в окружающем мире. *Береза* – кривая, но она рада, что живет, что видит солнце и весну. П. Бровка писал в своих воспоминаниях, что «в произведениях А. Твардовского не было ничего случайного, все находилось на своем месте» [1, с. 183].

В лирике А. Твардовского мы не встретим названий экзотических растений, в ней присутствуют привычные *рожь, сирень, липа, береза*. В результате проведенного исследования нами было выяснено, что наиболее частотными в поэзии Твардовского являются фитонимы *береза* (15), *ель* (13), *рожь* (12), *дуб* (10), *сирень* (9), *липа* (6). Несколько раз упоминаются *ольха, лен, яблоня, сосна, конопля, одуванчик* и др.

Александр Трифонович родился в деревне Загорье Смоленской области. Про себя, про свой характер, про свою жизнь Твардовский писал:

И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под елки, и всякие толки, –
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки, не трогают волки [4, с. 395].

МГПУ им. И.П. Шамякина

В Загорье говорили, что Александр Трифонович родился под *елкой*, народ смеялся над ним. Но Твардовский утверждал, что человек, родившийся и выживший в трудные времена, не даст себя в обиду.

Поэт родился в местах, где весной «по садам цветет» *сирень*, деревня «кипит в цвету» *сирени*. Жена поэта очень любила сирень, поэтому в каждый свой день рождения (28 января) получала от мужа обязательный букет живой сирени. Друзья поэта утверждали, что никто не знал, где Твардовский зимой брал сирень [3]. *Сирень* у поэта – олицетворение весны, новой жизни, любви. Например, в стихотворении «Шофер» поэт описывает простого деревенского парня-шофера: *В русской вышитой рубашке / Проезжает он селом. / У него сирень в кармашке, / А еще и на фуражке, / А еще и за стеклом* [4, с. 52]. Создается ощущение, что на улице весна, что парень едет к любимой. В данном стихотворении поэт наделил фитоним *сирень* положительными смысловыми оттенками. Мы можем отметить, что этот фитоним редко встречался в советской поэзии. Как правило, в поэзии XX века более частотными являлись фитонимы *береза, ива, дуб* и т. д. У Твардовского *сирень* также является одним из символов малой родины, мирной жизни. В стихотворении «В те дни за границей», написанном после войны, *сирень* напоминает о доме: *С невиданной силой в саду бушевали сирени, / Каких у себя мы нигде никогда не видали, пожалуй* [4, с. 290]. Поэт пишет о том, что страшные годы войны, ассоциирующиеся со смертью, с потерями, с разрухой, с горем, начинают отступать. Однако враг еще не побежден до конца: запах мирной жизни, запах *сирени*, пока еще «*с запахом трупов мешался, не менее стойким*» [4, с. 290]. Твардовский размышляет о том, для чего же воевали советские солдаты:

Затем, что войну мы прошли не для воинской славы,
Затем, что весной на земле расцветают сирени [4, с. 290].

Поэт говорит о том, что советскими солдатами делается все, что возможно, для того чтобы опять была мирная жизнь в родных краях.

Традиционный для русской поэзии образ *березы* также проходит через всю лирику поэта. В большинстве случаев *береза*, как элемент пейзажной зарисовки, участвует в описании привычной природы, родных мест, где прошла юность, «*…где жизнь начиналась, / Береза цвела, / Где самая первая / Юность прошла»* [4, с. 98]. В стихотворениях военного периода *береза* – это символ Родины, которая нуждается в защите, любовь к которой побуждает русского солдата сражаться до последней капли крови. Например, в стихотворении «Партизанам Смоленщины» *береза* олицетворяет русскую землю, по которой прошли фашисты: *Сторона моя милая, <…> Ты ль березой подрубленной / Будешь никнуть в слезах / Над судьбою загубленной, / Над могилой неубранной, / Позабытой в лесах?* [4, с. 172].

С. Л. Страшнов пишет о творчестве А. Твардовского: «*Его лирические сюжеты, в основном, не мгновенные, а длящиеся, многослойные, захватывающие несколько пластов времени, в особенности – времени прошедшего*» [5, с. 32]. Например, в поэме «Василий Теркин» две строфы с фитонимом *береза* описывают отступление и наступление советской армии:

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет [6, с. 146].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Солдат уезжает из дома на фронт, не зная, что его ждет дальше, увидит ли он когда-нибудь еще свои *березы*.

В следующей строфе мы видим уже надежду на победное возвращение домой:

И с боков дороги узкой,
На земле еще не русской
Белый цвет родных берез [6, с. 151].

Земля еще не своя, не русская, но есть надежда у солдата, что и родные *березы* все-таки он сможет скоро увидеть.

В русской языковой картине мира *береза* ассоциируется с молодой, незамужней девушкой. У Твардовского такая интерпретация фитонима *береза* практически не встречается. Лишь в цикле стихотворений, посвященных матери, *береза* олицетворяет молодую женщину. Поэт пишет о красоте своей матери, сравнивая с ней *березу*: *Молодая береза в лесу / Поднялась и ровна, и бела / На твою она, глядя красу, / Горделиво и вольно росла* [4, с. 50]. Его маме часто снились родные места, *березы «за тайгою чужедальною»*, она мечтала там закончить свою жизнь. А теперь нет ни мамы, да и те места, где она родилась, вряд ли уцелели. После смерти матери Твардовский осознает, что многое отходит в невозвратимое прошлое, остаются лишь воспоминания: *А тех берез кудрявых – их давно / На свете нету. Сниться больше нечему* [4, с. 383]. Нужно отметить, что образ матери проходит через все творчество поэта. В поэме «Дом у дороги» у главной героини, угнанной с детьми в Германию, в неволе рождается сын. Она очень переживает за его судьбу, боится за него, не знает, как уберечь. Твардовский пишет от лица мальчика: *Я одуванчику не сдул / Пушистую головку* [7]. В детстве летом сдувать шапочки с одуванчиков – любимое развлечение малышей. А этому мальчику, сидящему за колючей проволокой, возможно, никогда не придется это делать. Но в конце поэмы поэт с надеждой на мирное небо, на возвращение семьи домой говорит:

И дочка старшая в дому,
Кому меньшого нянчить,
Нашла в Германии ему
Пушистый одуванчик [7].

Материнская любовь, забота, жертвенность, страх за детей вызывало чувства бесконечной любви и уважения у поэта. К теме матери, памяти о ней Твардовский будет обращаться в течение всей своей жизни.

Также через всю поэзию проходит образ *ржи*. Рожь сопровождает поэта везде: в дороге, на малой родине, на фронте. В пейзажной лирике для описания русской природы поэт то и дело упоминает *рожь*. С помощью метафоры автор оживляет ее: *рожь «уходилась», «подалась к дороге», «нависнула»*. Это постоянный спутник поэта:

Вдоль дороги рожь бежала,
Над дорогой пыль дрожала,
Плыл дымок... [8].

В стихах, посвященных хутору Загорье, для поэта, вернувшегося через многие годы на малую родину, *рожь* олицетворяет прошлое: *На старое подворье / Пришел, стою один. / Стою во ржи молочной…* [4, с. 107]. Вместо хутора – *рожь*: Твардовский пишет: *Ни знака, ни приметы / Бывалой не найдешь…* Все осталось

МГПУ им. И.П. Шамякина

только в памяти. Невозможно забыть то, что было, но и остаться здесь нет возможности.

В военной лирике *рожь* становится символом русской земли, Родины. В стихотворении «Я убит подо Ржевом» поэт пишет: *Я – где с облачком пыли / Ходит рожь на холме* [4, с. 252]. Душа погибшего солдата улетает домой, в родные места… В поэме «Дом у дороги» Твардовский описывает, как женщины делали укрепления, они *Живьем приваливали рожь / Сырой тяжелой глиной. / Живьем хлеба, живьем траву / Приваливали сами* [7]. Для того, чтобы построить укрепления, нужно было уничтожить будущий урожай, заранее обрекая себя на голод. Но и врага нужно было остановить. И русская женщина выбирает безопасность Родины.

Нужно отметить, что в военной лирике использование названий растений очень многообразно. Например, фитоним *конопля* у Твардовского тоже является символом родной земли. В поэме «Дом у дороги» солдаты обещают женщинам:

Да нет, от этой конопли
Мы не уйдем, мамаша.
Затем, чтоб вы уйти могли, –
Такая служба наша [7].

В поэме «Василий Теркин», Твардовский, говоря о тех порядках, которые фашисты установили на советской земле, использует фитоним *салат*, подчеркивая чужеродность и растений, высаженных немцами, и самих немцев: «*И кругом его порядки, / И немецкий, привозной / На смоленской узкой грядке / Зеленел салат весной*» [6, с. 127]. Тоска по Родине не покидает поэта в годы войны. Природа постоянно напоминает ему родные края. Автор постоянно сравнивает растения на родине и растения на чужбине. Например: *А как-то по-другому чужие пахнут тополя* [7] или *С невиданной силой в цвету бушевали сирени, / Каких у себя мы нигде не видали, пожалуй* [4, с. 290].

Фитоним *ель* и производные от него также часто встречаются именно в военной лирике. Для солдата в полевых условиях *«хата – ель»* и «*след в елочку»*. И опять же, этот фитоним является символом Родины, пострадавшей от захватчиков: *Где елушка, где макушка / Устояла от огня. / Пни, стволы торчат в окружку, / Как неровная стерня* [4, с. 182]. После боев все разрушено, вместо леса – пустое поле, вместо деревень – выжженая равнина.

Липа в творчестве Твардовского связана с природой, она присутствует в пейзажных зарисовках, с помощью метафоры поэтом создаются яркие образы. Например, описывая середину лета, поэт говорит:

Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Дышит – как будто в дупле
Скрыты горячие соты [4, с. 419].

Один из часто встречающихся фитонимов *дуб* традиционно для русской литературы является символом силы, мудрости, власти. В «Стране Муравии», например, Твардовский описывает братьев Фроловых: *Стоят средь избы – / Богатыри / Дубы!* [8].

В послевоенной лирике у А. Твардовского появляется мотив обновления, как правило, связанный с весной. Поэт задумывается о проходящей жизни:

МГПУ им. И.П. Шамякина

В цветенье голых верб, орешин
И ольх над полой ширью рек
Вновь постигаешь, как поспешен
Крутой поры кипучий бег [4, с. 276].

Весной все обновляется, опять зацветают деревья. Они сбросили листья осенью, остались «голыми». Весной все растения получают шанс обновиться. Так и человек, сделав выводы из прожитого, должен идти дальше.

Выводы. Фитонимы в поэтических текстах А. Т. Твардовского служат для создания различных образов в пейзажной лирике при описании природы малой родины поэта и России в целом. Растения в поэзии А.Т. Твардовского становятся символами родной земли, Родины. Особенно ярко это проявляется в военной лирике. Фитонимы помогают рассказать о жизни простого человека во время войны, о разрухе, о гибели советских солдат, обо всех ужасах Великой Отечественной войны. Названия растений могут олицетворять, например, мирную жизнь и войну, русскую землю и чужбину. Таким образом, многие фитонимы, встречающиеся в поэтических текстах А. Т. Твардовского, являются полисемантичными.

Список использованных источников

1. Воспоминания об А. Твардовском : сборник ст. / ред.-сост. М. И. Твардовская. – М. : Советский писатель, 1978. – 488 с.
2. Маслова, В. А. Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2018. – 180 с.
3. Интересные факты из жизни Твардовского. – URL: https://panlib.ru/news/interesnye-fakty-iz-zhizni-a-t-tvardovskogo-44327.html (дата обращения: 01.04.2025).
4. Твардовский, А. Т. Книга лирики / А. Т. Твардовский – М. : Советский писатель, 1983. – 448 с.
5. А. Т. Твардовский : исследования и материалы (междунар. научн. конф. «Творчество А. Т. Твардовского в контексте русской и мировой культуры» (5–7 октября 2010)) ; отв. ред. Г. Н. Ермоленко. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2010. Вып. 1. – 250 с.
6. Твардовский, А. Т. Василий Теркин : Поэма / А. Т. Твардовский. – Каунас : Швиеса, 1982. – 163 с.
7. Александр Твардовский. Дом у дороги: [сайт]. – URL: https://librebook.me/-dom_u_dorogi/vol1/1 (дата обращения: 01.04.2025).
8. Александр Твардовский. Страна Муравия (поэма и стихотворения). – URL: https://libking.ru/books/poetry-/poetry/196483-2-aleksandr-tvardovskiy-strana-muraviya-poema-i-stihotvoreniya.html#book (дата обращения: 01.04.2025).

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.
К 110-летию со дня рождения
Михаила Львовича Матусовского

ЗЗУДК 811.161.1

БИСУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦА В «СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ» М. Л. МАТУСОВСКОГО

И. Г. Родионова,
доцент, доктор филологических наук, заведующий кафедрой
«Русский язык и методика преподавания русского языка»
Пензенского государственного университета,
г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: Inessa96@bk.ru

В статье рассматривается семантика бисубстантивных предложений со значением характеристики лица в прозаическом автобиографическом произведении «Семейный альбом»

МГПУ им. И.П. Шамякина

Михаила Львовича Матусовского – русского советского поэта, сценариста, переводчика, военного корреспондента, автора стихов ко многим известным песням. Описан круг лиц, выступающих в качестве субъектов характеризации, выделены аспекты их характеристики: возраст, род занятий, внешность, социальный статус и др. Отмечается осложнение семантики характеризации оценочным значением, названы средства выражения оценки. Обращается внимание на афористический характер некоторых синтаксических единиц. Делается вывод о том, что бисубстантивное предложение является одной из оптимальных синтаксических форм для выражения характеристики лица.

Ключевые слова: бисубстантивное предложение, подлежащее, сказуемое, имя существительное, субъект, характеристика.

BISUBSTANTIAL SENTENCES WITH THE MEANING OF A PERSONAL CHARACTERISTIC IN THE "FAMILY ALBUM" BY M. L. MATUSOVSKY

I. G. Rodionova,
Associate Professor, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of "Russian Language and Methods of Teaching Russian" at Penza State University,
Penza, Russian Federation
E-mail: Inessa96@bk.ru

The article examines the semantics of bi-substantive sentences with the meaning of a person's characteristics in the prose autobiographical work "Family Album" by Mikhail Lvovich Matusovsky – Russian Soviet poet, screenwriter, translator, war correspondent, author of poems for many famous songs. The circle of persons acting as subjects of characterization is described, aspects of their characterization are highlighted: age, occupation, appearance, social status, etc. The complication of the semantics of characterization by the evaluative meaning is noted, the means of expressing the evaluation are named. Attention is drawn to the aphoristic nature of some syntactic units. It is concluded that a bisubstantive sentence is one of the optimal syntactic forms for expressing a person's characterization.

Keywords: bisubstantive sentence, subject, predicate, noun, subject, characteristic.

Введение. Антропоцентризм как основное направление и ведущий принцип современной лингвистики предполагает изучение «говорящего субъекта, проявляющего свою языковую и коммуникативную компетенции через язык» [1, с. 296]. «Исследование человека сквозь призму языка чрезвычайно актуально, потому что человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, эмоции и интеллект, поступки и характер», – считает В. А. Маслова [2, с. 16]. С помощью языка оказывается возможным отразить мыслительные операции – отождествление, характеризацию, оценку, сравнение и др., – совершаемые человеком в ходе познавательной и речевой деятельности. В русском языке эти ментальные акты выражаются бисубстантивными предложениями [3, с. 5].

Бисубстантивные предложения – это «самостоятельный тип двусоставных неглагольных предложений, предиктивное ядро которых организовано двумя именами существительными (или их эквивалентами) при участии связки. При этом имя существительное, выступающее в позиции грамматического субъекта – подлежащего, имеет закреплённую за этой позицией в русском языке форму именительного падежа, а имя существительное, включённое в состав сказуемого, может выступать в любой падежной и предложно-падежной форме, способной выполнять функцию предиката» [3, с. 10].

МГПУ им. И.Я. Шамякина

В центре внимания в настоящей статье находятся бисубстантивные предложения в тексте автобиографического произведения Михаила Львовича Матусовского «Семейный альбом», в котором содержатся воспоминания автора о детских и юношеских годах, дневниковые записи времён Великой Отечественной войны, размышления о писательском труде, о поэтах и поэзии, о песенном творчестве и т. д.

Особый интерес в тексте «Семейного альбома» представляют бисубстантивные предложения со значением характеристики лица. В качестве синтаксического субъекта – подлежащего – в них выступает существительное, называющее либо самого М. Л. Матусовского, либо человека, с которым ему пришлось встретиться на жизненном пути. Используя бисубстантивные предложения, автор не только представляет читателю личность, но и показывает своё отношение к ней, в связи с чем считаем возможным говорить о высшей степени проявления антропоцентризма в синтаксических единицах данного типа.

Цели и задачи. Цель статьи – проанализировать семантические особенности бисубстантивных предложений, в которых в качестве синтаксического субъекта – подлежащего – выступают имена существительные, называющие лицо. Задачи: 1) выявить круг лиц, описываемых в предложениях данного типа; 2) описать семантику бисубстантивных предложений, содержащих характеристику лица.

Методы и материал исследования. В ходе работы использован структурно-семантический метод, предполагающий изучение предложения во взаимосвязи его структуры и семантики. Материал исследования – текст I и II частей «Семейного альбома» М. Л. Матусовского.

Результаты и их обсуждение. Автобиографический характер произведения предполагает, что предметом изображения в нём «с течением времени становится не былое само по себе, а «былое» в связи со становлением внутреннего мира автора текста» [4, с. 9]. Поэтому вполне естественно, что субъектом описания в «Семейном альбоме» часто является **сам автор**. М. Л. Матусовский говорит о своём социальном происхождении: ***Я сын*** *фотографа, имеющего собственное ателье на главной Петроградской улице*; обращает внимание на особенности характера: *...**я** никогда **не слыл весельчаком** и не пытался острить*. Вспоминая о своём нежелании в детстве посещать музыкальную школу, оценивает себя-ребёнка с позиции себя-взрослого: *Может быть, **я** действительно **был противным мальчишкой**, вечно забывающим дома ноты, опаздывающим на уроки и не готовившим вовремя двадцатого этюда Черни…* В бисубстантивном предложении отражён социальный статус автора на определённом жизненном этапе: *Это были годы, когда **мы были студентами**, были молоды, а молодости свойственно искать оперение поярче и необычнее*. М. Л. Матусовский характеризует себя как человека, жизнь которого оказалась связанной с событиями Великой Отечественной войны: *И вот **я** уже **в военной форме**, выдающей во мне человека глубоко штатского, не умеющего безупречно затягивать ремень на последнюю дырочку*; *И сразу из книжного юноши в очках со стёклами минус четыре, стоически занимавшегося сличением текстов древнерусской «Повести о походе Батыя на Рязань» по страницам Киевской и Новгородской летописей, **я превратился в человека**, которого ждёт командировочное предписание, железнодорожный литер, суточные, **в человека**, принадлежащего к грозной машине Армии*.

МГПУ им. И.П. Шамякина

В качестве субъектов характеристики в бисубстантивных предложениях выступают **члены семьи** М. Л. Матусовского. При описании отца – известного в Луганске фотографа – автор использует сказуемое-метафору *летописцем*, подкрепляя переносное значение слова прилагательным *своеобразным*: *Мой* ***отец был*** *своеобразным* ***летописцем*** *города…* При характеризации старшего брата, который в детстве сочинял стихи и тоже хотел стать поэтом, М. Л. Матусовский употребляет ироничное *образумился*, а в качестве основной части предиката использует существительное *специалистом* с положительным коннотативным значением и оценочное прилагательное *хорошим* в функции распространителя сказуемого: *И только несколько лет спустя мой* ***брат*** *образумился и* ***стал*** *хорошим* ***инженером, специалистом*** *по транспортному машиностроению.*

Разные аспекты характеристики представлены в бисубстантивных предложениях, описывающих дядю автора – Соломона. Показаны его творческие предпочтения: *Конечно,* ***он был формалистом, сторонником*** *теории искусства для искусства, – он писал неправдоподобно красиво, любуясь своей прописью и украшая её новыми завитушками и хвостиками*. Метафорически описано его состояние во время общения с детьми: ***Эпицентром*** *всего этого беспорядка* ***был дядя***; *Но больше всех получал удовольствие сам фокусник,* ***он чувствовал себя*** *в эти минуты настоящим* ***волшебником****, способным и не на такие чудеса*. Недоумение и боль М. Л. Матусовского переданы бисубстантивным предложением с предикатным существительным *опасность* при описании дяди Соломона в годы Великой Отечественной войны: *До сих пор не могу понять, какую* ***опасность мог представлять*** *для немецкого командования этот тихий, неустроенный и чудаковатый* ***человек.***

В «Семейном альбоме» автор вспоминает свои детские годы и рассказывает **о друзьях детства**. При этом в качестве подлежащих в бисубстантивных предложениях часто используются разговорные формы антропонимов, отражающие принятые в детской коммуникации способы именования; в роли сказуемых выступают существительные, характеризующие межличностные отношения: *Забыл сказать, что* ***Мотька*** *– мой* ***товарищ***. При характеристике друга во взрослом возрасте М. Л. Матусовский использует его полное имя и фамилию, что придаёт высказыванию официальную тональность, показывает уважительное отношение автора к другу детства: *А с Мотькой между тем случится вот что: начнётся вторая мировая война и* ***Матвей Абель станет*** *рядовым* ***пехотинцем.***

Значительное место в «Семейном альбоме» занимает рассказ о другом приятеле автора – Володе Боброве. М. Л. Матусовский говорит о его профессиональном самоопределении уже в подростковом возрасте: *Так что к пятнадцати годам* ***Володька был*** *уже* ***слесарёнком*** *в сборочном цехе…* В предложении: *Насколько я помню,* ***был он земным обыкновенным пареньком****…* – прилагательные *земным обыкновенным* характеризуют приятеля детства как человека, ничем не отличающегося от других подростков, знакомых автору. Названные прилагательные, а также разговорные существительные *Володька*, *слесарёнком*, *пареньком* противопоставлены официальному именованию друга детства во взрослом возрасте, пришедшемся на военные годы: *Но не всем известно, что* ***командиром*** *и* ***воспитателем*** *Девятаева* ***был подполковник Владимир Бобров.***

МГПУ им. И.П. Шамякина

Среди лиц, чьи характеристики представлены в форме бисубстантивных предложений, важное место занимают **педагоги**, которые преподавали в средней и в музыкальной школе, где обучался М. Л. Матусовский. Автор использует разные способы именования учителей – фамилию, имя, отчество: ***Второй*** *моей* ***учительницей была Нина Яковлевна Козлинская***; только фамилию: ***Третьим учителем был*** *добрейший и милейший* ***Кушлин****, обожавший ребят и всегда окружённый галдящей толпой учеников*; прозвище (от фамилии *Бобков*): *Говорили, что* ***Бобок*** *не всегда* ***был учителем*** *рисования, что когда-то он носил длинные волосы и подавал большие надежды, с отличием окончив Харьковское художественное училище*; *А* ***Бобок стал учителем*** *рисования в тринадцатой средней школе*. В одном случае подлежащее-местоимение заменяет существительное, называющее учителя по профилю преподаваемого учебного предмета: *Однажды мне повезло, и я пошёл провожать Адю со школьной загородной экскурсии, организованной нашим* ***биологом****, настолько влюблённым в свою науку, словно* ***он сам был создателем*** *всех этих личинок и куколок, амёб и головастиков*.

С особым уважением автор рассказывает об учительнице русского языка и литературы Марии Семёновне Тодоровой, которой впоследствии вместе с композитором Исааком Осиповичем Дунаевским они посвятили песню «Школьный вальс». Предикат бисубстантивного предложения содержит характеристику учительницы по возрасту: *Это теперь, задним числом, я прикинул и сообразил, что* ***была она*** *в ту пору совсем* ***молоденькой женщиной****, но нам наша учительница казалась солидной, взрослой, чуть ли не пожилой*. С болью М. Л. Матусовский говорит о той социальной роли, которую пришлось выполнять Марии Семёновне в годы войны: *Тут я, считаясь литератором, обязан был бы объяснить психологически, как* ***педагог*** *– человек самой тихой и невоинственной профессии в мире –* ***становится участником подполья****, проходящим мимо часовых, проникающим сквозь двойную колючую проволоку, действующим под носом у опытных гестаповцев*.

В «Семейном альбоме» содержатся характеристики личностей, которые **по роду занятий связаны с литературным творчеством**. Одним из таких людей является поэт Павел Беспощадный. При его описании автор неоднократно использует лексему *поэт* в функции основного компонента сказуемого бисубстантивного предложения. При этом названная лексема приобретает оценочный характер и становится контекстуальным антонимом разговорного слова *хлопчик*, выступающего в роли подлежащего: *Кому могло прийти в голову, что этот деревенский* ***хлопчик*** *в отцовской куртке и чунях, болтавшихся на тонких ногах,* ***станет*** *когда-нибудь* ***поэтом*****.** В другом предложении оценочная семантика сказуемого конкретизируется атрибутивной придаточной частью, включающей глаголы *ценят* и *чтут*, называющие положительно ориентированные оценочные действия: *Но если бы Беспощадный поведал нам лишь об ушедших временах,* ***он не был бы*** *тем* ***поэтом****, которого ценят и чтут в Донбассе*. В бисубстантивном предложении основной компонент сказуемого может быть представлен несвободным словосочетанием, выражающим оценку индивида через отношение к другому лицу; оценочное значение конкретизируется в последующем контексте: *Но* ***Павел Григорьевич был литератором горьковской выучки****: начав свой путь малограмотным рабочим*

МГПУ им. И.П. Шамякина

пареньком, он вскоре знал уже русскую классическую и современную советскую поэзию, был незаурядным знатоком народного творчества, в частности донецкого фольклора, обладал вкусом и точным глазомером мастера.

Корреспондент фронтовой газеты в годы Великой Отечественной войны, М. Л. Матусовский в «Семейном альбоме» рассказывает о людях, с которыми его свели военные будни. Это прежде всего **сотрудники редакций фронтовых газет**: военный корреспондент Юрий Севрук, редактор Николай Николаевич Кружков, фоторепортёр Семён Кудряшов. Автор говорит об их преданности профессии, готовности рисковать жизнью «ради нескольких строчек в газете». В бисубстантивных предложениях сказуемые указывают на военный статус лиц: *Тут Кружков спохватился, вспомнил, что* ***он*** *как-никак* ***человек военный***... Предикаты содержат психо-эмоциональную характеристику субъектов: *Если быть до конца откровенным, надо заметить, что при всей своей столичной бойкости и развязности, без которой фотокорреспондент пропал бы,* ***Сеня Кудряшов был застенчивым малым***...

При характеризации Юрия Севрука М. Л. Матусовский использует фразеологизированное бисубстантивное предложение тавтологического типа с повторяющимися главными членами и с отрицательной связкой *быть* в сослагательном наклонении: *Но* ***Севрук не был бы Севруком****, если бы долго засиживался в редакции*. В подобных «законсервированных» [5, с. 108] структурах реализуется семантика возможного несоответствия субъекта самому себе как эталону при определённых условиях. Сказуемому присуще оценочное значение, которое не конкретизировано лексически и может быть адекватно осознано лишь ограниченным кругом участников коммуникации.

Бисубстантивные предложения в тексте «Семейного альбома» содержат разноаспектную характеристику **участников боевых действий** в годы Великой Отечественной войны. В проанализированных синтаксических единицах описывается внешний облик военных: ***Девятаев был в*** *запылённых, поношенных* ***сапогах, в*** *стареньком выцветшем* ***обмундировании****, которое интенданты считают нужным отнести к категории БУ, то есть бывшим в употреблении* (лётчик Михаил Девятаев); отмечаются особенности характера, темперамента военнослужащих: *Медлительный и меланхоличный, нараспев, будто нехотя растягивавший слова,* ***Гавриил был*** *в бою* ***сама энергия*** (танкист Гавриил Половченя); *Среди сестёр, нянек и раненых* ***он прослыл весельчаком*** *и теперь изо всех сил старается поддержать свою репутацию* (солдат в госпитале).

В бисубстантивных предложениях характеризуются межличностные отношения фронтовиков: *Обычно* ***пилоты были на «ты»****, но в эту минуту командир говорил своему подчинённому «вы», этим самым подчёркивая важность боевого поручения*; *Так* ***Михаил Девятаев*** *и* ***Владимир Бобров стали братьями*** *по крови* (лётчики Михаил Девятаев и Владимир Бобров).

Бисубстантивные предложения содержат информацию о роде занятий военнослужащих в довоенное и послевоенное время: *Командиру роты капитану Владимиру Герцику почти не приходилось вспоминать в первые месяцы войны о том, что* ***он был диктором Всесоюзного радио***; ***Он устроился*** *в Волжском пароходстве* ***командиром*** *нового судна «Ракета», у которого хоть и подводные, но всё-таки есть крылья* (лётчик Михаил Девятаев).

На страницах «Семейного альбома» М. Л. Матусовский рассказывает о тех, кто в годы Великой Отечественной войны не принимал непосредственного участия

МГУ им. И.П. Шамякина

в боевых действиях, но тем не менее внёс весомый вклад в дело приближения победы. Это санитарка Вера Чурина: *До войны она училась в театральном институте, но актриса из неё не получилась, и* ***стала Вера санитаркой***; артист фронтовой бригады, имя которого в тексте не названо: *За это время* ***филармонический баритон****, не раз вспотев и простыв на ветру,* ***превратился в баса****, а Василий Павлович* (Соловьёв-Седой – И.Р.) *успел напрочь забыть краткосрочный курс игры на аккордеоне*.

Обращение М. Л. Матусовского к судьбам конкретных людей – участников Великой Отечественной войны – считаем чрезвычайно важным, поскольку данная информация способствует детализации военных фактов и событий, сохранению памяти о конкретных людях, приблизивших победу, способствует предотвращению попыток фальсификации военной истории. Грамматическая система современного русского языка обладает необходимыми ресурсами для передачи данного содержания и выражения авторских интенций. Важнейшим из этих ресурсов является бисубстантивное предложение.

Некоторые из рассмотренных синтаксических структур имеют афористический характер. Как правило, в таких предложениях отсутствует описание конкретных личностей – в них в обобщённой форме представлены взгляды автора на жизнь, на человека, на взаимоотношения между людьми и т. п.: *А* ***друзья*** *тоже* ***как книги*** *– иную прочтёшь и равнодушно отложишь в сторону, чтобы никогда к ней не возвращаться, а с другой не можешь расстаться до конца жизни*; *…пока у вас жива мать или первая учительница,* ***вы*** *с полным правом* ***можете считать*** *себя ещё* ***не старым человеком***; ***Ведущий и ведомый*** *–* ***это вроде старшего и младшего брата, дирижёра и первой скрипки*** *в оркестре,* ***птицы и*** *её* ***тени***.

Выводы. Бисубстантивные предложения являются одной из оптимальных форм для выражения характеристики лица. Данные модели синтаксических единиц позволяют говорящему не только предъявить информацию о личности, но и показать своё отношение к ней прежде всего с помощью сказуемого-субстантива, реализующего значение предикативного признака.

В тексте автобиографического произведения М. Л. Матусовского «Семейный альбом» бисубстантивные предложения служат для описания широкого круга лиц: это сам автор, его родственники, друзья, школьные учителя, сотрудники редакций газет, поэты. Важное место в произведении занимает характеристика участников Великой Отечественной войны. Субъекты в бисубстантивных предложениях характеризуются по возрасту, социальному статусу, роду занятий; описаны особенности их характера и темперамента и т. п. Семантика характеризации субъекта осложняется оценочным значением, которое актуализируется метафорическим употреблением лексем в составе сказуемого, использованием контекстуальных антонимов в функции главных членов предложения, созданием бисубстантивных тавтологических конструкций.

Семантика бисубстантивных предложений в тексте «Семейного альбома» может иметь обобщённый характер, что придаёт высказыванию афористическую форму.

Список использованных источников

1. Кнорц, О. В. Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации в романе Е. Водолазкина «Лавр» / О. В. Кнорц // Жанры речи. – 2021. – № 4 (32). – С. 295–304.

МГПУ им. И.П. Шамякина

2. Маслова, В. А. «Концептуальные основы современной лингвистики» как учебная книга для магистрантов-филологов / В. А. Маслова // Учебная книга в системе филологического образования : сб. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол. : С. В. Николаенко (гл. ред.) [и др.] ; под общ. ред. С. В. Николаенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. – С. 15–17.

3. Герасименко, Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование : монография / Н. А. Герасименко. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – 292 с.

4. Николина, Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие / Н. А. Николина. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2022. – 424 с.

5. Канафьева, А. В. О некоторых синтаксических средствах выражения оценки: Дом должен быть домом / А. В. Канафьева // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Войловой К. А. (г. Москва, 25 февраля 2021 г.) ; отв. ред. О. В. Шаталова ; ред. кол. Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова, И. А. Иванова, Т. В. Степаненкова. – М. : Принтика, 2021. – С. 104–109.

Источники фактического материала

1. Матусовский, М. Л. Семейный альбом / М. Л. Матусовский. – М. : Сов. писатель, 1983. – 432 с.

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.
К 110-летию со дня рождения
Константина Михайловича Симонова

УДК 82-1

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК СРЕДСТВО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТРИЛОГИИ К. СИМОНОВА «ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ»

Т. И. Татаринова,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tativ58@inbox.ru

Проблема функционирования глагола в художественном тексте получила достаточное освещение. Общим и частным вопросам глагола в тексте посвящено немало исследований. В то же время вопросы функционирования глагола в трилогии К. Симонова «Живые и мертвые» не исследовались. Приводились лишь отдельные примеры из этого произведения в работах по культуре речи и стилистике, например, в работе. Это и послужило основанием для выбора данного произведения в качестве источника исследования и определило актуальность обозначенной нами проблемы.

Ключевые слова: глагол, тавтология, повтор, художественный текст, функционально-стилистическая выразительность, художественная выразительность.

TAUTOLOGICAL VERBAL FORMS AS A MEANS OF FUNCTIONAL-STYLISTIC AND ARTISTIC EXPRESSIVENESS IN K. SIMONOV'S TRILOGY "THE LIVING AND THE DEAD"

T. I. Tatarinova,
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakina,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tativ58@inbox.ru

The problem of verb functioning in fiction has received sufficient coverage. Many studies have been devoted to general and specific issues of the verb in the text. At the same time, the issues of verb

МГПУ им. И.П. Шамякина

functioning in K. Simonov's trilogy “The Living and the Dead” have not been studied. Only individual examples from this work were given in works on speech culture and stylistics, for example, in the work. This served as the basis for choosing this work as a source of research and determined the relevance of the problem we have identified.

Keywords: verb, tautology, repetition, fiction, functional and stylistic expressiveness, fiction.

Введение. По своей лексико-грамматической природе глагол является самой активной частью речи в художественно-выразительном и функционально-стилистическом плане. О высокой функциональной активности глагола в художественной речи образно и поэтично пишет А. Югов: «Глагол – самая огнепышущая, самая живая часть речи. В глаголе струится самая алая, самая свежая, артериальная кровь языка. Да ведь и назначение глагола – выражать само действие» [4, с. 22]. Лингвистами глагол определяется как самая сложная и емкая часть речи, с помощью которой можно описать жизнь в ее движении, развитии. По подсчетам ученых, глаголу в текстах разных стилей отводится неодинаковая роль. Так, в официально-деловом стиле – примерно 6 %, в научном – около 10 %. В художественной речи глагол употребляется значительно чаще: до 15 % всех слов художественного текста – глаголы. Мастера художественного слова умело используют в своих произведениях прямое и переносное значение глаголов, выразительные фразеологизмы, включающие слова этой части речи; глаголы-синонимы, глаголы-антонимы; мастерски пользуются морфологическими категориями глагола (наклонениями, временами и др.), тавтологическими глагольными формами.

Глагол во всем богатстве его семантики, со свойственными ему значениями грамматических форм и возможностями синтаксических связей, при многообразии стилистических приемов образного употребления является неисчерпаемым источником экспрессии. Понятно, что он используется не только для передачи движений, но и проявлений духовной жизни человека. Продемонстрировать эту его возможность можно на примере произведений художественной литературы, в том числе трилогии «Живые и мертвые» К. М. Симонова, 110-летний юбилей которого отмечается в этом году.

Объектом нашего исследования является трилогия К. Симонова «Живые и мертвые». Выбор не случаен, так как это произведение дает богатый материал для изучения изобразительных возможностей глагола, отмеченных выше. Он передает движение, динамику окружающего мира, а также духовной жизни человека.

Предмет исследования – функционально-стилистические и художественно-выразительные возможности глагольной тавтологии. Во всех известных нам работах трилогия К. Симонова рассматривается с литературоведческой точки зрения, мы же анализируем роман с лингвистической точки зрения. В этом состоит *новизна нашего исследования.*

Цель исследования – описать стилистические фигуры, созданные на основе тавтологии глагола, показать их функции в тексте произведения.

Основным **методом** исследования является описательный, который дает возможность учесть все стилистические нюансы, предусмотреть описание материала в единстве формы и содержания.

Результаты и их обсуждение. Термин «тавтология» давно вошел в широкое употребление, однако до сих пор понимается неоднозначно. Следует отметить, что ученые неоднозначно толкуют это понятие и его роль в речи. Так, «Словарь

МГПУ им. И.П. Шамякина

лингвистических терминов» О. С. Ахмановой рассматривает тавтологию только как неоправданную избыточность речи, а «Краткая литературная энциклопедия» и энциклопедия «Русский язык» видят тавтологию шире: как проявление речевой избыточности и как специальный прием выразительности.

Нет оснований считать, что тавтология как явление языка в принципе противоречит его природе и эстетическому вкусу человека. Она складывалась веками в речевой практике народа. Неслучайно стали нормативными сочетания типа *белое белье*, *черные чернила*, *информационное сообщение*, *реальная действительность*, в которых смысловая избыточность уже не чувствуется. Славянское, в том числе и русское, народное творчество изобилует тавтологическими формами речи: *клич кликать, горе горевать, диво дивное, суета сует, видимо-невидимо, один-одинешенек, жить-поживать, грусть-тоска, поить-кормить.* Они закрепились в качестве нормативных лексических единиц. Так, можно вспомнить, например, знакомый каждому с детства типичный компонент речевого стиля сказок: *«скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».* Многие из таких выражений стали фразеологизмами, пословицами, поговорками: *слыхом не слыхать; мал мала меньше; дружба дружбой, а служба службой.* Существенный признак тавтологии – повторяемость слов для обозначения одного и того же понятия – обусловил ее объем и структурное разнообразие. Ядро тавтологии составляют однокоренные слова или разные грамматические формы одного и того же слова: *думу думать, день-деньской.* Можно отметить именные и глагольные сочетания с творительным падежом: *туча тучей, ходить ходуном;* с так называемым вторым именительным: *закон есть закон*; именные сочетания с тавтологическим эпитетом: *дальняя даль, горе горькое*. К этому явлению относятся и повторы: *«Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие…»* (М. Ю. Лермонтов). Слова, составляющие тавтологию, нередко обозначают разные понятия, что приглушает тавтологичность: *«Пахло свежестью, пахло ночными цветами, пахло чуть влажной землей»* (Д. М. Балашов). Итак, тавтология – сложное, противоречивое по содержанию и разнообразное по структуре явление. Роль ее в языке определяется принятым употреблением, необходимостью в контексте, а также индивидуальным вкусом и мастерством автора. Неоправданное повторение слов и форм – это недостаток, снижающий культуру устной и письменной речи, целенаправленное же повторение – средство смысловой и эмоциональной выразительности. Многие из тавтологических выражений стали устойчивыми сочетаниями, фразеологизмами: *жить-поживать, поить-кормить* и др. Смысловая избыточность нейтрализуется их поэтичностью и экспрессивностью. Они являются разговорными, характерными также для устного народного творчества.

Тавтология в языке писателей, публицистов, ораторов, как правило, обусловлена контекстом. Это не механическое повторение, не простое дублирование уже выраженного понятия, а яркое средство художественной выразительности.

Как средство выразительности тавтология часто используется К. М. Симоновым, для которого тема Великой Отечественной войны стала главной и почти единственной для всего его многожанрового и многопроблемного творчества. Тема мужества, с которой писатель пришел в литературу 30-х годов, в военные годы обогащается личным опытом, обретает конкретность. Роман «Живые и мертвые» по праву можно назвать большой книгой о великой войне.

МГПУ им. И.П. Шамякина

В трилогии К. Симонова особенно частотны повторы с участием глаголов, которые выполняют многообразные смысловые и эмоционально-экспрессивные функции:

1) служат для усиления смысловой значимости и убедительности повествования: ***Надо искать!*** *– сказал Синцов.* ***Надо искать,*** *– может, они все-таки живы, эти, на парашютах…* [1, с. 46]. ***Я снимаю вас с поста,*** *– сказал Синцов, пытаясь вспомнить как назло выскочившую из головы формулу, при помощи которой старший начальник может снять с поста часового.* ***Я снимаю вас с поста****, потом доложите! – повторил он, не вспомнив ничего другого и боясь, что из-за неточно отданного приказа красноармеец не послушается его, останется на посту и погибнет* [1, с. 48]. ***Сгибался и разгибался****, держась за живот* [1, с. 18];

2) обозначают длительность и интенсивность действия, например: *Полуторка* ***шла и шла*** *по лесу, а навстречу не попадалось никого: ни людей, ни машин* [1, с. 39]. *А теперь вот* ***шел с этой простудой*** *без отдыха и сна вторые сутки,* ***шел не жалуясь****, только от времени до времени натужно кашлял* [1, с. 41]. *Две тяжелые машины..., все еще упрямо* ***тянули*** *и* ***тянули*** *над лесом…* [1, с. 45];

3) служат средством градации, т. е. последовательным усилением однородных признаков, например: *Кто только* ***не шел*** *в те дни по этому шоссе, сворачивая в лес, отлеживаясь под бомбежками в придорожных канавах, и снова вставая, и снова меряя его усталыми ногами! Все это двигалось на восток, а с востока навстречу по обочинам шоссе* ***шли*** *молодые парни в гражданском…* ***шли*** *мобилизованные…,* ***шли*** *на смерть… Тысячи людей* ***ехали*** *на невообразимых фурах, дрожках и подводах,* ***ехали*** *старики с пейсами и бородами, в котелках прошлого века,* ***ехали*** *изможденные, рано постаревшие еврейские женщины, ехали дети…* [1, с. 27];

4) повторения обозначают большое количество предметов, например: *А самолеты* ***шли и шли*** *и все это были немецкие самолеты!* [1, с. 18]. *А небо все* ***сыплет и сыплет*** *сверху на черную землю бомбы…* [1, с. 3];

5) служат средством связи частей текста в монологах, рассуждениях, описаниях и одновременно выделяют понятия или целые мысли, например: *Он считал, что лежит на территории, занятой немцами, и* ***со злобой думал*** *о том, как фашисты будут стоять над ним и радоваться, что он мертвый валяется у их ног…Он* ***со злобой*** *и отчаянием* ***думал*** *о том, что даже если у него достанет сил порвать документы, все равно немцы узнают его…*[1, с. 51]. *Он* ***вспоминал*** *о том…он* ***вспоминал*** *свои аэродромы…он* ***вспоминал*** *свои собственные противоречивые приказания…он* ***вспоминал****…* [1, с. 52]. ***Говорят,*** *человек* ***перед смертью вспоминает*** *всю свою жизнь.* ***Говорят, человек перед смертью*** *думает сразу о многом* [1, с. 53]. *Малинин и Синцов обернулись, отступили в сторону и мимо них* ***проехали сани*** *Баглюка. Сани* ***проехали****… Вы знаете, кто* ***приехал****? – сказал Синцов после молчания* [1, с. 454];

6) усиливают эмоциональность, патетичность речи: ***Горит, горит!*** *– закричал летчик. – Смотрите,* ***горит!*** [1, с. 49]. ***Служил*** *в германскую войну,* ***служил*** *в гражданскую,* ***служил****, командуя полками и дивизиями.* ***Служил****, учась и читая лекции в академиях,* ***служил****, даже когда судьба не по доброй воле забросила его на Колыму* [1, с. 99];

7) тавтология помогает усилить противопоставление: *Это он* ***понимал*** *и действовал своим красным карандашом без колебаний.* ***Не понимал*** *он другого: как*

МГПУ им. И.П. Шамякина

все это могло произойти. ***Не понимал*** *и мучился вопросом: неужели, несмотря ни на что мы* ***не переломим*** *положение в ближайшие же дни? Все, что видели его глаза, казалось, говорило: нет,* ***не переломим****. И, хотя он вправе* ***был верить*** *своим* ***глазам****,* ***вера*** *его* ***души*** *была сильней всех очевидностей* [1, с. 37]; *А между тем летчики упали где-то здесь, в этом лесу, и их надо было непременно* ***найти****, потому что иначе их* ***найдут*** *немцы* [1, с. 46]; *Он в свой смертный час* ***не думал*** *о ней. Но это было так, и не потому, что он* ***не любил*** *– он продолжал* ***любить*** *ее, – а просто потому, что* ***думал*** *совсем о другом* [1, с. 53].

Глагольные повторы активно используются и в речи персонажей: ***Не думали не гадали****, – сказал из темноты кто-то, кого Синцов так и не разглядел в лицо этой ночью. Если бы* ***не думали не гадали****, еще бы ладно, – после молчания отозвался полковник. А то ведь и* ***гадали, и думали****, а на поверку – ералаш!* [1, с. 31]. Этими тавтологическими формами герои очень емко выражают свое отношение к первым дням войны, к неожиданному ее началу.

Тавтология лежит в основе таких стилистических фигур, предназначенных для усиления выразительности, как:

1) *удвоение*: *«А Леонид сейчас* ***лежит*** *в госпитале, может, в Москве, а может, и дальше,* ***лежит*** *там на простынях, под одеялом», – с минутной острой завистью к лежащему на простынях под одеялом с оторванной ступней Леонидову подумал Синцов* [1, с. 450];

2) *эпифора* (повторение конечных элементов высказывания): *Синцов стоял в кузове несшегося по шоссе грузовика и* ***плакал*** *от ярости. Он* ***плакал****, слизывая языком стекавшие на губы соленые слезы и не замечая, что все остальные* ***плачут*** *вместе с ним* [1, с. 46]; *Он с большим трудом* ***выгнал из головы эту мысль****, которая приходит к людям на войне гораздо чаще, чем они в этом признаются. И* ***выгнать из головы эту мысль*** *помогло не соображение о том, что она стыдная и трусливая, а внезапно полоснувшее память воспоминание о четырех трупах, снятых ими как час назад с виселицы в этой самой деревне Мачехе* [1, с. 451]; *Глядя на знамя, Зайчиков* ***заплакал****. Он плакал так, как может* ***плакать*** *обессиленный и умирающий человек, – тихо, не двигая ни одним мускулом лица, слеза за слезой медленно катилась из обоих его глаз, а рослый Ковальчук, державший поверх этого знамени в лицо лежавшему на земле и* ***плакавшему*** *командиру дивизии, тоже* ***заплакал****, как может* ***плакать*** *здоровый, могучий, потрясенный случившимся мужчина …* [1, с. 95];

3) *обрамление* (словорасположение, создающее замкнутость высказывания): *– Дай закурить? – Чего на ходу-то? – Да так, вдруг захотелось…Синцов стал объяснять, почему* ***захотелось****. А* ***захотелось*** *потому, что, глядя сейчас на этот далекий дым впереди, он старался заставить себя свыкнуться с трудной мыслью, что, как бы много всего ни осталось у них за плечами, впереди была еще целая война* [1, с. 478]; *В вагоне то и дело* ***вспыхивали*** *разговоры об этом, затихали и снова* ***вспыхивали*** [1, с. 477].

Иногда глаголы, составляющие тавтологию, в тексте обозначают разные понятия (конкретные и абстрактные, прямые и переносные), поэтому приглушают тавтологичность, например: *Полуторка* ***шла и шла*** *по лесу, а навстречу не попадалось никого. Под Могилевом был штаб фронта, за Бобруйском* ***шли*** *бои с немцами, и он считал, что между этими двумя пунктами должны стоять штабы и войска, а значит, должно происходить и движение машин* [1, с. 39].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что тавтология – сложное, противоречивое по содержанию и разнообразное по структуре явление. Целенаправленное повторение может служить средством смысловой и эмоциональной выразительности. Роль тавтологии в языке и речи определяется контекстуальной необходимостью, а также индивидуальным вкусом и мастерством автора. Как видим, К. Симонов очень умело использует это средство в различных смысловых и эмоционально-экспрессивных целях.

Список использованных источников

1. Симонов, К. Живые и мертвые. Книга первая / К. Симонов. – М. : Художественная литература, 1964. – 436 с.

2. Тропинина, Н. И. Глагол как средство речевого воздействия / Н. И. Тропинина ; под ред. В. Н. Вакурова. – М. : МГУ, 1989. – 96 с.

3. Финк, Л. К. Симонов. Творческий путь / Л. Финк. – М. : Советский писатель, 1983. – 400 с.

4. Югов, А. Думы о русском слове / А. Югов. – М. : Современник, 1972. – 215 с.

К 100-летию со дня рождения
Юрия Валентиновича Трифонова

УДК 811.161.1

МЕТАТЕКСТОВЫЕ СРЕДСТВА В ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА «ОБМЕН»

Е. Е. Долбик,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: dolbikee@gmail.com

В статье анализируются средства выражения модусных метакатегорий в художественном тексте (на материале повести Ю. В. Трифонова «Обмен»); выделяются графические, лексические, синтаксические метаязыковые сигналы; описываются функции метапоказателей, их роль в организации повествования; объясняются причины активного обращения автора к средствам репрезентации метаязыковых смыслов; выявляется связь метакатегорий с другими модусными категориями.

Ключевые слова: метатекст, модусные категории, речевая рефлексия, графические средства, лексические средства, синтаксические средства, Ю. Трифонов.

METATEXTUAL MEANS IN Y. TRIFONOV'S STORY «EXCHANGE»

E. E. Dolbik,
Associate professor, Cand. Phil. D., associate Professor
of the Department of Philology of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: dolbikee@gmail.com

The article analyzes the means of expression of modus meta-categories in the fiction text (on the material of Y. V. Trifonov's story “Exchange”); graphic, lexical, syntactic meta-language signals are

МГПУ им. И. П. Шамякина

singled out; the functions of meta-indicators, their role in the organization of the narrative are described; the reasons for the author's active appeal to the means of representation of meta-language meanings are explained; the connection of meta-categories with other modus

Keywords: metatext, modus categories, speech reflection, graphic means, lexical means, syntactic means, Y. Trifonov.

Введение. Постоянный глубокий интерес исследователей к вопросам теории текста, лингвистической прагматики, семантики предложения в рамках антропоцентрического подхода к его изучению (работы Р. Якобсона, Ю. М. Лотмана, А. Вежбицкой, Т. В. Шмелевой и др.) позволил сформировать достаточно устойчивое представление о метаязыке как «совокупности вспомогательных речевых структур, помогающих адресату уяснить строение и смысл предлагаемого ему текста» [1, с. 151], и определить метатекст (текст о тексте) как «совокупность метаязыковых сигналов отдельного текста» [1, с. 151], соотнести и разграничить понятия текста и метатекста.

Т. В. Шмелева, анализируя семантическую организацию предложения, наряду с актуализационными, квалификативными и социальными модусными категориями, выделяет метакатегории, к которым относит смыслы говорения, называния, коммуникативного намерения, мотива и цели речевого поведения, речевого жанра, выполнения правил речевого поведения [2].

Исследования последних десятилетий подтверждают мысль о том, что метатекст создает второй план текста, образует дополнительный компонент текста и является выразителем языкового сознания говорящего [см., например: 3; 4; 5].

«Метатекст как модусная категория выражает речевую рефлексию Говорящего относительно собственного речевого поведения» [3]. Речевая рефлексия понимается как «наблюдение Говорящего над собственной речевой деятельностью, в том числе над употреблением им слова или высказывания, и репрезентация его вербальными знаками или знаками других коммуникативных систем» [3].

В качестве **объекта** нашего исследования выступает метатекст как модусная категория, **предметом** исследования являются средства реализации метаязыковых смыслов.

Цель исследования – описать проявление метакатегорий в художественном тексте. Для достижения цели последовательно решались следующие **задачи**: 1) осуществить выборку метаязыковых средств из текста; 2) произвести их классификацию; 3) выявить причины включения метаязыковых сигналов в текст; 4) проследить связь метакатегорий с другими модусными категориями, в частности с категорией авторизации.

Материалом исследования послужила повесть «Обмен» Юрия Валентиновича Трифонова, 100-летие со дня рождения которого отмечается в 2025 г. «Обмен» вместе с «Предварительными итогами» и «Долгим прощанием» входит в триптих так называемых «городских» повестей автора. В центре внимания автора не только и не столько картины городской жизни, сколько проблема нравственного выбора человека.

При анализе материала использовались контекстуальный, прагматический, трансформационный методы.

Результаты и их обсуждение. Повествование в повести «Обмен» ведется от 3-го лица («он-рассказывает»), лишь в конце произведения появляется нарратор, а заключительный абзац построен от 1-го лица («я-рассказываю»). Автором

МГПУ им. И.П. Шамякина

используются различные способы передачи чужой речи, но наиболее активно представлена несобственно-прямая речь главного героя Дмитриева. Именно его глазами мы видим происходящие в повести события. Этим фактором во многом обусловлено широкое присутствие метаязыковых показателей в тексте.

Какие средства помогают говорящему осуществлять рефлексию на собственное речевое поведение и речевое поведение окружающих?

Разнообразие лингвистических средств реализации категории метатекстуальности может быть сведено к трем группам: графические средства, лексические синтаксические.

Графические средства представлены, прежде всего, шрифтовыми выделениями. Особая значимость отдельных слов и словосочетаний, желание обратить на них внимание читателя подчеркивается использованием курсива.

«Она [идея] превратилась в портативное и удобное, *всегда при себе*, оружие для мелких семейных стычек» [6, с. 195]; «Дело в том, что больна *моя мать*, а не твоя» [6, с. 198]; «Важно ведь, чтоб *потом было хорошо*» [6, с. 199]; «Но делать надо сегодня, раз уж сегодня *день удач*» [6, с. 207]; «Особенно ей удавались *нужные* знакомства» [6, с. 225]; «Английская спецшкола в Утином переулке, предмет вожделения, зависти, мерило родительской любви и *расшибаемости в лепешку*»
[6, с. 234]. Графически выделенные сегменты могут рассматриваться как сигналы несобственно-прямой речи.

Из других невербальных средств автор использует кавычки, например: «из-за жены пускался в тягостные “выяснения отношений” с матерью» [6, с. 195–196]; «Все изменилось на том берегу. Все “олукьянилось”» [6, с. 222]. Осознание бесповоротных изменений, точки невозврата в жизни главного героя проявляется в его словотворчестве: Лукьяновы – фамилия жены и ее родителей, людей, принадлежащих другой среде, духовно чуждых Дмитриеву.

Отметим связь метаязыковых показателей с модусной категорией авторизации:

«Лена занималась переводами английских технических текстов и, **как говорили**, была отличной переводчицей» [6, с. 196]; «Дмитриев сделал за ширмой особую комнатку, “одиночку”, **как называли ее в семье**» [6, с. 198]. – Указание на то, что говорящий может не разделять высказанное мнение, содержится в вводных конструкциях со значением источника сообщения.

«Вера Лазаревна приходила к Лене почти ежедневно под предлогом “помочь Наташеньке” и “облегчить Ленусе”, а на самом деле с единственной целью – беспардонно вмешиваться в чужую жизнь» [6, с. 198]. – С целью характеристики истинных намерений тещи в текст вводится инкрустированная прямая речь.

«Что бы он сказал? Наверно бы: ну и публика, **мол**, теперь в Павлинове!» [6, с. 230].

Лексическими маркерами метакатегорий выступают частицы, вводные слова со значением неуверенности, недостоверности, сомнения: «Ты меня **как будто** обвиняешь в бестактности» [6, с. 198]; «Ее лицо выражало безучастность и даже, **пожалуй**, хорошо скрытую обиду» [6, с. 199]. «Она нарочито уступала эту миссию матери: **как бы** затем, чтобы Дмитриев был чем-то, пускай незначительным, пускай на минуту, теще обязан» [6, с. 203]; «И, **главное**, приползли откуда-то в немалом количестве те, **будто бы** исчезнувшие, **ан нет**, еще живые странные старики» [6, с. 232].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Исключительно разнообразны в тексте повести глаголы со значением речи-мысли, часто выступающие маркерами речевого жанра (просьба, приказ, упрек и др.): «Виктор Георгиевич, сегодня пятница, у меня стирка, я вас **умоляю** – побыстрее!» [6, с. 202]; «Почему твоя кузина весь вечер меня **язвила**?» [6, с. 237]; «Нет, ты **объясни** тогда: что ты называешь ханжеством?» [6, с. 238]; «А когда **прикажешь** обсуждать?» [6, с. 240]; «Тогда он перестанет **нудить»** [6, с. 241]; «Есть вещи, которые ему невозможно объяснить, тогда надо просто **категорически сказать**: так и так, и никаких!» [6, с. 241]; «Не хотелось это говорить, но как-то **удобно и кстати сказалось само**» [6, с. 241]; «Лора ухмыльнулась, **желая что-то сказать, но промолчала**» [6, с. 241]; «Я же **разговаривал** с тобой сегодня утром!» – **сказал** Дмитриев **с** каким-то страстным **упреком** [6, с. 243]; «Феликс тоже **мямлит, отвечает** уклончиво» [6, с. 244].

На синтаксическом уровне метатекстуальность может воплощаться в виде повторных номинаций, пояснений, уточнений, комментариев к сказанному и облекаться в форму вставных конструкций, например:

«Мгновенная смерть от инсульта – **тогда это называлось апоплексическим ударом** – случилась душным днем прямо на улице» [6, с. 219]; «Мать очень хотела, чтобы он поехал в Туркмению, потому что недалеко от родного Лориного Куня-Ургенча – **каких-нибудь шестьсот километров, пустяки!** – брат с сестрой могли бы встречаться» [6, с. 234].

Один из самых частотных приемов реализации метатекстуальности – отражение в тексте процесса выбора говорящим точной, нужной в данный момент, соответствующей обстоятельствам номинации. Говорящий ведет поиск наиболее подходящих слов для выражения своей мысли, подбирает синонимы:

«Лену всегда отличала некоторая душевная – нет, не глухота, чересчур сильно, – некоторая душевная неточность» [6, с. 197]. – Говорящий отвергает первый вариант наименования черты характера супруги (*душевная глухота*), оценивая номинацию как чересчур сильную, заменяет ее смягченным вариантом и сопровождает неопределенным местоимением *некоторый* (‘не очень значительный’), еще более снижающим категоричность утверждения (*некоторая душевная неточность*).

Через отрицание с противопоставлением происходит выбор номинации и в следующем контексте: «Теперь надо зализать ранку, **впрочем, и не ранку, а небольшую царапинку**, сделать которую было совершенно необходимо. Вроде внутривенного укола» [6, с. 199]. Уместность и точность окончательного выбора подтверждается сравнительной конструкцией в статусе парцеллята.

Стремление к максимальной точности мысли может приводить к перефразированию высказывания в целом: «Очень любит помогать бескорыстно. **Пожалуй, точнее так**: любит помогать таким образом, чтобы, не дай Бог, не вышло никакой корысти» [6, с. 221].

Отметим неоднократное использование в тексте стилистической фигуры градации для репрезентации речевой рефлексии: «Постепенно то, о чем **нельзя было и подумать, не то что сделать**, превратилось в нечто **незначительное, миниатюрное**, хорошо упакованное, вроде облатки, которую **следовало – даже необходимо** для здоровья – проглотить, несмотря на гадость, содержащуюся внутри» [6, с. 236]; «Ну, **не любит, не может, не выносит**» [6, с. 237].

Включение в градационный ряд фразеологических единиц усиливает экспрессивный эффект: «Он **опытнейший врач, старый воробей**, его приглашают

МГУ им. И.П. Шамякина

на консультации в другие города» [6, с. 205]; «Ну что ж, не так плохо **породниться с людьми другой породы. Впрыснуть свежую кровь»** [6, с. 224].

Градационные отношения между более истинным (достоверным) и менее истинным вербализуются специальными двухместными союзами: «А с Левкой были знакомы с детства, учились в одном институте. **Не то что** друзья "водой не разольешь", **но** связанные крепью домов и семей товарищи» [6, с. 234].

Метаязыковые показатели, принадлежащие различным языковым уровням, нередко взаимодействуют друг с другом, увеличивая степень проявления говорящего субъекта в тексте, обнаруживая голос автора: «В тебе есть какой-то душевный дефект, какая-то недоразвитость чувств. Что-то, прости меня, *недочеловеческое*» [6, с. 198]; «Тут он брякнул по глупости – сколько по глупости будет "брякнуто" потом! – что говорила Лора» [6, с. 227]. Кроме того, последний пример может служить иллюстрацией того, как метаязыковые показатели участвуют в реализации текстовой категории проспекции (*сколько по глупости будет "брякнуто" потом!*).

Причины, побуждающие говорящих к речевой рефлексии, тоже очень разнообразны:

1) акцентирование коммуникативных намерений: «Когда же **потребность съязвить или надавить на больное** возникала у Лены, она говорила…» [6, с. 195]; «Он доходил до дикого озлобления из-за какого-нибудь **ехидного словца**, сказанного Леной» [6, с. 195]; «Витя, я понимаю. Прости меня, – сказала Лена с усилием. – Но… (Он видел, что ей очень трудно, и все-таки она договорит до конца.)» [6, с. 197]; «На тихое раздражение Вера Лазаревна всегда ответствовала по-своему – нежнейшим **ехидством»** [6, с. 203]; «И Дмитриев стал **иронизировать** над нынешними дачниками: шут, мол, знает, что за публика» [6, с. 230];

2) выявление скрытого смысла высказывания, его экспликация, интерпретация: «То, что Лена перевела разговор на Наташкины невзгоды, **означало**, что она твердо хочет примириться и довести дело до конца» [6, с. 199]; «Вы поедете к тете Жене?» **Вопрос был задан бегло, но как много он означал!** И среди прочего: «Если бы ты был один, мы не стали бы спрашивать…» [6, с. 233]; «Как поживаешь, Марина? У тебя все по-прежнему?» – «Конечно! А как у тебя? Служишь все там же?» **Эти фразы**, сказанные с улыбкой и в рамках правил, **означали на самом деле**: «Ну, как, Марина, никто на тебя по-прежнему не клюнул?» – «А меня это не волнует, потому что я живу творческой жизнью» [6, с. 237–238];

3) желание дать характеристику речевого действия, манеры речи: «Лена от этого треска зашептала **с** некоторой даже **шутливостью**» [6, с. 200]; «Дмитриев, торопясь, **одной длинной сумбурной фразой** высказал свои сомнения» [6, с. 208]; «Жерехов … **очень любезно и с охотой** стал рассказывать, как он менялся» [6, с. 210]; «Они вполне **корректно, хотя и несколько прохладно** здоровались» [6, с. 211]; «Лора с ее **манерой высказываться прямолинейно**» [6, с. 223]; «Дмитриева такие разговоры, слышанные мимоходом, когда-то потешали, так же, как и **манера тестя выражаться**: «В этом отношении, Ксения Федоровна, я вам скажу от себя следующую аксиому» [6, с. 224]; «В другой раз он затеял **смешной и невыносимый до нудности разговор** с Дмитриевым и Леной» [6, с. 229];

4) стремление дать оценку речи с точки зрения истинности/ложности содержащейся в ней информации: «А теща бубнила: "Если б другие дети имели то, что имеешь ты…" Это была **заведомая ложь**» [6, с. 201]; «…сказал, что поехать, к

МГПУ им. И.П. Шамякина

сожалению, никак не может – тоже по семейным обстоятельствам. **Наверное, врал**» [6, с. 206]; «**Все правда, истинная правда**: мать постоянно окружают люди, в судьбе которых она принимает участие» [6, с. 221]; «Лена стала шептать о том, какой дед был хороший человек, самый лучший из всей дмитриевской родни, и как она его любила. **Это была новость**» [6, с. 232]; «Она же мне **бессовестно врет**, говорит, что в этом году ехать необязательно» [6, с. 243]; «Некоторые люди меня возмущают, которые **говорят неправду**» [6, с. 244]; «Старичок Спиридон Самойлович оказался просто **лгуном**» [6, с. 246];

5) желание успокоить собеседника ввиду неприятного разговора: «Но однажды вечером, в конце лета, Лора сказала: “Витька, на два слова… Ничего особенного, не пугайся, это пустяки… Витька, ты не обидишься? … Ну, это действительно вздор, чепуха…”» [6, с. 226]; «Говорить о таких мелочах, поверь, очень неприятно» [6, с. 227];

6) обоснование правильности/неправильности речевого поведения: «В общем, надо не молчать, а говорить – **я думаю, что правильно**, – и тогда все образуется» [6, с. 227];

7) оценка уместности/неуместности речевых действий: «Лена не вышла его встречать сразу, а появилась через минуты две и задала **ненужный вопрос**: “Тебе разогревать обед?”» [6, с. 227]; «Дмитриев думал с отчаяньем: “Идиот! **Зачем я это говорю?**”» [6, с. 242]; «Зачем говорить об этом так много? Ведь **пустые разговоры**» [6, с. 244];

8) попытка осмысления соотношения значения слова и понятия, которое за ним стоит: «Может быть, **в каком-то смысле** дед и был монстр» [6, с. 229]; «Все ненавистное, что для Марины соединялось в **слове “мещанство”**, для Лены было заключено в **слове “ханжество”**» [6, с. 238].

Выводы. Вопреки утверждению Т. В. Шмелевой о том, что метаязыковые смыслы принципиально невыражаемы (отсутствие их показателей в тексте является нормой), можно отметить широкую их представленность в тексте повести Ю. Трифонова «Обмен». Коммуникативно-речевая деятельность персонажей повести сопровождается активным комментированием, обоснованием собственного выбора лексемы или синтаксической конструкции для выражения мыслей. Метатекстуальные маркеры выступают надежным способом акцентировать наиболее важное с точки зрения говорящего, сделать высказывание удобным для восприятия собеседником, избежать недопонимания в общении.

Список использованных источников

1. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.

2. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Изд-во КГУ, 1988. – 53 с.

3. Перфильева, Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Перфильева Наталия Петровна ; Новосибир. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2006. – 433 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/metatekst-tekstotsentricheskii-i-leksikograficheskii-aspekty (дата обращения: 17.03.2025).

4. Лукина, Н. В. Смысловая структура метатекста: на материале творчества Т. Толстой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лукина Наталья Владимировна ; Астрахан. гос. ун-т. – Волгоград, 2011. – 177 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/smyslovaya-struktura-metateksta (дата обращения: 17.03.2025).

5. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М. : URSS, 2012. – 280 с.

6. Трифонов, Ю. В. Старик : Роман. Повести. Рассказы / Ю. В. Трифонов. – М. : Дрофа, 2003. – 432 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

К 120-летию со дня рождения
Михаила Александровича Шолохова

УДК 811.116.1

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Л. П. Колоколова,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Российская Федерация
E-mail: kollidia@rambler.ru

Е. А. Ермолова,
студент 1 курса филологического факультета
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Российская Федерация
E-mail: liza.ermolova.99@mail.ru

В статье рассматривается роль мифологических и фольклорных элементов в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон». Целью исследования является выявление и анализ данных элементов для определения их влияния на формирование художественного мира произведения и раскрытие характеров героев. В работе определены понятия «миф», «фольклор», «мифологический элемент» и «фольклорный элемент» в литературном контексте. На основе анализа текста романа выявлены конкретные примеры использования мифологических и фольклорных элементов. Показано, что мифологические элементы придают роману эпический масштаб и углубляют понимание психологических переживаний героев, а фольклорные элементы создают национальный колорит. Сделан вывод о том, что мифологические и фольклорные элементы являются неотъемлемой частью романа, определяющей его содержание, форму и художественное воздействие.

Ключевые слова: мифология, фольклор, элемент, мотив, роман-эпопея.

MYTHOLOGICAL AND FOLKLORIC ELEMENTS IN M. A. SHOLOKHOV'S NOVEL-EPIC “THE QUIET DON”

L. P. Kolokolova,
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Sterlitamak Branch
of the Ufa University of Science and Technology,
Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russian Federation
E-mail: kollidia@rambler.ru

E. A. Ermolova,
1st year Bachelor's degree in Philology at the Sterlitamak Branch
of the Ufa University of Science and Technology,
Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russian Federation
E-mail: liza.ermolova.99@mail.ru

The article examines the role of mythological and folklore elements in the epic novel by M. A. Sholokhov “The Quiet Don”. The purpose of the study is to identify and analyze these elements in order to determine their influence on the formation of the artistic world of the work and the disclosure of the characters of the characters. The paper defines the concepts of “myth”, “folklore”, “mythological element” and “folklore element” in a literary context. Based on the analysis of the novel's text, specific

МГТУ им. И.Г. Шамякина

examples of the use of mythological and folklore elements have been identified. It is shown that mythological elements give the novel an epic scale and deepen understanding of the characters' psychological experiences, while folklore elements create a national flavor. It is concluded that mythological and folklore elements are an integral part of the novel, determining its content, form and artistic impact.

Keywords: mythology, folklore, element, motif, epic novel.

Введение. Изучение мифологических и фольклорных элементов в романе-эпопее Михаила Шолохова «Тихий Дон» представляет собой значимый научный интерес в сфере литературоведения и филологии в целом. Эти элементы – важные детали, которые автор использует для своего произведения. Фольклор и мифология играют главные роли в формировании народного самосознания казаков. Через них можно глубже понять их моральные ценности, мысли о жизни, смерти, войне. Именно анализ этих элементов может позволить выявить и понять особенности национального характера этой этносословной группы.

Цели и задачи. Целью данной статьи является лингвопрагматическое осмысление мифологических и фольклорных мотивов, образов и элементов, присутствующих в семантическом пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».

С учетом поставленной цели решаются следующие задачи:

1) выявить и проанализировать основные мифологические и фольклорные мотивы, образы и элементы, присутствующие в романе-эпопее;

2) определить понятия «мифологический элемент» и «фольклорный элемент»;

3) выявить конкретные примеры их использования в романе «Тихий Дон» и проанализировать их функции и значения.

Методы и материалы исследования. В рамках статьи использовались такие методы исследования, как метод объяснительного аналитического описания, обобщения, систематизации и типологизации на материале работ представителей современного литературоведения, которые помогли рассмотреть фольклорные и мифологические элементы и их влияние в данном романе. Материалом исследования являются аналитический анализ научных работ, посвященных деталям романа Михаила Александровича Шолохова и их особенностям.

Результаты и их обсуждение. Миф, в широком смысле, можно трактовать как повествование, передающее представления древних людей о мире, его устройстве, происхождении явлений природы, богах, героях и их взаимоотношениях. Это форма коллективного сознания. В таком случае мифологический элемент в литературе – это использование в произведении мотивов, образов, сюжетов, персонажей и символов, заимствованных из мифов различных культур.

Фольклор же является формой устного народного творчества и включает в себя не только различные виды словесного искусства, но и обряды, обычаи и верования. Значит, что фольклорный элемент в литературе – это использование мотивов, образов, сюжетов, жанров, языковых средств и стилистических особенностей, характерных для устного народного творчества.

Оба этих элемента тесно связаны, так как мифы часто являются частью фольклора. Их вклад в произведения литературы нельзя оставить без внимания. Мифологические и фольклорные элементы обогащают художественный мир произведений, создавая дополнительные смыслы, углубляя психологизм образов и,

МГПУ им. И.П. Шамякина

в некоторых случаях, выражая авторскую позицию. Они помогают автору в создании правдоподобного национального колорита, а также влияют на уровень эмоционального восприятия читателей.

Как уже было отмечено ранее, миф и фольклор тесно связаны, однако разобрать их в романе-эпопее лучше по отдельности, чтобы глубже рассмотреть конкретные примеры.

Начать стоит с мифологических элементов. Хоть «Тихий Дон» является реалистическим произведением, в нем нередко можно обнаружить элементы, отправной точкой которых служит архаичное мировоззрение:

1. В романе отражены пережитки языческих верований. Как пример, можно вспомнить тесную связь казаков с природой – земля ощущается как живое существо. В этом прослеживается отголоски древних земледельческих культов. Здесь же следует упомянуть и культ предков – уважительное отношение к старшим: «Отец – стена, а дед – корень». Корень в данном смысле не только связь с прошлыми поколениями, но и связь с землей и природой в целом [1, с. 107]. Кроме того, казаки, как и многие люди традиционного общества, верят в приметы и предзнаменования. Они считают, что определенные события могут предзнаменовать будущие события. Так, сон Аксиньи о черном вороне предвещает ей скорую гибель;

2. Михаил Шолохов нередко включает в повествование мотивы судьбы и предопределения. Фатализм тут играет главную роль. Так, например, Григорий Мелехов ощущает себя игрушкой в руках судьбы. Часто герой думает о том, что не способен изменить ход событий: «И чего я искал? Куда стремился? Все прахом пошло… И жизнь, и правда… Ничего не осталось, кроме черной земли и над ней – холодного солнца». Следует не забывать и о роли рока. Можно сказать, что жизнь Григория Мелехова – цепь трагических событий, которые преследуют его, несмотря на попытки исправить положение. Он мечется между разными сторонами (как в личной жизни, так и на войне), но так и не может обрести покой и счастье – теряет близких людей, страдает и мучается от чувств и эмоций [2, с. 10];

3. В романе наряду с другими мифологическими элементами можно встретить символические образы, которые восходят к архетипам древности. Так, река Дон играет важную роль в жизни казаков. Она является не только источником воды и пищи для жителей или средством передвижения, но и символом. Сам Дон – символ казачьей жизни, связанный с их историей, культурой и судьбой: «Ой, ты, наш батюшка, тихий Дон!». Дон можно рассматривать как архетипический образ реки жизни, символизирующей не только течение времени, но и судьбу человека, и его связь с предками [3, с. 691];

4. Григорий Мелехов – оригинальный герой романа, однако и в нем, и в его судьбе можно проследить черты архетипического героя. Он проходит путь инициации, путь становления. Его судьба сложна и полна испытаний и потерь. Его путь – это путь поиска себя и своего места в этом мире, где бушуют перемены. Он вынужден делать постоянный выбор между разными мирами: в личной жизни – семьей с Натальей и настоящей любовью с Аксиньей; на войне – между лагерями «белых» и «красных». Герой, можно сказать, находится в постоянном внутреннем конфликте. Несмотря на внешние обстоятельства, он все равно пытается найти правильный путь;

5. В романе Шолохов нередко описывает смерть героев. Однако смерть рассматривается не только как конец физического существования, но и как переход

МГУ им. И.П. Шамякина

в другой мир: «И вот внезапно все оборвалось – Аксинья умерла, даже не приходя в сознание. Молча, не проронив ни слезинки, герой наблюдал, как из его Ксюши уходит жизнь». Данный фрагмент описывает смерть как мистическое событие, когда душа покидает тело и уходит в неизвестность.

Однако не стоит забывать и о фольклоре. Его элементы можно заметить во всех томах романа. Михаил Шолохов использует разные жанры устного народного творчества, что и помогает ему в создании достоверного образа казачьей жизни:

1. Нередко автор использует казачьи народные песни в тексте. Они имеют разные жанры: исторические, лирические, бытовые, солдатские. Эти песни отражают внутренний мир казаков, историю их народа и культуру в целом. Некоторые песни используются автором и для усиления эмоционального воздействия. Так, песня со строчками «А иде ж казаки? / На войну пошли…» создает атмосферу тоски и ожидания [4, с. 299];

2. Кроме того, по мере продвижения сюжета можно заметить и разные формы обрядового фольклора – обряды, связанные с рождением, свадьбой и смертью. Как пример можно привести обряды сватовства между семьями Мелеховых и Коршуновых: «Дельце к вам по малости имеем… У вас – девка невеста, у нас – жених… Не снюхаемся ли, каким случаем?»;

3. Шолохов щедро использует в речи своих персонажей пословицы и поговорки. Эти выражения делают героев более живыми, показывают их характер. Следует заметить, что в данном аспекте, кроме всем известных пословиц и поговорок, можно встретить выражения, которые имеют особую диалектно-просторечную форму: «Чует кошка, чью мясу съела». В иных случаях Шолохов еще использует лексическую замену. Например, известная пословица «Работа не волк...» у автора превращается в «Жена не медведь, в лес не уйдёт»;

4. В романе трудно не заметить особую связь казачьего народа с природой. Это связано с тем, что природа издревле считалась помощником людям. Она кормила и поила людей на разных этапах эволюции. Как раз из давних традиций сложилось такое бережное отношение к окружающему миру и всему, что было создано в нем. Здесь примером может послужить один из эпизодов первого тома, где Григорий Мелехов случайным образом убивает на луговом покосе дикого утенка. Они никак не связаны, однако главный герой тут же почувствовал «внезапную острую жалость». В этом эпизоде Шолохов показывает Григория в гармоничной слитности с миром природы. Бережное отношение казаков к земле можно почувствовать в сравнении луга с «травяным шелком», водной гладью, по которой потек колыхающийся от арбы след. Природа в романе воспринимается как нечто огромное и могущественное. Это захватывает дух, вызывает сильные эмоции у героев и впоследствии у читателей: «...А степь-то кругом...Как раскинется перед тобой необъятный простор, как засинеет даль – прямо-таки сердце бьётся от восторга!».

Выводы. В ходе проведенного анализа были выявлены многочисленные примеры использования мифологических и фольклорных элементов в романе-эпопее «Тихий Дон». Мифологические мотивы и образы, фольклорные обряды и песни создают достоверный образ донского казачества как общественной единицы. Они помогают глубже понять героя, его поступки, цели и соображения. Мифологические мотивы придают повествованию глубину и эпический масштаб, а фольклорные элементы делают его более конкретным и живым. Хоть в ходе анализа миф и фольклор рассматривались отдельно, стоит пояснить, что в романе

МГПУ им. И.П. Шамякина

они тесно связаны между собой и часто выполняют взаимодополняющие функции. Таким образом, нельзя недооценить значимость мифологических и фольклорных элементов в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон». Они играют важную роль в создании художественного мира произведения, углубляют его проблематику, помогают понять особенности национального характера. Роман представляет собой важный источник для изучения истории, быта и мировоззрения донских казаков.

Список использованных источников

1. Бекедин, П. В. Древнерусские мотивы в «Тихом Доне» М. А. Шолохова (к постановке вопроса) / П. В. Бекедин // Русская литература. – 1980. – № 2. – С. 104–124.

2. Ермаков, И. И. Григорий Мелехов как трагический характер / И. И. Ермаков // Вопросы советской и зарубежной литературы. Ученые записки ГГПИ им. А. М. Горького. – 1967. – Вып. 69. – С. 3–18.

3. Семенова, С. Г. Природа в творчестве Шолохова / С. Г. Семёнова // Шолоховская энциклопедия. – М. : Синергия, 2013. – С. 690–693.

4. Костин, Е. А. Катарсис в художественном мире Шолохова / Е. А. Костин // Шолоховская энциклопедия. – М. : Синергия, 2013. – С. 297–302.

УДК 821.161.1-31:929 М. Шолохов

ТРАГЕДИЯ НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА: МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА В РОМАНЕ М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Ф. В. Овчинников,
ассистент кафедры русской и мировой литературы
Луганского государственного университета
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
E-mail: of_carado@mail.ru

В статье анализируются моральные дилеммы Григория Мелехова «Тихом Доне»: конфликт долга и чувств, идеологические метания, кризис идентичности. Исследование показывает, что трагедия героя – следствие невозможности найти «правду» в эпоху исторического перелома.

Ключевые слова: Шолохов, «Тихий Дон», Григорий Мелехов, нравственный выбор, казачество, Гражданская война, экзистенциальный кризис.

HE TRAGEDY OF MORAL CHOICE: GRIGORY MELEKHOV'S MORAL DILEMMAS IN M. SHOLOKHOV'S NOVEL “AND QUIET FLOWS THE DON”

F. V. Ovchinnikov,
Assistant Lecturer, Department of Russian and World Literature
Lugansk State University
Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation
E-mail: of_carado@mail.ru

The article analyzes the moral dilemmas of Grigory Melekhov in “And Quiet Flows the Don”: the conflict between duty and feelings, ideological vacillations, identity crisis. The study demonstrates that the hero's tragedy stems from the impossibility of finding "truth" during a historical turning point.

Keywords: Sholokhov, «And Quiet Flows the Don», Grigory Melekhov, moral choice, Cossacks, Civil War, existential crisis.

МГГУ им. И.Г. Шамякина

В истории русской литературы XX века трудно найти произведение, которое с такой психологической глубиной и эпическим размахом раскрывало бы трагедию личности в переломную историческую эпоху, как «Тихий Дон» М. Шолохова. Этот роман-эпопея, удостоенный Нобелевской премии, представляет собой не просто хронику казачьей жизни в период революции и Гражданской войны, но и философское исследование вечных вопросов человеческого существования.

Григорий Мелехов, центральный герой произведения, становится живым воплощением той нравственной катастрофы, которую переживала вся Россия в начале XX века. Его судьба – это история мучительных поисков правды в мире, где все прежние ценности оказались разрушены, а новые еще не сформировались. Шолохов с удивительной художественной силой показывает, как глобальные исторические катаклизмы преломляются в душе отдельного человека, заставляя его постоянно делать невозможный выбор между долгом и чувством, между традицией и свободой.

Эволюция восприятия образа Григория Мелехова в литературной критике представляет собой своеобразное зеркало, отражающее трансформацию гуманитарной мысли на протяжении почти столетия. В ранних советских исследованиях 1930-х годов, к которым принадлежат работы И. Машбиц-Верова, преобладал классовый подход: герой «Тихого Дона» интерпретировался как жертва мелкобуржуазного сознания, чьи метания объяснялись неспособностью полностью принять революционную реальность. Этот идеологически ангажированный взгляд, однако, уже содержал важное наблюдение о социальной обусловленности характера Мелехова.

Значительный шаг в осмыслении образа сделал М. Майзель в 1960-е годы, предложивший более тонкий анализ. Исследователь выявил в Григории «вечный» конфликт между природным началом и социальными обязательствами, особо отметив новаторский психологизм Шолохова в изображении внутреннего мира персонажа. Почти одновременно с этим И. Нович (И. М. Альтман) в своей работе 1941 года обратился к фольклорным истокам образа, обнаружив в характере Мелехова архетипические черты героя казачьего эпоса. Этот подход позволил рассмотреть персонажа в широком контексте национальной культурной традиции, выйдя за рамки узкоклассового анализа.

Особое место в шолоховедении занимает фундаментальное исследование А. Хватова «Художественный мир Шолохова» (1978), где была предложена концепция «экзистенциального казачества». Ученый интерпретировал духовные метания Григория как проявление глубокого кризиса традиционной идентичности в условиях модернизации, предвосхитив тем самым многие постсоветские интерпретации.

С распадом СССР исследовательский дискурс претерпел качественные изменения, обогатившись новыми методологическими подходами. Е. Добренко разработал концепцию «травматического опыта», рассматривая Григория как носителя коллективной психологической травмы, нанесенной гражданской войной. В гендерных исследованиях И. Савкиной образ Мелехова анализируется через призму кризиса традиционной маскулинности и трансформации гендерных ролей в революционную эпоху. А. Варламов в рамках экологической критики предложил оригинальную интерпретацию, видя в глубокой связи героя с природой особую форму сопротивления историческому насилию.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Современное литературоведение стремится к синтезу этих подходов, рассматривая образ Григория Мелехова как:

1) историко-культурный феномен, отражающий кризис казачьей идентичности;

2) психологически достоверный характер, воплощающий универсальные человеческие противоречия;

3) философскую модель нравственного выбора в экстремальных условиях;

4) интертекстуальный феномен, связанный как с русской классической традицией, так и с мировой литературой.

Такая многоаспектная перспектива позволяет по-новому осмыслить этот уникальный литературный образ, сохраняющий свою актуальность и в XXI веке как воплощение вечных вопросов человеческого существования в переломные исторические эпохи. Цель нашего исследования – выявить и проанализировать ключевые моральные дилеммы Григория Мелехова в романе М. Шолохова «Тихий Дон», раскрывающие трагическую природу его личности в условиях социально-исторического перелома.

Одной из центральных моральных дилемм Григория становится его трагическая любовь к Аксинье Астаховой, вступающая в непримиримое противоречие с казачьими традициями. Донское казачество как особое военное сословие веками формировало строгий кодекс поведения, где понятия чести, верности и долга стояли превыше личных чувств. Женитьба на Наталье Коршуновой, девушке из достойной семьи, должна была стать для Григория естественным шагом, соответствующим ожиданиям семьи и общества.

Однако страсть к Аксинье ломает этот устоявшийся порядок. Шолохов мастерски показывает, что их связь – не просто запретный роман, а встреча родственных душ, которые не могут жить друг без друга. В сцене их первой встречи на берегу Дона автор подчеркивает природную, почти стихийную силу этого чувства: «Аксинья зачерпнула другое ведро; перекинув через плечо коромысло, легкой раскачкой пошла на гору. Григорий тронул коня следом. Ветер трепал на Аксинье юбку, перебирал на смуглой шее мелкие пушистые завитки. На тяжелом узле волос пламенела расшитая цветным шелком шлычка, розовая рубаха, заправленная в юбку, не морщинясь, охватывала крутую спину и налитые плечи. Поднимаясь в гору, Аксинья клонилась вперед, ясно вылегала под рубахой продольная ложбинка на спине. Григорий видел бурые круги слинявшей под мышками от пота рубахи, провожал глазами каждое движение. Ему хотелось снова заговорить с ней...» [1, с. 36]. Эта неконтролируемая страсть становится для Григория одновременно и благословением, и проклятием.

Психологическая глубина конфликта заключается в том, что ни один из выборов не приносит герою облегчения:

1. Брак с Натальей, внешне соответствующий традициям, становится для него духовной тюрьмой.

2. Связь с Аксиньей, дарующая подлинное чувство, разрушает его социальные связи и репутацию.

Интересно, что сам Шолохов избегает однозначных оценок в трактовке образов, предоставляя читателю возможность самому решать, кто в этой ситуации прав. В отличие от традиционной литературы, где «любовный треугольник» часто имел четкое моральное решение, в «Тихом Доне» все участники драмы вызывают и сочувствие, и понимание.

МГГУ им. И.П. Шамякина

Если любовный конфликт раскрывает личную драму Григория, то его метания между красными и белыми в Гражданской войне поднимают проблему коллективной идентичности. Казачество исторически находилось в особых отношениях с российской государственностью, сочетая верность престолу с любовью к вольности. Революция 1917 года поставила перед казаками неразрешимый вопрос: как сохранить свои традиции в условиях полного разрушения старого мира?

Григорий становится живым воплощением этой дилеммы. Его путь от георгиевского кавалера в царской армии до командира повстанческой дивизии, а затем и до красного кавалериста – это не просто смена политических убеждений, а мучительные поиски правды. Шолохов показывает, что герой в каждом лагере чувствует себя чужим: «Они воюют, чтобы им лучше жить, а мы за свою хорошую жизнь воевали, – все о том же думал Григорий под равномерный качкий ступ быков, полулежа в санях, кутая зипуном голову. – Одной правды нету в жизни. Видно, кто кого одолеет, тот того и сожрет… А я дурную правду искал. Душой болел, туда-сюда качался…» [2, с. 165].

Эта экзистенциальная потеря ориентиров особенно ярко проявляется в эпизодах, когда Григорий, уже служа у красных, не может смириться с их жестокостью к пленным казакам, а перейдя к белым, видит их беспринципность и корыстолюбие.

Особую остроту нравственным терзаниям Григория придает его конфликт с отцом, Пантелеем Прокофьевичем. Этот персонаж воплощает патриархальные казачьи ценности в их наиболее консервативном виде. Для него сын – прежде всего продолжатель рода, обязанность которого беспрекословно следовать семейным традициям.

Шолохов мастерски показывает, как этот конфликт поколений усугубляется революционными событиями. Если в начале романа противоречия между отцом и сыном касаются в основном личных вопросов (брак, поведение), то с началом Гражданской войны они приобретают идеологический характер. Пантелей Прокофьевич не может простить Григорию его симпатий к большевикам, видя в этом предательство казачьих идеалов.

Психологически тонко автор изображает, как Григорий, несмотря на все разногласия, продолжает любить отца и тосковать по семейному теплу. В одном из ключевых эпизодов романа, когда герой после долгой разлуки возвращается домой, Шолохов пишет: «Утром на следующий день он подошел к Дону против хутора Татарского. Долго смотрел на родной двор, бледнея от радостного волнения. <...> Ниже хутора он перешел Дон по синему, изъеденному ростепелью, мартовскому льду, крупно зашагал к дому. Еще издали он увидел на спуске к пристани Мишатку и еле удержался, чтобы не побежать к нему» [3, с. 494].

Глубина шолоховского гения проявляется в том, что он не предлагает своему герою (а вместе с ним и читателю) простых решений. В отличие от многих произведений социалистического реализма, где персонажи после некоторых колебаний обретали «правильное» мировоззрение, «Тихий Дон» сохраняет трагическую амбивалентность до последней страницы.

Григорий Мелехов – это антигерой в высоком смысле этого слова. Его трагедия в том, что он слишком человечен для того времени, когда

МГПУ им. И.П. Шамякина

требовались фанатичная убежденность или циничный прагматизм. Он пытается сохранить нравственные ориентиры в мире, где мораль стала инструментом политической борьбы.

Финал романа глубоко символичен. Григорий, потерявший почти всех близких, бросает оружие в Дон – этот жест можно трактовать и как капитуляцию, и как последний свободный выбор. Он возвращается домой, но какой дом ждет его после всех потерь? Шолохов оставляет этот вопрос открытым, предлагая читателю самому искать ответы.

Таким образом, спустя почти столетие после создания, роман «Тихий Дон» остается удивительно современным произведением. В эпоху новых социальных потрясений и переоценки ценностей история Григория Мелехова приобретает особую актуальность. Она напоминает нам, что:

1. Нравственный выбор никогда не бывает простым, особенно в переломные исторические моменты.

2. Личная драма часто становится отражением коллективной трагедии.

3. Сохранение человечности в бесчеловечных условиях – это высшее проявление мужества.

Шолохов не судит своего героя, а показывает всю сложность его пути. В этом – великая мудрость и непреходящая ценность «Тихого Дона» как литературного произведения и философского исследования человеческой природы.

Список использованных источников

1. Шолохов, М. А. Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. – М. : Правда, 1980. – 1 т.
2. Шолохов, М. А. Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. – М. : Правда, 1980. – 3 т.
3. Шолохов, М. А. Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. – М. : Правда, 1980. – 4 т.

УДК 81’42

КООРДИНАТЫ ПРОКСЕМНЫХ МОДЕЛЕЙ В РОМАНЕ М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Е .А. Огнева,
профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: ogneva@bsuedu.ru

В статье представлены принципы моделирования проксемных лингвоконструктов в качестве одного из типов текстовой проекции мировидения писателя. Смоделирован комплексный проксемный лингвоконструкт из различных типов проксем: проксемы-точки в пространстве, проксемы-лингвокультуремы народного быта, проксемы-лингвокультуремы-историзма, проксемы-пейзажной единицы и векторной проксемы. Представленный лингвоконструкт демонстрирует сопряжение индивидуально-авторского идиостиля с сюжетно-тематической интенцией автора в архитектонике комплексной когнитивной доминанты «пространство» в тексте романа М. Шолохова «Тихий Дон».

Ключевые слова: художественный текст, моделирование, когнитивная доминанта, проксемные лингвоконструкты, проксема.

МГПУ им. И.П. Шамякина

COORDINATES OF THE PROXIMAL MODELS IN M. SHOLOKHOV'S NOVEL "AND QUIET FLOWS THE DON"

E. A. Ogneva,
professor, doctor of Philology, Yead of Department of Foreign Languages
of Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
E-mail: ogneva@bsuedu.ru

The article presents the principles of proxemic linguistic structures' modeling as one of the types of textual projection in writer's worldview. A complex proxemic linguistic construct is modeled from various types of proxemes, such as: proxemes-points in space, proxemes-linguoculturemes of folk life, proxemes-linguoculturemes-historicism, proxemes-landscape units and vector proxemes. The presented linguistic construct demonstrates the conjugation of an individual author's idiostyle with the author's plot-thematic intention in the architectonics of the complex cognitive dominant "space" in M. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don".

Keywords: literary text, modeling, cognitive dominant, proxemic linguistic constructs, proxeme.

Введение. Моделирование текстовых знаний является одной из актуальных проблем современной теории текста. В свете комплексного интерпретативного подхода к текстовому моделированию актуально выстраивание модели на основе текстовых координат, маркирующих аттрактивные точки функционирования текстового мира, который может быть реальным и вымышленным. Статус текстового мира предопределен статусом лежащего в его основе текста с учетом того факта, что «достоверным представляется тот текст, который воспринимается как достоверный» [1, с. 103].

Построение реального или вымышленного текстового мира как совокупности проекций различных гуманитарных знаний основано на применении «лингвистических методов в широком спектре гуманитарных наук» [2, с. 3]. Текстовые проекции гуманитарных знаний как модели, в которых синергично сопряжены разновекторные параметры, являют собой единство разнотематических многоуровневых лингвоконструктов. В свете этого текстовое миромоделирование предстает как «новый интерпретативный подход к познанию текстовых реалий» [3, с. 174] при условии рассмотрения «художественного текста как формата знания» [4].

Текстовое миромоделирование в качестве комплексного многовекторного явления опирается на «интенцию писателя и его идиостиль в сочетании с сюжетно-тематическим контуром текста в качестве информативно-модулируемой триады компонентов» [5, с. 38].

Интенция писателя темпорально обусловлена, поскольку проявляется в тот или иной момент времени в его творчестве, в то время как идиостиль представляет собой пролонгированную неоднородную информативную субстанцию, реализуемую в перечне произведений писателя. Неоднородность информативности идиостиля заключается в наличии концептов-доминант, что актуализирует тот факт, что для определения «когнитивных доминант идиостиля писателя следует выявить когнитивные доминанты его произведений» [6] при условии, что под когнитивными доминантами понимается совокупность концептов, номинативные поля которых обладают семантической плотностью.

Цели и задачи. Цель проводимого исследования заключается в формировании интерпретативной модели когнитивной доминанты «пространство» в романе

МГПУ им. И.П. Шамякина

«Тихий Дон» по смысловым координатам. Для достижения поставленной цели выполнены следующие **задачи**: 1) определение произведения, текст которого моделируется в соответствии с заданными параметрами, 2) выявление проксем, совокупность которых представляет собой сегментированную модель когнитивной доминанты «пространство» в романе «Тихий Дон», 3) интерпретация н-количества концептов в качестве сегментов модели когнитивной доминанты «пространство» в исследуемом произведении, 4) привлечение приема построения координат к интерпретации одного из концептов в составе сегментов модели когнитивной доминанты «пространство».

Методы и материал исследования. В качестве методов исследования применены следующие: лингвистический анализ, нацеленный на выявление проксем как единиц текстового проксемного пространства, семантический анализ проксем, сегментирующий текстовое пространство, лингвокогнитивный анализ, выстраиваю-щий на основе совокупности проксем номинативные поля художественных концептов, входящих в качестве текстовых проксемных сегментов в номинативное поле когнитивной доминанты «пространство». Материалом исследования послужил текст романа М. Шолохова «Тихий Дон», впервые опубликованный в 1928–1940 годах.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение когнитивной доминанты «пространство» в романе «Тихий Дон» [7] основано на результатах такого явления, как «интерпретация проксемной составляющей» [8, с. 108]. Ядром исследуемой когнитивной доминанты предстает имя собственное *Дон*, рассмотрение которого сопряжено с мнением С. Б. Кураша о том, что «канатацыйны патэнцыял уласнага імені рэалізуецца ў працэсе функцыянавання оніма» [9, с. 243] / «Коннотационный потенциал собственного имени реализуется в процессе функционирования онима».

Относительно этимологии названия реки *Дон* существует несколько гипотез, согласно которым гидроним как тип онима произошел от арийского корня с семантикой ‘река’ либо от скифо-сарматского корня с семантикой ‘река’, либо от славянского слова *Дунай*, номинирующего ‘большую воду’.

Следовательно, название рассматриваемого романа М. Шолохова номинирует пространственный параметр, координаты которого указывают на протяженность этого водного объекта.

Проведенные исследования выявили наличие значительного количества проксемных моделей в номинативных полях концептов, составляющих когнитивную доминанту «пространство». Так, текст романа начинается с проксемной модели «Мелеховский двор», которая состоит из следующих проксем:

1) проксема-точка в пространстве *«на самом краю хутора»*, обозначающая сопряжение локации целого поселения и отдельного куреня;

2) проксема-лингвокультурема народного быта «воротца со скотиньего база» соединена с координатой *«на север»* дублируется вторым номинантом *«к Дону»*, сопряженным с пейзажной моделью, состоящей из пейзажных пяти единиц: *«крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб»*, *«вот берег»*, *«перламутровая россыпь ракушек»*, *«серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки»*, *«перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона»*, в состав которых входят пять колоративов: *«прозелень», «меловой», «перламутровый», «серый», «вороненый»;*

МГПУ им. И.П. Шамякина

3) проксема-лингвокультурема-историзм *«Гетманский шлях»,* обозначающая древний торговый путь, проходивший через территорию войска Донского, как и вышеописанная проксема-лингвокультурема, сопряжена с пейзажной моделью, состоящей из трёх пейзажных единиц в состав которых входят колоративы: *«полынная проседь», «истоптанный конскими копытами бурый, живущóй придорожник», «задернутая текучим маревом степь»* и двух персонифицированных пейзажных единиц: *«за краснoталом гуменных плетней»* и *«часовенка на развилке»* – всё это обобщается координатой *«на восток»*;

4) проксема-пейзажная единицы *«меловая хребтина горы»*, в состав которой входит колоратив *«меловой»* и вертикальная пространственная ось, маркированная лексемой *«горы»*, что в совокупности сопряжено с координатой *«с юга»;*

5) векторная проксема *«улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу»*, в состав которой входит лингвокультурема-пейзажная единица «*к займищу»*, обозначающая пойменную полосу у реки, что сопряжено с координатой *«на запад»*.

Следовательно, в рассмотренной проксемной модели географические координаты, *«на юг», «на север», «на восток», «на запад»* сопряжены с описанием локации дома главного героя произведения и являются значимой отличительной чертой это модели.

В соответствии с изложенным интерпретативным подходом можно описать все проксемные модели когнитивной доминанты «пространство».

Выводы. Таким образом, моделирование текстовых проекций индивидуально-авторского идиостиля в сочетании с сюжетно-тематической интенцией автора создает комплексную когнитивную доминанту «пространство» в тексте романа «Тихий Дон», где синергично сопряжены разновекторные параметры многоуровневых лингвоконструктов.

Смоделированный в качестве примера проксемный лингвоконструкт «Мелиховский двор» предстает в качестве сопряжения пяти типов проксем: проксемы-точки в пространстве, проксемы-лингвокультуремы народного быта в синергии с пейзажной моделью, проксемы-лингвокультуремы-историзма в синергии с пейзажной моделью, проксемы-пейзажной единицы и векторной проксемы.

Смоделированный лингвоконструкт как часть модели когнитивной доминанты «пространство» также включает в свой состав номинации географических координат сторон света, что придает данной модели статус двухуровневой.

Список использованных источников

1. Кураш С. Б. Метафора и действительность: в поисках «границы текста» / С. Б. Кураш // Лексикография и коммуникация – 2022 : сборник материалов VIII Междунар. науч. конф. ; отв. ред. А. П. Седых. – Белгород, 2022. – С. 102–107.

2. Седых, А. П. Лингвистика и новейшая эпистемология / А. П. Седых // Восточнославянские языки и литературы в Европейском контексте – VII : сборник науч. ст. VII Междунар. науч. конф. – Могилев, 2022. – С. 3–6.

3. Огнева, Е. А. Проксемный код текстовых когнитивных аттракторов / Е. А. Огнева // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2025. – № 50. – С. 174–178.

4. Baghana J., Buzina E.I., Glamazda S.N., Khvesko T.V., Lazareva O.P. Literary text as knowledge format // Journal of Research in Applied Linguistics. – 2019. – Т. 10. – № S. – P. 1186–1196.

МГПУ им. И.П. Шамякина

5. Огнева, Е. А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства / Е. А. Огнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 37–49.
6. Даниленко, И. А. Выявление концептов-доминант в художественном тексте / И. А. Даниленко // Вестник Мос. гос. обл. ун-та. – 2022. – № 3. – URL: www.evestnik-mgou.ru.
7. Шолохов, М. Тихий Дон. Роман в 4 кн. / [Вступ. статья Б. Емельянова] / М. Шолохов. – М. : Худож. лит., 1968.
8. Тугуз, Т. Р. Особенности функционирования глаголов движения в фоновом терминале когнитивной сцены (на материале произведений Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге») / Т. Р. Тугуз // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 106–113.
9. Кураш, С. Б. Анамастычны канцэпт “Палессе” ў беларускай лінгвакультуры / С. Б. Кураш, Г. В. Юдзянкова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник науч. ст. ; сост.: А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им.П. М. Машерова, 2018. – С. 243–246.

К 85-летию со дня рождения
Иосифа Александровича Бродского

УДК 821.161.1-1

ОБРАЗЫ СТИХИИ ОГНЯ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Т. Н. Крученкова,
заведующий кафедрой иностранных языков
Витебской государственной академии ветеринарной медицины,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: tatyanakruchenkova@yandex.by

В статье анализируются интертекстуальность образов стихии огня в поэтическом наследии И. Бродского. Актуальность данного исследования заключается в новизне изучения специфики образов огня как языковых и культурных знаков, включающих общие социокультурные стереотипы и индивидуальные ассоциации поэта-постмодерниста. Целью исследовательского поиска является интерпретация и осмысление самобытности поэтических образов с компонентом «огонь» в постмодернистской лирике. Делается вывод о том, что в поэзии исследуемого периода чаще всего образы огня – это почти всегда символы или метафоры, которые возникают при описании чувств и качеств человека. Образы огня в поэтических текстах в простмодернистском дискурсе характеризуются исповедальностью и иронией поэта, а также поликодовостью символики.

Ключевые слова: образы огня, поэзия, постмодернизм, контекст, интертекст, метафора.

IMAGES OF THE ELEMENT OF FIRE IN THE POETRY OF I. BRODSKY

T. N. Kruchenkova,
Head of the Department of Foreign Languages
of Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: tatyanakruchenkova@yandex.by

The article analyzes the intertextuality of images of the element of fire in the poetic heritage of I. Brodsky. The relevance of this study is in the novelty of studying the specifics of fire images as linguistic and cultural signs, including widespread socio-cultural stereotypes and individual associations of the postmodern poet. The purpose of the study is to interpret and comprehend the uniqueness of poetic images with a "fiery" component in postmodern lyrics. It is concluded that in the poetry of the period under study, most often images of fire are almost always symbols or metaphors that arise when describing human feelings and qualities. The images of fire in poetic texts in postmodern discourse are characterized by the poet's confessional and irony, as well as the polycode symbolism.

Keywords: images of fire, poetry, postmodernism, context, intertext, metaphor.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Введение. В современном языкознании растет интерес к тем компонентам лексической системы, которые отражают индивидуальность и отличительную особенность творчества отдельно взятого автора. В лингвистических исследованиях изучение общепризнанных универсалий, таких как вода, огонь, земля и др., основывается на выявлении их общих свойств, получающих эквивалентную интерпретацию в поэтических текстах.

Цели и задачи. Цель данного исследования – показать специфику постмодернистской поэзии через особенности использования образов огня в поэтических текстах И. Бродского.

Методы и материалы исследования. Применялись методы композиционного и мотивного анализа, метод интертекстуального анализа, сравнения.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются образы огня в поэтических текстах постмодернистского периода. Эти образы были созданы автором под влиянием великой эпохи. Они были созданы благодаря бесконечному таланту и жизненному опыту поэта. Несмотря на универсальный характер огненной стихии, ее национально маркированные образы отражают специфическое восприятие и понимание огня, оценку различных свойств, воздействия на человека, природу, предметы, традиций использования огня в русской лингвокультуре.

Лирика И. Бродского зачастую насыщена интертекстуальными отсылками как лирического сюжета, так и конкретных образов с компонентом «огонь». Ярким примером является стихотворение «Горение». Оно было написано поэтом в 1981 году и посвящено Марианне Басмановой. Тема огня главная в данном поэтическом тексте. Именно в пламени прослеживается женский образ возлюбленной поэта. Огонь, который традиционно считается мужской стихией, помогает поэту воссоздать женский образ. Г. Башляр писал: «огонь представляется одной из наиболее таинственных, трудноопределимых, а значит, самых удивительных ценностей» [1]. В стихотворении «Горение» Бродский делится своими воспомина-ниями, вызванными созерцанием огня:

Я всматриваюсь в огонь.
На языке огня
раздается «не тронь»
и вспыхивает «меня!»

Поэтический текст усложняется смысловыми включениями из личной биографии автора, а также интертекстами и мифологемами, связанными с символикой огня. В пламени появляется женский образ:

Зимний вечер. Дрова
охваченные огнем –
как женская голова
ветреным ясным днем…

Строки стихотворения пронизаны переживаниями автора, воспоминаниями о былой любви. «Горение относится к **позднему этапу** лирики поэта, когда после ссылки в эмиграции усиливается тема одиночества и безысходности бытия, звучат философские и религиозные мотивы. Один из главных лейтмотивов творчества Бродского – одиночество лирического героя. Стихия огня не только воссоздает женский образ, но и является невидимой, воображаемой связью поэта с возлюбленной.

В другом стихотворении «Моя свеча, бросая тусклый свет» образы огня, свечи, света выражают моральные и этические ценности поэта. Лейтмотивом

МГПУ им. И.П. Шамякина

выступает также любовь к единственной женщине и надежда на спасение и лучшую жизнь:

Моя свеча, бросая тусклый свет,
в твой новый мир осветит бездорожье.

Стихотворение звучит трогательно и нежно, пронизано теплотой души поэта:

А тень моя, перекрывая след,
там, за спиной, уходит в царство Божье.
И где б ни лег твой путь: в лесах, меж туч
– везде живой огонь тебя окликнет.
Чем дальше ты уйдешь – тем дальше луч,
тем дальше луч и тень твоя проникнет!

В стихотворении «Я начинаю год, и рвет огонь…» образ огня содержит в себе футуристические элементы с классическими отсылками, отражая уникальный стиль Бродского:

Ах, Аполлон, тебе не чужд словарь
аргосский и кудрявый календарь,
так причеши мой пенный след трезубцем!
Я начинаю год, и рвет огонь
на пустыре иссохшей елки остов –
обглоданного окуня скелет!

В произведении прослеживается тема начала нового года, который символизирует надежду и обновление. Мифологические образы олицетворяют стремления и амбиции автора, отражают внутреннюю свободу поэта и его переживания. Огонь, являясь связующим звеном между зимним унынием и весенним обновлением природы, создает контраст с душевным состоянием лирического героя.

Интересны образы огня и его дериваты *(у твоего костра; бешеный рев огня; сожги, как мост)* в стихотворении «Прощай»:

Прощай,
позабудь
и не обессудь.
А письма сожги, как мост.

В поэтическом тексте прослеживается славянская свадебная традиция перехода мостов и военный обычай при наступлении войск не сжигать за собой мосты, чтобы оставить путь для отступления. Выражение *сжигать мосты* буквально означает «принятие ответственного решения, отказ от обратного пути» [2]. Оно появилось, благодаря английской пословице *burn one's bridges* (*сжигать мосты*). В данном контексте сравнение писем с мостом очень символично, может интерпретироваться как прощание лирического героя с дорогим человеком навсегда. После эмиграции особенное место в творчестве И. Бродского занимают произведения о путешествиях, связанные с чувствами и впечатлениями автора. Стихотворение «Прощай», возможно, было посвящено близкому другу, с которым поэту пришлось по каким-то причинам расстаться. Строки поэтического текста пронизаны печалью, грустью автора, в то же время, возможно сам Бродский стал инициатором их расставания:

МГПУ им. И.П. Шамякина

Да будут метели,
снега, дожди
и бешеный рёв огня,
да будет удач у тебя впереди
больше, чем у меня.

Отдельные короткие строки произведения подчеркивают, что лирическому герою расставание далось с большим трудом, что подтверждается также многократным употреблением анафоры «да будет».

«Автор с помощью языковых знаков создает многомерные художественные миры, художественные образы», пишет исследователь В. А. Маслова [3]. Образы огня, представленные в поэтическом тексте, выражают общечеловеческие понятия о любви, красоте, добре, смерти, страхе и др. Поэтому читателю так близки переживания и чувства лирического героя, в котором каждый читающий может узнать себя.

Основными темами в лирике Бродского являются вечные вопросы жизни и смерти, человеческой сущности, тема языка и творчества, времени и пространства, религии и человека. В стихотворении «Топилась печь» олицетворение с образом огня передает грусть, чувство безысходности лирического героя перед окружающей его действительностью:

Топилась печь.
Огонь дрожал во тьме.
Древесные угли чуть-чуть искрились.
Но мысли о зиме, о всей зиме,
каким-то странным образом роились.

Многие известные литературоведы отмечают тему преемственности поэзии Бродского по отношению к поэзии А. Ахматовой. Например, литературовед Томас Венцлова писал: «Внимательное исследование наверняка обнаружит многие ссылки на Ахматову и переклички с ней во всем творчестве Бродского» [4]. У Ахматовой есть строки:

И в доме не совсем благополучно:
Огонь зажгут, а все-таки темно…

Оба автора используют образы огня для описания душевного состояния человека, трагизма происходящего, безысходности. Ахматова, как и Бродский, пишет о *дрожащих огнях*, вкладывая в этот образ свои переживания, чувство неуверенности в завтрашнем дне:

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.

Поэтические образы связывает не сходство словесных форм, а одна духовность. И. Бродский писал: «Когда физически ощущаешь, что имеешь дело с человеком лучшим, нежели ты. Гораздо лучшим. С человеком, который **одной интонацией своей тебя преображает»** [5]. Читатель ощущает схожесть внутреннего состояния души авторов в отношениях к поэзии, к жизни и смерти, к Родине.

Этот же ахматовский лейтмотив безысходности и отчаяния встречается у Бродского в «Топилась печь»:

Луна горит, как весь огонь в печи,
и жжёт стволы. Но только нет в ней шума.

МГПУ им. И.П. Шамякина

В лирике Бродского тема античности имеет большое значение. Поэт вдохновлялся библейскими сюжетами, которые нашли свое отражение в его поэзии. В стихотворении «Развивая Платона» образ огня в очаге, камине в сочетании с глагольными формами будущего времени продолжает тему одиночества лирического героя, отсутствие надежд на лучшее и даже, в какой-то степени, отчаяния и бессилия поэта перед жизненными обстоятельствами:

Я внимал бы ровному голосу, повествующему о вещах,
не имеющих отношенья к ужину при свечах,
и огонь в камельке, Фортунатус, бросал бы багровый отблеск
на зеленое платье. Но под конец зачах.

Отражена в творчестве Бродского и тема поэзии и поэта. Например, в стихотворении «На смерть Роберта Фроста»:

Значит, и ты уснул.
Должно быть, летя к ручью,
ветер здесь промелькнул,
задув и твою свечу.

Невидимый образ огня, воплощенный в пламени свечи, которое погасло, олицетворяет окончание чего- либо – жизни, творчества, надежд.

В имперской теме, в поэзии разных периодов, у Бродского также встречаются образы огня. В стихотворении «На смерть Жукова» есть такие строки:

Вижу в регалиях убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Это стихотворение было написано, в период, когда поэта выслали из страны. Бродский прощается с великой эпохой, которую олицетворял маршал Жуков. Поэт сравнивает Жукова с полководцем византийской империи Велизарием. Бродский использует образ огня, пламени, называя маршала эпитетом *пламенный*, что может означать, горячий, вспыльчивый, резкий. Также сочетание *пламенный Жуков* можно интерпретировать как связь с эпохой советских кумачовых знамен.

Выводы. Образ является определяющим признаком не только словесного, но и любого другого искусства. Образы, будучи неоднозначными и многогранным явлениями, не имеют какого-то точного, всеми принятого толкования. Художественный образ большинство исследователей-литературоведов считают отражением действительности в конкретном, индивидуальном явлении, которое обладает эстетическим значением. Объективное отражение действительности через художественный образ отражает субъективную позицию автора. Многие исследователи считают, что художественные образы и образность произведений в целом создается благодаря лингвостилистическим средствам и приемам построения текста. Советский литературовед Виктор Борисович Шкловский утверждал, что «образ поэтический – это один из способов создания наибольшего впечатления» [6]. По словам исследователя, поэтические образы выражаются различными тропами.

Известный языковед А. М. Пешковский утверждал, что поэтический образ выражается не только тропами и фигурами. «Образ в слове и образ посредством слов», такую точку зрения высказывал В. В. Виноградов в вопросе об образе и образности в произведении [7]. Поэт-постмодернист И. Бродский по праву считается мастером поэтического слова. Используя тропы и фигуры речи

МГПУ им. И.П. Шамякина

с компонентом «огонь» в поэтических текстах, поэт создал яркие, впечатляющие образы простыми словами.

Можно сделать вывод, что в поэзии исследуемого периода чаще всего образы огня – это почти всегда символы или метафоры, которые возникают при описании чувств и качеств человека. Образы огня в поэтических текстах в простмодернистском дискурсе отличаются исповедальностью и иронией поэта, а также поликодовостью символики.

Список использованных источников

1. Башляр, Г. Земля и грезы о покое / Г. Башляр ; пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М. : Изд-во гуманной литературы, 2001. – 320 с.

2. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка : в 4 т. / А. П. Евгеньева ; Ин-т. рус. яз. АН СССР. – М. : Рус. яз., 1999.

3. Маслова, В. А. Актуальные проблемы анализа художественного текста / В. А. Маслова // Актуальные вопросы педагогического образования : монография. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2024. – С. 4–23.

4. Венцлова, Т. Статьи о Бродском / Т. Венцлова. – М. : Baltrus; Новое изд-во, 2005. – 176 с.

5. Волков, С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – М. : Эксмо, 2002. – С. 295–296.

6. Шкловский, В. Б. Самое шкловское / В. Б. Шкловский ; сост. А. Берлина. – М. : Изд-во АСТ, 2017. – 565 с.

7. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи / В. В. Виноградов. – М. : Поэтика, 1963. – 94 с.

УДК 821.161–1.09+929 Бродский

РОЛЬ КОНЦЕПТОВ В МОДЕЛИРОВАНИИ ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНОЙ И ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО)

Т. А. Пономарева,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
Луганского государственного педагогического университета,
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
E-mail: tanya_p-05@mail.ru

В статье изучается функционирование слов-концептов в оригинальной и переводной поэзии И. Бродского. С применением описательного метода, методов критического анализа и концептуального анализа описывается роль концепта «небо» в моделировании лирического сюжета, анализируются идиостилевые особенности вербализации этого концепта в концептосфере И. Бродского. Поэзия рассматривается как один из способов познания, а сам лирический текст – как результат когнитивной деятельности поэта. С опорой на работы Л. Н. Синельниковой, утверждается, что типологическим признаком лирического жанра является трансцендентность – способность совмещения реального и идеального, физического и надфизического. Такая связь между материальным и духовным в лирическом сюжете может осуществляться через слова-концепты. Делается вывод о том, что концепты (в частности, концепт «небо») как одна из ярких черт идиостиля Иосифа Бродского активно включаются и в его переводы, выполняя при этом высокое назначение объединять художественные миры поэта – автора оригинала и поэта-переводчика.

Ключевые слова: лирический сюжет, трансцендентность, концепт, концепт «небо», поэтический перевод.

МГПУ им. И. П. Шамякина

THE ROLE OF CONCEPTS IN MODELING LYRICAL SCENE (ON MATERIALS OF ORIGINAL AND TRANSLATED POISON OF JOSEPH BRODSKY)

T. A. Ponomareva,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department
of Russian Linguistics and Communicative Technologies
Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Russian Federation
E-mail: tanya_p-05@mail.ru

The article studies the functioning of word-concepts in the original and translated poetry of J. Brodsky. Using the descriptive method, methods of critical analysis and conceptual analysis the role of the concept «sky» in modeling the lyrical plot is described, idiostyle features of verbalization of this concept in the conceptosphere of J. Brodsky are analyzed. Poetry is considered as one of the ways of cognition, and the lyrical text itself is considered as a result of the poet's cognitive activity. Based on the works of L. N. Sinelnikova, it is argued that the typological feature of the lyric genre is transcendence – the ability to combine the real and the ideal, the physical and the supra-physical. Such a connection between the material and spiritual in a lyrical plot can be realized through words-concepts. It is concluded that concepts (in particular, the concept "sky") as one of the brightest features of Joseph Brodsky's idiostyle are actively included in his translations, fulfilling the high purpose of uniting the artistic worlds of the poet – the original author and the poet-translator.

Keywords: lyrical plot, transcendence, concept, concept "sky", poetic translation.

Введение. Особенности поэтики Иосифа Бродского продолжают привлекать внимание лингвистов и литературоведов. Разные стороны творчества И. Бродского описаны в работах таких ученых, как Д. Ахапкин, Я. Гордин, А. Жолковский, В. Куллэ, Л. Лосев, А. Найман, В. Полухина, А. Ранчин, С. Яржембовский и др. Тем не менее, некоторые аспекты поэтики И. Бродского требуют дальнейшего изучения. К ним, на наш взгляд, можно отнести особенности вербализации некоторых концептов, которые составляют его концептосферу и проявляются и в оригинальной, и в переводной поэзии. Этим фактом обусловлена актуальность и научная новизна данного исследования.

Цель и задачи. Цель данной статьи – проанализировать роль концептов, в частности, концепта «небо», в моделировании лирического сюжета оригинальных и переводных произведений И. Бродского. Для достижения данной цели потребовалась реализация следующих задач: изучение теоретических подходов к пониманию концепта; описание типологических признаков поэтического текста; анализ особенностей вербализации концепта в оригинальной и переводной поэзии И. Бродского.

Методы и материал исследования. Материалом исследования стали оригинальные и переводные стихотворения Иосифа Бродского, а также тексты его интервью. Переводные произведения И. Бродского понимаются как отображение его художественной картины мира, поскольку в них четко прослеживаются особенности его концептосферы, его мировоззрение и идиостиль.

Цель и задачи исследования обусловливают использование следующих методов: метод критического анализа, описательный метод, концептуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. «Поэзия – это не просто искусство в ряду других искусств, это нечто большее» [2, с. 108], – сказал в одном из своих интервью

МГПУ им. И.Г. Шамякина

Иосиф Бродский – Нобелевский лауреат, поэт, переводчик, эссеист, драматург. «Если главным отличием человека от других представителей животного царства является речь, то поэзия, будучи наивысшей формой словесности, представляет собой нашу видовую, антропологическую цель» [там же].

Лирика действительно является совершенно особым жанром. Прежде всего, стихотворение – это один из способов познания, способ специфический, уникальный и динамический. Важным свойством лирики как жанра, по мнению Л. Н. Синельниковой, является трансцендентность – способность совмещения материального и идеального, земного и космического [9]. Обратимся к ещё одной цитате из интервью с И. Бродским: «Поэзия – это перевод, перевод метафизических истин на земной язык» [2, с. 45]. Лирический смысл всегда шире, объёмнее того, что сказано словами. Каждое слово, кроме своей обычной, бытийной семантики, имеет ещё и другие смыслы.

«Связь между материальным и духовным в лирическом сюжете может осуществляться через слова-концепты, являющиеся носителями культурных смыслов» [10, с. 185]. Понятие концепта фигурирует в исследованиях лингвокультурологов, когнитивистов, философов, психологов; она несёт на себе следы всех этих интерпретаций. Е. С. Кубрякова, представитель когнитивного направления, предлагает такое определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [8, с. 9]. В рамках лингвокультурологического подхода Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [12, с. 42]. В. И. Карасик под концептами понимает «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [4, с. 24].

Лирический жанр стремится освоить мир в его глубинных ценностных характеристиках, раздвинуть пространство восприятия мира, сформировать сознание, способное воспринять всеобщую связь явлений и событий. Поэтому именно этот жанр более других расположен к использованию слов-концептов, обозначающих разные грани человеческого бытия: верх–низ, небо–земля, день–ночь, жизнь–смерть, бытие–небытие, вода–огонь, мужской–женский и др.

В условиях художественного текста концепт, который фиксирует определённый уровень знания, можно рассматривать как концентрацию, «сжатие смыслового кода: в одном слове может быть заключено объёмное идеальное содержание, обобщённое представление о духовных ценностях. Концепт в лирическом сюжете – это средство формирования отношений между разными ипостасями бытия, способ прикоснуться к трансцендентному смыслу» [9, с. 100].

Одним из важнейших общепоэтических концептов является концепт «небо». Этот концепт в лирике сохранил наиболее существенные компоненты мифологической семантики: небо – это вместилище духовности, активная творческая сила, «дом» всего мира [5, с. 666]. В мифологии небо – обитель не только богов, но и душ праведных. «Семантический комплекс концепта «небо» в мифологической трактовке – верх – благо – власть – вечность…» [5, с. 667]. Небо – это «воздушное пространство высоко над землёй или представляющийся

МГПУ им. И.П. Шамякина

глазу купол, который как бы ограничивает это пространство, накрывая землю, и зрительно воспринимается как местоположение светил, выше которого ничего нет» [6, с. 625].

Верх и низ в мифологической модели мира – одно из основных противопоставлений (наряду с правым и левым, мужским и женским, днём и ночью, добром и злом и т. д.), соотносящееся с основными элементами (стихиями) мироздания. Оппозиция земля–небо (верх–низ) – «вечное движение человеческого взгляда, рождающее мысли о вечном» [9, с. 101]. Небо – нечто возвышенное, идеальное; «рваться в высь означает испытывать духовное томление, духовный порыв, так как «всё становящееся, растущее, тянущееся вверх сильнее того, что отвердело, окаменело, застыло» [1, с. 152]. <…> В аксиологическом плане небо если не сама истина, то приближение к ней, так как этот концепт – воплощение абсолютной духовности» [9, с. 101]. Именно поэтому поэты идут «в тот же бесконечный путь вверх от бездушья и злобы дня» [11, с. 322], используя для формирования своего лирического сюжета этот концепт. Необходимо отметить, что концепт неба многолик, и поэты, обращающиеся к нему, имеют «своё» небо.

Не является исключением и Иосиф Бродский, в поэтическом творчестве которого важное место занимает данный концепт.

Талант Бродского многогранен: поэзия, драматургия, эссеистика. Неотъемлемой составляющей всего его поэтического творчества являются переводы, в которых так же, как и в оригинальных произведениях проявляется метафизика поэта, черты его идиостиля, его мироощущение и мировидение. На наш взгляд, можно согласиться с мыслью Я. Гордина о том, что «поэты такой яростно интенсивной индивидуальности не могут создавать переводы в точном смысле слова. <…> Мир переводов Бродского – в главных своих образцах – не просто плотно сопределён миру его поэзии, но является его органичной частью» [3, с. 6].

При всём многообразии взглядов на проблемы перевода, переводимости (это особенно актуально, если речь идёт о переводе поэтического текста), роли индивидуальности переводчика нельзя не согласиться с тем, что перевод – это своеобразное «прочтение» одним поэтом произведений другого поэта и совмещение в нём двух художественных миров.

Таким образом, и в оригинальных, и в переводных произведениях Бродского можно выявить характерные особенности его поэтики, одной из которых является концепт «небо».

Небо (чаще – небеса) Бродского – высшая идеальная субстанция, связанная с духовным совершенством. Не только человек, живущий на земле, но и силы природы стремятся вознестись в небесную лазурь. А иначе – холод и смерть:

Ветер оставил лес
и взлетел до небес,
оттолкнув облака
в белизну потолка.
И, как смерть холодна,
роща стоит одна,
без стремленья вослед,
без особых примет

(«Ветер оставил лес…»).

МГПУ им. И.П. Шамякина

Движение в мировосприятии по вертикали – чем выше, тем лучше – одна из главных черт поэтики Бродского. Если сначала это было упоение взлётом, то в «одном из лучших и самых страшных его стихотворений» (Я. Гордин) [7, с. 63] «Осенний крик ястреба» это осознано как стремление к самоуничтожению.

На воздушном потоке распластанный, одинок…

<…>

…Выше
лучших помыслов прихожан
он парит в голубом океане, сомкнувши клюв…

<…>

Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше…

<…>

Эк куда меня занесло!
Он чувствует смешанную с тревогой
гордость.

Стремление вверх, в небосвод («в бесцветную ледяную гладь») приносит смерть. Но, тем не менее, это стремление в высоту, к чему-то неизведанному и прекрасному.

Небо Бродского многолико и многогранно. «Ощущение неба как высшей идеальной субстанции создаёт объемный концептуальный фон: небо рыдает, потрясает, вызывает восторг, печаль, боль, принимает на себя грехи людские, оно открыто для всего, безмерно. …Небо каждый раз способно приобретать новый лик, получать новое предназначение, сополагаясь с пёстрым многообразием мира» [9, с. 103]. Концепт неба включает в себя и сему «смерть». Небо возвышенно и величественно, человек, живя на земле, стремится к нему. Но ведь с достижением небес теряется земная ипостась человека, физическая оболочка утрачивается. Остаётся душа:

Листьев задумчивый лепет,
а он лежит не дыша.
Видишь облако в небе,
это его душа.

(«Диалог»).

Облака, как и другие слова астральной группы (звёзды, солнце), входят в поле концепта «небо»:

Проплывают облака, это жизнь проплывает, проходит,
привыкай, привыкай, это смерть мы в себе несём,
среди чёрных ветвей облака с голосами, с любовью…

(«Проплывают облака»).

В переводных поэтических произведениях И. Бродского также встречается концепт «небо». И здесь небо также многолико и переменчиво. Прежде всего, это «возвышенный порыв» человеческой души:

Небо спускается вниз кругами,
словно закручивается руками
в твёрдую землю – винт огромный

(Перевод стихотворения В. Завады «Дорога пешком»).

МГПУ им. И.П. Шамякина

«Винт огромный» – винтообразное движение, перемещение в пространстве по спирали – важнейший элемент метафизики Бродского, отражающийся и в оригинальных, и в переводных произведениях.

Человек, пребывая на земле, стремится постигнуть непостижимое, прикоснуться к тайнам природы:

Достаточно взглянуть в полночный час
на лунный диск в просторах небосвода,
на дерево, на листья огорода,
чтобы понять, на чём стоит природа,
и то, чего природа ждёт от нас

(Перевод стихотворения Э. Флорита «Уверенность»).

Но, живя на земле, человек способен «заземлить сердце», «заселить» поэзией сердце. И такое «опускание» поэзии на землю отнюдь не принижает эту самую поэзию. Земля, «приняв» возвышенность поэтического слова, сама становится возвышеннее.

Теряю небо, землю возлюбив,
не дорастая до себя, смиряю
любой, чуть-чуть возвышенный порыв
и собственное сердце заземляю.
Земля кричит, глаза свои закрыв,
и небосвод я из виду теряю.
И, телом своим землю заселив,
Поэзией я землю заселяю

(Перевод стихотворения А. Аймерич «Пишу на земле»).

С противопоставлением неба и земли в мифологической картине мира тесно связано противопоставление света и тьмы, жизни и смерти. Метафизика Бродского строится на подобных антиномиях. На оппозициях жизнь / смерть – верх / низ построено стихотворение «Барочный фонтан в стене на Вилла-Скьяра» (перевод стихотворения американского поэта Р. Уилбера):

…там главный столб водяной
Рвётся к небу, пока,
Успокоенный фактом движения ввысь,
Сам не склонит чело.
Это – тяжесть, рождённая, чтоб вознестись
К небесам, где светло
Преломиться, слепя
Глаз, и вниз шелковистой скользнуть бахромой,
Продолжая себя
И в камнях аплодируя щедро себе же самой.

Актуализирование семы «смерть» в концепте «небо» (и слов, входящих в его семантическое поле), связь этого концепта с переходом человека в иное существование – лейтмотив стихотворения «Часы останови, забудь про телефон…» (перевод стихотворения английского поэта У. Одена):

Созвездья погаси и больше не смотри
Вверх. Упакуй луну и солнце разбери,
Слей в чашку океан, лес чисто подмети.
Отныне ничего в них больше не найти.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Выводы. Итак, слова-концепты в моделировании лирического сюжета обладают большими потенциями. Обращение поэта к концептам – это стремление соприкоснуться с носителями неких идеальных сущностей, передать чувство «потустороннего», «нездешнего» и, с другой стороны, то сенсорно-эмпирическое знание, которое вбирает в себя концепт. Таким образом через концепты реализуется одно из важнейших когнитивных свойств лирики – трансцендентность.

Слова-концепты (в частности, концепт «небо») как одна из ярких черт идиостиля Иосифа Бродского активно включаются в его переводы, выполняя при этом высокое назначение объединять художественные миры поэтов: поэта – автора оригинала и поэта-переводчика.

Список использованных источников

1. Богат, Е. Мир Леонардо: Философский очерк в 2-х книгах / Е. Богат. – М. : Детская лит-ра, 1989. – 428 с.
2. Бродский, И. Большая книга интервью / И. Бродский. – М. : Захаров, 2000. – 704 с.
3. Гордин, Я. «Наше дело – почти антропологическое» / Я. Гордин // Бродский И. В ожидании варваров. Мировая поэзия в переводах. – СПб. : «Журнал "Звезда"», 2001. – 288 с.
4. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
5. Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. – М. ; Вена : Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
7. Полухина, В. Бродский глазами современников: сб.-к интервью / В. Полухина. – СПб. : «Журнал "Звезда"», 1997. – 336 с.
8. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 314 с.
9. Синельникова, Л. Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках : монография / Л. Н. Синельникова. – Луганск : Знание, 1993. – 188 с.
10. Синельникова, Л. Н. Концепт «неба» в лирике (типология, традиции, идиостиль): историческое и вневременное / Л. Н. Синельникова, Л. В. Черниенко // Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск : Знание, 2005. – Т. 1. Лингвистическая поэтика. – 432 с. – С. 185–188.
11. Соловьёв, В. Общий смысл искусства / В. Соловьёв // Философия искусства и литературная критика. – М. : Искусство, 1991. – 702 с.
12. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.

К 230-летию со дня рождения
Александра Сергеевича Грибоедова

УДК 82-225

А. С. ГРИБОЕДОВ КАК ПАРОДИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

В. В. Кузьмич,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры психологии и социальной педагогики Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: wowenciykuzmitch@yandex.by

Статья рассматривает личность и творчество А. С. Грибоедова через призму пародии. Анализируются способы репрезентации пародической личности писателя как адресата эпиграмм и пародий, как продуцента эпиграмм и пародий, как концепт пародии.

Ключевые слова: пародия, травестийный текст, пародическая личность, эпиграмма, концепт пародии.

МГПУ им. И.П. Шамякина

A. S. GRIBOYEDOV AS A PARODY PERSONALITY

V. V. Kuzmich,
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Departments of Psychology and Social Pedagogy,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: wowenciykuzmitch@yandex.by

The article examines the personality and creativity of A. S. Griboyedov through the prism of parody. The article analyzes the ways of representing the parodic personality of the writer as the addressee of epigrams and parodies, as the producer of epigrams and parodies, as the concept of parody.

Keywords: parody, travesty text, parodic personality, epigram, parody concept.

Введение. В 2025 году исполняется 230 лет со дня рождения классика русской литературы А. С. Грибоедова.

Еще А. Н. Тынянов ввел понятие «пародической личности». Пародическая личность – это своеобразный «двойник» пародируемого автора, «при этом живая личность литератора, живой литератор либо деформируется слегка, либо искажается до полного несходства» [5, с. 302]. Тексты пародий (и не только пародий, но и эпиграмм, писем и т. д.) циклизуются вокруг пародической личности, и только пародийный цикл (необязательно большой) демонстрирует различные ее грани [5, с. 303].

Грибоедов, безусловно, относится к пародическим языковым личностям. Мы рассматриваем три способа репрезентации пародической личности Грибоедова: 1. Грибоедов – объект пародирования; 2. Грибоедов – источник прецедентных текстов. 3. Грибоедов – концепт пародии.

Методы и методология исследования. Основным методом, который мы использовали, был метод направленных ассоциаций при анализе аллюзий и реминисценций. При адекватном декодировании аллюзий реципиент должен воспроизвести нужную ассоциацию. К таким ассоциациям можно отнести имена собственные, названия литературных текстов, топонимы и т. д.

Результаты исследования и их обсуждение.

Грибоедов-адресат пародий и эпиграмм. Основными гонителями А.С. Грибоедова на литературном поприще были его бывшие одноклассники М. Дмитриев и А. Писарев. В эпиграммах на Грибоедова он обозначен как «Грибус». Все эпиграммы можно разбить на две группы:

1) Переход на личности с упоминанием реальных или мнимых физических и психологических недостатков: очки, отвратная рожа, глаза полны змеиным ядом и т. д. Грибоедова прямо сравнивают с Мефистофелем:

Как он на демона похож!
Глаза, черты лица, в точь Фаустов учитель!
Одно лишь обнаружит ложь:
В стихах-то он не соблазнитель.

Гримасу сделала природа
И Грибус выступил в свой жизненный поход;
Она работала морального урода
И вместе вылился физический урод.

(А. Писарев)

МГПУ им. И.П. Шамякина

Лицо – есть зеркало души!
И, видя Грибуса с его отвратной рожей,
Все верно повторяют тоже:
Лицо есть зеркало души!

(А. Писарев)

Глаза у многих змей полны смертельным ядом,
И видно для того придуманы очки.
Чтоб Грибус, созданный рассудку вопреки,
Не отравил кого своим змеиным взглядом.

(А. Писарев)

2. Резко отрицательное отношение к литературному творчеству А. С. Грибоедова:

Михайло Дмитриев рецензию скропал,
В которой ясно доказал,
Что «Горе от ума» не рецензента горе.
В нем страстная к учению охота,
От схоластических избавившись ходуль,
Он в Шеллинге открыл, что бог есть нуль,
А Грибоедов что-то!

(М. Дмитриев)

В комедии своей, умершей до рожденья,
Воспел он горе тех, кто чересчур умен,
А сам доказывает он
От глупости мученье.

(А. Писарев)

Одна комедия забыта,
Другой еще не знает свет;
Чем ты гордишься, мой поэт?
Так силой хвастает бессильный волокита.

(М. Дмитриев)

Как видно из приведенных примеров, Грибоедов предстает в эпиграммах как внешне непривлекательный человек и даже урод. Однако значительно обиднее для Грибоедова была оценка его литературных достижений. Уже и современникам Грибоедова было понятно, что комедия «Горе от ума» – бесспорный шедевр литературы. Из мемуаров современников [2] следует, что Грибоедов был очень самолюбив, причем особенно по отношению к своему главному произведению – комедии «Горе от ума». Авторы же эпиграмм несправедливо считают, что комедия является «умершей от рождения» и что она уже забыта.

Пародии на Грибоедова известны еще с Х1Х века. В 1912 году цензурный комитет возбудил дело против сочинения г. Баркова, пародию на «Горе от ума». По стилю это так называемая травестия, когда высокий стиль претекста Грибоедова передает низкое содержание в тексте пародии. Примером таких текстов могут служить «Тарас на Парнасе» и «Энеида навыворот».

Естественно, что привести в данной статье любой отрывок из барковской пародии невозможно по цензурным соображениям. Однако и в ХХ1 веке традиция пародировать Грибоедова не прерывается. Примером такого текста

МГПУ им. И.П. Шамякина

может служить пародия Людмилы Каштановой на Грибоедова с использованием в качестве претекста «Горе от ума». По жанру это также травестийный перепев. Всего лишь на двух страницах нам пересказывают сюжет пьесы, последовательно снижая пафос оригинала. В пародии нет множества действующих лиц из настоящего «Горя от ума», но все главные герои представлены: Чацкий, Софья, Лиза, Молчалин и Фамусов. Эффект травестированности достигается за счет намеренно сниженной лексики:

Чацкий: Я возвратился в Россию вчера, И вот чуть свет перед вами с утра. Милая Софья!

Софья (в сторону): Чтоб чёрт вас побрал.

Чацкий: Как вы прекрасны!

Софья (в сторону): Припёрся с утра. Пардон! Извините, я вас с утра не ждала.

Чацкий: Дядя, что случилось вдруг с Софией? Я спешил сюда из дальних мест. Я считал её своей пассией, может, у неё другой хахаль есть?

Автор пародийного текста весьма вольно обходится с претекстом Грибоедова. Так, Чацкий называет Фамусова дядей, хотя в оригинале ясно сказано, что для Фамусова отец Чацкого просто друг, а не брат. Естественно, что текст пародии не может обойтись и без современных аллюзий:

Софья: Пардон! Что вижу? Вас ист дас? Какой позор! Какой пассаж! Он (Молчалин) не со мной, он не со мною! Ему обиду не прощу, а Лизку с лестницы спущу.

Для квалифицированного реципиента данной пародии ясно, что это отсылка к песне на стихи Ильи Резника «Вернисаж»: *Ах, вернисаж, ах, вернисаж, какой портрет, какой пейзаж … но вы вдвоем, вы не со мною.*

В дальнейшем конструкция типа *какой позор, какой пассаж* еще раз повторяется в речи Фамусова:

Появляется на шум Фамусов и, увидев происходящее, изобразив на лице ужас: Какой конфуз, какой скандал!

Правда, Фамусов в пародии почему-то заменяет хрестоматийную княгиню Марью Алексеевну на Марию Филипповну.

Конец травестийной пьесы сюжетно не отличается от текста оригинала:

Гуд бай! Сюда я больше не ходок! Пойду в кабак кефир пить до рассвета, Ах, где же носовой платок? (высмаркивается). Карету мне, карету (надевает цилиндр и быстро уходит).

Таким образом, несмотря на всё несовершенство этого травестийного текста, сама попытка обратиться к тексту пьесы «Горе от ума» является показателем того, что «классику не только почитают, но и читают».

Грибоедов – продуцент пародии. А. С. Грибоедов был не только адресатом эпиграмм и пародий, но и сам являлся автором многих эпиграмм. Так, в ответ на колкие эпиграммы Дмитриева и Писарева он написал следующую эпиграмму:

И сочиняют – врут, и переводят – врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, – но вы ругаться удальцы!
Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!

МГПУ им. И.П. Шамякина

Лексика в тексте этой эпиграммы является типичной для жанра: *врете, детям прут (розги), холопы*. Можно сказать, что этой эпиграммой Грибоедов вполне расквитался со своими недругами, которые высмеивали его физические особенности, а особенно литературное творчество Грибоедова.

В жанре непосредственно пародии Грибоедов не выступал, но в комедии «Горе от ума» имеются многочисленные аллюзии и реминисценции на другие тексты. Так, в первом акте пьесы, когда Софья рассказывает свой вымышленный сон Фамусову, мы обнаруживаем отсылку к текстам В. Жуковского, а именно, к его переводным балладам «Светлана» и «Людмила»:

Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь – и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему – вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..

Софья, пересказывая свой сон отцу, подчеркивает инфернальность происходящего, что пародирует мрачный колорит баллад «Жуковского».

В конце «Светланы» Жуковский пишет:

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.

В тексте «Горя от ума» Фамусов прямо воспроизводит эту цитату, причем снижает пафос оригинального текста Жуковского:

Повыкинь вздор из головы, где чудеса, там мало складу. Поди-ка ляг, усни опять!

Пародийность ситуации с отсылкой к Жуковскому подчеркивается еще и тем, что, по словам служанки Лизы, Софья читает только французские романы, а содержание своего сна выдумала на основе русского текста Жуковского. Сам же Фамусов, уверяя, что ему от русских книг «больно спится», цитирует того же Жуковского.

Грибоедов – концепт пародии. М. А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» использовал оним *Грибоедов* в качестве концепта. Использование имени А. С. Грибоедова также можно считать пародийным. Булгаков даже приводит причины, почему Дом Грибоедова назван именно так: *«Дом назывался «Домом Грибоедова» на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя – Александра Сергеевича Грибоедова (Домом Герцена владел дядя автора «Былого и дум» (1852–1868), где его двоюродный брат Алексей выведен как Химик). Ну владела или не владела – мы точно не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было... Однако дом так называли. Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из «Горя от ума» этой самой тетке, раскинувшейся на софе (намек на двоюродного брата Герцена в «Горе от ума», где восходящий к нему персонаж – племянник Тугоуховской). А впрочем, черт его знает, может быть и читал, не важно это».*

МГПУ им. И.П. Шамякина

Существовала еще одна причина для такого пародийного переименования реального Дома Герцена. Фамилия Грибоедова имеет стёртую внутреннюю форму, связанную с едой. Фамилия же Герцена такой связи с гастрономическими интересами писателей МАССОЛИТа не имеет.

Еще одна глубоко скрытая аллюзия связана с двоюродным братом А. И. Герцена, который упоминался в пьесе «Горе от ума»: *«чинов не хочет знать, он химик, он ботаник, князь Федор, мой племянник».*

Выводы. Таким образом, А. С. Грибоедов предстает перед читателями XXI века как многогранная личность. Одной из её ипостасей является личность пародическая. Она выявляется, во-первых, через циклы эпиграмм и пародий, адресованных А. С. Грибоедову, во-вторых, через его собственные эпиграммы и некоторые черты пародийности в литературных текстах, в-третьих, через концептуализацию самого имени А. С. Грибоедова.

Список использованных источников

1. Андреев, А. Ю. Грибоедов Александр Сергеевич / А. Ю. Андреев // Императорский Моск. ун-т : 1755–1917 : энциклопедический словарь ; сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 191–193.

2. А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. – М. : Изд-во «Художественная литература», 1980. – 446 с.

3. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Сов. писатель, 1989. – 538 с.

4. Советская литературная пародия : в 2 т. ; сост., вступ. ст. и коммент. Б. М. Сарнова. – М. : Советский писатель, 1988. – 732 с.

5. Тунян, В. Г. А. С. Грибоедов: новое в известном. К 220-летию со дня рождения А. С. Грибоедова / В. Г. Тунян. – Ереван : Изд-во НПУА «Чартарагет», 2015. – 180 с.

6. Тынянов, Ю. Н. Ода как ораторский жанр. О пародии / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – 365 с.

К 165-летию со дня рождения
Антона Павловича Чехова

УДК 811.161.1’373’42

СЕНСОРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВОСПРИЯТИЯ В ПОВЕСТИ «СТЕПЬ» А. П. ЧЕХОВА

А. Ю. Миргородская,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языкознания и коммуникативных технологий
Луганского государственного педагогического университета,
г. Луганск, Российская Федерация
E-mail: mirgorodskaya.a.u@mail.ru

В статье проводится анализ сенсорного восприятия в повести «Степь» А. П. Чехова, описывается специфика сенсорной лексики, осуществляется ее классификация на основе модели пяти ощущений: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. Представлены характеристики синестетических метафор – словосочетаний с сенсорными компонентами, не обозначающими объективные характеристики предмета. С помощью семантического, описательного и сопоставительного метода проанализирован значительный эмпирический материал. Сделан вывод о том, что в повести «Степь» А. П. Чехова раскрыт потенциал всех пяти каналов получения знаний о мире. Центральное место занимает описание зрительных образов, которые дополняются слуховыми акцентами с использованием музыкальных терминов, лексем, передающих нюансы

МГПУ им. И.Я. Шамякина

звучания, а также звукоподражательными словами. Достаточно широко представлена сенсорная лексика, связанная с осязанием, запахом и вкусом.

Ключевые слова: сенсорное восприятие, сенсорная лексика, синестетическая метафора, колоратив, звукоподражание.

SENSORY COMPONENTS OF PERCEPTION IN THE NOVEL "THE STEPPE" BY A. P. CHEKHOV

A. Yu. Mirgorodskaya,
Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies
Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Russian Federation
E-mail: mirgorodskaya.a.u@mail.ru

The article analyzes sensory perception in the novel «The Steppe» by A. P. Chekhov, describes the specifics of sensory vocabulary, and classifies it based on the model of five sensations: vision, hearing, touch, smell, and taste. The characteristics of synesthetic metaphors – phrases with sensory components that do not denote the objective characteristics of an object – are presented. Significant empirical material has been analyzed using the semantic, descriptive and comparative method. It is concluded that in the story «The Steppe» A. P. Chekhov revealed the potential of all five channels of gaining knowledge about the world. The central place is occupied by the description of visual images, which are complemented by auditory accents using musical terms, lexemes that convey nuances of sound, as well as onomatopoeic words. Sensory vocabulary related to touch, smell and taste is quite widely represented.

Keywords: sensory perception, sensory vocabulary, synesthetic metaphor, colorative, onomatopoeia.

Введение. В современных лингвистических исследованиях большое внимание акцентируется на отображении сенсорного восприятия в языке. Эти аспекты рассматриваются в динамично развивающейся области языкознания – сенсорной лингвистике, известной также как лингвосенсорика или перцептивная лингвистика. Активное развитие этого направления свидетельствует о значимости подобных исследований, целью которых становится анализ особенностей модели восприятия в русском языке. Так, в исследовании Е. В. Урысон сопоставляются органы восприятия: «Зрение и слух существенно важнее обоняния, осязания и вкуса – и соответствующие понятия развиты языком в гораздо большей степени» [1, с. 6]. Б. Винтер подробно описывает специфику сенсорной лексики, осуществляет ее классификацию на основе модели пяти ощущений. Современные ученые под сенсорной лексикой понимают «лексические единицы, включающие один или несколько сенсорных семантических компонентов» [2, с. 15].

Цели и задачи. Активно исследуется сенсорная лексика в художественной литературе, публицистике, рекламе, разговорной речи. Многообразие моделей и структур сенсорной лексики описано в творчестве А. П. Чехова. Целью нашего исследования станет анализ сенсорной лексики в повести «Степь» А. П. Чехова. В этом произведении, как отмечают исследователи, «на первый план нередко выдвигаются цветовые и звуковые детали, передающие многомерность степного пространства, его ассоциативные связи с историческим прошлым, тайнами человеческой души» [3, с. 108]. В связи с этим повесть представляет большой интерес для изучения: многообразие сенсорной лексики может послужить материалом для систематизации и уточнения основных категорий сенсорной

МГПУ им. И.П. Шамякина

лингвистики. Достижение цели исследования связано с реализацией ряда задач, среди которых:

– представить основные классификации сенсорной лексики;

– сделать выборку лексических единиц, содержащих сенсорные компоненты;

– провести количественный и качественный анализ отобранного материала.

Методы и материал исследования. Материал исследования – сенсорная лексика повести А. П. Чехова «Степь». Основными методами исследования являются метод семантического анализа, а также описательный и сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Область лингвистической семантики активно изучалась в работах Ю. Д. Апресяна, Н. К. Рябцевой, И. М. Кобозевой, известны исследования узких категорий сенсорной лексики, а именно перцептивных глаголов, колоративов. Основными лексическими единицами, обозначающими восприятие, называют глаголы видеть, слышать, обонять, ощущать вкус и осязать. Ученые пришли к выводу, что каждому глаголу «пассивного восприятия» соответствует глагол, обозначающий соответствующее активное действие [1, с. 4]. Например, *я вижу дерево* и *я слышу звуки* отображает пассивное восприятие, а *я смотрю на дерево* и *я слушаю звуки* указывают на активное действие. Значительный теоретический вклад внесли ученые и в анализ колоративов, которые принято разделять на «первичные» (красный, белый) и «вторичные» (изумрудный, оливковый). Современные исследователи изучают сенсорную лексику в многообразии ее сочетаний. Так, в работе П. В. Ярошенко «Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами (на материале параллельного мультиязычного корпуса)» расширены параметры описания сенсорной лексики: 1) по количеству сем, относящихся к области перцепции (моно- и поликомпонентные лексические единицы); 2) по позиции в семантике слова (ядерные и периферийные семы, относящиеся к области перцепции) [2, с. 17]. Активно изучаются словосочетания с сенсорными компонентами или «синестетические метафоры», представляющие собой особый класс словосочетаний с сенсорным компонентом, не обозначающим объективные характеристики предмета. Например, в словосочетаниях *красный крик, сладкая тишина, сухой звон* представлен ассоциативный перенос взаимодействия ощущений различной модальности. В художественном тексте синестезия может проявляться в качестве эпитетов, метафор, окказиональных словосочетаний, оксюморонов.

Часто прилагательные, использующиеся для описания предметов с помощью одного чувственного восприятия, используются в переносном значении для пояснения признаков другого чувственного восприятия. Например, обозначение оттенков цвета может быть представлено лексемами, относящимися к осязанию: *теплый* и *холодный* (о тоне). Особенности звучания часто характеризуются зрительными образами: *высокий, низкий, тонкий* или лексемами осязательного восприятия: *мягкий, жесткий* (о тембре, звуке, голосе). С помощью метафоры изменяется логические отношения, поскольку признаки предмета трансформируются в признаки признаков предмета: мягкий шелк и мягкий звук, острый нож и острый слух. Как отмечает Н. Д. Арутюнова: «Особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое. Это устройство

МГПУ им. И.П. Шамякина

действует постоянно, порождая метафору в любых видах дискурса. Попадая в оборот повседневной речи, метафора быстро стирается и на общих правах входит в словарный состав языка» [3, с. 374]. В художественном тексте такие сочетания находят наиболее разнообразное выражение и зачастую рассматриваются как синестетические метафоры. Исследователи отмечают, что одни поэты в основном используют в творчестве зрительные образы (С. Есенин, В. Маяковский, В. Набоков), другие чаще передают слуховые образы (А. Блок, Б. Пастернак, М. Цветаева), у некоторых зрительное и слуховое восприятие находятся в равновесии (А. Ахматова, А. Белый) [4, с. 31].

В повести «Степь» А. П. Чехова активно используются зрительные образы, среди которых большое внимание сосредотачивается на цветообозначении красного и черного: черные кузницы, черный дым, черная точка, черная птица, черная туча, черное платье, черные лохмотья; красная рубаха, красная пыль, красные глаза, красные веки, красное лицо, красные уши, красное пятно, красный огонек. Описание пейзажа, местности, внешности не обходится без этих цветообозначений. Сам главный герой носит кумачовую рубаху (ярко-красную), привлекающую взгляды и детей, и взрослых. Красный цвет в повести представлен лексемами кумачовый, багряный, бурый. Часто используется в описаниях белый цвет: белый булыжник, белая стена, белые памятники, белые пятна, в описании одежды белый цвет используется, чтобы показать различия общественного положения (белая шаль у полной, пожилой дамы; белая фуражка Варламова; человек в белой рубахе). В произведении цветовое разнообразие представлено в предложении: «За острогом промелькнули *черные*, закопченные кузницы, за ними уютное, *зеленое* кладбище, обнесенное оградой из булыжника; из-за ограды весело выглядывали *белые* кресты и памятники, которые прячутся в *зелени* вишневых деревьев и издали кажутся *белыми* пятнами» [6, с. 5]. Используется противопоставление: «*Чернота* на небе раскрыла рот и дыхнула *белым* огнем» [6, с. 94]. Наиболее частым в тесте является словосочетание *лиловая даль*, используемое для передачи однообразия степного пейзажа, его бескрайнего простора и необъятного раздолья: «Холмы все еще тонули в *лиловой дали*, и не было видно их конца». Лиловый цвет – светло-фиолетовый, имеющий цвет сирени или фиалки, не используется в описании близко расположенных объектов, а относится к отдаленному пространству. Для обозначения оттенков цвета используются сложные прилагательные: *ярко-желтый, пепельно-седое, буро-зеленые, бледно-зеленое, мутно-зеленое*. Автор использует разные тона зеленого, чтобы описать холмы (загорелые холмы, буро-зеленые), небо (бледно-зеленое, усыпанное звездами небо), воду (открыл в воде глаза и увидел что-то мутно-зеленое, похожее на небо в лунную ночь). В каждом примере цветовые оттенки дополняются обособленными определениями, которые детализируют зрительное восприятие, делая его понятным для каждого читателя.

Лексика, обозначающая слуховое восприятие, многообразна и связана с названиями голосов, музыкальных инструментов (*бас, тенор, дискант, скрипка*), а также с многообразием звуков: *треск, посвистыванье, царапанье, рев, скрип, писк, лязганье, вздох, крик, хохот, плач*. Песня в степи заунывная, томительная, степная музыка стрекочет, звуки издают все обитатели степной фауны: «кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затянули в траве свою скрипучую, монотонную музыку», «где-то не близко плакал один чибис и изредка раздавался писк трех бекасов», «птица, которую степняки зовут сплюком, кому-то кричит: «Сплю! сплю!

МГПУ им. И.П. Шамякина

сплю!», а другая хохочет или заливается истерическим плачем – это сова». Природные явления: гром, дождь, ветер в степи – описаны с разнообразными акустическими характеристиками, которые динамично меняются в зависимости от степени проявления природной стихии. В повести «Степь» активно используются звукоподражательные слова, которые помогают создать неповторимый звуковой образ, имитировать звуки живой или неживой природы. Например: «„Тррах! тах, тах! тах!“ – явственно отчеканивал гром», «косы весело сверкают и в такт, все вместе издают звук: „Вжжи, вжжи!“», «его еврейская речь походила на непрерывное „гал-гал-гал-гал...“». Автор дополняет аудиальные характеристики звукоподража-ниями, которые детализируют все нюансы звучания, приобретая своеобразную индивидуальную специфику. Широко использованы звукоподражания голосам животных и птиц, звукам, издаваемым человеком в процессе говорения и трудовой деятельности, а также подражания звукам, сопровождающим природные явления.

Сенсорная лексика, обозначающая осязание, немногочисленна сравнительно со зрительной и слуховой, однако представлена такими категориями как: температура (теплый, холодный), консистенция (липкий, тягучий), вес (легкий, тяжелый), другие тактильно воспринимаемые свойства (гладкий, сухой, влажный, скользкий). Описание степи в летний период сопряжено с использованием лексики, связанной с температурными характеристиками: *горячие* лучи и *раскаленная* почва; *теплый* воздух; *жаркий* день, а также лексемами *зной, жара*: все, побуревшее от *зноя*; изможденная *зноем*; *зной* жжет и душит; задыхаясь от *зноя*; куда деваться от *зноя*; мысль застыла в его мозгу от *жары*. Также представлена лексика, связанная с процессом осязания: *нащупал* что-то острое и противное; *почувствовал*, что к его лицу; что-то теплое *коснулось* Егорушкиной спины; холодная и приятная *на ощупь*, неприятное *ощущение* мокроты и холода. Тактильное восприятие делает описание глубоким и основательным, дополняет зрительные и слуховые образы, приближая предметы, объекты, явления окружающей действительности, раскрывая их свойства и особенности.

В повести «Степь» использован потенциал лексики, связанной с обонянием, в ходе своего путешествия главный герой воспринимает разные запахи и точно называет их: *запахло болиголовом; пахнет сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами; запах гнилых яблок и керосина; вкусный запах кожи и дегтя; пахнет медом; запах дождя и мокрой земли; пахло рыбной сыростью; тяжелый запах овчины; запах кипариса и сухих васильков,* или выражает свои ощущения: *захватило дыхание от запаха чего-то кислого и затхлого; дурно пахло; великолепно запахло; запах густ, сладко-приторен и нежен.* С помощью запахов дополняется характеристика природного ландшафта, а также закрытых пространств (помещений, комнат). Запахи раскрывают отношение Егорушки к окружающим, так, о. Христофор пахнет кипарисом и васильками, великолепно пахнет графиня Драницкая.

Сенсорная лексика, связанная с вкусовыми ощущениями, представлена в меньшем количестве: характеристика вкуса (каша все-таки показалась Егорушке очень *вкусной*), аналоговые обозначения вкуса (во рту был неприятный, *металлический* вкус), процесс вкусового восприятия (попробовать, закусить, жевать, глотать), этикетные формулы (*Приятного аппетиту! Чай да сахар!*). Также в повести описаны два момента, когда герои в силу разных обстоятельств теряют

МГПУ им. И.П. Шамякина

способность к вкусовым ощущениям: *не понимал вкуса каши* (Егорушка), *не чувствовал и вкуса каши* (Константин Звоныk). Эти обстоятельства указывают на сильные переживания персонажей в данный момент, характеризуют их состояние.

Сенсорное восприятие в произведении часто происходит с одновременным использованием различной модальности. Например, осязание и запах: стало холодно и запахло болиголовом; осязание и зрение: жесткие и кудрявые волосы; осязание и слух: тихая, теплая ночь.

В повести «Степь» используются словосочетания с сенсорными компонентами или «синестетические метафоры» – ассоциативный перенос, в основе которого используются ощущения различной модальности, не обозначающие объективные характеристики предмета. Например, сочетание осязания и зрения: *горячий луч, жидкая тень, острый холод, холодно взглянул*; запаха и вкуса: *вкусный запах, запах чего-то кислого; запах сладко-приторен*.

Выводы. Сенсорная лексика отображает познание окружающей действительности посредством пяти видов чувственного восприятия. Главным каналом получения знаний о мире является зрение, с большим разрывом после него следует слух, а далее наше восприятие дополняется осязанием, запахом и вкусом. При создании художественной картины мира автор вправе сам акцентировать на одном или нескольких видах чувственного восприятия. В повести «Степь» А. П. Чехова раскрыт потенциал всех пяти каналов получения знаний о мире. Следует отметить описательные зрительные образы, которые дополняются слуховыми акцентами с использованием лексем, связанных с музыкальной тематикой, нюансами звучания, звукоподражательными словами. Достаточно широко представлена сенсорная лексика, связанная с осязанием, запахом и вкусом. Следует отметить активное использование автором синестетических метафор, объединяющих ощущения различной модальности посредством ассоциативного переноса. Изучение синестезии в творчестве А. П. Чехова станет перспективой дальнейшего исследования.

Список использованных источников

1. Урысон, Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998.– № 2.– С. 3–21.

2. Ярошенко, П. В. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами (на материале параллельного мультиязычного корпуса) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 5.9.8 / Ярошенко Полина Владимировна ; Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – М., 2023. – 29 с.

3. Ничипоров, И. Б. Цветовое и звуковое оформление степных пейзажей в прозе А. П. Чехова / И. Б. Ничипоров // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – 2007 . – № 5. – С. 108–114.

4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

5. Макарова, О. В. Вкусовая синестетическая метафора в художественном тексте / О. В. Макарова // Вестник Калмыцкого ун-та. – 2021. – № 2 (50). – С. 29–35.

6. Чехов А. П. Степь : сборник / А. П. Чехов. – М. : АСТ, 2020. – 381 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 81-23

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ТО БЫЛА ОНА!»

Г. И. Канакина,
профессор, кандидат педагогических наук,
профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка»
Пензенского государственного университета,
г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

В статье анализируется синтаксическая организация чеховского рассказа «То была она!». Актуальность нашей работы объясняется тем, что до настоящего времени анализ синтаксиса данного произведения (впрочем, как и самого рассказа) не производился. Отмечается роль синтаксиса в построении текста, характеризующегося мистическим сюжетом, соседствующим с привычной, рутинной жизнью. С помощью применения структурно-семантического метода, методов контекстного анализа и обобщения была выявлена полифоничность повествования, связанная с особенностями синтаксической структуры текста произведения А. П. Чехова. Для описательных и повествовательных контекстов писатель прибегает к различным синтаксическим конструкциям: осложнённым и сложным предложениям, которые позволяют показать динамику развития сюжета. Причём виды образований, осложняющих предложения, достаточно разнообразны: однородные члены, полупредикативные образования, уточнения, обращения, вводные и вставные конструкции. Делается вывод о том, что разнообразие синтаксических конструкций позволяет автору тонко улавливать и передавать малейшие оттенки человеческих чувств и состояний, что «делает его близким и понятным сегодняшнему читателю».

Ключевые слова: текст, синтаксическая организация, сложное синтаксическое целое, простое осложненное предложение, сложное предложение.

SYNTACTIC ORGANIZATION STORY A. P. CHEKHOV “THAT SHE WAS!”

G. I. Kanakina,
Professor, Candidate of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department "Russian Language and Methods
of Teaching the Russian Language"
Penza State University,
Penza, Russian Federation
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

The article analyzes the syntactic organization of Chekhov's story "That was it!" The relevance of our work is explained by the fact that until now the analysis of the syntax of this work (however, like the story itself) has not been carried out. The role of syntax in the construction of a text characterized by a mystical plot adjacent to the usual, routine life is noted. Using the structural-semantic method, methods of contextual analysis and generalization, the polyphonicity of the narrative associated with the peculiarities of the syntactic structure of the text of the work of A. P. Chekhov was revealed. For descriptive and narrative contexts, the writer resorts to various syntactic constructions: complicated and complex sentences that allow him to show the dynamics of the plot. Moreover, the types of formations complicating the proposals are quite diverse: homogeneous members, semi-predicative formations, clarifications, appeals, introductory and insert constructions. It is concluded that the variety of syntactic constructions allows the author to subtly capture and convey the slightest shades of human feelings and states, which "makes him close and understandable to the reader today."

Keywords: text, syntactic organization, complex syntactic whole, simple complicated sentence, complex sentence.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Введение. Творчество Антона Павловича Чехова – это явление не только отечественной, но и мировой культуры. Он известен миру как драматург и мастер малой прозы. Внимание к чеховскому творчеству не ослабевает и сегодня. В год 165-летия со дня рождения писателя интерес к его произведениям только возрастает. А. П. Чехов создал множество миниатюр, охватывающих разные стороны российской бытовой жизни с присущей ей трагичностью и мелочностью, пустотой и бездушием. Главное достоинство произведений Чехова – способность понять несовершенство человеческого существования и поведения.

Изучению наследия А. П. Чехова посвящено множество лингвистических и литературоведческих работ. Особенности языка произведений писателя были объектами исследования Л. Е. Азаровой, Е. Б. Гришаниной, Л. П. Громова, М. К. Милых, А. П. Чудакова и др. Однако работы, посвящённые анализу синтаксиса рассказа «То была она!» (как, впрочем, и самого произведения) отсутствуют. Этим объясняется актуальность нашей работы. Русский философ и богослов А. Басаргин (А. И. Введенский) в рецензии на первый том сочинений Чехова отнёс рассказ «То была она!» к группе «совсем невинных рассказов», написанных «на разные фантастические темы, – очевидно, по разным случайным поводам». Подобные рассказы, как заметил А. Басаргин, «нельзя, конечно, оценивать с какой-либо идейной точки зрения», но они «заслуживают быть отмеченными в отношении художественном» [1].

Цель нашего исследования – анализ синтаксической организации рассказа А. П. Чехова «То была она!», написанного в 1886 году [2, с. 482–486]. Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие **задачи:** 1) определить структурно-семантическую специфику синтаксиса произведения; 2) выявить функциональные особенности синтаксических конструкций в его тексте.

Методы и материал исследования. В процессе работы над темой были использованы следующие методы: структурно-семантический, контекстного анализа и обобщения. Материалом исследования послужил рассказ А. П. Чехова «То была она!».

Результаты и их обсуждение. Впервые рассказ «То была она!» был опубликован в журнале «Осколки» от 27 декабря № 52 под комическим псевдонимом А. Чехонте. У каждого писателя свой стиль, своя система языковых предпочтений, наиболее органичная его художественному миру. Произведения А. П. Чехова отличаются ярким синтаксисом. Если рассматривать язык данного произведения в плане соотношения грамматической и смысловой сторон, то следует отметить доминирование в тексте синтаксического уровня. Движение мысли в рассказе изображается разными синтаксическими конструкциями, отражая реальность во всём её многообразии.

В качестве заглавия к этому тексту А. П. Чехов использует простое нераспространённое восклицательное предложение *То была она!*, которое почти дословно повторяет фразу главного героя, завершающую его мистический рассказ: *…Я пошутил…Не сердитесь… То была не моя жена, а жена управляющего...* Обычно художественный текст и его заголовок взаимодействуют, дополняя друг друга: заголовок в сжатой форме выражает основную тему текста, определяет его важнейшую сюжетную линию. Однако в заголовок чеховского рассказа вынесено

МГПУ им. И.П. Шамякина

предложение, где и подлежащее, и именная часть сказуемого выражены местоимениями. Местоимения не называют предмет речи, а только указывают на него. Читатель еще не знает, о чём пойдет речь, но он уже заинтригован. Это позволяет нам предположить, что заголовок данного рассказа, выделяя план персонажа, скорее всего призван активизировать восприятие читателя и направить его внимание к тому, что будет изложено далее.

Рассказ выдержан в духе святочно-рождественских страшных рассказов, он характеризуется мистическим сюжетом, соседствующим с привычной, рутинной жизнью. События, описанные в рассказе, происходят в ночь под Рождество. Сюжет незамысловат: полковник Пётр Иванович Вывертов рассказывает дамам об одном случае, приключившимся с ним в молодости в ночь под Рождество, когда он с возницей, заплутав в дикую метель, выбрался прямо к воротам имения графа Боядловского, богатого поляка.

Повествование открывается картиной природы. Явления природы Чехов изображает с помощью сложного синтаксического целого, которое «…аккумулирует наиболее значимые для автора семантические составляющие, а сознательно выбранные им в процессе продуцирования грамматические формы и категории осуществляют передачу целеустановки и микроидеи» [3, с. 666]. Описание природы как бы сигнализирует о приближающейся неприятности: *А надо вам заметить, сударыни мои, зима в том году стояла лютая, так что не проходило ни одного дня, чтобы часовые не отмораживали себе носов или вьюга не засыпала бы снегом дорог. Трескучий морозище как стал в конце октября, так и продержался вплоть до самого апреля.*

Сменяющие друг друга описания погоды дополняют картину безысходности сложившейся ситуации: *Погода была, я вам доложу, нестерпимая… Мороз трещал и сердился, так что даже лошади крякали, а я и мой возница в какие-нибудь полчаса обратились в две сосульки… С морозом ещё можно мириться, куда ни шло, но представьте себе, на полдороге вдруг поднялась метель. Белый саван закружился, завертелся, как чёрт перед заутреней, ветер застонал, точно у него жену отняли, дорога исчезла… Не больше как в десять минут меня, возницу и лошадей облепило снегом.* Отметим в данном фрагменте текста оригинальные чеховские метафоры, в которых природа отождествляется с людьми: ***Мороз трещал и сердился***, ***лошади крякали***, *а* ***я и мой возница*** *в какие-нибудь полчаса* ***обратились в две сосульки...; Белый саван закружился, завертелся***, *как чёрт перед заутреней,* ***ветер застонал***… Состояние природы соответствует переживаниям героя. Пейзаж является фоном для изображения **действительно экстраординарных событий.** Природа готовит читателя к кульминационному событию – мистическому рассказу полковника.

Повествование в рассказе ведётся от имени главного героя. Полковник Пётр Иванович Вывертов – непосредственный участник действий, лицо, вспоминающее о своём прошлом. Уже по фамилии *Вывертов* читатель может предугадать формы поведения главного героя и почувствовать отношение автора к нему, к его рассказу о своих порочных склонностях и поступках, к его ценностным ориентациям. Особое внимание Чехов уделяет элементам характеристики главного героя: имени, фамилии, возрасту, внешности, социальному статусу. Изображение главного даётся

МГПУ им. И.П. Шамякина

опосредованно, через передачу его речи: *В те поры, надо вам заметить, я не выглядел таким старым, прокопчённым чубуком, как теперь, а был, можете себе представить, молодец-молодцом, кровь с молоком, красавец-мужчина, одним словом.* Из его же изложения событий, в которое писатель добавил значительную долю самоиронии героя, мы узнаём и о прошлой жизни персонажа: *Франтил я, как павлин, сорил деньгами направо и налево и закручивал свои усы, как ни* один *прапорщик в свете. <...> Жаден я был до женщин, как паук до мух, и если бы, сударыни мои, я стал сейчас перечислять вам полячек и жидовочек, которые в свое время висли на моей шее, то, смею вас уверить, в математике не хватило бы чисел... <...> А какой я был сорванец, буйная головушка, вы и представить себе не можете. Если в уезде случалась какая-нибудь амурная кувырколлегия, если кто-нибудь вырывал жиду пейсы или бил по мордасам шляхтича, то так и знали, что это подпоручик Вывертов натворил. В качестве адъютанта мне много приходилось рыскать по уезду. То я ездил овес или сено покупать, то продавал жидам и панам бракованных лошадей, а чаще всего, сударыни мои, под видом службы, скакал к панночкам на рандеву или к богатым помещикам поиграть в картишки…*

Автор является организующим началом текста: его включение в текст служит для внутренней связи всех элементов повествования: *Полковник умолк, выпил полстакана воды и продолжал, понизив голос…*; *Полковник вздохнул, поднялся и молча заходил по гостиной*; *Барышни вдруг повеселели, глазки их засверкали… Они придвинулись к полковнику и, подливая ему вина, засыпали его вопросами. Скука исчезла, исчез скоро и ужин, так как барышни стали кушать с большим аппетитом.*

Сюда же включаются и редкие реплики других персонажей: трёх девиц, возницы, управляющего имением графа Боядловского. Эта полифоничность повествования связана с особенностью синтаксической структуры текста произведения А. П. Чехова. Для описательных и повествовательных контекстов писатель прибегает к различным синтаксическим построениям: осложнённым и сложным предложениям, которые позволяют показать динамику развития сюжета. Причём виды образований, осложняющих предложения, достаточно разнообразны: однородные члены, полупредикативные образования, уточнения, обращения, вводные и вставные конструкции: *Моя свечка освещала стены еле-еле, а на стенах, можете себе представить, портреты предков, один страшнее другого, старинное оружие, охотничьи рога и прочая фантасмагория… Тишина стояла, как в могиле, только в соседней зале шуршали мыши и потрескивала рассохшаяся мебель.* На уровне сложного предложения для рассказа характерны бессоюзная и подчинительная связи: *А за окном творилось что-то адское… Ветер отпевал кого-то, деревья гнулись с воем и плачем; какая-то чертовщинка, должно быть, ставня, жалобно скрипела и стучала по оконной раме*. Автор рисует картину надвигающегося ужаса. Состояние природы в момент самого мистического события перекликается с состоянием главного героя: *Прибавьте ко всему этому, что у меня кружилась голова, а с головой и весь мир… Когда я закрывал глаза, мне казалось, что моя кровать носилась по всему пустому дому и играла в чехарду с духами. Чтобы уменьшить свой страх, я первым долгом потушил свечу, так как*

МГПУ им. И.П. Шамякина

пустующие комнаты при свете гораздо страшней, чем в потемках… В данном фрагменте текста ощущается явная аллюзия на литературный факт из мистической повести Н. В. Гоголя «Вий», впервые опубликованной в его сборнике «Миргород» в 1835 году. Аллюзия – «намек на историческое событие, бытовой, литературный факт, предположительно известный читателю» [4, с. 339].

Чтобы передать взволнованное состояние главного героя в кульминационный момент рассказа Чехов использует фигуру умолчания: *…я почувствовал, как две женские ручки, мягкие, как гагачий пух, легли мне на плечи. – Я люблю тебя... Ты для меня дороже жизни, – сказал женский мелодический голосок. Горячее дыхание коснулось моей щеки... Забыв про метель, про духов, про всё на свете, я обхватил рукой талию... и какую талию! Такие талии природа может изготовлять только по особому заказу, раз в десять лет... Тонкая, точно выточенная, горячая, эфемерная, как дыхание младенца! Я не выдержал, крепко сжал её в объятиях...* Фигура умолчания в данном фрагменте рассказа выражается прерванными, незавершёнными, недоговорёнными, не окончательно сформированными предложениями, которые завершаются постановкой многоточия, что обусловлено сильным наплывом чувств, мешающим закончить речь.

Рассказ «То была она!» диалогичен. Репрезентация в тексте пространного диалога с вкраплением авторских ремарок позволяет увидеть не только отношение персонажей друг к другу, но и лучше узнать об их характере, определить, какие у них жизненные ценности, моральные принципы, нравственный уровень развития. Чехов показывает, как люди разных характеров реагируют на жизненные явления, описанные в рассказе:

– Но… что же дальше? – спросила одна из барышень, замирая от ожидания.

– Ничего. На следующий день я был уже в дороге.

– Но… кто же была та женщина? – спросили нерешительно барышни.

– Понятно, кто!

– Ничего не понятно…

– Это была моя жена!

Все три барышни вскочили, точно ужаленные.

– То есть… как же так? – спросили они.

– Ах, господи, что же тут непонятного? – сказал полковник с досадой и пожал плечами. – Ведь я, кажется, достаточно ясно выражался! Ехал я в Шевелки с женой… Ночевала она в пустом доме, в соседней комнате… Очень ясно! – Ммм…– проговорили барышни, разочарованно опуская руки. – Начали хорошо, а кончили бог знает как… Жена… Извините, но это даже не интересно и… нисколько не умно.

– Странно! Значит, вам хотелось бы, чтоб это была не моя законная жена, а какая-нибудь посторонняя женщина! Ах, барышни, барышни! Если вы теперь так рассуждаете, то что же вы будете говорить, когда повыходите замуж?

Выводы. Синтаксическая организация рассказа А. П. Чехова осуществляется за счет использования разнообразных синтаксических конструкций: от простого нераспространённого предложения к простому осложнённому, от него к сложному предложению и к сложному синтаксическому целому. Такое разнообразие

МГПУ им. И.П. Шамякина

позволяет автору тонко улавливать и передавать малейшие оттенки человеческих чувств и состояний.

Е. В. Михина, анализируя творчество писателя, замечает: «Обращение Чехова к обычному человеку со всеми мелочами его быта в качестве героя времени, стремление к изображению жизни как она есть, без домысла и прикрас, делает его близким и понятным сегодняшнему читателю» [5, с. 20]. К этому можно добавить: читателю не только российскому, но и зарубежному, поскольку ещё при жизни А. П. Чехова его рассказ «То была она!» был переведен на болгарский, немецкий, норвежский, польский и чешский языки.

Список использованных источников

1. Басаргин, А. (А. И. Введенский). Рецензия на первый том сочинений Чехова / А. Басаргин // Московские ведомости». – 1900. – № 36. – 5 февраля. – URL: http://chehov-lit.ru/chehov/text/to-byla-ona.htm (дата обращения: 11.02.2025).

2. Чехов, А. П. То была она! / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974 – 1982. – Т. 5. [Рассказы, юморески], 1886. – М. : Наука, 1976. – С. 482–486. – URL: http://chehov-lit.ru/chehov/text/to-byla-ona.htm (дата обращения: 11.02.2025).

3. Папуша, И. С. Сложное синтаксическое целое как средство интерпретации художественного текста / И. С. Папуша // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 665–667.

4. Фоменко, И. В. Цитата / И. В. Фоменко // Русская словесность. – 1998. – № 1. – С. 339.

5. Михина, Е. В. Чеховский интертекст в русской прозе конца XX – начала XXI веков : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.01 / Михина Елена Владимировна. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.

К 155-летию со дня рождения
Ивана Алексеевича Бунина

УДК 81.116

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО»

И. И. Табачёк,
преподаватель Жлобинского государственного технологического колледжа
г. Жлобин, Республика Беларусь
E-mail: iritazhlobin@mail.ru

М. Н. Шевченко,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: mi6363@mail.ru

В статье рассматриваются жанрово-стилистические особенности и функционирование языковых средств в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско. С применением методов

МГПУ им. И.П. Шамякина

объяснительного аналитического описания, критического анализа на материале рассказа выявлены и описаны языковые средства, благодаря которым в произведении прослеживается сочетание реализма и символизма. Делается вывод о том, что в рассказе «Господин из Сан-Франциско» жанрово-стилистические особенности тесно связаны с использованием языковых средств, которые помогают раскрыть философскую проблематику произведения через призму межличностного общения. Язык произведения сочетает реалистическую точность с поэтической образностью, а речевые характеристики персонажей подчеркивают их социальное положение и внутренний мир.
Ключевые слова: реализм, символизм, рассказ, притча, языковые средства.

GENRE AND STYLISTIC FEATURES AND FUNCTIONING OF LANGUAGE MEANS IN THE STORY BY I.A.BUNIN "THE GENTILE FROM SAN FRANCISCO"

I. I. Tabachok,
teacher of the Zhlobin State Technological College
Zhlobin, Republic of Belarus
E-mail: iritazhlobin@mail.ru

M. N. Shevchenko,
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: mi6363@mail.ru

The article examines the genre and stylistic features and the functioning of language means in the story by I. A. Bunin "The Gentleman from San Francisco". Using the methods of explanatory analytical description, critical analysis on the material of the story, the language means are identified and described, thanks to which a combination of realism and symbolism is traced in the work. It is concluded that in the story "The Gentleman from San Francisco" the genre and stylistic features are closely connected with the use of linguistic means that help to reveal the philosophical issues of the work through the prism of interpersonal communication. The language of the work combines realistic precision with poetic imagery, and the speech characteristics of the characters emphasize their social status and inner world.
Keywords: realism, symbolism, story, parable, linguistic means.

Введение. В современной школе особое внимание уделяется воспитанию духовно-нравственных ценностей. В Республике Беларусь учебной программой по учебному предмету «Русская литература» для XI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, предусмотрено изучение рассказа лауреата Нобелевской премии И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» [1]. Выполнение учащимися филологического анализа текста даёт более глубокое представление о человеколюбии, доброте, любви, патриотизме.

Цели и задачи. Обращение к рассказу Ивана Бунина «Господин из Сан-Франциско» обусловлено необходимостью восполнения нравственных представлений учащихся о добре, чести и безгранично-преданной любви к Родине, историко-культурному наследию. Анализ жанрово-стилистических особенностей и языковых средств в рассказе Ивана Бунина «Господин из Сан-Франциско» ориентирован на интересы читателя-подростка, его нравственно-

МГПУ им. И.П. Шамякина

патриотическое воспитание в условиях современности и актуальности тематики, проблематики и идейного содержания произведения. Статья может представлять интерес для учителей литературы, методистов и всех, кто интересуется творчеством Ивана Бунина.

Методы и материалы исследования. С применением методов объяснительного аналитического описания, критического анализа на материале рассказа Ивана Бунина «Господин из Сан-Франциско» выявлены и описаны языковые средства, благодаря которым в произведении прослеживается сочетание реализма и символизма.

Рассказ Ивана Бунина «Господин из Сан-Франциско» относится к жанру психологической прозы с элементами философской притчи, сочетающей элементы реализма и символизма. «Притча – небольшой рассказ, в иносказательном виде заключающий моральное (или религиозное) поучение, по своей форме родственный басне. В отличие от многозначности истолкования басни, в притче всегда заключена определенная дидактическая идея» [3, с. 48].

Реализм в рассказе «Господин из Сан-Франциско» проявляется через точное описание внешнего мира и упоминание конкретных географических мест: «*В декабре и январе он надеялся наслаждаться солнцем Южной Италии, …; карнавал он думал провести в Ницце, в Монте-Карло, …, начало марта он хотел посвятить Флоренции, к страстям господним приехать в Рим, …; входили в его планы и Венеция, и Париж, и бой быков в Севилье, и купанье на английских островах, и Афины, и Константинополь, и Палестина, и Египет, и даже Япония …*». [Весь иллюстрационный материал в статье, выделенный курсивом, относится ко второму источнику в списке литературы].

Особенностью рассказа “Господин из Сан-Франциско” является отсутствие имен у главных персонажей. Автор называет героя произведения «Господин», его жену «Миссис», а их дочь – «Мисс», оставляя их безымянными.

Главный герой – американский бизнесмен, который стремится к материальному благополучию и комфорту. Его образ отражает типичный портрет человека своего времени – прагматичного, ориентированного на успех и статус. «*Сухой, невысокий, неладно скроенный, но крепко сшитый. … Нечто монгольское было в его желтоватом лице с подстриженными серебряными усами, золотыми пломбами блестели его крупные зубы, старой слоновой костью – крепкая лысая голова*». Жену Господина автор изображает так: «*Жена его никогда не отличалась особой впечатлительностью, … женщина крупная, широкая и спокойная*». Портрет дочери Господина показан с более подробным описанием: «*…девушки на возрасте и слегка болезненной …, высокая, тонкая, с великолепными волосами, прелестно убранными, с ароматическим от фиалковых лепешечек дыханием и с нежнейшими розовыми прыщиками возле губ и между лопаток, чуть припудренных*».

Иван Бунин показывает жизнь главного героя лаконично, что усиливает трагизм повествования и заставляет задуматься о смысле существования: «*Во-первых, он был богат, а во-вторых, только что приступал к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет. До этой поры он не жил, а лишь существовал, правда, очень недурно, но все же возлагая все надежды на будущее. Он работал не*

МГПУ им. И.П. Шамякина

покладая рук, – китайцы, которых он выписывал к себе на работы целыми тысячами, хорошо знали, что это значит! – и наконец увидел, что сделано уже много, что он почти сравнялся с теми, кого некогда взял себе за образец, и решил передохнуть».

Внешний мир – пейзажи, быт, социальные отношения – изображается яркими красками. Автор противопоставляет стихию и светское общество, передавая внимание к деталям – океан бушует, а отдыхающие наслаждаются уютным вечером: «*Океан с гулом ходил за стеной черными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал, одолевая и ее, и эти горы, – точно плугом разваливая на стороны их зыбкие, то и дело вскипавшие и высоко взвивавшиеся пенистыми хвостами громады, – в смертной тоске стенала удушаемая туманом сирена, мерзли от стужи и шалели от непосильного напряжения внимания вахтенные на своей вышке, мрачным и знойным недрам преисподней, ее последнему, девятому кругу была подобна подводная утроба парохода, – та, где глухо гоготали исполинские топки, пожиравшие своими раскаленными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми, багровыми от пламени; а тут, в баре, беззаботно закидывали ноги на ручки кресел, цедили коньяк и ликеры, плавали в волнах пряного дыма, в танцевальной зале все сияло и изливало свет, тепло и радость, пары то крутились в вальсах, то изгибались в танго – и музыка настойчиво, в сладостно-бесстыдной печали молила все об одном, все о том же...*».

Реализм в рассказе проявляется и через психологический анализ героя, что позволяет читателю понять мотивы поведения персонажа. Он опасается долгого, в целых два года, путешествия, но вместе с тем наслаждается отношением слуг к своей персоне: «*Он был довольно щедр в пути и потому вполне верил в заботливость всех тех, что кормили и поили его, с утра до вечера служили ему, предупреждая его малейшее желание, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиков, доставляли его сундуки в гостиницы*».

Рассказ демонстрирует трагедию обыденной жизни – несмотря на все усилия героя обеспечить себе комфорт и безопасность, смерть приходит внезапно и разрушает все планы: «*…как вдруг строчки вспыхнули перед ним стеклянным блеском, шея его напружилась, глаза выпучились, пенсне слетело с носа... Он рванулся вперед, хотел глотнуть воздуха – и дико захрипел; нижняя челюсть его отпала, осветив весь рот золотом пломб, голова завалилась на плечо и замоталась, грудь рубашки выпятилась коробом – и все тело, извиваясь, задирая ковер каблуками, поползло на пол, отчаянно борясь с кем-то*».

Наряду с конкретным, реалистичным описанием обыденности, рассказ наполнен символами, что помогает Бунину выйти за рамки простого повествования о жизни одного человека и затронуть универсальные темы бытия, смерти и смысла жизни. Через образы путешествия, моря и смерти автор показывает конфликт между человеческими амбициями и неизбежностью природных законов.

Пароход в бушующем океане символизирует жизненный путь человека: «*Пароход – знаменитая «Атлантида» – был похож на громадный отель со всеми удобствами, – с ночным баром, с восточными банями, с собственной газетой*».

МГПУ им. И.П. Шамякина

Путешествие героя – это метафора жизненного пути с его стремлениями, надеждами и планами. Однако этот путь не ведет к счастью или исполнению желаний, а заканчивается смертью, что подчеркивает непредсказуемость и хрупкость жизни.

Океан и море в рассказе – это символы вечности, бесконечности и силы природы, которая неподвластна человеку. В отличие от героя, который пытается контролировать свою жизнь и окружение, природа остается безразличной к его судьбе. Смерть героя на фоне морской стихии подчеркивает бессилие человека перед лицом высших сил.

Смерть выступает как главный символ произведения – она неожиданна, беспощадна и разрушительна. В рассказе смерть не просто физическое явление, а философская категория, которая ставит под вопрос смысл материальных достижений и социального статуса.

Речь героев служит не только для передачи информации, но и для выражения их мировоззрения, эмоционального состояния. Межличностное общение в рассказе часто носит поверхностный характер (например, *светские беседы*), что контрастирует с глубиной внутренних переживаний.

Господин из Сан-Франциско – человек бизнеса, поэтому его речь сухая, деловая, лаконичная. Его манера общения формальна, что подчеркивает дистанцию между ним и окружающими. Он не склонен к душевным откровениям или спонтанным эмоциям, говорит «медлительно», «ничего не выражающим голосом».

Образная выразительность достигается писателем не столько количеством используемых слов, сколько виртуозностью сопоставлений и словосочетаний *(«несметные глаза», «траурные» волны, надвигающийся «своей чернотой» остров, «сияющие утренние пары над морем», «яростные взвизгивания сирены»* и т. д.*).*

Особое место среди выразительных средств языка занимает метафора. Она в рассказе играет роль «двигателя» сюжета: *этажи «Атлантиды» зияли во мраке как бы огненными несметными глазами; золотыми пломбами блестели его крупные зубы, старой слоновой костью – крепкая лысая голова; кусками сахара насыпанный у подножия чего-то сизого Неаполь; золотые удавы от фонарей пристани.*

Используя однородные эпитеты, Иван Бунин выразительно даёт качественную характеристику персонажей – (господин) *сухой, невысокий, неладно скроенный, но крепко сшитый*; (жена) *крупная, широкая и спокойная*; (дочь) *высокая, тонкая, с великолепными волосами, прелестно убранными, с ароматическим дыханием и с нежнейшими розовыми прыщиками возле губ*; некий великий (богач) *бритый, длинный*; новый (пассажир) *наследный принц маленький, деревянный, широколицый, узкоглазый, милый, простой и скромный* и др.

Результаты обсуждения. В рассказе «Господин из Сан-Франциско» жанрово-стилистические особенности тесно связаны с использованием языковых средств, которые помогают раскрыть философскую проблематику произведения через призму межличностного общения. Язык произведения сочетает реалистическую точность с поэтической образностью, а речевые характеристики персонажей подчеркивают их социальное положение и внутренний мир.

Выводы. Жанрово-стилистические особенности и функционирование языковых средств в рассказе Ивана Бунина «Господин из Сан-Франциско» в

МГТУ им. И.Г. Шамякина

полной мере отражают мышление, лиризм, задушевность и мелодичность русского языка, богатство его ритма и интонации. Не диалог, а именно внутренний монолог, становится той формой стилистического построения речи, где наглядно обнаруживаются формы выразительности и авторской экспрессии.

Список использованных источников

1. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для XI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания, утв. постановлением Мин. образ. Респ. Беларусь от 21.06.2021 № 131.

2. Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Бунин. – М. : Художественная литература, 1978. – Т. 5.

3. Словарь литературоведческих терминов ; ред.-сост. : Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

УДК 811.161.1’42

ПОЭТИКА НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Д. С. Афанасенко,
магистрант филологического факультета
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: darya.poznyak.95@mail.ru

Статья посвящена исследованию отдельных паралингвистических элементов в структуре художественного произведения на примере рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека», выступающих значимым дополнительным инструментом общения, а также способом передачи характеристик персонажей и отражения их внутреннего состояния в литературном произведении. Рассматриваются различные аспекты невербального поведения героев, выражаемые через мимику, жесты, позы и другие телесные проявления, которые дополняют словесное общение. Особое внимание уделяется способам авторского представления этих аспектов, позволяющим глубже проникнуть в психологию действующих лиц и понять подтекст происходящих событий. Отмечается значимость невербальной составляющей в формировании образов героев и общей атмосферы повествования, что подчеркивает многогранность творчества классика русской литературы и его мастерство при создании художественного текста.

Ключевые слова: рассказ, паралингвистика, невербальная коммуникация, персонаж, смысловая нагрузка.

THE POETIC OF NON-VERBAL COMMUNICATION IN F.M. DOSTOEVSKY’S STORY «THE DREAM OF A RIDICULOUS MAN»

D. S. Afanasyenko,
master's student of the Faculty of Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: darya.poznyak.95@mail.ru

The article is devoted to studying individual paralinguistic elements in the structure of a literary work using F. M. Dostoevsky’s novella “The Dream of a Ridiculous Man” as an example. These elements serve as significant additional tools for communication, as well as means for conveying character traits and reflecting their inner state within the narrative. Various aspects of nonverbal behavior exhibited by characters are explored through facial expressions, gestures, postures, and other bodily manifestations that complement verbal interaction. Special attention is given to methods employed by the author to represent these aspects, which allow deeper insight into the psychology of the protagonists and understanding of underlying events. The importance of nonverbal components in shaping hero images and overall atmosphere of storytelling is highlighted, emphasizing the multifaceted nature of the Russian literature classic’s creativity and his skill in crafting artistic texts.

Keywords: short story, paralinguistics, nonverbal communication, character, semantic load.

Введение. Художественный текст включает параязыковые элементы, среди которых выделяются различные составные компоненты. Парафонические

МГПУ им. И.П. Шамякина

феномены – особенности голосового звучания, артикуляция звуков, фонетические нюансы и продолжительность пауз. Под кинесическими элементами понимаются разнообразные телодвижения: жесты рук, выражение лица, манера ходьбы, положение тела и общая пластика. Жест в литературе обозначает любое физическое или мимическое действие персонажа, запечатленное автором. Согласно Г. Е. Крейдлину, жест представляет собой элемент двигательной активности человека, включающий значимые перемещения рук, ног, туловища или мимики лица [1, с. 356]. К. Г. Исупов акцентирует внимание на том, что внутренняя сущность жеста заключается в сокращенной форме высказывания: улыбка, направление взгляда, положение тела воспринимаются как молчаливые коммуникативные сигналы [2, с. 115]. Жесты, мимика и телодвижения и др. используются в литературных произведениях в качестве средств общения. Они заменяют или, наоборот, усиливают вербальную речь, передают эмоции, демонстрируют сиюминутное душевное смятение героев или раскрывают их тайные замыслы [3, с. 8]. Проксематика определяет пространственную близость собеседников друг к другу. Современные исследования объединяют речь и её невербальные компоненты в целостную коммуникативную систему, важную как для разговорной практики, так и для письменной литературы. Паралингвистические маркеры в художественной прозе выступают особыми знаками, несущими самостоятельную смысловую нагрузку.

Средства невербальной коммуникации в текстах художественных произведений Ф. М. Достоевского нередко трактуются как своеобразный символический шифр, смысл которого раскрывается сквозь призму христианских взглядов автора. Излишняя сосредоточенность исследователей на мистическом содержании телодвижений приводит к непониманию психологической глубины произведений и их роли в построении сюжета.

Цели и задачи. Целью данной работы является анализ используемых паралингвистических элементов в художественном тексте на примере рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека», где автор повествует об одиноком, не очень счастливом человеке, который страдает от осознания бессмысленности жизни. После попытки самоубийства главный герой видит сон, в котором оказывается в идеальном мире, населённом добрыми, счастливыми людьми. Реализация обозначенной цели предполагает постановку и решение следующих задач: выявление и систематизация основных видов невербальных средств коммуникации, используемых автором в рассказе «Сон смешного человека»; определение влияния невербальных проявлений на восприятие читателями внутренних переживаний героев и понимание глубинного смысла произведения.

Методы и материал исследования. В качестве материала для исследования определены средства невербальной коммуникации, использованные Ф. М. Достоевским в рассказе «Сон смешного человека», рассмотренные посредством методов контекстуального анализа и описания.

Результаты и их обсуждение. Рассказ Фёдора Михайловича Достоевского «Сон смешного человека» является ярким примером глубокого психологического анализа личности героя и мастерского владения невербальной коммуникацией – теми аспектами общения, которые выражаются жестами, мимикой, взглядом, позой и прочими средствами, дополняющими вербальное сообщение.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Мимика и взгляд

Ироничная улыбка. Герой часто изображается с лёгкой усмешкой на лице, особенно когда он размышляет о бессмысленности жизни. Улыбка героя носит оттенок иронии и сарказма. Она подчеркивает его отстранённость от мира и внутренний конфликт между цинизмом и стремлением к идеалу, внутреннюю иронию и скептицизм: *«Да разве человек может любить человечество вообще, ведь даже трудно назвать это любовью! Это скорее какое-то холодное чувство отвлечённое, вроде математики»* [4, с. 105].

Выражение страдания. Лицо героя иногда искажено страданием и болью, что проявляется в его нахмуренных бровях, напряжённых мышцах лица и слезящихся глазах. Таким образом, внешний облик становится «зеркалом» внутренних переживаний человека. Это передает глубину его эмоциональной боли и разочарований: *«Но лицо мое было страшно, потому что оно отражало всю мою внутреннюю муку»* [4, с. 108].

Печальный взгляд. Взгляд героя часто направлен вдаль, он наполнен печалью и меланхолией. Такой взгляд символизирует ощущение пустоты и одиночества персонажа в мире: *«Отвел глаза, чувствуя неловкость и стыд»* [4, с. 111]. Героем руководит желание избежать зрительного контакта, что проявляется через смену направления взгляда.

Испуганный взгляд. Когда герой оказывается в странном мире своей мечты, его глаза выражают страх и недоумение. Этот взгляд помогает читателю почувствовать тревогу и неуверенность персонажа. В некоторых моментах испуганный взгляд героя связан с его страхом перед неизвестностью и непониманием окружающего мира: *«Глубокое негодование загорелось вдруг в сердце моем, и вдруг я почувствовал в нем физическую боль»* [4, с. 114]; *«Я вдруг прозрел: была глубокая ночь, и никогда, никогда еще не было такой темноты!»* [4, с. 114].

Жесты

Отчаянные жесты. В начале произведения главный герой испытывает глубокое чувство безнадежности и одиночества. Это проявляется посредством его движений: *«Я стал слышать и чувствовать всем существом моим, что ничего при мне не было»* [4, с. 116]; *«Я всё молчал и, кажется, им надоел»* [4, с. 105].

Активные движения руками. Главный герой часто совершает импульсивные, отчаянные движения руками, что отражает его внутреннее смятение и растерянность. Эти жесты подчеркивают его состояние крайнего напряжения и разочарования жизнью: *«Я поднял руки и воззвал к вечной истине; не воззвал, а заплакал; восторг, неизмеримый восторг поднимал всё существо мое»* [4, с. 118]; *«Руки мои бессильно повисли вдоль тела, ноги стали тяжелее свинца»* [4, с. 110].

Жесты, символизирующие размышление. Герой нередко задумчиво прикладывает руку ко лбу или к щеке, что свидетельствует о глубоких раздумьях и поиске смысла существования. Такие жесты передают его философские переживания и попытки осмыслить происходящее вокруг: *«Долго сидел я неподвижно, положив руки на колени, опустив голову и задумавшись»* [4, с. 107].

Поза

Склонённая голова. Поза героя с наклоненной головой подчёркивает его подавленность и смирение перед судьбой. Это физическое проявление его внутренней слабости и бессилия перед жизненными обстоятельствами: *«Я шел медленно, опустив голову, словно кто-то невидимый тянул меня назад»* [4, с. 107].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Движения тела

Медленная походка. Медленный темп ходьбы героя подчеркивает его апатию и отсутствие интереса к жизни. Это физический символ его моральной усталости и утраты воли к действию: *«Право, это обнаруживалось даже в самых мелких пустяках: я, например, случалось, иду по улице и натыкаюсь на людей»* [4, с. 106]; *«Я шел медленно, опустив голову, словно кто-то невидимый тянул меня назад»* [4, с. 107].

Кивки и повороты головы тоже имеют значение, так как эти незначительные движения показывают на постепенное осознание героем окружающей реальности: *«Медленно поднял голову и взглянул вокруг себя»* [4, с. 112].

Пауза и молчание

Паузы в тексте играют важную роль в создании эмоциональной напряженности и подчеркивании значимых моментов. Они позволяют читателю остановиться и задуматься над словами героя, создавая эффект замедления времени. Например, герой рассказа часто останавливается перед важными решениями или воспоминаниями, давая возможность осознать глубину своего переживания: *«...Но отчего же мне было тогда так тяжело и почему именно теперь?»* [4, с. 116]. Эта пауза помогает подчеркнуть внутреннюю борьбу героя между желанием жить и отчаянием от осознания бессмысленности жизни.

Молчание в рассказе Ф. М. Достоевского – это не просто отсутствие речи, а форма выражения глубоких чувств и мыслей. Оно может символизировать одиночество, страх, растерянность или внутренний конфликт. Герой неоднократно испытывает моменты молчания, когда он оказывается один на один со своими мыслями: *«Я молчал, думая»* [4, с. 114].

Выводы. Автор активно использует мимику для передачи эмоций и мыслей персонажа: выражение лица героя отражает его внутренние сомнения, разочарование и попытки разобраться в собственной душе. Взгляд становится зеркалом сознания, отображающим глубочайшие чувства и переживания героя. Несмотря на редкое и подробное описание жестов, позы героев играют важную роль в передаче их состояния. Так, положение рук, ног и корпуса помогает читателю лучше понять характер героев и динамику их отношений друг с другом. Важнейшим аспектом невербального общения является использование пауз и молчания. Они становятся инструментом выражения глубоких чувств, тревоги и рефлексии. Часто герои общаются больше молча, чем словами, передавая невысказанные мысли и эмоции.

Анализ невербальных средств коммуникации в рассказе Ф. М. Достоевского подтверждает важность внимательного прочтения художественных деталей, помогающих раскрыть истинный смысл произведения писателя. Невербальная коммуникация дополняет вербальную речь, создавая многомерный образ героя и атмосферу события, благодаря чему достигается глубокое осмысление литературного материала.

Список использованных источников

1. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

2. Исупов, К. Г. Космос русского самосознания / К. Г. Исупов // Общество. Среда. Развитие = Terra Humana. – 2007. – № 3. – С. 115.

3. Пиз, А. Язык жестов: Увлекательное пособие для деловых людей / А. Пиз. – Воронеж : НПО МОДЭК, 1992. – 218 с.

МГГУ им. И.П. Шамякина

4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом). – Л. : Наука. Ленингр. отд., 1972–1990. – Т. 25 : Дневник писателя за 1877 год. Январь–август / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. – 1983. – 470 с.

УДК 882

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕЛЫЕ НОЧИ»

С. А. Белохвостик,
студентка 2 курса лингвистического факультета
Барановичского государственного университета,
г. Барановичи, Республика Беларусь
E-mail: sofiya.belokhvostik@mail.ru

В статье рассматриваются особенности организации художественного времени в повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи». Анализируется специфика темпоральной структуры произведения, соотнесенность времени и состояния героя-мечтателя. Особое внимание уделяется роли белых ночей как символа искаженного восприятия времени и реальности главным героем. Исследуется влияние субъективного восприятия времени на формирование художественного мира повести, а также взаимосвязь времени и психологического состояния персонажа. Показано, как через особенности организации темпорального пространства автор раскрывает внутренний мир героя, его оторванность от реальной жизни и погруженность в мир грез и фантазий.

Ключевые слова: художественное время, объективность, темпоральность, перцептуальный, время.

ARTISTIC TIME IN THE STORY “WHITE NIGHTS” BY F. M. DOSTOEVSKY

S. A. Belokhvostik,
Student of the 2nd year of the Faculty of Linguistics Baranovichi State University,
Baranovichi, Republic of Belarus
E-mail: sofiya.belokhvostik@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the organization of artistic time in F. M. Dostoevsky's story “White Nights”. The specificity of the temporal structure of the work, the correlation of time and the state of the hero-dreamer is analyzed. Special attention is paid to the role of the White Nights as a symbol of distorted perception of time and reality by the protagonist. The influence of subjective perception of time on the formation of the artistic world of the story, as well as the relationship between time and the psychological state of the character is studied. It is shown how through the peculiarities of the organization of temporal space the author reveals the inner world of the hero, his detachment from real life and immersion in the world of dreams and fantasies.

Keywords: artistic time, objectivity, temporality, perceptual, time.

Введение. Мир художественного произведения, связанный с миром реальной действительности, не может существовать вне времени и пространства. Данные категории являются ключевыми в описании параметров эстетической действительности, вымышленной автором и материализованной им в словесно-художественной форме [1, с. 919]. По Т. В. Матвеевой, текстовая категория

МГУ им. И.П. Шамякина

времени определяется как категория, «с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или её преломлением» [2, с. 536].

Категория художественного времени играет существенную роль в формировании содержания текста. При этом автор текста создает в каждом конкретном случае новый образ мира. Он располагает его в различных определенных рамках времени и пространства, свойственных (или несвойственных) данной ситуации, что обусловлено установкой автора [3, с. 166]. «Временной и пространственный язык» используется авторами художественных произведений как средство выражения собственной субъективной позиции. Художественное время не столько календарный отсчёт событий, сколько соотнесённость событий, установление ассоциативных, причинно-следственных, психологических связей между ними, создание сложного ряда событий, выстраиваемых в сюжетной канве. Это форма бытия идеального мира эстетической действительности, временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума [4, с. 16].

Художественное время – одна из самых существенных сторон художественной изобразительности в романах Достоевского – почти век является предметом исследований, главным образом, потому, что ощущение времени у героев Достоевского крайне субъективно. Мгновение может «остановиться», а длительный период «промелькнуть». По концепции М. Бахтина, в романах Достоевского проявляется «неготовое настоящее», «становящаяся современность», «незавершенная действительность», возникает событие героев. В каждом романе у Достоевского субъективное восприятие времени – это одна из форм изображения действительности [5].

В исследованиях о произведениях Достоевского отмечены такие характеристики его художественного времени, как густота событий, компактность, насыщенность, катастрофичность. Среди хорошо известных, но не получивших однозначной интерпретации особенностей его романов есть и такая черта, как лихорадочный темп повествования [6, с. 112].

Цели и задачи. Выявить роль временных форм и их взаимодействие в создании эмоционального фона произведения, а также понимание того, как языковые средства способствуют формированию восприятия времени персонажами и самим читателем. Результаты исследования помогут понять авторскую стилистику и особенности временной организации текста, а также откроют новые горизонты для анализа других произведений Достоевского и литературы в целом, способствуя более глубокому восприятию художественного текста и его структурных элементов.

Методы и материал исследования. Изучение литературоведческих и культурологических работ, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского, проблемам художественного времени и пространства, а также психологическому анализу литературного героя. Анализ текста повести «Белые ночи» с целью выявления темпоральных элементов, их функций и взаимосвязей.

Основным материалом исследования послужил текст повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» (1848 г.). В качестве вспомогательного материала использовались литературоведческие работы, критические статьи и материалы, посвященные художественного времени и пространства в литературе.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Результаты и их обсуждение. Время – векторная категория, т. е. категория, для которой важно направление, движение из определенной исходной точки (референтной точки) [2, с. 537]. Такой точкой отсчёта у Ф. Достоевского в произведении «Белые ночи» является, как ни удивительно, ночь: «Была *чудная ночь*, такая ночь, которая разве только и может быть тогда…» [8, с. 102]. Эта точка, по большей части, достаточно субъективна, ведь под ней автор скорее подразумевает особый момент в жизни каждого человека, который можно описать никак иначе как ночь. Уже далее автор продолжает повесть с более объективного времени, начиная описывать день главного героя «с самого утра…».

Уже с первой главы можно наблюдать особенности художественного времени, которое будет проявляться на протяжении всего произведении: когда автор вплетает к реальному времени перцептуальное. Перцептуальное время выраженно в субъективном восприятии, обычно оно выражено в таких словах как «в известный час», «в эту минуту», «в иной час», «в такие минуты», «в известный срок» и прочее.

Характерны случаи уподобления минут часами, когда минута может казаться достаточно длительным временным отрезком: «… у которого нет ни друзей, ни добрых знакомых и которому *в радостную минуту* не с кем разделить свою радость» [8, с. 105], «Знаете ли, я сегодня был счастлив; я шёл, пел; я был за городом; со мной ещё никогда не бывало *таких счастливых минут*» [8, с. 108], «Я мечтатель; у меня так мало действительной жизни, что я *такие минуты, как эту*, как теперь, считаю так редко, что не могу не повторять *этих минут* в мечтаньях» [8, с. 108], «… как будто *одна минута* должна была продолжаться целую вечность и словно вся жизнь остановилась для меня» [8, с. 129]. Вдобавок можно отметить употребление автором слов-модификаторов (целый, полный, такой), за счёт чего объективное время дополняется субъективно-психологическими обертонами: «Она (Бабушка Настеньки) слепая и вот уже *целую* жизнь меня никуда не пускает…» [8, с 111], «Отчего же *целые* бессонные ночи проходят как один миг…» [8, с. 116], «Думаю, я (Настенька) шла *целый* час по лестнице» [8, с. 124].

Вместе с тем, можно смело утверждать, что в «Белых ночах» встречается и противоположная тенденция, которая отражает объективность времени: Достоевский, на протяжении всей повести, усердно ведёт счёт минутам и часам времени внешнего. Историко-календарное время встречается уже с первой главы: «*Намедни*, когда мы не видались *целые два дня* и на *третий день* встретились…» [8, с. 103], «Я уже сказал, что меня целые *три дня* мучило беспокойство…» [8, с. 103], «Я пришел назад в город очень *поздно*, и уже пробило *десять часов*» [8, с. 105]. Но ярче всего это проявляется в диалогах между персонажами: «Боже! какой вы друг! – начала она (Настенька) через *минуту* очень серьезно…» [8, с. 128], «Я думаю об вас, – сказала она (Настенька) мне после *минутного молчания*» [8, с. 131]; «минуты», по большей части, употребляются в значении конкретно-временном. Вероятно, именно про эту внешнюю акцентированность на точном времени относительно хронологии и писал В. Я. Кирпотин: «В самих же романах Достоевского царит вобранное, актуализированное, но совершенно объективное время, которому ведется точный счёт. Достоевский никогда не забывает посмотреть на календарь и на часы» [7, с. 372].

Интересно наблюдать, что главный герой повести словно ведёт отсчёт своего психологического и духовного состояния. К примеру, когда главный герой говорит

МГТУ им. И.Г. Шамякина

Настеньке о «мечтателях»: «… когда-нибудь пробьёт грустный час, когда он за один день этой жалкой жизни отдаст все свои фантастические годы» [8, с. 116], «… принужден справлять годовщину своих ощущений, годовщину того, что было прежде так мило, чего в сущности никогда не бывало…» [8, с. 119]. Достоевский, очевидно, делит человеческий мир на объективную реальность и мир грёз, мечтаний. При описании «мечтателей» автор, по большей части, не изображает время, а если оно и фигурирует, то принимает абстрактный оттенок, оно словно выпадает из жизни героя; но как только «мечтателю» суждено столкнуться с реальностью, появляется важный жизненный момент, время начинает объективно идти, точно по часам, календарю: «… вы хотите знать, отчего я так переполошился и *потерялся на целый день* от неожиданного визита приятеля?» [8, с. 113], «… вмоём *дне один час*, который я чрезвычайно люблю. Это тот *самый час*, когда кончаются почти всякие дела» [8, с. 114]. Подобное состояние напоминает сновидение, эпилептический припадок, сильное нервное расстройство – человек «выпадает» из реальности и, тем самым, «выпадает» из времени. Складывается ощущение, что экзистенциональная трагедия главного героя заключается в течении времени.

Невозможно не заметить один занимательный элемент данного произведения: с какого временного промежутка начинается и заканчивается повесть. Если «чудная ночь» – это точка отсчёта художественного времени, то конечная точка – это утро: «Мои ночи кончились утром» [8, с. 139]. И хотя нельзя утверждать, что «белые ночи» имеют объективный временной характер, хоть в повести и присутствует краткое упоминание о них в виде природного явления: «Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вот это желтое облако теперь застилает её, смотрите, смотрите!..» [8, с. 139] – несмотря на это, «ночи» по большей части фигурируют как субъективное время или даже как риторический, ведь через них Рассказчик повествует о своем душевном состоянии. Ночь фигурирует в повести в виде мира грёз и мечтаний героя о светлом и чистом, но, какими бы не были блаженные эти моменты, всё равно наступает утро, где герою предстоит столкнуться с действительностью.

Выводы. В повести «Белые ночи» Ф. М. Достоевского в биографическом времени героев повести появляются роковые мгновения, внутри которых присутствует длительность и субъективное время, отсчитанное по часам или минутам. Герои произведения не используют ни часы, ни календари, но точность времени, которую они применяют, является необходимой для интриги, для усиления драматизма, для подчёркивания периодов жизни персонажей. Для Достоевского крайне важно, чтобы его персонажи ощущали и считали время, потому что время в его произведении выступает, в большей степени, как описание героями своих эмоционально-психологических состояний, которые они пытаются выразить через язык временных понятий.

Список использованных источников

1. Нестерик, Э. В. Свойства и функции исторического времени в художественном тексте / Э. В. Нестерик, В. О. Клунная // Молодой учёный. – 2016. – № 2 (106). – С. 919–922.

2. Матвеева, Т. В. Текстовое время, или темпоральность / Т. В Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – URL: https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/215 (дата обращения: 01.04.2025).

3. Папина, А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории : учеб. / А. Ф. Папина. – М. : УРСС, 2002. – 368 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

4. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – М. : Высшая школа, 1979. – 219 с.

5. Серопян, А. С. Концепт «время» в творчестве Ф. М. Достоевского. Культурологический аспект : автореф. дис. … канд. культурол. наук : 24.00.01 / А. С. Серопян ; Шуйский гос. пед. ун-т. – Шуя, 2009. – 27 с.

6. Ковалев, О. А. Время и нарратив в творчестве Ф. М. Достоевского / О. А. Ковалев. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 316 с.

7. Кирпотин, В. Я. Особенности художественного видения мира у Достоевского / В. Я. Кирпотин // Достоевский-художник. – М., 1972. – 372 с.

8. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах : художественные произведения. Т. 1–17 / Ф. М. Достоевский. – Л. : Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1972.

УДК 81’42. 5.9.8

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ «ЭЛИТА-ДИКАРИ» В РОМАНЕ О. ХАКСЛИ «BRAVE NEW WORLD»

Ю. Д. Борщева,
ассистент кафедры немецкого и французского языков
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: yulia.borsheva@mail.ru

В статье изучается специфика представления культурного пространства в художественном тексте. Выявление и анализ значимых языковых единиц позволяет сформулировать лингвокультурную модель, отражающую особенности отдельно взятого общества. Проводится сравнение культур элиты и дикарей в романе «Brave New World». В результате исследования определяются культурные доминантны двух полярных обществ романа. Для культуры элиты характерно потребительское отношение, которое выражается в предметах быта, языке, мировоззрении. Культурное пространство дикарей репрезентуется в романе следующими ценностями: маскулинностью, семейными узами, значимостью природы и отсутствием высоких технологий.

Ключевые слова: художественный текст, лингвокультурная модель, культурное пространство.

COMPARATIVE-CONTRASTIVE LINGUOCULTURAL MODEL “ELITE-SAVAGES” IN O. HUXLEY'S NOVEL “BRAVE NEW WORLD”

Y. D. Borshcheva,
assistant of the Department of German and French Languages
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
E-mail: yulia.borsheva@mail.ru

The article studies the specifics of the representation of cultural space in a fiction text. Identification and analysis of significant linguistic units allows us to formulate a linguacultural model that reflects the characteristics of a particular society. A comparison is made between the cultures of the elite and savages in the novel “Brave New World”. As a result of the study, the cultural dominants of the two polar societies of the novel are determined. The culture of the elite is characterized by a consumer attitude, which is expressed in household items, language, and worldview. The cultural space of savages is represented by the following values: masculinity, family ties, the importance of nature and the absence of high technology.

Keywords: fiction, linguacultural model, cultural space

МГПУ им. И.П. Шамякина

Введение. Культурное пространство является естественной частью человеческой цивилизации, которое отражает «накопление, сохранение и проявление «идеальных» способов и результатов освоения, и преобразования действительности» [1, с. 38]. Культура выходит за рамки бытия отдельного индивида и характеризует комплекс ценностей, повседневных практик, языка, религии и других граней культуры, принятых в конкретном обществе или государстве.

Язык напрямую связан с сознанием и содержит все богатство культуры, особенности мировоззрения и восприятия окружающего мира, что позволяет человеку «моделировать пространство бытия культуры в мозге» [5, с. 103]. Художественный текст строится на совокупности вымышленных и реальных моделей мира, в которых автор выражает «конгломерат глубинных этносмыслов народа в преломленной проекции мировиденья писателя» [6, с. 61]. Моделирование культурного пространства художественного текста позволяет выявить систему языковых единиц, обладающих культурно значимой информацией, «помогающих раскрыть как культурную, так и языковую картину мира» [2, с. 13].

Цель исследования – сравнить культурное пространство элиты и дикарей в художественном тексте романа О. Хаксли «Brave New World».

Методы исследования:

сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить особенности культурных доминант в каждом из обществ, представленных в романе, и выявить их отличия;

метод интерпретации использовался для изучения семантического значения на предмет репрезентантов культурного пространства;

метод моделирования позволил на основе лингвистического анализа выявить наиболее значимые культурные единицы в каждом из обществ романа.

Новизна исследования состоит в применении лингвистического моделирования к анализу художественного текста. Моделирование художественного пространства является методом лингвокультурологического исследования, которое требует контекстуального анализа художественного текста с целью выявления языковых единиц, маркирующих культурную специфику.

Материалом исследования послужил роман О. Хаксли «Brave New World». Культурное пространство элиты описано автором более подробно, что осложняет процесс сравнения, поскольку культурные доминанты общества элиты имеют многократные повторения в тексте в то время, как культура дикарей описывается единично (делаем вывод, что это описание является доминантным).

Результаты и их обсуждение. Культурное пространство в художественном тексте объединяет «фактологический, концептуальный и подтекстовый уровни» [4, с. 12]. Лингвокультурная модель выстраивается на основе культурно значимой информации, которая выражается в «конкретных культурно-маркированных языковых единицах» [3, с. 201]. Можно выделить следующие этапы процесса моделирования:

1. Анализ текста на предмет информации, репрезентирующей культурные доминанты.

2. Выявление взаимосвязи между выявленными элементами.

3. На основе полученных результатов создание лингвокультурной модели [7, с. 3337].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Культурное пространство элиты в романе О. Хаксли строится на основе модели потребления, которая характеризуется следующими лексическими единицами: религиозные коннотации в упоминании основоположника цивилизации элиты – Форда; практика регулярного употребления сомы, направленной на подавление мышления в пользу потребления благ общества и жизни в удовольствие; организация быта вокруг Инкубатория, где воспитываются, работают и самовоспроизводятся все члены общества.

Форд является символом победы общества потребления, поскольку культура и жизнь элиты строится на повторяющихся ритуалах. Как следствие, лексическая единица становится наименованием исторического периода: *«For a very long period before the time of Our Ford, and even for some generation afterwards»* [9, с. 10] / В течение долго времени до эпохи Форда и даже некоторое время после этого. Мировоззрение элиты возводит имя Форда до сакрального: *«Here the Director made a sign of the T on his stomach and all the students reverently followed suit»* [8, с. 25] / Директор сделал знак буквой Т, и ученики благоговейно повторили. Приведем упоминания Форда в контексте общения: *«Oh, Ford»* [8, с. 25] / Ох, Форд, *«Ford's Day»* [8, с. 44] / День Форда, *«Thank Ford!»* [8, с. 65] / Спасибо Форд. Примеры иллюстрируют приверженность обывателя к идеологии общества, которое отражается рефлекторно в повседневном общении.

Другими значимыми лексическими единицами в тексте романа являются идентификаторы социальной стратификации общества, которая закрепляется в процессе воспроизводства населения с помощью генной инженерии. Элита разделена на 5 каст (Alpha, Beta, Gamma, Delta, Epsilon). Каждый член общества является частью общего механизма, осознает свое положение и гордится им: *«…every one works for everyone else…»* [8, с. 32] / каждый принадлежит всем остальным.

Обозначим специфику употребления лексической единицы «soma», которая в романе является наркотическим веществом, направленным на подавление индивидуального мышления и реализации своих гедонистических желаний: *«…that second dose of soma had raised a quite impenetrable wall between the actual universe and their minds»* [8, с. 37] / вторая доза сомы воздвигла непробиваемую стену между реальным миром и их разумом.

Одним из способов репрезентации лингвокультурной модели общества в тексте романа стали крылатые выражения, которые являются отражением истории, культуры и повседневных практик. Выделим наиболее частотные из них: *«A gramme in time saves nine»* [8, с. 42] / Сомы грамм и нету драм; *«A gramme is always better than a dawn»* [8, с. 56], *«Never put off till to-tomorrow the fun you can have to-day»* [8, с. 45] / зачем откладывать наслаждение на завтра, если можно получить его сегодня.

Можно констатировать, что лингвокультурная модель элиты, представленной в романе, транслирует гедонистический уклад общества, пропагандирующий наслаждение и потребление. Смысл жизни общества потребления описывается директором инкубатория на примере необходимости отказа от природы и книг, поскольку эти хобби не несут экономической выгоды государству и не заполняют спросом фабрики: *«A love nature keeps no factories busy»* [8, с. 13] / Любовь к природе не заставит фабрики работать.

Менее детально представлена автором лингвокультурная модель дикарей. Отметим, что культурное пространство дикарей не имеет повторяющихся

МГПУ им. И.П. Шамякина

лексических единиц, поскольку описывается одним эпизодом романа, когда Бернард и Ленайя посещают пуэбло индейцев.

В ходе экскурсии элиты в поселение дикарей автор уделяет большое внимание описанию природы: *«The mesa was like a ship…»* [8, с. 51] / Гора была похожа на корабль; *«an eagle flew past so close to them that the wind of his wings blew chill on their faces»* [8, с. 51] / орел пролетел так близко, что ветер крыльев обдал их холодом. Отметим, что техногенный мир элиты также имеет обустроенные природные зоны (парк, сад), поэтому отличительной особенностью другого культурного пространства является дикая природа.

В отличие от культа молодости, культура дикарей в романе построена на естественном цикле старения: *«His face was profoundly wrinkled and black, like a mask of obsidian. The toothless mouth had fallen in»* [8, с. 52] / Его лицо было изморщено и черно, как обсидиановая маска. Беззубый рот ввалился.

В целом культура дикарей в тексте романа имеет традиционный уклад, что и отличает ее от нововведений элиты:

– наличие семьи и процесса живорождения и воспитания детей: *«The spectacle of two young women giving breast to their babies made her blush and turn away her face»* [8, с. 53] / Вид двух женщин, кормящих детей грудью заставил ее покраснеть и отвернуться;

– популярность жестоких обрядов, направленных на доказательство маскулинности: *«Then all at once the boy staggered and, still without a sound, pitched forward on to his face»* [8, с. 55] / Вдруг мальчик пошатнулся и без звука упал лицом вниз.

Лингвистический анализ художественного текста показывает, что ключевыми номинантами культурного пространства дикарей выступают природа, естественный цикл жизни человека – старение, маскулинность и семейные отношения. Важную роль в диалоге культур элиты и дикарей играет Джон, который не является типичным представителем дикарей, поскольку вдохновлялся не местными обычаями, а произведениями Шекспира, поэтому его культурное пространство заслуживает отдельного рассмотрения.

Выводы. Сравнительно-сопоставительный анализ культуры элиты и дикарей в романе О. Хаксли показал полярное отношение к процессу старения (культ молодости и принятие процесса старения), оплодотворению (искусственное и естественное), отношению к детям (механическое воспитание по алгоритму против семейного воспитания), повседневных практик (культ потребления у элиты и борьба за выживание у дикарей), отношение к природе (незначительная часть городского рельефа и жизненно важное пространство).

Список использованных источников

1. Баранова, А. Ю. Художественный текст как основа моделирования авторского сознания творческой языковой личности / А. Ю. Баранова, О. В. Четверикова // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – 2016. – № 3 (182). – С. 35–42.

2. Горбатовский, А. С. Денотативный аспект значения лексемы как единицы моделирования культурного пространства в художественном тексте / А. С. Горбатовский // Вестник Пермского ун-та. – 2021. – № 4. – С. 12–18.

3/ Горбатовский, А. С. Категория вежливости в процессе моделирования культурного пространства художественного текста / А. С. Горбатовский, М. А. Олейник // Немецкая филология в Санкт-Петербургском гос. ун-те. – 2023. – № 13. – С. 198–211.

МГПУ им. И.П. Шамякина

4. Горбатовский, А. С. Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства в художественном тексте (на материале романа Д. Кельмана «Tyll») : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Горбатовский Александр Сергеевич ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар : КГУ, 2022. – 25 с.

5. Леонов, И. В. Культурное пространство и основные пути его моделирования / И. В. Леонов, М. А. Харитонова // Человек. Культура. Образование. – 2018. – № 3 (29). – С. 100–115.

6. Огнева, Е. А. Архитектоника текстового когнитивного сценария в интерпретативном поле перевода / Е. А. Огнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 61–70.

7. Олейник, М. А. Моделирование культурного пространства как метод лингвокультурологического исследования художественного текста (на материале романа Д. Кельмана «Tyll») / М. А. Олейник, А. С. Горбатовский // Филологические науки. Теория и практика. – 2022. – № 10. – С. 3336–3339.

8. Huxley, A. Brave New World. – New York, 1932. – URL: https://anylang.net/ru/books/en/o-divnyy-novyy-mir (дата обращения: 15.03.2025).

УДК 81’25

ТЕНДЕНЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)

А. Е. Волкова,
студент факультета иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: volkova4e@yandex.ru

В статье исследуются тенденции художественного перевода в контексте лингвокультурных аспектов на примере романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на русском и английском языках. Установлены специфические методы перевода, используемые в различных культурных средах, и исследуются, какие аспекты оригинального произведения сохраняются, а какие изменяются в ходе перевода. В результате работы выявлены основные тенденции и стратегии перевода, а также их влияние на восприятие и интерпретацию текста в различных культурных контекстах. Исследование предоставляет информацию о важности учета лингвокультурного контекста при переводе художественных произведений и является полезным ресурсом для переводчиков и исследователей в области переводоведения.

Ключевые слова: текст, художественный перевод, классификация, лингвокультуремы, этнографические реалии.

TENDENCIES OF LINGVOCULTUREME LITERARY TRANSLATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE NOVEL BY L. N. TOLSTOY “WAR AND PEACE” IN RUSSIAN AND ENGLISH)

A. E. Volkova,
student of the Faculty of Foreign Languages
of Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
E-mail: volkova4e@yandex.ru

The article examines the tendencies of literary translation in the context of lingvocultural aspects using the example of L. N. Tolstoy’s novel “War and Peace” in Russian and English. The specific translation methods used in various cultural environments are established and explore which aspects of the

МГПУ им. И. П. Шамякина

original work are preserved and which are changed during translation. As a result of the work, the main trends and strategies of translation are identified, as well as their impact on the perception and interpretation of the text in various cultural contexts. The research provides information on the importance of taking into account the linguistic and cultural context when translating works of art and is a useful resource for translators and researchers in the field of translation science.

Keywords: text, literary translation, classification, lingvocultureme, ethnographic realities.

Введение. В современном информационном мире появляется огромное количество текстовых материалов, требующих инновационных исследовательских подходов. Актуальность изучения текста обусловлена необходимостью установления современных трендов, проблем и интересов читательской аудитории. Текст выстраивается с целью привлечь внимание читателей и оставить у них различное впечатление. Так, по мнению И. Р. Гальперина, текст является как «сознательно организованный результат речетворческого процесса, подчиняющийся определенным для него [текста] закономерностям организации» [3, с. 3].

Прочтение текста, по мнению Ю. М. Лотмана, представляет собой ознакомление, включение в «некоторый общий культурный мир» [5, с. 22].

В создании общего культурного мира активно участвует перевод художественных текстов, который играет огромную роль в распространении и увеличении доступности произведений для читателей разных стран. Переводчики, обладающие глубоким знанием языков и культур, передают не только смысл и содержание произведения, но и его эмоциональную окраску и стиль. Перевод рассматривается Н. К. Гарбовским как «сложнейшая интеллектуальная деятельность» [4, с. 13].

Представляется интересным выявить тенденции перевода лингвокультурем в русской литературе. В. В. Воробьев, говоря о русской национальной личности, отмечает, что «в каждой национальной культуре есть идеальный образ человека: это целостная человеческая личность» [2, с. 96]. Центральная часть русской языковой личности представлена лингвокультуремами: русский, российский, великорусский.

В теории лингвистики существует следующая классификация культурно-специфических реалий, отражаемых языковыми знаками в тексте. Во-первых, это географические реалии; во-вторых, этнографические реалии, которые включают в себя быт: пища, одежда, жилье, мебель, транспорт; труд: люди труда, орудия труда, организация труда; искусство и культуру: музыка и танец, музыкальные инструменты, фольклор, театр; а также этнические объекты; меры и деньги. В-третьих, общественно-политические и военные реалии [1, с. 59–63].

Этнографические реалии художественного текста выражаются в лингвокультуремах, под которыми понимается обособленная группа знаков, несущая в себе «совокупность признаков культурологического фонда того или иного народа и требуют пристального внимания со стороны переводчика» [6, с. 32].

Художественный перевод является сложным и многогранным процессом, требующим не только лингвистических навыков, но и глубокого понимания культурных особенностей и контекста оригинального произведения.

Цели и задачи. Цель исследования – выявить тенденции перевода лингвокультурем романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на английский язык.

Задачи исследования: 1) проанализировать лингвокультурные особенности текста романа Л. Н. Толстого «Война и мир»; 2) определить роль лингвокультурем в передаче смысла и контекста при переводе на английский язык; 3) сравнить

МГПУ им. И.П. Шамякина

лингвокультуремы текста оригинала и перевода на английский язык; 4) выявить основные стратегии перевода лингвокультурем.

Методы и материал исследования. В работе применены следующие методы: лингвистический анализ романа «Война и мир», нацеленный на выявление лингвокультурем; сравнительно-сопоставительный анализ, позволяющий определить тенденции перевода лингвокультурем с русского на английский язык.

Материалом исследования послужил роман Л. Н. Толстого «Война и мир» и текст его перевода на английский язык.

Результаты и их обсуждение. В данной статье рассмотрены лингвокультуремы романа Л. Н. Толстого «Война и мир», определены тенденции перевода с русского на английский язык с учетом того, что лингвокультура влияет на переводческие решения. Лингвокультурные аспекты перевода важны для понимания глубокого послания произведения и демонстрируют многогранность мировоззрения автора и переводчика в процессе перекодировки лингвокультуремы этнографических реалий.

1. Лингвокультуремы, обозначающие различные виды одежды.

ПРИМЕР (1). «И в то время как князь Андрей (не с тем брюзгливым выражением лица и манерами, которые он напускал на себя в гостиных, а с тем оживленным лицом, которое у него было, когда он разговаривал с Пьером) входил к отцу, старик сидел в уборной на широком, сафьяном обитом, кресле, ***в пудроманте***, предоставляя свою голову рукам Тихона» [7] / «The old prince always dressed in old-fashioned style, wearing an antique coat and powdered hair; and when Prince Andrew entered his father's dressing-room (not with the contemptuous look and manner he wore in drawing-rooms, but with the animated face with which he talked to Pierre) the old man was sitting on a large leather-covered chair, wrapped ***in a powdering mantle***, entrusting his head to Tikhon» [7, с. 75].

В рассматриваемом оригинальном контексте выявлена лингвокультурема ***«пудромант»,*** обозначающая халат, который использовался перед началом создания сложной пудреной прически или надевания пудреного парика. Данная лингвокультурема, заимствованная изначально в русский язык из французского, переведена на английский язык словосочетанием «***a powdering mantle»*** (пудровая мантия), что раскрыло смысл написанного инокультурному читателю.

ПРИМЕР (2). «Несмотря на то, что чья-то карета стояла у подъезда, швейцар, оглядев мать с сыном, <...> значительно посмотрев на старенький ***салоп,*** спросил, кого им угодно, княжен или графа» [7] / «Although the hall-porter saw someone's carriage standing at the entrance, after scrutinizing the mother and son, <...> and looking significantly at the lady's old ***cloak***, he asked whether they wanted the count or the princesses» [8, с. 37].

В этом контексте установлена лингвокультурема «***салоп»,*** обозначающая верхнюю женскую одежду, широкую длинную накидку с прорезами для рук или с небольшими рукавами. Лингвокультурема заимствована в русский язык из французского и переведена на английский язык словом ***«cloak»*** (плащ). Следовательно, можно сделать вывод о том, что правильно подобранный эквивалент позволил понять суть написанного иностранному читателю.

ПРИМЕР (3). «Князь Ипполит торопливо надел свой ***редингот***, который у него, по-новому, был длиннее пяток, и, путаясь в нем, побежал на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживал в карету» [7] / «Prince Hippolyte approached the lite princess and, bending his face close to her, began to whisper something» [8, с. 17].

МГУ им. И.П. Шамякина

В представленном контексте определена лингвокультурема «***редингот»***, обозначающая мужскую верхнюю приталенную одежду, предназначенную для занятий верховой ездой. Данная лингвокультурема, заимствованная в русский язык из французского, в переводе на английский язык опущена.

ПРИМЕР (4). «Марья Дмитриевна остановилась в дверях и, с высоты своего тучного тела, высоко держа свою с седыми буклями пятидесятилетнюю голову, оглядела гостей и, как бы засучиваясь, оправила неторопливо ***широкие рукава своего платья***» [7] / «Marya Dmitrievna paused at the door. Tall and stout, holding high her fifty-year-old head with its grey curls, she stood surveying the guests, and leisurely arranged her ***wide sleeves*** as if rolling them up» [8, с. 46].

В этом контексте выявлена лингвокультурема «***широкие рукава платья»***, характеризующая тип платьев в описываемое время. В тексте перевода лингвокультурема не имеет эквивалента, то есть переводимая единица опущена.

2. Лингвокультуремы, номинирующие украшения и аксессуары:

ПРИМЕР (1). «– Ce n'est pas une histoire de revenants? [Это не история о привидениях?] – сказал он, усевшись подле княгини и торопливо пристроив к глазам свой ***лорнет***, как будто без этого инструмента он не мог начать говорить» [7] / «It's not going to be a ghost story?' said he, sitting down beside the princess and hastily adjusting his ***lorgnette***, as if without this instrument he could not begin to speak» [8, с. 10].

В рассматриваемом контексте установлена лингвокультурема «***лорнет»***, обозначающая очки, которые удерживаются с помощью рукоятки. Слово, заимствованное в русский язык из французского, переведено на английский язык словом «***lorgnette»*** (лорнет) с применением приема транскрибирования.

ПРИМЕР (2). «Князь Ипполит перенес ей ***ридикюль***, перешел за нею и, близко придвинув к ней кресло, сел подле нее» [7] / «Prince Hippolyte, having brought ***the work-bag***, joined the circle and moving a chair close to hers seated himself beside her» [8, с. 9].

В представленном контексте выявлена лингвокультурема «***ридикюль»***, обозначающая небольшую женскую сумочку на тонком ремешке или цепочке. Лингвокультурема, заимствованная в русский язык из французского, переведена на английский язык сложным эквивалентным словом «***the work-bag»*** (рабочая сумка).

Выводы. Проведение сравнительно-сопоставительного анализа оригинального текста романа Л. Н. Толстого «Война и мир» и его перевода на английский язык показало различия в подходе к передаче этнографических реалий. Были выявлены следующие закономерности: 1) в произведении Л. Н. Толстого применено значительное количество лингвокультурем, перекодированных в процессе перевода, 2) установлена высокочастотность опущения лингвокультурем, что привело в большей степени к адаптации русскоязычных реалий к восприятию английской культурой.

Список использованных источников

1. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : «Р. Валент», 2006. – 448 с.

2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (Теория и методы) : монография / В. В. Воробьёв. – М. : РУНД, 2008. – 340 с.

3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 4-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.

МГУ им. И.П. Шамякина

4. Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учеб. / Н. К. Грабовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
5. Лотман, Ю. М. О семиосфере / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – С. 20–29.
6. Художественный текст как объект межкультурной адаптации : монография / С. А. Моисеева, Е. А. Огнева. – М. : Эдитус, 2013. – 192 с.

Источники фактического материала

1. Толстой, Л. Н. Война и мир / Интернет-Библиотека Алексея Комарова. – URL: https://ilibrary.ru/text/11/index.html?ysclid=luy14976pv830518387. – Дата обращения: 02.04.2024.
2. Tolstoy, L. N. «War and peace» / Translated by Louise and Aylmer Maude. – London : by Wordsworth Editions Limited, 2007. – 994 с.

УДК 81.42

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

И. Н. Гуцко,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
и методики преподавания иностранных языков
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: gutsko.i@yandex.by

Д. В. Сивченко,
преподаватель английского языка ГУО «Гимназия г. Калинковичи»,
г. Калинковичи, Республика Беларусь
E-mail: applepickingbeam@disroot.org

Понимание нюансов и тонкостей того, как читатель воспринимает ту или иную литературную работу, а также то, как такая работа может повлиять на читателя как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, является важным аспектом литературного анализа и процессов интерпретации текста. В этой статье анализируются различные подходы к интерпретации способов, которые могут быть использованы читателем для восприятия и осмысления содержания литературных произведений.

Ключевые слова: анализ текста, интерпретация текста, психоанализ, концептуальная структура текста, проекция.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TEXT ANALYSIS AND TEXT INTERPRETATION

I. N. Gutsko,
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages
and Methods of Teaching Foreign Languages
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: *gutsko.i@yandex.by*

D. V. Sivchenko,
teacher of English language Gymnasium of Kalinkovichi,
Kalinkovichi, Republic of Belarus
E-mail: applepickingbeam@disroot.org

Understanding the nuances and intricacies of the way the reader perceives a given literary work, as well as the way such work can affect the reader's state of mind in both short and long term is a crucial

МГПУ им. И.П. Шамякина

aspect of literary analysis and text interpretation processes. This research paper analyzes a variety of approaches to interpreting ways in which a literary work can be perceived and understood by the reader.
Keywords: text analysis, text interpretation, psychoanalysis, conceptual structure, projection.

Введение. В современной науке не существует единого подхода к пониманию термина «интерпретация», что обусловлено, с одной стороны, сближением данного понятия с рядом смежных, с другой стороны, многомерностью и сложностью самого понятия.

Точно так же, как «интерпретация» на латыни означает ‘истолковать, разъяснять’, точно так же слово «герменевтика» происходит от греческого ερμεγεία (hermeneia), что имеет значение ‘объяснять, излагать’. Слова «интерпретация», «трактовка» и «герменевтика» в ряде научных исканий распознаются тождественными, но существует и обратная позиция, согласно которой необходимо разграничивать данные понятия. Так, Ж. Ренар не признавал даже синонимы в качестве равноправных, говоря, что «синонимов не существует, есть только точное слово, и хороший писатель их знает» [1, с. 37].

В наши дни интерпретация в широком смысле понимается как «теоретико-познавательная категория; метод научного познания, направленный на понимание внутреннего содержания интерпретируемого объекта через изучение его внешних проявлений (знаков, символов, жестов, звуков и др.). Интерпретация занимает центральное место в методологии гуманитарных наук, где процедура выявления смысла и значения изучаемого объекта является основной стратегией исследователя. Основное направление – лингвистика» [2, с. 3]. Отцами-основателями интерпретации как метода научного познания и особой категории естественных наук, философии и др. являются итальянский правовед, историк и философ Э. Бетти, французский философ П. Рикер. В свою очередь, значимый вклад в теорию интерпретации как истолковании текста внесли Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х. Г. Гадамер, М. Бахтин и др.

Методы и материал исследования. Теоретический анализ современных психологических исследований показывает, что на данный момент полноценно сформированы активно действующие каналы функционирования литературы в обществе, находящиеся вне какого-либо воздействия литературоведения и критики. Согласно социологическим исследованиям Л. Гудкова и Б. Л. Дубинина, «художественная литература принимается, предлагается и обсуждается, прежде всего, в неформальных и неспециализированных средах и структурах. Центральным в этом случае является вопрос о социальной и психологической роли литературы как таковой, как это видно в историческом и современном развитии, о выдвижении альтернативных подходов к истолкованию словесности» [3, с. 123]. Целью интерпретации в психоанализе является психоанализ уникальных результатов творческой деятельности, своеобразия внутреннего мира человека, его неповторимого образа жизни. К классическим разновидностям метода интерпретации относятся графологический метод, психоаналитическая интерпретация, проективные методы, концептуальная интерпретация в антропологии и др.» [4, с. 77]. Работы А. А. Гостева указывают на следующее: «что-то внутри самого себя остается неслышимой породой; каждая интерпретация происходит в субъективном опыте интерпретатора и основывается на его индивидуальных особенностях» [4, с. 77].

МГПУ им. И.П. Шамякина

В. Глухов и В. Ковшиков отмечают, что «это как раз связано с вышеизложенным и что «множество истин» в семантическом анализе не может быть устранено в принципе (требуется интеграция множественных точек зрения). При распознавании текста, как правило, включается и возможный механизм вероятностного прогнозирования. Реципиент ориентируется на авторские знаки-маркеры, уточняющие «семантику» речевого высказывания (фонологические, лексические, интонационно-выразительные, паузационные и др.), слушатель или читатель анализирует смысловое содержание текста на основе его апперцепции (осознанного целенаправленного восприятия) и т. д. Вместе с тем восприятие текста гораздо сложнее восприятия одиночного высказывания» [5, с. 33].

А. А. Брудный отмечает, что «при восприятии развернутого высказывания текста в целом воссоздается в сознании человека из последовательной замены воспринимаемых фрагментов, относительно полных по смыслу. Структурно-смысловая проекция текста, возникающая у слушателя или читателя, является результатом включения содержания текста в концептуальное смысловое поле реципиента» [6, с. 40]. Известный психолингвист А. А. Брудный определяет процесс понимания текста как «последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и процесс перемещения ментального центра ситуации от одного элемента к другому. В результате процесса понимания текста, формируется некий “образ” общего значения или так называемая “концепция текста”» [6, с. 41].

Согласно А. А. Леонтьеву, понимание текста есть «процесс интерпретации смысла этого текста в любую другую форму. Примером может служить процесс перефразирования, пересказа одной и той же мысли разными словами. Также это может быть процесс смыслового сжатия, в результате которого формируется минитекст, воплощающий в себе основное содержание исходного текста – аннотацию, сводку, набор ключевых слов. Сюда входит и процесс формирования выводов, и процесс формирования эмоциональной оценки событий и т. д.» [7, с. 41]. В связи с этим А. А. Леонтьев считает целесообразным использовать понятие изображения содержания текста. Он «характеризует изображение содержания текста как процесс понимания самого себя, взятого с его содержательной стороны. Частным случаем формирования образа содержания является вывод, вытекающий из анализа текста. Изображение текстового содержания характеризуется объективностью и динамичностью. Трудно представить «точечную» картину содержания художественного или научного произведения, но новостная информация может быть кратко резюмирована для себя в одной фразе (которая обычно представлена в заголовке информации)» [7, с. 42].

Следовательно, тексты «функционально неодинаковы по способу их понимания, но даже такое статичное, точечное изображение есть лишь частный случай протяженного, динамического изображения. Восприятие текста подчиняется общим закономерностям процесса восприятия речи, а образ содержания текста является объективным образом. За текстом стоит изменяющийся мир событий, ситуаций, идей, чувств, мотивов, человеческих ценностей – реальный мир, существующий вне и до текста или созданный авторским воображением. Чтение – одна из высших интеллектуальных функций человека, которая, формируясь, превращается в простейшее действие, входящее в состав познавательной деятельности человека. Суть чтения заключается

МГПУ им. И.П. Шамякина

в семантическом анализе – синтезе знакового материала, который направлен на восприятие и понимание содержащейся в тексте информации. В процессе чтения происходит «поиск» определенной информации, и совпадает ли логико-смысловой анализ полученной информации с ее восприятием и каково качество этого восприятия, является предметом экспериментального исследования. При этом возникает множество вопросов, связанных с восприятием информации, воздействием этой информации на читателя, коммуникативной задачей текста и т. д» [7, с. 43].

Результаты и их обсуждение. Проведенные исследования (Т. М. Дридзе и А. А. Леонтьев) «показывают наличие ярко выраженных стратегий чтения в зависимости от характера материала. Чтение газет, научной и публицистической литературы характеризуется поиском информации, выделением основного содержания. Другая стратегия связана с чтением художественной литературы. Для него характерен комплекс тактик: подробный просмотр текста, анализ стиля как средства просмотра художественного образа, своего рода эмоциональное «вживание» в образ. Это стратегия внимательного, заученного чтения. В то же время эмоциональная эмпатия лежит в основе эмоционально-оценочного уровня смысловой обработки информации. Необходим более высокий уровень обработки информации, а именно: смысловой синтез знакового материала в соответствии с эмоционально-оценочным анализом художественного образа. Следует отметить, что, по общему мнению, «познавательное» чтение художественной литературы характеризуется слиянием обеих стратегий в одну и возможно только для людей, для которых такое чтение является их родом деятельности. Такое чтение требует особых навыков – «тактики» извлечения смысловой информации из текста при хорошо развитых механизмах зрительного чтения» [7, с. 46].

Согласно А. А. Леонтьеву, «стратегия смыслового восприятия формируется под влиянием конкретных задач усвоения информации, условий чтения, опыта говорения и чтения и применяется не ко всем текстам и не ко всем ситуациям смыслового восприятия. Эти стратегии применяются, прежде всего, когда расстояние до обсуждаемого в тексте объекта невелико. В связи со структурными и функциональными описаниями субъективного опыта могут быть оценены и интерпретированы различные психолингвистические модели взаимодействия читателя с текстом» [7].

Например, Г. И. Богин предлагает трехуровневую типологию понимания текста, организованную иерархически. Низший уровень – «смысловое осмысление, декодирование текстовых единиц, выполняющих знаковую функцию. Этот первый тип понимания актуализируется в большинстве случаев при нарушении смыслового восприятия текста при изучении иностранного языка, например, когда читатель сталкивается с «неизвестным словом», подлежащим семантике» [8, с. 89].

Второй уровень – «когнитивное понимание, возникающее при преодолении трудностей в овладении содержанием, то есть тем, что лежит в основе структур, составляющих текст, дается читателю в виде таких же текстовых единиц, как смысловое понимание, содержание слов. Нерефлексивными аналогами первого и второго уровня являются процессы, имеющие характер несложного смыслового восприятия текста» [9, с. 96].

На третьем этапе «достигается полупредметное понимание, необходимое при работе с идеальными реальностями, объективируемыми именно в средствах текста, смысловое понимание художественного произведения как идеального мира

МГПУ им. И.П. Шамякина

идей. «Распредметить», по мнению автора, значит восстановить, обдумывая текст, некоторые аспекты ситуации мыслительного действия автора текста (или восстановить то, во что превратились эти ситуации мыслительного действия в ходе последующего функционирования текста в социуме; такая реставрация приводит к выявлению или появлению многогранности понимаемого, что соответствует многоаспектной роли текста в социуме). Акт третьего уровня понимания может сочетаться с процессами семантики и когнитивного понимания» [9, с. 98].

Д. А. Леонтьев выделяет 8 видов психологических средств, «служащих для воплощения личностных смыслов в структуре художественных произведений и актуализации у читателя определенных эмоциональных состояний, когнитивных схем: тематика, хроника, хронотоп, метафора, семантика, символика, архетип и архитектоника» [10]. Д. А. Леонтьев «предложил гипотетическую схему взаимодействия различных факторов в ситуации контакта искусства и личности. Три фактора характеризуют человека (ценностно-смысловая сфера, потребности и художественная компетентность), три – произведение искусства (смысловое наполнение, чувственно-эстетическая структура и рекламно-информационная оболочка) и три – ситуация (культурный фон, групповые нормы и конкретная ситуация взаимодействия)» [10, с. 322].

Следовательно, А. А. Брудный описывает процесс понимания текста как последовательное воссоздание структуры в сознание ситуации и процесс перемещения ментального центра ситуации от одного элемента к другому, в результате чего получается образ или картинка. А. А. Леонтьев понимает данный процесс как воссоздание самого себя, взятого с содержательной стороны. Таким образом, тексты могут быть неодинаковы у разных авторов, представлены в виде выводов, резюме, аннотаций и т. д.

Выводы. Таким образом, психологические аспекты анализа текста показывают, что восприятие и понимание литературных произведений зависят от множества факторов, включая индивидуальные особенности читателя, его опыт и стратегию восприятия. Исследования подчеркивают важность социокультурного контекста и внутреннего мира личности при интерпретации текста, что отражается в разнообразии подходов, таких, как графология, психоанализ и когнитивные методы. Восприятие текста представляет собой динамический процесс, включающий как осознанное восприятие, так и эмоциональную эмпатию, что особенно ярко проявляется при чтении художественной литературы. Психолингвистические исследования подчеркивают важность концептуальной структуры текста, где восприятие текста происходит как последовательное воссоздание ситуации в сознании читателя. Так, понимание текста не ограничивается простым декодированием символов, а включает в себя сложные процессы смыслового и эмоционального анализа, которые зависят от личных и культурных факторов.

Список использованных источников

1. Пропп, В. Я. Морфология Волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 128 с.

2. Алексеева, И. С. Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алекссева. – М. : Академия, 2008. – 218 с.

3. Гудков, Л. Литература как социальный институт / Л. Гудков, Б. Дубин. – М. : Новое литературное обозрение, 1994. – 352 с.

4. Гостев, А. А. Психология вторичного образа / А. А. Гостев.– М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 512 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

5. Глухов, В. Психолингвистика. Теория речевой деятельности / В. Глухов, В. Ковшиков. – М. : АСТ; Астрель, 2007. – 318 с.
6. Творчество в искусстве – искусство творчества / Л. Я. Дорфман, К. Мартиндейл, В. М. Петров [и др.]. – М. : Наука; Смысл, 2000. – 552 с.
7. Леонтьев, А. А. Развитие мышления в процессе обучения / А. А. Леонтьев // Сибир. психол. журн. – 2011. – № 40. – С. 40–45.
8. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику / Г. И. Богин. – М. : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 731 с.
9. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 442–449.
10. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Академия. – 2014. – 352 с.

УДК 821.111-31(470+571)+81’42

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ КАК СПОСОБ ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА (на материале романа Дж. Остин «Доводы рассудка» и его перевода на русский язык)

И. П. Зайцева,
профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой мировых языков
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

Е. Е. Аршанская,
студентка Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: earsanskaa@gmail.com

В статье в сопоставительном аспекте анализируются конструкции с несобственно-прямой речью, функционирующие в оригинальном и переводном текстах романа “Persuasion” («Доводы рассудка») британской писательницы Jane Austen (Дж. Остен). Авторы приходят к выводу о том, что при практически полном сохранении используемых автором грамматических средств и способов оформления художественного текста переводной вариант отличается более высокой степенью образности, обусловленной бóльшими возможностями для этого русского языка.

Ключевые слова: художественный текст, переводной вариант, персонаж, несобственно-прямая речь, образность.

EXPERIENCED SPEECH AS A METHOD OF PERSONIFICATION OF A CHARACTER (on the material of J. Austen’s novel ‘Persuasion’ and its translation into Russian)

I. P. Zaitseva,
Professor, Doctor of Philology, Head of World Languages of
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus

K. Arshanskaya,
Student, Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: earsanskaa@gmail.com

The article analyses in a comparative aspect the constructions with experienced speech functioning in the original and translated texts of the novel ‘Persuasion’ by the British writer Jane Austen. The authors

МГПУ им. И.П. Шамякина

come to the conclusion that with almost complete preservation of grammatical means and ways of design of the fiction text used by the author, the translated version is characterised by a higher degree of imagery due to the greater possibilities of the Russian language.
Keywords: fiction text, translated version, character, experienced speech, imagery.

Введение. Художественное прозаическое произведение, принадлежащее к одному из трёх литературных родов – эпосу, представляет собой одну из ипостасей словесно-художественного творчества. В нём действительность, осваиваемая автором-писателем с точки зрения концептуально-эстетической позиции, которую он занимает, предстаёт перед читателем в *художественно преобразованной* форме. «Наиболее *крупные единицы* словесно-художественного мира – **персонажи**, составляющие систему, и события, из которых слагаются сюжеты. Мир включает в себя то, что правомерно назвать *компонентами* изобразительности (художественной предметности): акты поведения персонажей, черты их наружности (портреты), явления психики, а также факты окружающего людей бытия (вещи, часто подаваемые в рамках интерьеров; картины природы – пейзажи). При этом художественно запечатлеваемая предметность предстаёт и **как обозначенное словами внесловесное бытие,** и **как речевая деятельность в виде кому-то принадлежащих высказываний, монологов и диалогов**» (выделено нами. – И. З., Е. А.) [6, с. 176]. Приведённое мнение принадлежит одному из авторитетных российских филологов, В. Е. Хализеву, который – как в этом можно убедиться – утверждает, что анализ речевой деятельности выведенных в художественном произведении героев (персонажей) является фактором, учёт которого весьма важен для понимания заложенного в словесно-художественной структуре содержания.

Словесно-художественное прозаическое произведение, с точки зрения последних достижений научного знания (см., например, работы А. И. Горшкова [1], Н. А. Кожевниковой [3] и других исследователей), представляет собой структуру, в рамках которой взаимодействует несколько *композиционно-речевых зон*. Основными из этих композиционно-речевых структур в художественной прозе являются зона *автора*, зона *рассказчика* (*автора-рассказчика*) и зона *персонажей* (где речь разграничивается как минимум на *внешнюю* и *внутреннюю*), а также *несобственно-прямая* (*несобственно-авторская*) речь, где речь автора (автора-рассказчика) и персонажей находятся во взаимодействии. Внутри всех перечисленных композиционных коммуникативно-речевых образований – в зависимости от типов и форм речи, реализуемых в каждом конкретном случае, – выделяются менее объёмные композиционно-речевые фрагменты (например, речь *диалогическая и монологическая*). Исследование этих композиционно-речевых структур представляет ***актуальную*** для стилистики художественной речи проблему, поскольку, во-первых, в творчестве каждого талантливого писателя их воплощение, как правило, отличается индивидуально-стилистическим своеобразием; во-вторых – непосредственным образом соотносится с выражением в литературном произведении концептуально-эстетической позиции автора.

Особый интерес для рассмотрения в означенных аспектах представляют конструкции с *несобственно-прямой* (*несобственно-авторской*) речью – композиционно-речевые структуры, в которых «голоса» автора (автора-рассказчика) переплетаются, иногда – чрезвычайно оригинальным образом.

Цель настоящего исследования – выявление лингвостилистического своеобразия композиционно-речевых структур с несобственно-прямой речью,

МГПУ им. И. П. Шамякина

функционирующих в оригинальном (англоязычном) произведении – романе Джейн Остин «Доводы рассудка» (Jane Austen, “Persuasion”) в сопоставлении с их лингвостилистическим оформлением в одном из переводов романа на русский язык.

Методы и материал исследования. Материалом исследования послужили оригинальный (на английском языке) текст одного из поздних произведений классика британской литературы Джейн Остен (Jane Austen), созданного в 1816 году – романа “Persuasion” («Доводы рассудка») [9] и одного из его переводов на русский язык, выполненного Е. А. Суриц в 1989 году [4].

При выполнении исследования применялись как общенаучные методы: наблюдения, систематизации, сопоставления, – так и специальные филологические: композиционного, лингвостилистического и контекстологического анализа, а также интерпретативный метод.

Результаты и их обсуждение. Роман “Persuasion” (*рус*. «Доводы рассудка»), который был написан Дж. Остен в поздний период творчества (последнее созданное писательницей произведение), а опубликован уже после ухода писательницы из жизни (1817) – история нескольких лет жизни Энн Эллиот (*англ*. Anne Elliot), девушки, за которой читатель – естественно, с подачи автора – имеет возможность наблюдать в течение десятилетнего периода, причём именно в те годы, когда она в значительной степени формируется как личность. В этот период своей жизни Энн расстаётся с романтическими взглядами на человеческие отношения, которые были присущи ей в юности, начиная оценивать жизненные реалии более трезво.

Таким образом, акцент, который сделан в романе на изображении внутреннего мира главной героини, априори предполагает безусловный *психологизм* литературно-художественного произведения, который, в свою очередь обусловливает привлечение для этого автором ряда приёмов – в первую очередь *композиционного* и *лингвостилистического* характера. Одним из таких приёмов является включение в изложение фрагментов, оформленных как конструкции с *несобственно-прямой* (*несобственно-авторской*) речью, на что уже обращено внимание рядом исследователей. Так, А. А. Палий в одной из своих статей отмечает: «… в последнем романе «Доводы рассудка» (Persuasion) Джейн Остен **сделала несобственно-прямую речь** главной героини Энн Эллиот **значимым компонентом стиля, ведущим к всестороннему раскрытию её внутреннего мира**» (выделено нами. – И. З., Е. А.) [5, с. 137–138].

«**Несобственно-прямая речь** – стилистический приём соединения в одно целое авторского повествования и речи персонажей, широко распространённый в художественной литературе. … По своим особенностям к несобственно-прямой речи близки такие тексты, которые раскрывают чувства, впечатления, ощущения персонажа, но нет прямых указаний на то, что они принадлежат данному персонажу» [7, с. 267–268]. При этом все исследователи, дающие определения данному стилистическому приёму, отмечают довольно высокую степень сложности выделения в изложении фрагментов, заключающих в себе несобственно-прямую речь, которая, с одной стороны, обращена *к речи прямой* («с прямой речью её сближает воспроизведение манеры речи говорящего, его подлинных выражений, строя речи)» [2, с. 251]), с другой стороны – *к речи косвенной*: с ней несобственно-прямую речь сближает «то, что в ней личные формы глаголов и местоимений употреблены от лица повествователя» [Там же].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Безусловно, передача столь сложно организуемого композиционно приёма, имеющего многообразное воплощение и в словесно-художественных произведениях, написанных на одном языке, при переложении такого рода текстов на другой язык, представляет весьма непростую задачу для переводчика, которому необходимо сохранить не только содержание переводимого литературного произведения, но и стилистические особенности последнего, в том числе отражающие *индивидуально-авторскую* манеру художника слова.

Рассмотрим некоторые фрагменты оригинального текста романа «Доводы рассудка», представляющие конструкции с несобственно-прямой речью, в которых «голос» персонажа принадлежит главной героине произведения – Энн Эллиот. Такие текстовые фрагменты, соответственно, заключают в себе очевидную характеристику Энн, иногда весьма выразительную. Это фрагменты главы 5 романа, в которой изображены весьма динамично разворачивающиеся события, значимые для раскрытия образа Энн. Среди таких событий введение в повествование четы Крофтов; подробная характеристика взаимоотношений главной героини романа с леди Рассел, опекающей Энн и вместе со своей подопечной переживающей перемены в её судьбе не к самому лучшему (чтобы как-то сгладить эти неприятности, леди Рассел приглашает Энн погостить у неё); описание поступков Мэри Мазгроув, младшей сестры Энн, которые вносят коррективы в планы Энн Эллиот (в приводимых далее фрагментах во всех случаях выделено нами. – И. З., Е. А).

1. *'On the morning appointed for Admiral and Mrs Croft's seeing Kellynch Hall, Anne* ***found it most natural to take*** *her almost daily* ***walk*** *to Lady Russell's, and* ***keep out*** *of the way till all was over; when* ***she found it most natural to be sorry*** *that* ***she had missed*** *the opportunity of seeing them'* [8, с. 46]. Здесь и далее оригинальный текст романа Дж. Остин цитируется по изданию, указанному в списке литературы: [8]; в дальнейшем в скобках указывается только страница по этому изданию.

2. *'… and Anne,* ***glad to be thought*** *of some use,* ***glad to have*** *anything* ***marked out*** *as a duty, and certainly not sorry to have the scene of it in the country, and her own dear country, readily* ***agreed to stay****'* (с. 48–49).

3. *'Anne herself* ***was become hardened to such affronts****; but* ***she felt the imprudence*** *of the arrangement quite as keenly as Lady Russell. With a great deal of quiet observation, and a knowledge, which* ***she often wished less****, of her father's character, she* ***was sensible*** *that results the most serious to his family from the intimacy were more than possible'* (с. 49).

4. *'Anne* ***had done****; glad that it was over, and not absolutely hopeless of doing good. Elizabeth, though resenting the suspicion, might yet be made observant by it'* (с. 51–52).

5. *'****Anne had always thought such a style of intercourse highly imprudent****; but* ***she had ceased to endeavour to check it****, from believing that, though there were on each side continual subjects of offence, neither family could now do without it'* (с. 58).

6. *'Anne always* ***contemplated*** *them as some of the happiest creatures of her acquaintance; but still, saved as we all are, by some comfortable feeling of superiority from wishing for the possibility of exchange,* ***she would not have given up*** *her own more elegant and cultivated mind for all their enjoyments; and* ***envied*** *them nothing but that seemingly perfect good understanding and agreement together, that good-*

МГПУ им. И.П. Шамякина

humoured mutual affection, of which she ***had known so little herself*** *with either of her sisters'* (с. 59–60).

Конструкции с несобственно-прямой речью, включаемые в прозаическое повествование, оформляются авторами с привлечением определённых словесных средств, а также способов организации используемого речевого материала, которые – с учётом синкретичного характера и многообразия вариантов рассматриваемых конструкций – выявляются в тексте достаточно непросто. Приведённые фрагменты оригинального текста рассматриваемого романа позволяют заключить, что при формировании конструкций с несобственно-прямой речью автор наиболее активно использует грамматические средства и способы: глагольные формы различных времён и наклонений; синтаксические конструкции, выражающие различную модальность; конструкции экспрессивного синтаксиса и т. п.

Так, в процитированных фрагментах можно наблюдать значительное число характеризующих Энн глагольных форм, которым присущи грамматические значения различного времени: (*Anne*) ***found it most natural*** *to take walk and keep out*; (*she*) ***found*** *it most natural to be sorry*; (*she*) ***had missed*** *the opportunity* (пример 1); (*Anne*) ***was become hardened*** *to such affronts*; (*she*) ***felt the imprudence*** *of the arrangement*; (*she*) *often* ***wished less***; (*she*) ***was sensible*** (пример 3); (*Anne*) ***had done*** (пример 4); (*Anne*) ***had*** *always* ***thought*** *such a style of intercourse highly imprudent*; (*she*) ***had ceased to endeavour to check*** *it* (пример 5); (*Anne*) ***contemplated***; (*Anne*) *always* ***contemplated*** *… and* ***envied***; (*she*) ***had known*** so *little herself* (пример 6).

Как можно убедиться, для передачи многообразной гаммы испытываемых главной героиней романа чувств, всей палитры её душевных состояний автором используются преимущественно ***составные сказуемые***, как *глагольного*, так и *именного* типа, способствующие более точной передаче богатого и вместе с тем довольно сложного внутреннего мира Энн – натуры тонко и глубоко чувствующей, постоянно рефлексирующей по поводу своих мыслей и поступков и весьма наблюдательной по отношению к поступкам других, включая их речевые проявления. При этом ключевым компонентом в сказуемых в большинстве случаев являются глаголы в форме прошедшего времени, подчёркивающие своего рода *законченность* чего-либо: составленного Энн мнения – прежде всего *о себе*, но и о других также; окончательную убеждённость героини в чём-либо после наблюдения за определёнными событиями и т. п. С нашей точки зрения, таким образом автору удаётся косвенно подчеркнуть цельность натуры изображаемой героини – качество характера, как правило, свидетельствующее о способности глубоко и тонко чувствовать, а также о порядочности по отношению к окружающим.

В переводном варианте романа «Доводы рассудка», выполненном Е. Суриц, процитированные выше, выглядят следующим образом (во всех случаях в тексте выделено нами. – И. З., Е. А.):

1) «*В то утро, когда адмирал с супругой явились, как было условлено, осматривать Киллинч-холл, Энн* ***сочла самым для себя естественным совершить*** *почти ежедневную свою* ***прогулку*** *к леди Рассел, с тем чтоб переждать у неё, покуда всё решится; а уж там* ***сочла*** *она* ***самым для себя естественным огорчиться****, что* ***упустила случай*** *на них поглядеть*» [4, с. 456]. Здесь и далее переводной текст романа Дж. Остин «Доводы рассудка», выполненный Е. Суриц, цитируется по изданию, указанному в списке литературы: [4]; в дальнейшем в скобках указывается только страница по этому изданию;

МГПУ им. И.П. Шамякина

2) «… *и* ***Энн, довольная****, что её сочли полезной, что у неё явились новые обязанности,* ***и уж верно не огорчённая тем****, что исполнять их придётся* ***в сельском краю, милом её сердцу****, тотчас* ***согласилась остаться***» (с. 458);

3) «*Привыкнув* ***к подобным уколам****, сама Энн* ***сделалась к ним нечувствительна****, однако не меньше, чем леди Рассел, она сознавала неразумность такого решения. Наблюдая и зная, увы, даже* ***чересчур хорошо*** *характер отца, она опасалась, что новая эта дружба очень может повлечь последствия, важные для всего семейства*» (с. 458);

4) «*Энн отступилась*; *радуясь, что разговор позади, и теша себя надеждой, что предостережения её не вовсе остались без пользы. Хоть они и оскорбили Элизабет, но, быть может, сделают её осмотрительней*» (с. 459);

5) «*Энн всегда удивляли подобные соображения, но уж давно она поняла, что, хотя у обеих сторон постоянно находятся причины обижаться, без своих обид они бы попросту заскучали. А потому она ни во что не вмешивалась*» (с. 465);

6) «*Энн* ***почитала их счастливейшими существами*** *в своём окружении; однако, как и все мы, удерживаемая приятным чувством превосходства от желания с кем-нибудь поменяться судьбою, она не отдала бы* ***своего более изощрённого и тонкого ума*** *за все их наслаждения; и только одному она завидовала:* ***царящему меж ними согласию и любви****, которых самой ей так недоставало в обеих сёстрах*» (с. 465).

Переводчик Евгения Суриц при переложении романа Дж. Остин на иной, неблизкородственный язык (и, соответственно, иную лингвокультуру в принципе), с нашей точки зрения, максимально стремится сохранить не только событийный аспект произведения, но и его *образно-оценочный* план, что особенно важно при переводе таких композиционно-речевых структур, как конструкции с несобственно-прямой речью. С учётом ограниченности объёма данной публикации обратим внимание лишь на некоторые соответствия / несоответствия оригинального и переводного текстов романа, осознавая при этом, что данная проблема, несомненно, заслуживает более развёрнутого и глубокого рассмотрения.

Так, в частности, в начальных из приведённых фрагментов оригинального и переводного текстов романа при практически полном сохранении используемых грамматических средств: сохранение модальных и временных значений всех используемых сказуемых (примеры 1, 2 3) и почти полная идентичность привлечённых переводчиком синтаксических структур, отличия в которых обусловливаются только своеобразием структур неблизкородственных языков, некоторые из выражений отличаются в переводе *большей образностью* (интерпретация рассматриваемых выражений осуществлялась с опорой на один из самых авторитетных англо-русских словарей – третье издание «The Oxford Russian Dictionary» [9]). Так, например, выражение *in the country, and her own dear country* (пример 2), которое буквально переводится как ‘в деревне, её родной деревне’, транслировано на русский язык более образно, с использованием метафорического эпитета: *в сельском краю,* ***милом её сердцу***. Подобное отношение переводчика к переложению текста романа средствами иной – русской – лингвокультуры можно наблюдать и на других участках текста. Это, в частности, характеристика Энн, которая содержится в заключительном из приведённых фрагментов (пример 6): *she would not have given up her own* ***more elegant*** *and* ***cultivated*** *mind for all their enjoyments* (буквальный перевод: ‘она не отказалась бы от своего более изящного и культурного ума ради всех их удовольствий’), которая переведена как *она не*

МГПУ им. И.П. Шамякина

отдала бы своего ***более изощрённого*** *и* ***тонкого*** *ума за все их наслаждения* (образность приведённого высказывания повышается за счёт определения понятия ***ум*** не одним, как в оригинале, а двумя эпитетами; а также ряд других словесных элементов.

Выводы. Проведённый анализ, который, безусловно, носит фрагментарный характер и может быть существенно дополнен и расширен, позволяет утверждать, что переводчик Е. Суриц всячески стремится передать максимально близко к оригиналу не только сюжетные особенности романа Дж. Остин «Доводы рассудка», но и воплощённую в произведении *образно-ценностную картину*, что для словесно-художественного произведения является чрезвычайно важным. При этом переводчик практически полностью сохраняет привлечённые автором грамматические средства оформления текста, однако несколько повышает степень их образности, в полной мере используя для этого возможности русского языка.

Список использованных источников

1. Горшков, А. И. Русская словесность : От слова к словесности / А. И. Горшков. – М. : Просвещение, 1996. – 336 с.
2. Емельянова, О. Н. Несобственно-прямая, или несобственно-авторская речь / О. Н. Емельянова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М. Н. Кожиной. – М. : Флинта; Наука, 2006. – С. 251–252.
3. Кожевникова, Н. А. Типы повествования в русской литературе / Н. А. Кожевникова. – М. : Институт русского языка РАН, 1994. – 336 с.
4. Остен, Дж. Доводы рассудка ; перев. Е. Суриц / Дж. Остен // Дж. Остен : собр. соч. : в 3 т. – М. : Художественная литература, 1989. – Т. 3. – С. 430–657.
5. Палий, А. А. Несобственно-прямая речь в романах Джейн Остен как одно из проявлений её стилистического новаторства / А. А. Палий // Омский научный вестник. Филологические науки. – 2011. –№ 5 (101). – С. 136–138.
6. Хализев, В. Е. Теория литературы : учеб. для студ. уч. высш. проф. образования / В. Е. Хализев. – 6-е изд. испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2013. – 432 с.
7. Ширяев, Е. Н. Несобственно-прямая речь / Е. Н .Ширяев // Русский язык. Энциклопедия ; под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 267–268.
8. Austen, J. *Persuasion* / J. Austen. – М. : Изд-во АСТ, 2024. – 384 с.
9. The Oxford Russian Dictionary. – Third edition. Russian–English / Edited by Marcus Wheeler and Boris Unbegaun. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 1312 p.

УДК 811.161.1'373.612.2 +811.161.3'373.612.2

ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА И ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗНЫХ КОНТЕКСТОВ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

С. Б. Кураш,
доктор филологических наук,
профессор кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: s.kurash0611@gmail.com

В статье обосновывается преимущество интеракционистской теории метафоры для понимания языковой природы минимальных и развёрнутых метафорических контекстов и

МГПУ им. И.П. Шамякина

выявляются их основные структурные типы, представленные в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов.

Ключевые слова: метафора, контекст, словосочетание, интеракционистская теория метафоры, типы метафор.

LINGUISTIC ESSENCE AND TYPOLOGY OF FIGURATIVE CONTEXTS IN THE METAPHORICAL CONTINUUM OF RUSSIANS AND BELARUSIAN POETIC TEXTS

S. B. Kurash,
Doctor of Philology,
Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: s.kurash0611@gmail.com

The article substantiates the advantage of the interactionist theory of metaphor for understanding the linguistic essence of minimal and expanded metaphorical contexts and identifies their main structural types, represented in the metaphorical continuum of Russian and Belarusian poetic texts.

Keywords: metaphor, context, collocation, interactionist theory of metaphor, types of metaphors.

Введение. К настоящему времени созданы многочисленные и разнообразные классификации метафорических конструкций, в основу которых кладутся те или иные характеристики составляющих их компонентов и / или взаимоотношения между ними.

С грамматической точки зрения, т. е. относительно способов частеречного выражения составляющих элементов, метафорические словосочетания изучались в работах Л. Н. Рынькова [14], Е. Т. Черкасовой [20] и др. Исследования метафорических бинарм в данном аспекте предпринимались и в рамках конкретных их классов: генитивных метафор [2; 4; 8], атрибутивных метафор [2], субстантивных метафор [16; 18] и др. Различные классы метафорических бинарм исследовались и со стороны семасиологических отношений между их компонентами [1; 2].

Ю. И. Левин, исследуя структуру русской метафоры [6, с. 293], выделяет три её типа в зависимости от способа реализации «принципа сравнения», по которому строится любой компаративный троп:

1) метафоры-сравнения, в которых описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом (*колоннада рощи*); 2) метафоры-загадки, в которых описываемый объект замещён другим объектом (*били копыта по клавишам мёрзлым*, где *мёрзлые клавиши* = булыжник; *ковёр зимы* = снег); 3) метафоры, приписывающие описываемому объекту свойства другого объекта (*ядовитый взгляд*, *жизнь сгорела*). Заметим, что типы (2) и (3) – это те метафоры, которые при субституциональном подходе трактуются как одночленные, или однословные. Сходные классификации предложены В. П. Москвиным [9; 10], Л. Ф. Тарасовым [17] и др.

Цель данного исследования – на основании интеракционистской теории метафоры обосновать понимание языковой природы минимальных и развёрнутых

МГПУ им. И.П. Шамякина

метафорических контекстов и выявить их основные структурные типы, представленные в поэтических текстов на русском и белорусском языках.

Методология и методы исследования. Принимаемая в работе трактовка метафорического контекста базируется на интеракционистском подходе (А. А. Ричардс, М. Блэк). Для решения поставленной задачи были использованы следующие методы: структурно-семантический (в целях выявления фактов взаимообусловленности формальных и содержательных характеристик исследуемых единиц), контекстный (использовался с целью определения функциональной специфики отдельных лексических элементов и их значений в контекстных пределах) и компонентный анализ (использовался для изучения составных элементов метафорических контекстов разной протяжённости).

Результаты исследования. В своей трактовке языковой природы метафорического контекста мы исходим из интеракционистской теории метафоры, настаивая на том, что любая метафора, будь она формально однословная, двусловная и т. д., – это феномен бинарный: взаимодействие двух смыслов (*A*) и (*B*) по принципу *A = B*. На «грамматическую основу» эту теорию положили В. И. Зимин и Э. А. Модебадзе: «В процессе метафоризации участвуют, прежде всего, имена существительные, обозначающие конкретные предметы. Эти существительные являются базой процесса метафоризации вообще и основными компонентами метафорических конструкций независимо от того, метафоризируется ли существительное, прилагательное, глагол или наречие» [3, с. 78].

Таким образом, о минимальных метафорах можно говорить лишь в отношении двучленных (как минимум) конструкций – метафорических бинармах.

Рассмотрим три разных типа бинарных метафорических контекстов: рус. *весёлый ветер, осень плачет, ледяной панцирь* / бел. *вясёлы вецер, восень плача, лядовы панцырь*. Процесс порождения метафоры в пределах данных контекстов можно представить следующим образом: рус. *весёлый ветер ← весёлый ← {ветер = человек}* / бел. *вясёлы вецер ← вясёлы ← {вецер = чалавек}*; рус. {*осень плачет} ← плачет← осень = человек* / бел. *{восень плача} ← плача ← восень = чалавек;* рус. *{ледяной панцирь} ← лёд = панцирь* / бел. *{лядовы панцырь} ← лёд = панцыр*. Как видно, при таком подходе «неметафоричных» элементов в метафорическом контексте не остаётся: в первых двух примерах понятия *ветер (вецер)* и *осень (восень)* – это объекты имплицитного олицетворения; в третьем примере слово *ледяной (лядовы)* также включается в метафору как её объект (*лёд = панцирь / лёд = панцыр*). Выделение же в контексте «метафоризированных» и «неметафоризированных» существительных, прилагательных, глаголов и пр. – это не что иное, как чисто исследовательский приём, в известной степени уводящий от метафорической семантики целого в сторону грамматической формы составных частей этого целого.

Обратим внимание также на то, что в контекстах типа *весёлый ветер* (*вясёлы вецер*) прилагательное традиционно квалифицируется как эпитет (метафорический эпитет). Однако критерий выделения эпитета как особого вида тропа – чисто грамматический (эпитетом называется образное определение либо обстоятельство), что в большей степени соответствует субституциональному подходу к тропам. С точки зрения интеракционистской теории, оснований для противопоставления подобного рода словосочетаний остальным типам метафорических бинарм не

МГПУ им. И.П. Шамякина

имеется, а потому они рассматриваются нами в кругу минимальных метафорических контекстов.

Заключая сказанное, отметим, что типы минимальных контекстов в метафоричнском континууме русских и белорусских поэтических текстов в принципе идентичны в силу высокой степени сходства синтаксических систем двух близкородственных языков. Покажем это на примере различного рода бинарных сочетаний, приведённых в нижеследующей таблице 1.

Таблица 1 – Типы минимальных метафорических контекстов, представленных в языке русской и белорусской поэзии

Тип минимального метафорического контекста	**Рус.**	**Бел.**
Адъективное словосочетание	*небесное блюдо* (С. Есенин), *звёздные кусты* (М. Луконин)	*туманная сівізна* (П. Панчанка), *слоўны гром* (П. Макаль)
Генитивное словосочетание	*жизни кувшин* (В. Луговской), *панцирь презренья* (О. Мандельштам)	*сентыментаў іржа* (П. Панчанка), *нажы маланак* (П. Панчанка),
Приложение	*девушки-ели* (С. Есенин), *бабочка-буря*)	*зярняты-зоркі* (Г. Кляўко), *мроі-ластаўкі* (В. Вярба)
Предикативное сочетание	*рыбка – припев* (Б. Окуджава), *жизнь – это конь* (Е. Винокуров)	*памяць ные* (Р. Барадулін), *Слова – / Лязо бліскавіцы* (Г. Кляўко)

Не меньшее количество исследований посвящено развёрнутым метафорам (РМ) ([5; 13;19] и др.).

Мы исходим из того, что генеративные потенции метафоры (сколь бы развёрнутой она ни была) всегда заложены в минимальной конструкции.

Вслед за Л. Н. Мурзиным [11] и Т. В. Симашко [15, с. 14–35] деривацию развёрнутого метафорического контекста мы рассматриваем как результат контаминации двух исходных неметафоричных (прямых) высказываний, первое из которых упомянутые авторы называют «интродуктивной структурой» (она содержит предмет уподобления), а второе – «базовой структурой» (в ней содержится то, что привлекается для оценки содержания интродуктивной структуры). Так, например, метафорическое высказывание *Яблоки выглядывают из-за забора*, согласно Л. Н. Мурзину, есть результат парадигматических отношений двух семантически правильных высказываний: *Яблоки видны из-за забора* и *Человек выглядывает из-за забора*. Первое – интродуктивная структура, второе – базовая структура.

В составе многофокусных РМ есть основания вычленять главный, развиваемый (наиболее прояснённый, отправной) смысловой фокус и подчинённые ему развивающие смысловые фокусы.

Распространёнными в текстах белорусской и русской поэзии являются также конструкции, которые можно назвать «веерными» метафорами.

Первый их тип – **многократные метафоры** [7, с. 26], что соответствует структурным отношениям **A = (B1, B2, B3)**. Помимо подобных, встречаются (значительно реже) такие, конструкции, в которых «умножается» не «донорская», а «реципиентная» область. Такие «веерные» метафоры можно назвать **интегрирующими**, так как для нескольких сопоставляемых понятий создаётся один общий образ, что соответствует формуле **(A1, A2, A3) = B.**

МГПУ им. И.П. Шамякина

Итак, сущность организации «веерной» метафоры можно схематизировать следующим образом:

Наличие деривационно-иерархических отношений отличает многофокусные развёрнутые метафоры от **цепочечных** метафор, или «метафорических цепочек», для которых характерна или чисто синтагматическая, или синтагматико-парадигматическая связанность «нанизывающихся» метафор.

В основе описанных путей порождения метафоричного контекста лежит, по наблюдению М. Л. Новиковой, общий принцип организации и развёртывания текста – причинно-следственные отношения, логическую суть которых представляет импликация, выражающая зависимость того или иного явления от какого-либо условия [12, с. 15].

Описанные типы метафорических контекстов широко представлены в русской и белорусской поэтической речи, что отражено в таблице 2.

Таблица 2 – Типы РМ, представленных в языке русской и белорусской поэзии

Тип метафоры	**Рус.**	**Бел.**
Одно-фокусные	*К душе / льнёт прилив незатейливых истин* (Б. Ахмадулина); *И тяжёлым панцирем презренья /* *Я окован с головы до ног* (О. Мандельштам)	*Ах, гэта азбука жыцця, / Якую з веку ў век мы вучым!* (П. Макаль); *Доўга слаць яшчэ нам / Лён турбот…* (Р. Барадулін)
Много-фокусные	*На небесном синем блюде / Жёлтых туч медовый дым* (С. Есенин); *...у песни бегущей воды / эта рыбка – припев* (Б. Окуджава)	*Паэт – ён гарыць, / Як балючы гузак /* *На лобе абражанага народа* (Р. Барадулін); *Дзённік мой — мае далоні, / Мазалі — мае адзнакі* (В. Шніп)
Многократные типа A = (B1, B2, B3)	*И твой, бесконечность, учебник / Читаю один, без людей, – / Безлиственный, дикий лечебник, / Задачник огромных корней* (О. Мандельштам); *Хорошо быть протоном в потоке искусства, / быть частицею, элементарною пусть* (Б. Слуцкий)	*Толькі з роднага долу, толькі ў роднай дуброве / Як не дрэвам, хоць зёлкай прарасту для жывых.* (Н. Гілевіч); *Я свой тут, нібы клён, я свой, бы звер* (М. Рудкоўскі)
Интегрирующие типа (A1, A2, A3) = B	*... пьют ... горький бром /* *полубессонниц, полудрём* (Б. Пастернак); *Это расступается / Чёрное море /* *Чёрных сосен и чёрного тумана* (Э. Багрицкий)	*Скуль у мяне / Мора дум – / Дзіўны шум – / Болю мора, / Жалю, гора / Нахлыне?* (А. Гарун); *За мною стаяла адданае войска /* *Падгалістых клёнаў, магутных дубоў* (І. Лагвіновіч)

МГПУ им. И.П. Шамякина

Продолжение таблицы 2

Цепочечные	*Всё тебе: и молитва дневная, / И бессонницы млеющий жар, / И стихов моих белая стая, / И очей моих синий пожар* (А. Ахматова); *Автомобилей мчатся светляки, / Летят стрекозы и жуки стальные, / Мерцают звезд булавки золотые* (О. Мандельштам)	*Спыніўся лічыльнік часу, / заглух рухавік прагрэсу, / патухла стагоддзя лямпа* (І. Лагвіновіч); *Нават на пенсіі – за работай / Бед камандзіры, / Дум канваіры…* (П. Макаль)

Выводы. Для адекватного объяснения языковой природы метафорического контекста целесообразно опираться на интеракционистскую теорию метафоры А.А. Ричардса и М. Блэка, в рамках которой метафора рассматривается прежде всего как семантически двуплановый комплекс, взаимодействие двух смыслов в противовес субституциональной теории, определяющей метафору как замену одного наименования другим по сходству в широком смысле.

В текстах русской и белорусской поэзии представлены различные по своему архитектоническому решению, но в целом структурно сходные метафорические построения, имеющие образно-смысловую завершённость в пределах различных континуумов – как минимальных (бинарных словосочетаний), так и развёрнутых (начиная от пределов предложения).

Список использованных источников

1. Алёшина, О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Алёшина ; Новосибирск. гос. ун-т. – Томск, 2003. – 52 с.
2. Басилая, Н. А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний / Н. А. Басилая. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. – 78 с.
3. Зимин, В. И. Метафора и метонимия / В. И. Зимин, Э. А. Модебадзе // Рус. язык в национальной школе. – 1977. – № 2. – С. 77–84.
4. Кнорина, Л. В. Нарушение сочетаемости и виды тропов в генитивной конструкции / Л. В. Кнорина // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста : сборник науч. тр. ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1990. – С. 115–124.
5. Кураш, С. Б. Метафора и её пределы: микроконтекст – текст – интертекст : монография / С. Б. Кураш. – Мозырь : МозГПИ, 2001. – 118 с.
6. Левин, Ю. И. Структура русской метафоры / Ю. И. Левин // Труды по знаковым системам. уч. зап. Тартуского гос. ун-та. – Т. 2. – Вып. 181. – Тарту, 1965. – С. 293–299.
7. Лубянская, Г. И. О некоторых особенностях метафорического образа / Г. И. Лубянская // Проблемы мастерства писателя. – Тула : ТГПИ, 1975. – С. 24–35.
8. Михеев, М. Ю. Жизни мышья беготня или тоска тщетности? (о метафорической конструкции с родительным падежом) / М. Ю. Михеев // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 47–70.
9. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: общая и частные классификации : терминологический словарь / В. П. Москвин. – 3-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д. : Феникс, 2007. – 940 с.
10. Москвин, В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – 2-е изд., перераб. и доп. / В. П. Москвин. – М. : УРСС, 2006. – 184 с.
11. Мурзин, Л. Н. Синтаксическая деривация (на материале производных предложений) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Мурзин Леонид Николаевич ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1976. – 29 с.
12. Новикова, М. Л. Структура и семантика метафоры как конструктивного компонента художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Новикова Марина Львовна ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1983. – 17 с.
13. Петрова, Е. Г. Языковая природа стилистического приёма «развёрнутая метафора» и её роль в создании целостности художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Петрова Елена Григорьевна ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1982. – 25 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

14. Рыньков, Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (Послепушкинский период) : монография / Л. Н. Рыньков. – Челябинск: Юж.-Уральск. кн. изд-во, 1975. – 182 с.

15. Симашко, Т. В. Как образуется метафора (деривационный аспект) / Т. В. Симашко, М. Н. Литвинова. – Пермь : ПГУ, 1993. – 216 с.

16. Старычонак, В. Д. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манагр. / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2007. – 190 с.

17. Тарасов, Л. Ф. К вопросу о лингвистической природе метафоры / Л. Ф. Тарасов // Рус. язык в школе. – 1980. – № 4. – С. 64–67.

18. Фёдорова, Т. А. Семантический анализ субстантивной метафоры (на материале прозы XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Фёдорова Татьяна Александровна; Ун-т дружбы народов. – М., 1985. – 16 с.

19. Фридрих, С. А. Принципы структурно-семантической классификации метафор / С. А. Фридрих // Уч. зап. Московского областного педагогического института. – Т. 268. – № 27. – М., 1970. – С. 82–98.

20. Черкасова, Е. Т. О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л. Леонова и М. Шолохова) / Е. Т. Черкасова // Исследования по языку советских писателей : сб. статей. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 5–89.

УДК 811.133

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, КОММЕНТАРИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭЗИИ И ДРУГИХ ВИДОВ ТЕКСТОВ

В. А. Маслова,
профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры дошкольного и начального образования
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: mvavit@tut.by

А. Л. Дединкин,
доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

В статье содержится характеристика разных видов анализа поэтического и других текстов: филологического (литературоведческого плюс лингвистического) анализа, комментария, интерпретации. Однако количество видов анализа художественных и иных текстов все увеличивается. В последние года начинают формироваться новые виды анализа, построенные на основе синтеза уже названных анализов с психологией, культурологией, теорией интуиции. Многое, казалось бы, было известно, но время для его полного осмысления подошло только сейчас.

Ключевые слова: поэтический текст, филологический анализ, комментарий, интерпретация, судебная лингвистическая экспертиза.

PHILOLOGICAL ANALYSIS, COMMENTARY, AND INTERPRETATION OF POETRY AND OTHER TYPES OF TEXTS

V. A. Maslava,
Professor, Grand PhD in Philology,
Professor of the Department of Preschool and Primary Education,
Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: mvavit@tut.by

МГПУ им. И.П. Шамякина

A. L. Dziadzinkin,
Associate Professor, PhD in History,
Associate Professor of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines
Vitebsk Branch of the MITSO International University,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

The article describes different types of analysis of poetic and other texts: philological (literary plus linguistic) analysis, commentary, interpretation. However, the number of types of analysis of literary and other texts is increasing. In recent years, new types of analysis have begun to form, based on the synthesis of the already mentioned analyses with psychology, cultural studies, and the theory of intuition. A lot seemed to be known, but the time for its full comprehension has only come now.

Keywords: poetic text, philological analysis, commentary, interpretation, forensic linguistic examination.

Введение. Поэзия – это особый организации слов, в результате которого не столько разъясняется смысл слова, сколько усложняется и генерируется новый, неожиданный, воспринимаемый носителями языка как открытие. Поэтому чтение поэзии – это не просто довольно тяжёлый труд, но еще и со-творчество, которому нужно учить на филологических факультетах.

Цель и задачи. Цель данной статьи – показать, что сформированные на сегодняшний день виды анализа текста, как поэтического, так и других, могут развиваться, консолидируясь с новыми появляющимися отраслями науки – лингвокультурологией, когнитивистикой, юрислингвистикой и др.

Методы и материал исследования. В работе использованы как философские и общенаучные, так и специальные методы (контекстуальный анализ, интерпретативный анализ и др.). Материалом для данного исследования стали произведения русской поэзии XX–XXI веков, а также конфликтогенные тексты экстремистского содержания.

Результаты и их обсуждение. В вузовской традиции говорят об анализе текста. Сегодня еще не прекратились споры о том, кто же должен изучать художественный текст – литературоведы или лингвисты [2]. Лингвист Р. О. Якобсон создал специальный раздел науки – «Грамматику поэзии», доказывая при этом, что литературоведы, как правило, проявляют достойную сожаления глухоту к фонетике и особенно семантике языковых знаков, что отрицательно сказывается на качестве анализа поэтических текстов. А «лингвисты, отваживающиеся взяться за изучение поэтического языка, встречают резкий отпор со стороны литературоведов, многие из которых вообще оспаривают право лингвистов исследовать поэзию» [4, с. 80].

Лингвисты не всегда включают в анализ знания социально-культурной ситуации, в которой создавался текст, считая, что текст самодостаточен. С этим также нельзя согласиться. Здесь на выручку приходит филологический анализ, который объединяет чисто лингвистические и эстетические знания для расшифровки текстов и получения достоверной информации об истории культуры. Кстати, в русской традиции (Д. С. Лихачев, Р. Р. Гельгардт) считалось неправомерным резкое размежевание между лингвистикой, культурологией и литературоведением. Этот подход – филологический – исключительно продуктивен и сейчас.

Комментарий поэтического текста – это разновидность филологического анализа, некоторые исследователи его считают самостоятельным жанром филологического анализа (О. Р. Миннуллин), некоторые – методом

МГПУ им. И.П. Шамякина

текстологического анализа. Фактически – это построчное объяснение, которое строится на основе лингвопоэтического изучения синтагматики художественного текста (С. Тер-Минасова и ее ученики – Н. В. Шарушкина и др.). Как пример комментария – несколько строк из стихотворения И. Бродского «Сенокос»:

Всю ночь бесшумно, на один вершок,
Растёт трава. Стрекочет, как движок,
всю ночь кузнечик где-то в борозде.

Всю ночь бесшумно, на один вершок, растёт трава... Благодаря ритмическому членению, не совпадающему с синтаксическим, и фонетической оркестровке (аллитерация глухих и шипящих - *вс, ч, сш, ш, с)* мы слышим тихие ночные шорохи, будто бы рост травы. Это прорастание всего лишь *на один вершок* как если бы поэт сам видел это, в этом его потрясающая поэтическая чуткость.

В следующем фрагменте *растет трава. Стрекочет, как движок, всю ночь кузнечик где-то в борозде* важна звуковая оркестровка: *р, тр, дв, ж*. Концентрация звуков усиливается с помощью сравнения "стрекочет, как движок": непрерывность и ритмичность возникающего звука уподобляется механическому движку.

Далее в комментарии на первый план выходят энциклопедические знания: стихотворение относится к числу ранних произведений Иосифа Бродского, но входит в ряд тех самых, за которые он был судим, гоним и о которых Анна Ахматова сказала: «Эти стихи кажутся мне волшебными». Оно продолжает тематический ряд пейзажной лирики русской классической литературы. По собственному признанию И. Бродского, его стихи пронизаны «ощущением немедленного впадения в зависимость от языка, от того, что на нем уже высказано, написано, осуществлено» [1, с. 45].

Но время быстро бежит и меняет при этом наши взгляды. Так, во второй половине века возникла интерпретирующая (интерпретативная) лингвистика, а в конце века лингвокультурология, которые еще более расширили филологический анализ. Интерпретационная лингвистика рассматривает значение и смысл языковых единиц зависимыми от интерпретирующей деятельности человека. В интерпретационном направлении комментирование – герменевтическая процедура [3]. Его цель – реконструкция смысла, который непрозрачен для носителей языка. При таком подходе происходит уточнение и расширение представлений о тексте и мире, в нем отражённом. Лингвокультурология возможность интегрировать в общую систему анализа текста такие факторы, как культурные знания, фоновые знания и другие экстралингвистические данные. Это анализ поэтического текста как явления культуры. Анализируя его, мы придаём ему статус феномена культуры. Это понимание конкретного стихотворения в контексте всей национальной культуры. За таким филолого-культурологическим подходом будущее. Это фактически комплексный анализ, блестящие образцы его мы наблюдали еще в трудах В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Г. О. Винокура, М. Гаспарова и др. выдающихся филологов. В их богатом творческом наследии заложены целые пласты оригинальных, научно перспективных концепций, ориентированных на решение центральных проблем филологии – художественного текста во всех его аспектах. Особенность анализа будущего – антропоцентризм, культурологическая направленность, изучение культуры нации через поэтические тексты, внимание к широкому литературному и социально-историческому контексту эпохи.

МГПУ им. И. П. Шамякина

В такой интерпретации нуждаются все художественные тексты, ибо они находится за пределами индивидуального опыта читателя. Но подобному анализу должен подвергаться и целый ряд других текстов – от медиа до специальных, например, текстов судебной лингвистической экспертизы. Несколько слов о последних.

На сегодняшний день в Республике Беларусь отсутствует универсальный подход к анализу конфликтогенных текстов (в широком смысле) в рамках судебной лингвистической экспертизы, нет устоявшейся методики такого анализа. Нас интересуют тексты предположительно экстремистского содержания. Мы разработали и апробировали на практике алгоритм такого подхода. Во-первых, эксперт устанавливает, является ли текст продуктом публичной коммуникации, а потом соотносит свой вывод с трактовкой публичности как признака правонарушения, закреплённого в законодательстве. Во-вторых, в ходе экспертного исследования определяется наличие лингвистических маркёров, коррелирующих с признаками юридических понятий, обозначающих конкретные вербальные правонарушения экстремистской направленности. При исследовании креолизованных текстов используется следующий алгоритм действий: определяется значение вербальной составляющей текста; даётся характеристика изобразительного компонента; устанавливается семантическая корреляция вербальной и невербальной частей. Для этого нами разработаны матрицы определения соответствующих признаков.

При проведении лингвистической экспертизы текстов экстремистского содержания используются методические материалы в сфере судебно-экспертной деятельности, утверждённые Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь. В ходе первичного анализа материалов экспертом проводится их внешний осмотр, изучаются вопросы, вынесенные на разрешение лингвистической экспертизы, устанавливаются границы объектов, определяется степень пригодности текста для исследования, исследуется коммуникативная ситуация. В ходе исследования денотативного компонента текста устанавливается предмет речи и то, что о нём сказано. Анализ иллокутивного компонента текста позволяет установить интенции адресанта. В процессе исследования оценочного компонента текста устанавливается отношение адресанта к предмету речи. Ввиду отсутствия в Республике Беларусь универсальной методики судебной лингвистической экспертизы текстов предположительно экстремистского содержания предлагаем при её проведении руководствоваться обоснованными нами принципами: надлежащего объекта исследования, недопущения выхода за пределы компетенции эксперта, комплексного анализа текста, целостного анализа текста, использования необходимых источников.

Выводы. Количество видов анализа художественных и иных текстов все увеличивается. В последние года начинают формироваться новые виды анализа, построенные на основе синтеза не только уже названных анализов, но и психологии, культурологи, теории интуиции. Многое, казалось бы, было известно, но время для его полного осмысления подошло только сейчас. Например, антитеза «сознание – бессознательное» применялась для анализа художественного текста еще романтиками в начале XIX в. К. Г. Юнг отмечал наличие сходных состояний у пророков, поэтов, основателей религиозных учений, у больших учёных. У них имеется интуиция, «далеко превосходящая сознательный ум», и открывается она в

МГПУ им. И.П. Шамякина

трансовых состояниях. Поэтический текст связан со стихийными душевными импульсами. Это текст, в котором отражена идея первичности и божественного смысла чувственного опыта в познании мира, такой текст создаётся не по законам рассудочной деятельности. И исследоваться он должен еще и с позиций интуитивного и глубинного знаний, т. е. в некоторой мере с позиции бессознательного. По сути, интуитивное – это неожиданное понимание скрытой связи между явлениями и событиями, описанными в тексте, по сравнению с обыденной реальностью. Для разных видов анализа нужна активная обучающая деятельность в школе и вузах.

Список использованных источников

1. Бродский об Ахматовой. Диалоги с С. Волковым. – М. : Независимая газета, 1992. – 49 с.
2. Гугнин, А. А. Художественный текст: анализ или интерпретация? / А. А. Гугнин // Проблемы истории литературы. – 2003. – Вып. 17. – С. 200–227.
3. Рикёр, П. Конфликт интерпретации. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М. : Academia-Центр, 1995. – 156 с.
4. Якобсон, Р. О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – 145 с.

УДК 821. 161. 1’37

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ РУБЕЖА XVII – XVIII вв. В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРЕ

Е. Ю. Муратова,
профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры белорусской и русской филологии
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: mouratova@tut.by

В статье исследуются события правления в России Петра I, а именно: какое они нашли художественное отражение в русской живописи и литературе. Материалом исследования послужили картины русских художников и русская поэзия и проза (В. Суриков, И. Репин, А. Пушкин, А. Толстой, М. Цветаева), посвященные петровской эпохе. Описываются два стрелецких бунта, случившихся в 1682 и 1689 годах. Особенно ярко и художественно правдиво показан бунт стрельцов 1689 года в картине В. Сурикова «Утро стрелецкой казни», которая описывается и анализируется в статье наряду с картиной И. Репина «Царевна Софья» и романом А. Толстого «Петр I». Тем самым доказывается вслед за Ю. М. Лотманом, что любой текст культуры функционирует в едином социокультурном пространстве, а культура – это сумма или даже единый организм разных текстов, разных семиотических систем.

Ключевые слова: текст культуры, история, казнь, Петр I, стрельцы.

REFLECTION OF THE HISTORY OF RUSSIA AT THE TURN OF THE 17th–18th CENTURIES IN RUSSIAN PAINTING AND LITERATURE

E. Y. Muratova,
Professor, Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology
P. M. MasherovVitebsk State University,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: mouratova@tut.by

The article investigates the events of the reign of Peter the Great in Russia, namely: what kind of artistic reflection they found in Russian painting and literature. The material of the research are the

МГПУ им. И.П. Шамякина

paintings of Russian artists and Russian poetry and prose (V. Surikov, I. Repin, A. Pushkin, A. Tolstoy, M. Tsvetaeva) devoted to the Peter the Great epoch. Described two Streltsy riots that occurred in 1682 and 1689. Especially bright and artistically truthful riot Streltsy rebellion in 1689 in the painting by V. Surikov "Morning of the Streltsy execution", which is described and analyzed in the article along with the painting by I. Repin's painting "Tsarevna Sofya" and A. Tolstoy's novel "Peter 1". Thus it is proved, following Y. M. Lotman, that any cultural text functions in a single socio-cultural space, and culture is a sum or even a single organism of different texts, different semiotic systems.

Keywords: cultural text, history, execution, Peter the Great, Streltsy.

Введение. Любой художественный текст функционирует в поле многих семиотических систем (живопись, архитектура, музыка), в особом лингвокультурологическом пространстве. Влияние этого пространства не может не сказаться на формировании новых или дополнительных содержаний любого художественного произведения. «Исчерпывающее познание природы человека и его бытия возможно при условии «погружения» его в определенное историческое время, пространство и окружающий его не только мир природы, но и мир себе подобных, т. е. этнически, социально, конфессионально и культурно гомогенный социум, погружение его в семиосферу культуры такого социума» [1, с. 281]. Другими словами, любой текст культуры функционирует в едином социокультурном пространстве. Язык искусства в целом можно рассматривать как художественный код, который подлежит расшифровке адресатом. Есть свои языки у живописи, архитектуры, театра и т. д. Условно любую знаковую систему можно представить как текст. Об этом писал Ю. М. Лотман, который ввел понятие и разработал теорию семиосферы как пространства порождения и функционирования культурных текстов. Он писал, что любое произведение искусства – это текст культуры, а культура – это сумма или даже единый организм разных текстов, разных семиотических систем [2]. Особенно ярко это взаимодействие проявляется в поэзии и живописи.

Петровская эпоха была эпохой больших исторических событий. Время царствования Петра I (1689–1725) отмечено глубинными преобразованиями во всех сферах государственной жизни: создание регулярной армии и флота, победа над шведами и выход к Балтийскому морю, развитие торговли, многочисленные реформы в разных сферах и т. д. Царствование Петра I явилось своеобразным рубежом, отделившим многовековую историю Древней Руси от последующего, совершенно нового развития страны. Поэтому совершенно естественно, что время Петра, исторические события эпохи, сам его образ, осмысление эпохи в исторической перспективе нашли многочисленные воплощения в литературе, искусстве, общественно-исторической мысли.

Цель и задачи. В данной статье мы хотим рассмотреть художественное преломление в русском искусстве два страшных бунта стрельцов, которые коренным образом повлияли на жизнь и характер Петра I, его взгляды и цели и в целом – на ход российской истории.

Методы и материал исследования. Материалом исследования послужили картины русских художников и русская поэзия и проза (В. Суриков, И. Репин, А. Пушкин, А. Толстой, М. Цветаева), посвященные петровской эпохе. Предмет исследования – особенности отражения данной эпохи разными русскими художниками, писателями и поэтами. Использовался описательный метод и метод филологического анализа художественного текста.

МГПУ им. И.Г. Шамякина

Результаты и их обсуждение. В петровскую эпоху случилось два сильнейших бунта стрельцов. Первый произошел в 1682 году, когда Петру было всего 10 лет. Недовольство стрельцов назревало долгое время в течение царствования Фёдора Алексеевича. В 1682 году царь Фёдор Алексеевич умер, не оставив прямого наследника. В своей книге «На пороге империи» Елена Серебрякова так кратко описывает сложившуюся ситуацию: «У царя Алексея Михайловича (Тишайшего) от двух жен родилось шестнадцать детей. Семеро умерли во младенчестве. Из девяти выживших наследников мужского пола оставалось трое: Федор и Иван от Марии Милославской и Петр от Натальи Нарышкиной. После смерти Федора на престол могли ступить Иван или Петр. Одному пятнадцать лет, другому десять» [3, с. 5].

Началась быстрая и жестокая борьба за власть, на стороне Милославских выступили стрельцы. Ударил набатный колокол, и стрельцы ворвались в Кремль. Все зверства происходили на глазах у малолетнего Петра.

Вот как это описывает Алексей Толстой в романе «Петр Первый»: *«Пошумели стрельцы. Истребили бояр: братьев царицы Ивана и Афанасия Нарышкиных, князей Юрия и Михайлу Долгоруких, Григория и Андрея Ромодановских, Михаилу Черкасского, Матвеева, Петра и Федора Салтыковых, Языкова и других – похуже родом. Получили стрелецкое жалованье – двести сорок тысяч рублев, и еще по десяти сверх того рублев каждому стрельцу наградных. (Со всех городов пришлось собирать золотую и серебряную посуду, переливать ее в деньги, чтобы уплатить стрельцам.) На Красной площади поставили столб, где с четырех сторон написали имена убитых бояр, их вины и злодеяния… Приев и выпив кремлевские запасы, стрельцы разошлись по слободам, посадские – по посадам. И все пошло по-старому. Ничего не случилось. Над Москвой, над городами, над сотнями уездов, раскинутых по необъятной земле, кисли столетние сумерки – нищета, холопство, бездолье»* [4]. Таким образом, первый бунт стрельцов закончился для них успешно: они добились своих требований, было выбрано два царя – Иван и Петр, а правительницей страны стрельцы сделали царевну Софью.

Об этом писал А.С. Пушкин:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни [5].

Русская живопись в полной мере отразила все события, связанные со стрелецким бунтом 1682 года, например: «Кончина царя Федора Алексеевича» К. Лебедева, «Спасение Петра Великого его матерью» Штейбена, «Отрок Петр во время стрелецкого бунта» К. Брюллова и др.

7 лет после бунта Петр с матерью Натальей Кирилловной Нарышкиной жили не в Кремле, а в подмосковном дворце в селе Преображенском. Петр вырос, возмужал и в 1689 году сверг правление Софьи, которую отправил в Новодевичий монастырь. Так началось самостоятельное правление великого Петра I – последнего русского царя и первого императора России.

Достижения в петровскую эпоху хорошо известны: реорганизация и увеличение армии, создание российского флота, победа над шведами, выход к

МГПУ им. И.П. Шамякина

Балтийскому морю, судебная, церковная и денежная реформы, европеизация России, реорганизация в промышленности и торговле, преобразования в сфере культуры, военные победы.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра [5]

Все это нашло разнообразное отражение в русской живописи и литературе. Яркий пример в этом ряду – основание Петром Петербурга в 1703 г. Например, в картине «Петр Первый. Основание Петербурга» А. Г. Венецианова изображен Петр I на берегу Невы, который с вдохновенным лицом обсуждает с приближенными план основания Петербурга. Об этом же, о великих планах Петра I – известнейшие, ставшие классическими строки А. С. Пушкина из «Медного всадника»:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел…
И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе [5].

Петр всегда недолюбливал архаическую, боярскую Москву, да и след в душе и характере после стрелецкого бунта 1682 года остался у него на всю жизнь. А вот, например, М. Цветаева, если не осуждает его нелюбовь к Москве, то просто прославляет колокольную Москву, считая, что «неоспоримо первенство Москвы»:

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.
Гремучий опрокинутый прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей! [6].

Второй страшный стрелецкий бунт случился в 1698 году. Он описан во многих исторических и художественных произведениях, но поразительнее всего – в картине русского художника Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни»,

МГПУ им. И.Я. Шамякина

посвященной подавлению Петром I стрелецкого бунта 1698 года и казни мятежных стрельцов.

Весной 1698 года Петр I с Великим посольством путешествовал по Европе. В это время стрельцы подняли бунт, вначале из-за задержки жалованья, а затем бунт принял политический характер: они хотели возвести на престол царевича Алексея, сына Петра I, при регенстве его сводной сестры Софьи. Бунт был подавлен, срочно вернувшийся из Европы Петр начал беспощадное расследование, а осенью 1698 года начались казни стрельцов. Всего было казнено более 1300 человек. Начиная с десятилетнего возраста, после первого бунта Петр стрельцов ненавидел, пятерым стрельцам в 1698 году Пётр I отрубил головы лично. Пять месяцев трупы казнённых стрельцов не убирались с места казни.

Это историческое событие отражено в великой картине Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни». Г. Э Лессинг писал о специфике живописи: «В произведениях живописи, где все дается лишь одновременно, в сосуществовании, можно изобразить только один момент действия, и надо поэтому выбирать момент наиболее значимый, из которого бы становились понятными и предыдущие и последующие моменты» [7, с. 445]. *Именно таковой является картина Василия. Сурикова: за образами несчастных стрельцов, ждущих казни, мы видим не только последние минуты их жизни, но весь прошедший бунт, расследование, пытки, горе близких им людей.*

Действие, изображённое на картине, происходит ранним осенним утром на Красной площади в Москве около церкви Василия Блаженного и Кремлевской стены. Чуть вдали от людей видны виселицы. Площадь от прошедшего недавно дождя покрыта грязью, над нею серое, пасмурное небо, в котором кружится воронье. Сумрачный пейзаж полотна весь проникнут единым тяжелым настроением, передающим «тревожное ожидание наступающей трагедии и чувство щемящей тоски» [8, с. 143].

У Лобного места скопилось большое количество людей. В толпе выделяются приговоренные к смерти стрельцы (их семь) в белых рубахах, держащие в руках горящие погребальные свечи. Они стоят или сидят на телегах, окруженные плачущими, кричащими от горя женами, матерями, детьми. В правой части полотна сидящим на коне изображен Петр, окруженный вельможами, взгляд его, полный ненависти, страшен.

Когда картина была уже практически завершена, Илья Репин сказал В. Сурикову: «Что же это у вас ни одного казнённого нет? Вы бы вот здесь хоть на виселице, на правом плане повесили бы». А на следующее утро, по словам Сурикова, в комнату вошла старуха-няня – как увидела, так без чувств и упала. В результате Суриков пришёл к выводу, что прав был он, а не Репин: «искусство не должно так действовать» [8, с. 188–189]. Таким образом, на картине В. Сурикова казнь еще не началась. Он писал: «У меня в картине крови не изображено, и казнь еще не начиналась» [9, с. 183]. Но Василий Суриков изобразил самое страшное – ожидание неизбежной смерти, которая случится через несколько минут.

Еще одна картина, дополняющая страшную ситуацию бунта и его последствий, – картина Ильи Репина «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 году». Софья стоит в келье монастыря со скрещенными руками

МГПУ им. И.П. Шамякина

и страшным взглядом отчаяния и ненависти. На заднем плане видна фигура монахини и, что знаменательно и важно, в окне – голова повешенного стрельца. Как писал А. Толстой в своем романе «Петр Первый»: *«У Новодевичьего монастыря поставлено тридцать виселиц четырехугольником, на коих 230 стрельцов повешены. Трое зачинщиков, подавших челобитную царевне Софье, повешены на стене монастыря под самыми окнами Софьиной кельи. Висевший посредине держал привязанную к мертвым рукам челобитную»* [4]. Петр допрашивал сестру и пытал её слуг, а нескольких мятежников повесили прямо перед окнами её кельи. Доказательства вины царевны так и не появились, сама она свою причастность к бунту категорически отрицала. Софья была пострижена в монахини и умерла в 1704 году.

Выводы. Искусство в силу своей природы не может не отражать историю и мир в самых разных вариантах: мифы, библейские притчи, исторические события, образы правителей, героев, простых людей в разные века. Эпоха Петра I – великая эпоха становления, изменения и расцвета России, но это и очень жестокое время не только в России, но и во всем мире. Наказания были безжалостными, людей физически калечили, колесовали, четвертовали, вешали, отрубали головы. Картина В. Сурикова, роман А. Толстого «Петр I» и другие тексты культуры художественно отражают именно Время, все его стороны: традиции, обычаи, жестокость, борьбу за власть, чтобы наши современники знали историю во всех ее ярких красках и могли из этого выносить уроки для будущего.

Список использованных источников

1. Малинович, Ю. М. Тема игры на деньги взаправду и понарошку в рассказе В. Распутина «Уроки французского» / Ю. М. Малинович // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2006. – С. 278–289.
2. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры / Ю. М. Лотман. – СПб., 2002.
3. Серебрякова, Е. На пороге империи / Е. Серебрякова. – М. : Изд-во «Перо», 2023.
4. Толстой, А. Петр Первый / А. Толстой. – М. : Время, 2018. – 896 с.
5. Пушкин, А. С. Сочинения в трех томах / А. С. Пушкин. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1954.
6. Цветаева, М. Избранные произведения / М. Цветаева. – Минск : Мастацкая літаратура, 1984. – 672 с.
7. *Лессинг, Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г. Э. Лессинг // Избранные произведения. – М., 1953. – С. 385–516.*
8. Кеменов, В. С. В. И. Суриков : Историческая живопись, 1870–1890 / В. С. Кеменов – М. : Искусство, 1987. – 567 с.
9. Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике / Н. А. Радзимовская, З. А. Радзимовская, С. Н. Гольдштейн. – Л. : Искусство (Ленинградское отделение), 1977. – 381 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 811.161.1'42

КОРНЕВОЙ ПОВТОР – СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)

Ю. В. Дроздович,
магистрант филологического факультета Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: yuliyashkasweet@mail.ru

Л. В. Прохоренко,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: prohorenkoludmila129@gmail.com

В статье рассматривается корневой повтор как выразительное средство, способствующее созданию поэтического мира в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Исследование опирается на анализ текстовых структур и их влияние на восприятие художественного замысла автора. Анализируется использование корневого повтора для создания ритмического и эмоционального фона произведения. Повтор как феномен текстообразования и стилизации художественного дискурса является объектом внимания лингвистики текста.

Было отмечено, что корневой повтор в романе в стихах «Евгений Онегин» является ключевым элементом, который способствует созданию уникального художественного мира. Понимание этого приёма позволяет лучше осознать творческие достижения А. С. Пушкина и его мастерство в создании литературных образов. Корневой повтор в романе «Евгений Онегин» выступает не только как ритмический элемент, но и как средство углубления тематической структуры произведения. Повторы вызывают у читателя ассоциации и создают атмосферу непрерывности и единства.

Ключевые слова. Художественный дискурс, повтор, корневой повтор, функции повтора, лейтмотив, экспрессема.

ROOT REPETITION AS A MEANS OF CREATING AN ARTISTIC WORLD IN THE NOVEL BY A.S. PUSHKIN "EUGENE ONEGIN"

Yu. V. Drozdovich,
Master's student, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: yuliyashkasweet@mail.ru

L. V. Prokhorenko,
associate Professor, Candidate of Philological Sciences of the Department of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: prohorenkoludmila129@gmail.com

The article examines the root repetition as an expressive means that contributes to the creation of a poetic world in the novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin". Repetition as a phenomenon of text formation and stylization of artistic discourse is the object of attention of text linguistics. The study is based on the analysis of text structures and their influence on the perception of the author's artistic concept. The

МГПУ им. И.П. Шамякина

use of root repetition for creation a rhythmic and emotional background of the work is analyzed. It was noted that the root repetition in the novel in verse "Eugene Onegin" is a key element that contributes to the creation of a unique artistic world. Understanding this technique allows us to understand the artistic achievements of A.S. Pushkin and his skill in creating literary images. Root repetition in the novel "Eugene Onegin" acts not only as a rhythmic element, but also as a means of deepening the thematic structure of the work. Repetitions evoke associations in the reader's mind and create an atmosphere of continuity and unity.

Keywords: Artistic discourse, repetition, root repetition, functions of repetition, leitmotif, expresseme.

Введение. Творчество А. С. Пушкина, в частности роман «Евгений Онегин», представляет собой фундаментальный объект для изучения поэтического языка и художественных средств. Поэт успешно использует разнообразные приёмы в своих произведениях. Одним из таких приёмов является корневой повтор, который активно применяется в романе и выполняет многогранные функции, от создания ритмической единообразности до углубленного раскрытия тем и образов. Анализ данного приема позволяет выявить его роль в формировании поэтического мира романа и придания ему эмоциональной насыщенности. Изучение корневого повтора позволяет раскрыть глубину и сложность пушкинского языка.

Цели и задачи. Целью статьи является выявление и анализ функций корневого повтора в романе «Евгений Онегин».

Методы и материал исследования. Были использованы метод контекстного и текстологичекого анализа, описательный метод, дискурсивно-стилистический анализ. Материалом исследования послужил роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Результаты и их обсуждение. Возможности риторики, основывающейся на «пространственно-временных принципах гармонии и соразмерности» [1], значительно способствуют формированию художественного дискурса благодаря пониманию механизмов человеческой коммуникации. В античной риторике, помимо разработки методов эффективной коммуникации, можно обнаружить идеи, предвосхищающие современные концепции лингвистики текста, особенно относительно средств создания связности текста. Одним из таких средств являются фигуры повторения.

Повтор относится к риторическим фигурам, которые не только объединяют части высказывания, но и усиливают речь с помощью ритмического связывания повторяемых элементов, что может приводить к скрытому языковому влиянию. Уже в эпоху Аристотеля признавалось, что ритмическая структура повтора, основанная на интонационном выделении ключевых понятий, воздействует на подсознание аудитории. Современные исследователи, такие как В. П. Москвин, подтверждают почти гипнотический эффект повторов: «Именно поэтому фигурами повтора с античных времен пользуются, с одной стороны, ораторы и политики, а с другой – поэты» [2, с. 83].

В современной лингвистике, делающей акцент на целостном и связанном тексте, повтор не рассматривается как изолированный стилистический приём. Вместо этого его следует трактовать как способ формальной организации текста, который акцентирует внимание читателя на важных элементах сообщения и помогает раскрыть внутреннюю структуру текста. Как подчеркивает В. А. Мальцев, повтор помогает преодолевать линейность текста, побуждая читателя возвращаться к ранее прочитанным фрагментам и сопоставлять их с теми, которые читает в данный момент [3, с. 128–140].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Композиционная организация художественного текста, как правило, соотносится с особенностями его семантической структуры, позволяя более внимательно осуществлять семантическое декодирование.

Интерпретация речевого смысла облегчается при использовании автором средств когезии, связывающих отдельные элементы текста. «Связность текста обеспечивается посредством повторения элементов текста на синтаксическом, семантическом или лексическом уровне, что способствует объединению знаковой последовательности в единое целое» [4]. В. А. Мальцев отмечает, что повтор способен создавать параллелизм на любом языковом уровне, что упорядочивает композиционную структуру текста и воссоздаёт смысловую однородность его сегментов.

Исследование данной проблемы предусматривает введение понятия узлов лексико-семантической связи, которые Г. Хоуи называет «бондами» [5]. Для обозначения этого явления М. П. Котюрова применяет термин «семантические блоки», трактуя последние как способы уплотнения содержания текста [6, с. 23–32]. Г. Я. Солганик, в свою очередь, вводит термин «скрепы» – это лексические единицы, которые выступают сегментами-фиксаторами, скрепляющими значения всех компонентов текста в семантические узлы [7]. Основная функция фиксаторов заключается не столько в сообщении, сколько в управлении мнением автора.

А. С. Пушкин – величайший русский поэт и прозаик, новатор и основоположник современного русского языка. В его творчестве часто используются различные поэтические приёмы, одним из которых является корневой повтор.

Корневой повтор – это повторение корней слов, которое создает ритмические и звуковые ассоциации, а также подчеркивает важные тематические и эмоциональные моменты в тексте. Этот приём не только усиливает выразительность произведения, но и способствует его музыкальности.

В художественном дискурсе повтор реализует три основных функции: ***тексто-, стилеобразующую*** и ***фатическую***. Выступая как средство кодирования и декодирования семантической структуры текста, повтор реализует роль скрепы, с опорой на которую моделируется тематическая сетка, обеспечивающая когерентность текста и возможность вскрытия текстовой импликации на уровне денотативного содержания. Как стилистический приём повтор ритмизирует прозу, актуализирует стилистические, эмоциональные, экспрессивные и оценочные коннотации, что усиливает выразительность текста. Повтор не только способствует связности и экспрессивности текста, но и создаёт эффект импринтинга: внимание читателя фокусируется и удерживается на коммуникативно значимом отрезке.

Речевые единицы с итерируемым компонентом-морфемой используются авторами, во-первых, в качестве лейтмотивов, логически развивающих тему / идею в рамках отдельных микроконтекстов, а во-вторых – в качестве экспрессем (термин В. Г. Костомарова), придающих речи напряжённость, эмоциональную выразительность. В первом случае морфемный повтор выступает в **текстообразующей** когезионной функции: предмет анализа составляют системные коммуникативные смыслы, актуализируемые на уровне тема-рематического членения речи. Во втором случае морфемный повтор реализует **прагматический** потенциал, выступая в функции эмфазы как способа стилизации и экспрессивизации текста: предмет анализа составляют «модифицирующие коммуникативные смыслы» [8, с. 51–55].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Корневой повтор в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» способствует созданию определенного ритма, который поддерживает темп повествования. Например, через повторяемые корни можно ощутить напряжение или емкость эмоций героев. Это поддерживает читательское внимание и создает особую атмосферу: *И ус**тарела старина**, / и **старым** бредит старина*.

Регулярное использование корневого повтора помогает акцентировать внимание на ключевых темах романа, таких, как любовь: *Он пел **любовь, любви** послушный*», одиночество: ««*Ах, он **любил**, как в наши лета / Уже не **любят**; как одна/ Безумная душа поэта / Еще **любить** осуждена: / Всегда, везде одно мечтанье, /**Одно привычное** желанье, / **Одна привычная** печаль*» и судьба: «*Простим горячке **юных** лет / И **юный** жар и **юный** бред*. Поэт через корневые повторы формирует важные концепции, которые становятся центральными в восприятии всего произведения.

Кроме того, в данных примерах мастер слова, использует этот приём, чтобы создать мелодичность текста, что делает его чтение особенно приятным. Ритмическое разнообразие, достигаемое с помощью повторов, создает эффект лёгкости и воздушности, помимо глубокого содержания.

В тексте романа корневой повтор имеет и мощный эмоциональный заряд. Например, повторы слов, связанных с чувствами, позволяют читателю глубже понять внутренний мир персонажей: *Но чаще занимали **страсти** / Умы пустынников моих. / Ушед от их мятежной власти, / Онегин говорил об них / С невольным вздохом сожаленья: / **Блажен**, кто ведал их волненья / И наконец от них отстал; / **Блаженней** тот, кто их не знал, / Кто охлаждал **любовь** – разлукой, / **Вражду** – злословием; порой/ Благоразумной тишины, / Когда **страстей** угаснет **пламя**,/ И нам становятся смешны / Их своевольство иль порывы / И запоздалые отзывы, – / Смиренные не без труда, / Мы **любим** слушать иногда/ **Страстей** чужих язык мятежный, / И нам он **сердце** шевелит. / Так точно старый **инвалид** / Охотно клонит слух прилежный / Рассказам юных усачей, / Забытый в хижине своей. / Зато и **пламенная младость**/ Не может ничего скрывать. / **Вражду**, **любовь**, печаль и радость / Она готова разболтать. / В **любви** считаясь **инвалидом**, / Онегин слушал с важным видом, / Как, **сердца** исповедь **любя**, / Поэт высказывал себя;/ Свою доверчивую совесть / Он простодушно обнажал. / Евгений без труда узнал / Его **любви младую** повесть.*

В данном случае важным аспектом корневого повтора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» является его способность подчеркнуть контрастные моменты в развитии сюжета и характеров героев. Повторяя одни и те же корни в положительном или отрицательном контексте, поэт выявляет противоречия в душах своих персонажей. Это помогает читателю более чётко увидеть внутренние конфликты и изменения, происходящие в их жизни.

Корневые повторы в произведении имеют символическое значение, соединяя разные части текста и усиливая смысловые связи между ними. Это помогает читателю увидеть единое целое в рамках романа, где каждая деталь имеет значение и вес: *… Она ласкаться не умела / К отцу, ни к матери своей; / **Дитя** сама, в толпе **детей** / Играть и прыгать не хотела / И часто целый день одна / Сидела молча у окна. / Охоты властвовать примета, / С послушной куклою **дитя** / Приготовляется шутя / Но куклы даже в эти годы/ Татьяна в руки не брала; / Про вести города, про моды / Беседы с нею не вела. / И были **детские** проказы / Ей чужды: страшные рассказы*.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Поэт применяет корневой повтор не только для передачи эмоций, но и для создания связности текста. Повторяемые элементы служат связующими компонентами, которые помогают объединить разные части произведения в единое целое. Таким образом, читатель может уловить основные идеи и темы, которые проходят через весь роман, и понять их взаимосвязь.

Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин" является не только ярким образцом русской литературы, но и выдающимся произведением, в котором мастерски используется корневой повтор, который придаёт тексту особую выразительность, а также углубляет его тематическую и эмоциональную составляющую.

Выводы. Таким образом, корневой повтор в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» не только создает ритмическую структуру и эмоциональную насыщенность текста, но и подчеркивает важные темы и символику романа. Понимание этого приёма позволяет глубже осознать художественные достижения А. С. Пушкина и уникальность его языка. Корневой повтор – это не просто стилистический прием, а мощный инструмент, который помогает создать многоуровневый поэтический мир.

Корневой повтор в романе является мощным выразительным средством, которое способствует раскрытию тем и образов, создавая многослойность и глубину произведения. Поэт в совершенстве делает свой роман не только литературным шедевром, но и гармоничным произведением искусства, в котором форма и содержание неразрывно связаны между собой, а корневой повтор становится важным инструментом для более глубокого понимания и интерпретации текста, подчеркивая богатство и разнообразие русского языка.

Список использованных источников

1. Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон [и др.] ; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. – М. : Прогресс, 1986. – 392 с.

2. Москвин, В. П. Типология повторов как стилистической фигуры / В. П. Москвин // Вестник Мос. ун-та. Сер. 9 : Филология. – 2002. – № 5. – С. 115–128.

3. Мальцев, В. А. Параллелизм, его связи с повтором и роль в организации художественного текста / В. А. Мальцев // Романское и германское языкознание. – Минск : Изд-во Минск. гос. пед. ин-та ин. яз. – 1976. – № 6. – С. 128–140.

4. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство «Ось-89», 2005. – URL: http://dylan.pro-gramming.org/meditsina/hudojestvennyy-tekst-osnovy-lingvisticheskoy-teorii-analitiche-skiy-minimum-2-e-izd-pererab-lukin-v-a- (дата обращения: 20.03.2025).

5. Hoey, M. Patterns of Lexis in Text / M. Hoey. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 276 p.

6. Котюрова, М. П. О связи предложений и абзацев в научной речи / М. П. Котюрова // Лингвистические исследования научной речи. – М. : Наука, 1979. – С. 23–32.

7. Солганик, Г. Я. Синтаксическая семантика (Сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 2003. – 214 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 821.111(73)-3.09(045)

А. С. ПУШКИН В ЗЕРКАЛЕ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ю. В. Стулов,
кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: yustulov@mail.ru

Статья исследует историю знакомства афроамериканской аудитории с фигурой Александра Сергеевича Пушкина, который олицетворял для них творческий гений человека с африканской кровью, продемонстрировав тем самым абсурдность расистских утверждений о неспособности африканцев и их наследников к творчеству. На протяжении полутора столетий его имя привлекает все большее внимание, а образ великого русского поэта возникает на страницах художественных произведений разного художественного уровня. Образ Пушкина в них представлен с разных сторон в зависимости от взглядов авторов. Однако все они подчеркивают свободолюбие поэта, его трагическую судьбу. Во всех звучит призыв к свободе и праву человека на самоопределение. Использованы культурно-исторический и биографический методы исследования.

Ключевые слова: афроамериканская литература, биографический роман, рэп, А. С. Пушкин, идентичность, самоидентификация.

A. S. PUSHKIN IN THE MIRROR OF AFRICAN AMERICAN LITERATURE

Yu. V. Stulov,
Candidate of Philology, Associate professor, independent researcher
E-mail: yustulov@mail.ru

The paper deals with the history of familiarization of African Americans with Alexander Sergeevich Pushkin who symbolized for them the creative genius of a person with African blood showing the absurdity of racist statements about the incapacity of Africans and their descendants to creative art. Over a century and a half his name attracts ever growing attention, and the character of the great Russian poet appears on the pages of books od various artistic quality. The character of Pushkin is presented in them from different angles depending on the authors' outlook. However, all of them emphasize the poet's love of freedom, his tragic fate. In all of them there is a call for freedom and the right of every human for self-determination. Cultural-historical and biographic methods of research have been used.

Keywords: African American literature, biographical novel, rap, A. S. Pushkin, identity, self-identification.

Введение. Вероятно, вряд ли в русской литературе найдется другое имя, которое было бы столь же значимо для афроамериканской аудитории, как Александр Сергеевич Пушкин, который стал для миллионов людей символом свободомыслия и гениальности. В статье делается попытка определить историю знакомства афроамериканцев с трагической фигурой великого русского поэта.

Цели и задачи. На основе знакомства с публикациями в американском и отечественном литературоведении, посвященными А. С. Пушкину, выделяются этапы открытия афроамериканской аудиторией имени поэта с целью определения важности его места в мировом литературном процессе для афроамериканцев. Анализ произведений, где появляется фигура поэта, позволит установить, что из всего пушкинского контекста оказывается наиболее важным для афроамериканцев на разных этапах.

Методы и материал исследования. В статье использованы культурно-исторический и биографический методы. В основу статьи положены работы

МГПУ им. И. П. Шамякина

известных американских исследователей о Пушкине, а также романы Джона Оливера Килленса «Великий черный русский» и Элис Рэндалл «Пушкин и Пиковая дама».

Результаты и их обсуждение. На протяжении столетий к чернокожим американцам относились не как к людям с их достоинствами и недостатками, а как к собственности, о чем свидетельствует аболиционист Соломон Нортап в своих мемуарах «12 лет рабства»: лишая их имен, их называли «собственность 1», «собственность 2» и т. д. Утверждалось, что они не способны к умственному труду, не говоря уже о художественном творчестве. Под страхом смерти запрещалось учить их читать и писать. Исключением стала первая афроамериканская поэтесса Филлис Уитли (1753–1784), африканка, проданная в рабство, но, к счастью, попавшая в семью, где она вместе с дочерью хозяина обучалась английскому языку, чтению, Библии, латыни. Вскоре она уже смогла знакомиться с образцами английской поэзии, которая легла в основу ее творчества, принесшего ей свободу. Сборник ее стихов, изданный в Лондоне (в Америке его отказались печатать из-за расовых предрассудков), опровергал миф о неспособности чернокожих к творчеству. Факт же, что Пушкин, правнук выходца из Африки, стал основоположником новой русской литературы и русского литературного языка, доказывал абсурдность расистских утверждений об отсутствии у африканцев творческого воображения. Известная американская исследовательница творчества Пушкина Э. Лаунсбери признает: «На протяжении почти столетия афроамериканские писатели выделяли Пушкина как свидетельство способности чернокожих к литературному творчеству, способности, которая должна была убедительно доказывать их человеческие достоинства» [1] [1, с. 53]. А выдающийся современный литературовед Генри Луис Гейтс настаивает: «На протяжении более полутора столетий Александр Пушкин символически, если не выразительно присутствовал а афроамериканской литературе как замечательный символ всего, чего может достичь человек африканского происхождения, если его/ее талант не скован ограничительными путами расизма, и одновременно верный признак полнейшего абсурда дикого американского «правила одной капли крови» [2].

Сам же великий русский поэт, не стыдясь своего происхождения, неоднократно упоминает Африку, говорит, что он «потомок негров безобразный» [3, с. 73] и думает о том, как мог бы

«<…> средь полуденных зыбей
Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России» [4, с. 26].

Великий русский поэт приобретает известность в Америке уже к середине XIX в., а к концу столетия в кругу афроамериканских литераторов о нем говорится как о «самом великом русском поэте» [5, с. 89–90]. Место Пушкина в литературе четко определяется известным афроамериканским литератором дипломатом Джеймсом Уэлдоном Джонсоном в изданной им «Антологии негритянской поэзии» (1922), где в Предисловии он пишет о знаменитом прадеде великого поэта и сравнивает его роль в развитии русской словесности с положением Шекспира в английской литературе [см.: 6, с. 18].

Впервые образ Пушкина появляется в бульварном, якобы биографическом романе Эдны Андервуд «Кающийся грешник» (“The Penitent”, 1922), но это

[1] Здесь и далее перевод с англ. автора. – Ю. С.

МГПУ им. И.П. Шамякина

искаженное превратное представление о русском поэте, почерпнутое из сплетен. Не менее странной была и пьеса итальянского драматурга Валентино Карретти «Александр Пушкин», поставленная в Нью-Йорке в 1928 г., но пользовавшаяся некоторым успехом у деятелей Гарлемского Возрождения. Интерес к его творчеству резко возрастает после поездки в СССР в 1920–30-е гг. группы афроамериканских деятелей искусства и литературы, в том числе самого известного афроамериканского поэта XX в. Лэнгстона Хьюза, поэта Клода Маккея и актера и певца Поля Робсона. Кейт Болдуин приводит цитату из стихотворения «Kinship» русского поэта и переводчика Юлиана Анисимова, тесно общавшегося с Хьюзом во время его пребывания в СССР, в переводе Хьюза:

“The blood of Pushkin
Unites
The Russian and the Negro
In art” (Кровь Пушкина / Соединяет / Русского и негра / В искусстве) [7, с. 795] и показывает, что «для Хьюза была прямая связь между московскими детишками, которые учились азбуке через чернокожего поэта, и его собственным опытом ребенка, который узнал о Пушкине в журнале «Кризис» и видел, как учителя в школе указывали на него как источник вдохновения для своих униженных и угнетенных учеников» [8, с. 66]. По мнению Франка Мерсера, Хьюз разделяет с Пушкиным «уникальное сведение в тексте ритмических структур» [9]. Для Маккея же немаловажно было то, он, как и Пушкин, был человеком смешанных кровей.

Из пребывания в СССР они привезли в Америку книги, открытки, фотографии, связанные с великим русским поэтом, а Маккей – портрет молодого Пушкина. Он назовет его своим «негритянским предшественником» [10, с. 93]. Поль Робсон, проведший несколько лет в Советском Союзе и приобретший огромную популярность, был глубоко впечатлен стихами Пушкина, о чем вспоминает его сын, учившийся в эти годы в московской школе.

Артефакты, привезенные из поездки в СССР, станут основой юбилейных выставок, посвященных Пушкину, в дни столетия со дня его смерти в 1937 г. и юбилея поэта в 1949 г. Инициаторами стали Л. Хьюз, К. Маккей, Зора Нил Херстон, Поль Робсон. Выставки были организованы в самом центре афроамериканской общины – Гарлемской библиотеке и местном книжном магазине, где были представлены произведения великого русского поэта, иллюстрации к его книгам и т. д. Деятели афроамериканской культуры особо ценили в Пушкине его вклад в распространение живого русского народного языка, что было так значимо в период, когда т. н. «черный английский», социолект, на котором говорило афроамериканское население США, считался неприемлемым в сфере бытования американского английского языка. Не меньшее значение имело и учреждение Пушкинской премии для афроамериканских поэтов академическим журналом «Оппортюнити» (Opportunity), позиционировавшим себя как издание Национальной городской лиги и предназначенным для афроамериканской аудитории. Дважды ее обладателем стал известный поэт Арна Бонтана, входивший в круг деятелей Гарлемского Возрождения, среди которых были и Хьюз, и Маккей.

Настоящим прорывом в создании образа Пушкина в афроамериканской литературе следует считать роман «Великий чернокожий русский: жизнь и эпоха Александра Пушкина» Дж. О. Килленса (The Great Black Russian: A Novel on the

МГПУ им. И.П. Шамякина

Life and Times of Alexander Pushkin, 1989). По настоянию своего друга популярного афроамериканского актера Гарри Белафонте Килленс намеревался написать сценарий фильма, в котором роль поэта сыграл бы его друг. К сожалению, пьеса канадского драматурга Джорджа Джонаса «Пушкин», поставлена в Торонто в 1978 г., где Белафонте должен был играть, оказалась неудачной, что и заставило актера обратиться к Килленсу. Писатель приезжает в СССР, знакомится с материалами о жизни поэта, посещает места, связанные с его жизнью, но киносценария так и не получилось. Однако наработки легли в основу биографического романа, основанного во многом на реальных фактах из жизни Пушкина, но недостаточное понимание особенностей русской жизни первой трети XIX века, тем более образа жизни русского дворянства сказались на художественном качестве романа, где фантазия автора относительно личных перипетий Пушкина оказывается чересчур богатой, снижает убедительность книги. К тому же написанная создателем и идеологом Гильдии Гарлемских писателей, она прежде всего подчеркивает политические мотивы творчества Пушкина, его свободомыслие, протест против самодержавия, что с особой силой проявилось во время остановки поэта в Могилеве, где он призывает молодых офицеров (будущих декабристов?) покончить с тиранией царя: «Поднимайте каждого русского на революцию. Даже черкесов. Все в ваших руках!» [11, с. 203]. Пушкин гордится своей африканской кровью, но при этом полон любви к России. Он признается: «Тем, кем я есть сегодня, тем, что я дал русскому народу, я обязан Африке и России» [Там же, с. 153]. Поэт верит в братство народов, и потому роман завершается переводом «Памятника» как гимн русскому гению и его роли в истории свободолюбия.

Фигура Пушкина возникает и в романе известной афроамериканской писательницы Элис Рэндалл «Пушкин и Пиковая дама» (Pushkin and the Queen of Spades, 2004), где поэт появляется в рэпе профессора русской литературы Вандербильдского университета афроамериканки Виндзор Армстронг, которая стыдится своего происхождения и не хочет признавать свои корни. В результате между ней и сыном возникает сложный конфликт; они перестают общаться, и накануне свадьбы сына на русской девушке Татьяне из Петербурга профессор пишет рэп о жизни Пушкина (так зовут и ее сына!), который можно рассматривать как вариацию на темы «Арапа Петра Великого», где она обращается к проблемам во взаимоотношениях Пушкина с родиной, женой, семьей, его предками. Он написан на языке молодого поколения в стиле хип-хоп, и тем самым она стремится передать сыну, что она принимает себя как она есть, и тем самым просит у него прощение за отказ от своих корней и стремление жить по лекалам белого общества.

Выводы. На протяжении более полутора столетий имя А. С. Пушкина вызывает интерес афроамериканской аудитории не только среди славистов. Для них оказалась крайне значимыми африканские корни А. С. Пушкина, а его гениальные творения опровергали расистские установки о неспособности людей с африканской кровью к художественному творчеству. Не менее важной оказалась и трагическая судьба поэта. К фигуре поэта обращались как литературоведы, так и деятели культуры и литературы, стремившиеся понять природу его творческого гения. Образ Пушкина появляется и в нескольких романах и пьесах, которые пытаются проникнуть в характер человека, изменившего

МГПУ им. И. П. Шамякина

русскую литературу и создавшего современный русский литературный язык. Естественно, эти произведения неоднозначны; в некоторых из них не хватает знания эпохи, особенности ментальности людей того времени. Но все они отличаются желанием понять, что сделало великого поэта «нашим всем».

Список использованных источников

1. Lounsbery, A. Soul Man / A. Lounsbery // Transition. – Vol. 84. – 2000. – P. 42–61.
2. Under the Sky of My Africa: Alexander Pushkin and Blackness / eds Catharine Theimer Nepomnyashchy, Nicole Svobodny, and Ludmila A. Trigos; Foreword by Henry Louis Gates Jr. / C. Th. Nepomnyashchy, N. Svobodny, L. A. Trigos. – Evaston, Il: Northwestern University Press, 2006. – 417 p.
3. Пушкин, А. С. Юрьеву / А. С. Пушкин // ПСС в 20-ти тт. – СПб. : Наука, 2004. – Т. 2. – С. 73.
4. Пушкин, А. С. Евгений Онегин. Драматические произведения / А. С. Пушкин // ПСС в 10-ти тт. – Л. : Наука, 1978. Т. 5. – 529 с.
5. Chesnutt, Ch. To Be an Author : Letters of Charles W. Chesnutt. 1889–1905 / Ed. Joseph, R. McElrath, Jr. and Robert C. Leitz, III / Ch. Chesnutt. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1997. – 248 p.
6. Johnson, J. W. The Book of American Negro Poetry / J. W. Johnson. – New York : Harcourt, Brace, and Co., 1922. – 217 p.
7. Baldwin, Kate A. The Russian Connection: Interracialism as Queer Alliance in Langston Hughes's The Ways of White Folk / K. A. Baldwin // Modern Fiction Studies. – Vol. 48, No. 4. Winter 2002. – P. 795–824.
8. Langston Hughes in Context / eds. Vera M. Kutzinski, Anthony Reed /V. M. Kutzinski, A. Reed. – Cambridge: CUP, 2022. – 400 p.
9. Mercer, Frank IV. Pushkin / F. Mercer IV. – URL: https://issuu.com-/the_academy/docs/133890_magazine-abridged_single_page_view/s/13035825 (дата обращения: 03.04.2025).
10. Tagirova-Daley T. A. Claude McKay's Liberating Narrative: Russian and Anglophone Caribbean Literary Connections (Caribbean Studies) / T. A. Tagirova-Daley. – Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2012. – 144 p.
11. Killens, J. O. Great Black Russian: A Novel on the Life and Times of Alexander Pushkin J. O. Killens. – Detroit: Wayne State University Press, 1989. – 391 p.

УДК 821.161.1 – 31.09

КОНЦЕПТ «ДОМ» В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

И. Л. Судибор,
старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tanechka_tati@mail.ru

В статье анализируется концептосфера романа М.А. Булгакова «Белая гвардия», исследуются смысловые связи концепта «дом» и их роль в понимании проблематики и идейно-образного содержания произведения. В работе показано, что обращение М.А. Булгакова к теме дома и семьи на фоне исторических событий характерно для всех этапов творчества писателя.

Ключевые слова: Булгаков, «Белая гвардия», концепт, субконцепты, «дом», «город», образ-символ, литературная традиция, тема дома и семьи, проблематика, стиль.

МГПУ им. И.П. Шамякина

THE CONCEPT OF “HOME” IN M. A. BULGAKOV'S NOVEL «THE WHITE GUARD»

I. L. Sudibor,
Senior Lecturer of Belarusian and Russian PhilologyDepartment,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tanechka_tati@mail.ru

The article examines the conceptual sphere of M. A. Bulgakov's novel «The White Guard», exploring the semantic connections of the concept of "home" and their role in understanding the thematic and ideological-imagery content of the work. The study demonstrates that Bulgakov’s engagement with the theme of home and family against a historical backdrop is characteristic of all stages of the writer's creative development.

Keywords: Bulgakov, "The White Guard", concept, sub-concepts, "home," "city," image-symbol, literary tradition, theme of home and family, problematics, style.

Введение. Роман «Белая гвардия» – уникальное произведение М. А. Булгакова, в котором показана история жизни семьи Турбиных и всей России на фоне исторических событий, наступивших после Октября 1917 года. Особое место в художественном пространстве романа занимает тема дома и семьи в контексте исторических катаклизмов эпохи. Основополагающей ценностью романа «Белая гвардия» становится образ Дома, призванный символизировать традиционный уклад семейной жизни как основы гибнущей гуманистической культуры. Дом в романе выступает и как место для проживания главных героев, и как своего рода «крепость», «убежище» от опасностей, происходящих вне дома, а так же и как место, где происходят практически все события, о которых повествует автор. Образ Дома Турбиных становится главным в художественной структуре романа и противостоит символическому образу Города.

Цели и задачи работы: проанализировать концепт «дом» как центр пространственной модели романа М. А. Булгакова «Белая гвардия».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

– исследовать концептосферу романа М. А. Булгакова «Белая гвардия»;

– обосновать роль и значение концепта «дом» в понимании идейного замысла произведения.

Методы и материал исследования. Предметом исследования послужил концепт «дом» в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия». В процессе работы над темой были использованы методы анализа и обобщения лингвистических единиц в тексте романа, литературных и исторических фактов изучения творчества писателя.

Результаты и их обсуждение. Следуя русской классической традиции, М. А. Булгаков в романе «Белая гвардия» показал распад старых устоев жизни через разрушение Дома. В художественном тексте представлено два опорных образа-символа – Дом Турбиных и Город Киев, находящиеся в оппозиции. Дом – хранитель традиций, бед и радостей семьи – подвергся атаке жестокого времени, ввергнут в водоворот истории. Город Киев «похож на Вавилон», обреченный на гибель. Все в нем исчезло: вера, честь, долг, семейные связи (умирает мать Турбиных, погибает полковник Най-Турс, уходит Тальберг). Белый снег залит кровью. На улицах города трупы убиенных с разных сторон. Семья Турбиных ищет

МГПУ им. И.П. Шамякина

спасения. Она держится на любви и усилиях хранительницы домашнего очага – «Елене ясной», старшей сестры Турбиных, в крови которой играла «Звезда Венера». Во «времена мадам Анжу» Турбины были далеки от политики и жили беспечно, а теперь жестокая действительность ворвалась в их жизнь и вовлекла в свой круговорот. Художественное время романа определяет судьбы героев и ставит перед ними вопрос: как же жить? В этой экзистенциальной ситуации они делают свой выбор. Спасение Дома и семейных ценностей Турбиных становится одним из главных лейтмотивов романа. Турбины многим расплачиваются за его сохранение, но все же остаются жить в нем после всех бурь и потрясений.

В романе «Белая гвардия» концепт «дом» воплощается во времени и пространстве. В Толковых словарях семантические параметры лексем «дом», «квартира», «жилище» совпадают. Так, в Толковом словаре В. И. Даля читаем:

Дом – строение для жилья; в городе – жилое строение, хоромы; в деревне – изба со всеми ухожами и хозяйством [1, с. 359].

Квартира – помещение для людей, жилье, жилище; покои с принадлежностями, занимаемые кем-либо [1, с. 359]. **Жилище** – помещение, в котором живут, можно жить [1, с. 359].

Ключевое слово «**квартира»** выступает в романе как репрезентант концепта **«дом».** Семья Турбиных живёт в квартире или, как называет иногда автор, **«квартирке».** Эта дефиниция так же часто просматривается в произведении. В квартире льются слёзы, ведутся душевные разговоры, произносятся молитвы за здоровье Алексея Турбина и происходит его исцеление. Лариосик называет квартиру **«уютным жилищем»,** где ему хочется остаться. Это даёт нам понять, что это и есть то светлое и спокойное место в городе, где чувствуешь себя в безопасности. Автор употребляет уменьшительно-ласкательные суффиксы для образования слов **«домик»** и **«домишко»**, чтобы подчеркнуть не размеры, а теплую атмосферу, царящую внутри. Для некоторых жителей Города, а конкретно – для соседа Турбиных Василисы, в квартире существует отдельная комната, где можно спрятаться не только от петлюровцев, а от всего мира и не только самому, а спрятать свои «сокровища». Это будто «дом в доме», как он ласково называет свой **«кабинетик».**

Концепт «дом» в романе «Белая гвардия» раскрывается посредством частого употребления дефиниции «дом», обозначающей уютный дом Турбиных. О том, что он уютный и добрый нам дают понять «говорящие» предметы, наполняющие дом *(«бронзовые часы, играющие гавот… бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным шоколадом, белая скатерть…»).*

Лексико-семантическая группа концепта «дом» в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» выглядит следующим образом:

Таблица 1 – Лексико-семантическая группа концепта «дом» в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия»

Ключевые слова	**Частота использования**
Город	151
Дом	47

МГПУ им. И.П. Шамякина

Продолжение таблицы 1

Домишко	6
Домик	3
Квартира	45
Квартирка	2
Кабинетик	4
Хата	3
Гимназия	15
Жилище	2

Лексема **«дом»** употребляется на протяжении всего романа 47 раз. Также используются такие уменьшительно-ласкательные формы этого слова, как **«домишко»** (6) и **«домик»** (3). Лариосик называет дом Турбиных «**уютным жилищем**» (2). Часто употребляется такая дефиниция, как **«квартира»** (45) или **«квартирка»** (2). Используются они обычно при описании места проживания героев романа как главных –Турбиных, так и второстепенных – Юлии Рейсс, где описывается очень теплое и уютное место для проживания.

Концептуальная система в романе «Белая гвардия», соотносимая с концептом «дом», выстраивается следующим образом:

ДОМ

1) «квартира», «квартирка», «домик», «домишко», «хата», «жилище», «кабинетик»;

2) «благо», «уют», «тепло», «огонь», «жар», «свет», «красота», «вера», «соборность», «дружба», «любовь», «культура», «память», «родина».

Из этого следует, что в романе концепт **«дом»** несет материальное и духовное начало. Субконцепты **«квартира», «квартирка», «домишко», «домик», «жилище», «хозяйство»** передают материальные ценности. Внутреннее, духовное значение концепта «дом» составляют субконцепты **«благо», «уют», «тепло», «огонь», «жар», «свет», «красота», «вера», «соборность», «дружба», «любовь», «культура», «память», «родина».**

Таблица 2 – Концепт «дом» в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия»

Материальные ценности	Духовные ценности
✓ «жилище»; ✓ «хозяйство»; ✓ «квартира»; ✓ «домишко»; ✓ «кабинетик»; ✓ «домик»; ✓ «квартирка»	✓ «благо», «чистота»; ✓ «гармония», «уют»; ✓ «тепло», «огонь»; ✓ «свет», «красота»; ✓ «вера», «соборность»; ✓ «дружба», «любовь»; ✓ «культура», «родина»

Мы видим, что первая группа субконцептов отражает универсальные представления о Доме в русской национальной картине мира; вторая группа передает особенности индивидуально-авторского восприятия. Духовной и нравственной основой Дома, где живут Турбины, является спасительная вера.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Горячая молитва Елены перед иконой Богородицы спасает от смерти Алексея. Писатель намеренно обращает внимание читателя на даты происходящих событий. Он указывает на то, что Турбин стал умирать 22 декабря, но что «*день этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня Рождества*» [2, с. 307]. Надвигающаяся смерть брата заставляет Елену раньше зажечь рождественскую лампаду: «*Из года в год, сколько помнили себя Турбины, лампадки зажигались у них двадцать четвёртого декабря в сумерки…Но теперь коварная огнестрельная рана, хрипящий тиф все сбили и спутали, ускорили жизнь и появление света лампадки*» [2, с. 310]. Алексей Турбин стал поправляться после молитвы Елены к Богородице накануне Рождества. В финальных строчках романа писатель обращается к мысли о «вечном Доме»: «*Все пройдет, страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?*» [2, с. 310]. В этих словах содержится призыв писателя помнить о том, что духовный «дом» каждого человека принадлежит вечности, а это значит, что наша жизнь, представляющая собой лишь мгновение, уникальна и самоценна и в жизни каждого человека есть свой сокровенный смысл.

Выводы. Концепт «дом» в романе представляет собой и житейскую реалию, и метафору, и символ. Это Дом-мир, опирающийся на традиционные и незыблемые нравственные, духовные и культурные ценности, которые являются жизненными ориентирами в семье Турбиных. Дом – это не просто вещи, а строй жизни, дух, традиции, включённость в общенациональное бытие, если в нем на Рождество зажигают свечи перед иконой, если у постели умирающего брата собирается вся семья, если вокруг Дома есть постоянный круг друзей, стремящихся к тёплому очагу. Дом Турбиных был построен не на «песке», а на «камне веры» в Россию, Православие, культуру (то, что было характерно для семей Куприных, Буниных, Цветаевых, Зайцевых, Шмелёвых, Булгаковых – лучших представителей творческой русской интеллигенции). По мнению автора, главным оплотом, а по сути – маленьким островком России в произведении М. А. Булгакова «Белая гвардия» является Дом Турбиных.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1955. – Т. 1. – 699 с.

2. Булгаков, М. А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита : романы / М. А. Булгаков. – Минск : ООО «Сэр–Вит», 1999. – 688 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 81’367.625:82-31

ГЛАГОЛЫ НЕГАТИВНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В РОМАНЕ ЮЙ ХУА «ЖИТЬ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Фань Вэйци,
аспирант Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: fanweiqi1992@mail.ru

Рассматриваются глаголы негативного эмоционального содержания в романе Юй Хуа «Жить» и его переводах на русский язык. Характеризуются глаголы, выражающие глубокую душевную боль и страдания, а также состояние души, связанное с грустью, печалью, волнением и эмоциональными переживаниями. Внимание уделяется глаголам со значением страха и боязни, гнева и злобы. Выявляются особенности перевода китайских глаголов на русский язык и возможные семантические трансформации. Приводится богатый иллюстративный материал.

Ключевые слова: глагол, эмоциональное состояние, семантика, перевод, роман Юй Хуа «Жить», русский язык; китайский язык.

VERBS OF NEGATIVE EMOTIONAL CONTENT IN YU HUA’S NOVEL “TO LIVE” AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN

Fan Weiqi,
postgraduate student of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: fanweiqi1992@mail.ru

The article examines verbs of negative emotional content in Yu Hua’s novel “To Live” and its translations into Russian. Verbs expressing deep mental pain and suffering, as well as a state of mind associated with sadness, sorrow, anxiety and emotional experiences are characterized. Attention is paid to verbs with the meaning of fear and dread, anger and malice. The features of translating Chinese verbs into Russian and possible semantic transformations are revealed. Rich illustrative material is provided.

Keywords: verb, emotional state, semantics, translation, Yu Hua’s novel “To Live”, Russian language; Chinese language.

Введение. В современной лингвистической науке наблюдается непреходящий интерес к исследованию эмоций в рамках структурно-семантического, дефиниционного, функционального и контекстуального подходов, а также с когнитивно-лингвистических и философско-культурологических позиций. Объектом изучения становятся эмоциональная сфера человека, его психические и психофизические состояния и их отражение в языке. Неизменный интерес к изучению эмоций свидетельствует об исключительной значимости эмоциональных обозначений в языковой картине мира.

В настоящее время накоплен богатый опыт исследований различных аспектов категории эмоциональности: разработаны методологические основы теории эмоций, проведены исследования по вербальным и невербальным каналам экспликации эмоций, установлены грамматико-интонационные и лексические средства репрезентации эмоций и др. Всё это дало основания для выделения в

МГПУ им. И.П. Шамякина

рамках лингвистики особого научного направления – эмотиологии (или лингвистике эмоций), исследующей роль эмоций в деятельности человека, специфику их вербализации, связь эмоций с языком, роль эмоций в общении и речевом поведении, а также разрабатывает лингвистические и когнитивные теории эмоций [1; 2; 3; 4].

Актуальными для современной лингвистической наук являются исследования функционирования эмоциональных глаголов в произведениях художественной литературы. Изучение эмоций в структуре текста является одной из важнейших задач в лингвистике, что объясняется тем, что эмоции любого языкового сообщества социологизированы и психологизированы, т. е. они не только являются индивидуальной формой оценивания мира, но и влияют на особенности нормирования межличностных отношений в социуме [5, с. 5].

Цель и задачи. Цель статьи – установить корпус глаголов негативного содержания в романе Юй Хуа «Жить» и особенности их перевода с китайского на русский язык. Основными методами исследования являются описательный, контекстуальный, сравнительный, а также метод компонентного анализа.

Методы и материал исследования. В статье рассматриваются эмоциональные глаголы негативного содержания в романе Юй Хуа «Жить» и его переводах на русский язык. Количество таких глаголов значительно превышает количество номинаций положительного содержания, что объясняется не столько сложившимися стереотипами и представлениями об асимметричности чувственной сферы и преобладании в ней отрицательных номинаций эмоций [6, с. 529], сколько содержанием романа, в котором раскрываются (описываются) трагические события китайского народа во второй половине XX столетия (война, культурная революция, страдания и горестные потери, одинокая старость).

Глаголы с отрицательной семантикой органично вплетаются в канву повествования и выражают негативное состояние человека, его чувства и переживания.

В корпусе глаголов негативного содержания выделяется группа с инвариантным значением 'горе, скорбь, беда, несчастье', которую представляют глаголы *горевать, страдать, мучиться, терзаться* и под. Такие глаголы относятся к числу лексических единиц высокой интенсивности и обозначает глубокую душевную боль, сильные душевные или нравственные страдания, вызванные несчастьем, неприятными событиями, влияющими на внутреннее состояние человека: 有庆**伤心**了好几天，这孩子每天早晨起来后，用不着跑着去学校了。 – Он долго **горевал**. Вставал рано утром и слонялся без дела; 虽然她**心疼**丢掉的那四个工分，想着还能养活自己，家珍多少还是能常常宽慰自己。 – Хоть и **горевала** о потере четырех очков, но все-таки утешалась, что сама себя кормит; 我爹死在我手里了，我娘我家珍，还有凤霞却要跟着我**受**活**罪**。 – Отца убил я, а **страдать** со мной до самой смерти пришлось и матушке, и Цзячжэнь, и даже Фэнся; *我劝家珍想开点，凤霞命**苦**，这辈子看来是要苦到底了。– А ей объясняю: «Фэнся на роду написано **мучиться**, тут уж ничего не поделаешь»; 想着想着又掉出了眼泪，这日子过得真是快，家珍嫁给我以后一天**好日子都没过上**。– Стал вспоминать, как Цзячжэнь со мной **мучилась** всю жизнь; 家珍对我从来都是逆来顺受，我在外面*

МГПУ им. И.П. Шамякина

*胡闹，她只是在**心里打鼓**，从不说我什么，和我娘一样。 – Как бы я ни беспутствовал, она только **терзалась** про себя и, как и матушка, ничего не говорила.*

Отдельную группу составляют номинации, в смысловых структурах которых выявляется меньшая глубина и степень проявления скорби (переживать, печалиться, грустить, волноваться, расстроиться, приуныть). Они выражают состояние души, связанное с грустью, печалью, волнением и эмоциональными переживаниями: *我对爹说：“你别**犯愁**啦，我儿子会光耀祖宗的。” – Я сказал отцу: «Не **переживай**, мой сын прославит предков»;* 我把这话对家珍说了，家珍听后**难受**了一天。 – Цзячжэнь, когда услышала об этом, целый день **печалилась**; *龙二的两个伙伴立刻**泄气**了，把牌一推说：“完啦，又输了。” – Лун Эра сразу **взгрустнули**, отшвырнули карты и сказали: «Ну всё, опять продули»; 我和二喜在外面越等越**怕**，– 有医生出来，就上去问。 – Мы с Эрси уже **заволновались**, спросили врача — он сказал, что еще рожает;* 说完我低头看看有庆，这孩子脑袋歪着，听了我的话，反倒**不好意思**了。– Я на него посмотрел, а он отвернулся и опять **расстроился;** *走出城里时，看到田地里与我家相像的茅屋，我低下头**哭**了。 – Когда мы вышли из города, показались хижины, совсем как наша. Тут я совсем **приуныл**.*

В широкой парадигме эмоциональных состояний и чувств, репрезентируемых в романе Юй Хуа «Жить», важное место занимают эмоции гнева и злобы, которые относятся к так называемым фрустрационным чувствам и обусловлены невозможностью удовлетворить определенные потребности, несоответствием желаний с имеющимися возможностями (злиться, *разозлиться, рассердиться*). Обычно состояние фрустрации сопровождается негативными переживаниями (разочарованием, раздражением, тревогой, отчаянием): *倒是他带来的两个人沉不住**气**，– 个骂骂咧咧，– 个唉声叹气。 – А вот двое других **злились**, один ругался, другой вздыхал; 看到家珍跪着我就**火**了。 – Увидев ее на коленях, я страшно **разозлился**; 我的**火** –下子上来了，我骂道:“老子就是啃你家祖坟里的烂骨头，也不会向你要饭。” – Я **разозлился** и крикнул: «Да я лучше буду глодать кости твоей бабушки, чем у тебя побираться!»; 有庆看到我没**发火**，高兴地对我说：“他们不会宰我的羊了。 – Он увидел, что я не **сержусь**, и радостно сказал: «Моих овечек не зарежут!»; 我有些**生气**，就说：“苦根，棉花今天不摘完，牛也买不成啦。 – Я **рассердился:** «Если не уберем хлопок, не купим вола!»; 我**火**了，对他说：“是人民公社的羊，不是你的。– Я **рассердился**: «Не твои, а народной коммуны!».*

Самую большую и употребительную группу слов со значением тревожного состояния, страха и боязни составляют глаголы *бояться, испугаться, трусить*. В смысловых структурах таких глаголов указывается на внезапное чувство страха, вызываемое неожиданными внешними причинами: *他**怕**我，我倒是知道的。 – Я знаю, тесть меня **боялся**; 她没完没了地说自己睡着了，她**怕**我们不相信。 – Матушка все повторяла, что просто заснула, **боялась**, что мы не поверим; 看到我就**哆嗦** –下，我还以为他是早晨被我打怕了。 – Я подумал, что он меня **боится** из-за утренней порки; 村里人都不**敢**进城去了。 – Деревенские **боялись** ходить в*

MTIV.ИМ. И.Т. Шамкина

*город; 我也想不到，先前最**怕**的就是我和家珍死了凤霞怎么办。 – Мы тоже не думали, **боялись**, что, когда умрем, Фэнся останется одна; 听他这么一喊，我**慌**了，想想还是离开吧，别看他怎么死了。 – Я **испугался**, протиснулся между людьми и отбежал подальше; 他这 – 说把我**吓**住了，心想糟了。 – Я **испугался**, но смотрю – все вокруг смеются, и комдив улыбается; 他不**敢**见我，可当女婿的路过丈人店门总该有个礼吧。 – **Трусил** выйти ко мне, но зять ведь должен поприветствовать.*

Часто ситуация страха воспроизводится не только словесными знаками, но и паралингвистическими средствами. В этих случаях реализация невербальной коммуникации осуществляется за счёт частого сердцебиения, неустойчивой позы и падения, изменения окраски (цвета) лица: *我心里**咚咚乱跳**，不知道该怎么办。 – **Сердце** у меня **заколотилось**, я стоял как потерянный; 我娘从我身旁走了出去，她 – 我心里是一阵**发虚**，说不定他马上就会从床上蹦起来和我拼命。 – Когда матушка меня покинула, **сердце** у меня **опустилось** – вдруг он спрыгнет с кровати и набросится на меня?; **吓得**我腿 – 软也差 –点摔倒。 – Я сам чуть **не упал со страху**; 我娘听了这话先是 – **愣**，她使劲看看我后说：“你说什么？ – Матушка **остолбенела**. Потом пристально посмотрела на меня и переспросила: «Что ты сказал?»; 他紧张得**脸**都**青**了，叫嚷着要我们别碰身边的枪，他怕到时候连他也跟着倒霉。 – Он **позеленел** от страха, что мы не послушаемся и его погубим.*

К этой группе примыкают близкие по семантике однокоренные глаголы *пугать, попугать, припугнуть, испугнуть*, содержащие маркеры угрозы типа ‘приводить в состояние тревоги’, ‘вызывать испуг, страх’: *家珍推推我，说我：“你别**吓唬**他。” – Цзячжэнь попросила: «Не **пугай** его!»; 到了那种时候，谁也不**怕**死人骨头了。 – Мертвые никого не **пугали**; 他还死不认账，去**吓唬**那些佃户。 – А Лун Эр стал им **угрожать**, не признал своих ошибок; Она сначала **перепугалась**, подумала, что я не в себе; 有庆还小，有些事他不懂，你不要常去揍他，**吓唬吓唬**就行了。” – «Если будет хулиганить, ты его сильно не бей, только **попугай**»; 家珍拉住我，低声说：“你轻点，**吓唬**吓唬就行了，别真的揍他。” – Цзячжэнь тихонько сказала мне: – Ты только **припугни** его, а по-настоящему не бей.*

Известно, что репрезентация эмоций имеет ярко выраженный национальный характер, отражает фрагмент языковой картины мира и включает в себя многочисленные языковые и экстралингвистические средства. Китайские глагольные номинации негативных эмоций получили яркое и достоверное отражение в тексте перевода романа на русский язык. Перевод китайской лексики эмоциональной сферы является довольно сложным и требует использования дополнительных знаний из области психологии, социологии, культурологии и других сфер. Поэтому в переводном тексте наблюдаются некоторые трансформации и неточности сравниваемых лексических единиц. Так, устойчивые и меткие выражения китайского языка могут переводиться одним глаголом или словосочетанием русского языка: *выражение **好日子都没过上** ‘хороших дней не бывает'* переводится глаголом *мучиться,* метафорическое изречение ***心里打鼓*** *'сердце стучит в барабан'* – глаголом *терзаться.* Китайский афоризм ***哆***

МГПУ им. И.П. Шамякина

嗦 ‘дрожать от страха' переводится на русский язык глаголом *бояться,* что свидетельствует об актуализации в китайском языке признака физической реакции, а в русском акцент смещается на эмоциональное состояние. Звукоподражательное метафорическое сочетание*咚咚乱跳 ‘колотится бум-бум'* переводится на русский язык словосочетанием '*сердце заколотилось'.* Как видно, в китайском языке используется звукоподражание, более адекватно передающее описываемую ситуацию, в русском языке используется описательная конструкция, выражающая физиологическую реакцию движения сердца.

Различия китайских глаголов и их эквивалентов на русском языке часто касается смыслового объёма лексических единиц. Так, китайские глаголы характеризуются более широкой смысловой парадигмой, чем соответствующие им русские глаголы: кит. *受罪 ‘*страдать, испытывать невзгоды, переносить лишения, мучиться' – рус. *страдать,* кит. *苦*'мучиться, страдать' – рус. *мучиться.* Китайские синонимические глаголы с широким и обобщающим значением, детализацией и дифференциацией негативного эмоционального состояния *伤心* ‘горевать, скорбеть, печалиться, страдать, сокрушаться' и *心疼* ‘испытывать сожаление, мучиться' переводятся на русский язык глаголом *горевать* с более конкретным семантическим содержанием.

Китайским синонимическим глаголам *气* ‘сердиться, раздражаться’, *火* ‘гневаться, сердиться’, *发火* ‘вспылить, возмутиться, разозлиться’, *生气*‘сердиться, гневаться’ соответствуют русские глаголы *злиться, разозлиться, сердиться, рассердиться,* в смысловых структурах которых выражается разная степень интенсивности гнева, а также завершенность или незавершенность действия.

Наблюдаются случаи, когда одному китайскому глаголу соответствуют три эквивалента русского языка: кит. *怕* ‘бояться’ – рус. *бояться, испугаться, трусить.*

Китайское выражение*犯愁* ‘печалиться, грустить, тосковать’ переводится как *переживать*. В китайском языке это слово носит разговорный оттенок, тогда как русский глагол *переживать* широко используется в русском литературном языке, универсален и может охватывать более широкий спектр выражения тревожных состояний.

Выводы. Таким образом, в пространстве художественного текста романа Юй Хуа «Жить» широко используются глаголы со значением негативных эмоциональных состояний человека. Они в определённой степени демонстрируют мировоззрение и способ мышления автора и отражают национальную специфику китайского народа, особенности его культуры и истории. Анализируемые глагольные единицы психологического содержания характеризуются негативной коннотацией и включаются в такие микрополя, как ‘горе, беда’ (*горевать, страдать, мучиться, терзаться*), ‘грусть, печаль’ (переживать, печалиться, грустить, волноваться, расстроиться, приуныть), ‘страх’ (*заколотиться, остолбенеть, позеленеть),* ‘испуг и боязнь’ *(пугать, попугать, припугнуть, испугнуть*).

В результате анализа перевода китайских глагольных единиц на русский язык выявились некоторые структурные и семантические трансформации текста, которые связаны с различиями смыслового объёма оригинальных и переводных

МГПУ им. И.П. Шамякина

глаголов, дифференциацией и специализацией китайских лексических единиц (по сравнению с тождественными словами русского языка), переводом устойчивых китайских выражений посредством одного глагола или словосочетания русского языка. В отдельных случаях один китайский глагол переводится двумя-тремя русскими соответствиями.

Список использованных источников

1. Балакина, З. Ю. Национально-культурная специфика лексикографического описания эмоциональных концептов (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Балакина Злата Юрьевна ; Луганский нац. пед. ун-т. – Волгоград, 2006. – 19 с.
2. Евсеева, О. В. Отражение национально-культурной специфики языкового сознания в моделях ассоциирования: на примере глаголов эмоций английского, французского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Евсеева Ольга Владимировна; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2008. – 20 с.
3. Калимуллина, Л. А. Современные трактовки категории эмотивности / Л. А. Калимуллина // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 71–79.
4. Устинова, Н. Н. Глагол как средство концептуализации эмоций в языковой картине мира: на материале языка художественных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Устинова Нина Николаевна ; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 21 с.
5. Шаховский, В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 144 с.
6. Федосина, С. С. Место положительных эмоциональных явлений в научных классификациях эмоций / С. С. Федосина // Соврем. проблемы науки и образования. – 2015. – № 2 (часть 2). – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=21846 (дата обращения: 05.03.2025).

МГПУ им. И.П. Шамякина

ЛИЧНОСТЬ, ТЕКСТ И ДИСКУРС В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

УДК 81’42

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. М. Аматов,
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

Одной из особенностей политического дискурса последних лет стало смещение акцентов с традиционных ин-групп («свои») и аут-групп («чужие») на конкретные личности политиков. Как показано в данной статье на примере современного политического дискурса США, подобное смещение указывает на обострение политической борьбы, при этом оставаясь в русле глобальной коммуникативной стратегии поляризации, положительной репрезентации группы «свои» и отрицательной презентации группы «чужие».

Ключевые слова: политический дискурс, поляризация, дихотомия, коммуникативные стратегии, «Мы и Они».

ON THE INDIVIDUAL’S ROLE IN POLITICAL DISCOURSE

A. M. Amatov,
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of English and teaching methods, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

The shift in emphasis from traditional in-groups (“Us”) and out-groups (“Them”) to particular individuals has become one of the features of political discourse in recent years. As shown in this article by example of contemporary US political discourse, such a shift indicates an intensification of political struggle while remaining in line with the global communicative strategy of polarization, positive representation of the “us” group and negative presentation of the “stranger” group.

Keywords: political discourse, polarization, dichotomy, communicative strategies, “Us and Them”.

Введение. Глобальной стратегией всего западного политического дискурса, в том числе американского, является поляризация, то есть четкое, диаметральное противопоставление двух групп: ин-группы «своих» и аут-группы «чужих» (см., напр., ван Дейк, 2013). Эта глобальная стратегия имеет два основных направления или, говоря словами Т. Ван Дейка, имеет ярко выраженную тенденцию «к ин-групповому фаворитизму или положительной самопрезентации и аут-групповому принижению или негативной презентации других» (Там же: 133). Иными словами, глобальная стратегия политического дискурса заключается в том, чтобы резко и бескомпромиссно противопоставить две группы («Мы» – своя политическая партия, кандидат, страна, политический блок и т. д., «Они» – другая партия,

МГПУ им. И.П. Шамякина

кандидат, страна, политический блок и т. д.), при этом представив свою группу в положительном, а чужую группу – в отрицательном свете. Как подчеркивает Т. ван Дейк, «с помощью различных трудноуловимых структур значений, формы и действий … дискурс обычно подчеркивает Наши положительные и Их плохие качества, а также де-акцентуирует (приуменьшает, скрывает) Наши плохие и Их хорошие стороны. Эта общая четырехмерная идеологическая схема используется … в целом при поляризации «свои – чужие» («ин-группа – аут-группа») в социальных практиках, дискурсе и мышлении» (Там же: 133).

Семантическая оппозиция «Мы» – «Они» эксплицитно и имплицитно выражена во всех политических выступлениях или, по крайней мере, в подавляющем большинстве из них. Коммуникативный фильтр «свои» – «чужие» широко используется американскими политиками для достижения как минимум следующих целей:

– разграничения сфер интересов;

– выгодного, яркого представления, положительной характеристики «своих» с целью привлечения электората;

– создания негативных образов и моделей восприятия «чужих» и выработки соответствующего отношения к их деятельности;

– воспитания в рядах избирателей актива последователей, воспринимающих окружающий мир по созданным образам и моделям (Красильникова, 2005: 86).

Моделируя актуальные политические, социальные, экономические и другого рода проблемы жизни государства в терминах противостояния, конкуренции и войны (отсюда, к примеру, широкое использование в политических текстах военных и спортивных метафор – см., напр., С. Б. Кураш и др., 2018), американские политики предлагают обществу конфликтный путь их разрешения. При этом в образе «своих», как правило, выступают сам докладчик и его политическая организация, прочно ассоциирующая себя с американским народом, а в образе «врага» или «чужих» – представители оппозиционных политических сил, лоббисты в правительстве, внешнеполитические соперники США, террористические организации и т. д. При этом характерной чертой американского политического дискурса становится персонализация обеих групп, выдвижение на первый план конкретной личтости того или иного полиика, представляющего как «своих», так и чужих». В работе предпринимается попытка ответить на вопрос, с чем связан подобный сдвиг и какие изменения в коммуникативных стратегиях и тактиках он за собой влечёт.

Цели и задачи. Цель работы – показать, какую роль играет образ личности конкретного политика в реализации глобальной коммуникативной стратегии поляризации, присущей всему политическому дискурсу. Фиксация на личности – определенно, тактический уровень дискурса, поскольку его стратегия в целом остаётся неизменной, как и основная цель – борьба за власть. Выявление коммуникативных тактик, имеющих в основе образ той или иной личности, является основной задачей данной работы.

Методы и материал исследования. В работе применяется метод критического анализа политического дискурса, имеющего своей целью утверждение и оправдание существующего неравенства (социального, национального, гендерного и т. д.) и воспроизводство власти. В качестве фактического материала будут рассмотрены несколько выступлений американских

МГПУ им. И.П. Шамякина

политиков последних лет (2024–2025), в которых четко прослеживается смещение акцентов с ин- и аут-групп в целом на конкретных политических деятелей, представляющих эти группы.

Результаты и их обсуждение. В ходе прошедшей в 2024 году предвыборной гонки в США многие отметили если не странную, то в определённой степени неприятную особенность всех её участников: переход в ходе полемики на личность оппонента, причем нередко выходящий за рамки конструктивной критики. Так, 26 июня 2024 года в ходе первых предвыборных дебатов оба кандидата (действовавший тогда президент Джо Байден и ныне действующий президент Дональд Трамп) обменялись довольно язвительными личными выпадами. Джо Байден, что называется, «первый начал»: *I was the second-youngest person ever elected to the United States Senate. And now I'm the oldest.* ***This guy's three years younger and a lot less competent****. I think that just look at the record.* ***Look what I've done. Look how I've turned around the horrible situation he left me*** (Biden-Trump debate).

В принципе, данный выпад вполне укладывается в рамки традиционной для американского политического дискурса стратегии завышенной самопрезентации и заниженной презентации оппонента. Обвинив своего конкурента в некомпетентности, Байден тут же начинает самовосхваление. Однако, в отличие от традиционного противопоставления ин-группы и аут-группы «Мы и Они», здесь речь идёт скорее о противостоянии «Я и Он». Дональд Трамп не остался в долгу и немедленно отреагировал также личным выпадом в адрес Байдена: *Well,* ***I took two tests, cognitive tests. I aced them, both of them****, as you know. We made it public.* ***He took none****. I'd like to see him take one, just one, a real easy one.* ***Like go through the first five questions, he couldn't do it****.* ***But I took two cognitive tests. I took physical exams every year.*** *And, you know, we knock on wood, wherever we may have wood, that* ***I'm in very good health****.* ***I just won two club championships****, not even senior, two regular club championships. To do that, you have to be quite smart and* ***you have to be able to hit the ball a long way. And I do it. He doesn't do it. He can't hit a ball 50 yards***. (Biden-Trump debate).

Здесь мы видим уже даже не критику политических решений оппонента, поскольку обе основные стратегии – положительной самопрезентации и отрицательной презентации оппонента – превращаются в самовосхваление и принижение соперника соответственно. Д. Трамп прямо, без всяких импликатур и тонких намеков заявляет, что он в хорошей интеллектуальной и физической форме, в отличие от своего оппонента Байдена, который не пройдёт простенький тест на интеллект и не попадёт по мячу.

Камала Харрис, принявшая предвыборную эстафету от снявшего свою кандидатуру Джо Байдена, также в ходе дебатов с Трампом неоднократно переходила на личность соперника: ***Donald Trump left us*** *the worst unemployment since the Great Depression.* ***Donald Trump left us*** *the worst public health epidemic in a century.* ***Donald Trump*** *left us the worst attack on our democracy since the Civil War. And what we have done is clean up* ***Donald Trump's mess****.* (Harris-Trump debate).

В данном отрывке, используя приём анафоры, Харрис начинает три последовательных предложения с повторения фразы "Donald Trump left us", после чего перечисляются все настроения и кризисные явления, которые потрясли Америку, согласно мнению Харрис, именно по вине Дональда Трампа. Завершается

МГПУ им. М.Г. Шамякина

данный пассаж также упоминанием Трампа, за которым «Мы» (т. е. Харрис и её сторонники-демократы) были вынуждены «убирать грязь».

Дональд Трамп также не преминул перейти на личность оппонента в своих ответных репликах: *We hardly make chips anymore because of philosophies like they have and policies like they have.* ***I don't say her because she has no policy****. Everything that she believed three years ago and four years ago is out the window. …*

She's a Marxist*. Everybody knows* ***she's a Marxist. Her father's a Marxist*** *professor in economics. And he taught her well. But when you* ***look at what she's done to our country*** *and when you look at these millions and millions of people that are pouring into our country monthly where it's I believe 21 million people, not the 15 that people say, and I think it's a lot higher than the 21. That's bigger than New York state. Pouring in.*

Критикуя философию и политику группы «Они», т. е. демократов, Трамп бросает довольно уничижительную реплику в адрес самой Харрис: «Я не говорю «она», потому что у неё нет своей политики». Далее Трамп обвиняет Харрис в марксизме, который она якобы унаследовала от отца, и в завершении тирады вешает на неё проблему нелегальной иммиграции: «посмотрите, что она сделала с нашей страной».

Но может быть, это лишь специфика дебатов, когда политики полемизируют лицом к лицу и такие переходы на личность случаются у них самопроизвольно, в пылу жарких споров? К сожалению (или к счастью) подобное речевое поведение американских политиков вышло далеко за пределы дебатов. Вот, например, Хиллари Клинтон на съезде Демократической партии рассказывает неприглядную историю, якобы имевшую место с Дональдом Трампом, который проспал собственный судебный процесс и проснулся своего рода рекордсменом, президентом-фигурантом 34 уголовных дел: ***Donald Trump fell asleep*** *at his own trial. And when he woke up, he made his own kind of history, the first person to run for* ***president with 34 felony convictions*** (Clinton's Speech at 2024 DNC).

Тут же звучат похвалы в адрес кандидата от демократов Камалы Харрис: *On her first day in court, Kamala said five words that still guide her: "****Kamala Harris for the people****." That is something that* ***Donald Trump will never understand****. So it is no surprise, is it, that* ***he is lying*** *about Kamala's record,* ***he's mocking*** *her name and her laugh. Sounds familiar. But we have him on the run now* (там же).

Здесь применяется довольно стандартный приём расширения группы «Мы» путем включения в неё сразу всего народа: «Камала Харрис за народ, Мы – это и есть народ». И тут же упоминается Д. Трамп, который «никогда этого не поймет» и в бессильной злобе вынужден лгать, клеветать и высмеивать Харрис.

В лагере республиканцев наблюдается зеркальное речевое поведение. Вот вице-президент Джей Ди Вэнс даёт интервью на конференции Консервативного политического действия в феврале 2025 года: *But our message… is,* ***President Trump cares about you****. He thinks that it's disgraceful what your own government let happen to your children, to your grandchildren. And it's got to stop. And of course, we mourn with people, we pray for people, but we're also asking, as their government, why did this happen to your child in the first place? And the answer is that* ***under Joe Biden, your government didn't do its job. Under Donald Trump, it is****. Thank God for that* (Vice President JD Vance Speaks At CPAC).

В данной цитате вице-президент Джей Ди Вэнс также задействует обе основные стратегии: представляет президента Трампа заботливым политиком,

МГПУ им. И.П. Шамякина

который печётся о нуждах американцев, и одновременно выставляет экс-президента Джо Байдена и его администрацию как не справившихся со своими задачами.

В другом примере из того же интервью (буквально отвечая на следующий вопрос) Вэнс обвиняет Джо Байдена в тех проблемах, которые стоят перед Америкой, аналогично тому, как Камала Харрис в приведённом выше примере обвиняла Дональда Трампа: ***We've done a lot*** *in six days, but it's going to take some time* ***to fix what Joe Biden broke over four years****. And we know it is easy, unfortunately, to burn the house down. It takes a little bit of time to build it back up* (там же).

Политики лишь задействуют немного разные образы, прибегая к метафорам: у Харрис президент Трамп оставил после себя «грязь», которую пришлось за ним убирать, а у Вэнса президент Байден четыре года всё «ломал». Также, используя метафору с домом, который легко сжечь, но гораздо труднее отстроить заново, Вэнс задействует и стратегию положительной презентации своей группы: «Мы» прилагаем все усилия, чтобы исправить то, что сделали «Они», и даже конкретно «Он», Джо Байден.

Следующий пример взят из выступления Дональда Трампа на совместном заседании Конгресса 4 марта 2025 года: *Within hours of taking the oath of office,* ***I declared a national emergency*** *on our southern border, and* ***I deployed the US military*** *and border patrol to repel the invasion of our country. And what a job they've done. As a result, illegal border crossings last month were by far the lowest ever recorded ever.* ***They heard my words****, and they chose not to come. Much easier that way.*

In comparison ***under Joe Biden, the worst president in American history****, there were hundreds of thousands of illegal crossings a month, and virtually all of them, including murderers, drug dealers, gang members, and people from mental institutions and insane asylums were released into our country* (President Trump Addresses Joint Session of Congress).

Без лишней скромности вновь избранный президент перечисляет собственные достижения, используя местоимение первого лица единственного числа: «я объявил чрезвычайное положение», «я отправил войска». И тут же сравнивает свои успехи (для данного анализа даже не столь важно, реальные или мнимые) с деятельностью своего предшественника Джо Байдена, которого называет «худшим президентом в американской истории», при котором каждый месяц в страну проникали сотни тысяч нелегальных мигрантов – убийц, наркоторговцев, бандитов и пациентов психиатрических клиник.

Персонификация противостоящих групп «Мы» и «Они», когда заслуги и положительные качества лидера ин-группы завышаются, а достижения лидера аут-группы принижаются (с отрицательными качествами происходит прямо противоположное), стали общим местом современной американской политической риторики. Среди более 20 примеров политических речей (здесь приведена лишь малая их часть), на материале которых проводился данный анализ, едва ли найдется хоть одно выступление, автор которого не восхвалял бы лидера «своих» (в том числе и самого себя) и не принижал лидера «чужих». Столь частый «переход на личности» вкупе с повторяющимися коммуникативными стратегиями и тактиками, в рамках которых данный переход осуществляется, позволяет сделать некоторые выводы.

Выводы. Масса примеров современного политического дискурса США показывает, что американские политики, по-прежнему применяя стратегию

МГПУ им. И.П. Шамякина

поляризации и жестко противопоставляя группы «Мы» и «Они», в то же время нередко их персонифицируют, прочно увязывая в общественном сознании образ группы и её лидера.

Подобная персонификация представляет собой лишь разновидность поляризации «Мы – Они», когда противостоящие группы ассоциируются с их лидерами для создания более конкретных и чётких образов как «героя», на которого следует равняться, так и «врага», в борьбе с которым хороши любые средства. Традиционная политическая система США, где господствуют две политические партии, Демократическая и Республиканская, лишь способствует подобной поляризации, делая ее ведущей стратегией политических баталий для обеих противостоящих сторон.

Список использованных источников

1. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. Ван Дейк. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

2. Красильникова, Н. А. Оппозиция «Мы» – «Они» в дискурсе экологических движений Англии, России и США / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 85–102.

3. Кураш, С. Б. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия / С. Б. Кураш, А. М. Аматов, Г. В. Свищёв // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. –2018. – Т. 4. – № 2. – С. 12–20.

4. Biden and Trump in the First 2024 Presidential Debate. – URL: https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript/index.html.

5. Harris-Trump Presidential Debate. – URL: https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

6. Hillary Clinton’s Speech at 2024 DNC. – URL: https://singjupost.com/full-transcript-hillary-clintons-speech-at-2024-dnc/.

7. President Trump Addresses Joint Session of Congress, March 4, 2025. – URL: https://singjupost.com/transcript-president-trump-addresses-joint-session-of-congress-march-4-2025/

8. Vice President JD Vance Speaks At CPAC 2025. – URL: https://singjupost.com/transcript-vice-president-jd-vance-speaks-at-cpac-2025/.

УДК 81'42:323.2

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИЛИТАРНОГО ДИСКУРСА

В. А. Дубинина,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета,
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
E-mail: dubinina_v@mail.ru

Т. В. Епифанова,
аспирант, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета,
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
E-mail: epifanova-tat@mail.ru

Статья посвящена выявлению и описанию этнокультурных признаков (проявлений национально-маркированных элементов в языковой структуре текста и речевых практиках)

МГПУ им. И.П. Шамякина

русского милитарного дискурса. Описан процесс деинституционализации милитарного дискурса в современном социокультурном пространстве под влиянием глобализации и цифровизации массмедийной среды. Выделены и проанализированы две экстралингвистические этнокультурные характеристики, которые определяют национальную самобытность русского милитарного дискурса, – этнокультурное взаимодействие и национальные концепты-константы.

Ключевые слова: милитарный дискурс, культурный концепт, массмедиа, этнокультурные признаки.

ETHNOCULTURAL CHARACTERISTICS THE MILITARY DISCOURSE

V. A. Dubinina,
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies, Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Russian Federation
E-mail: dubinina_v@mail.ru

T. V. Epifanova,
PhD Student, Assistant Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies, Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Russian Federation
E-mail: epifanova-tat@mail.ru

The article is devoted to the identification and description of ethnocultural features (manifestations of nationally labeled elements in the linguistic structure of the text and speech practices) of the Russian military discourse. The process of deinstitutionalization of military discourse in the modern socio-cultural space under the influence of globalization and digitalization of the media environment is described. Two extralinguistic ethnocultural characteristics that define the national identity of Russian military discourse are identified and analyzed: ethnocultural interaction and national constants.

Keywords: military discourse, cultural concept, mass media, ethnocultural features.

Введение. Актуализация милитарного (военного, военно-политического, милитаристского) дискурса («дискурс о войне и для войны», по словам Т. Н. Хомутовой и К. А. Наумовой [9, с. 50]) в современной социокультурной ситуации – отражение сложных общественно-политических, исторических, экономических изменений, происходящих под влиянием военно-политических конфликтов в разных странах мира. В военно-дискурсивном пространстве XXI в. количество актуальной милитарной информации многократно увеличивается и транслируется с помощью всех возможных каналов коммуникации, что обусловливает эволюционные трансформации милитарного дискурса: активизацию личностного начала, фокусировку на репрезентации военной картины мира, отражающей новейшую идеологическую обстановку в том или ином государстве и выражающей национальные особенности речи носителей языка, которые осмысляют и обсуждают феномен войны.

Цели и задачи. «Язык в самом себе и для себя, – подчёркивает Л. Н. Синельникова, – прошлая парадигма» [4, с. 42], поэтому при анализе дискурсивных практик следует учитывать множество факторов «языкового существования» (Б. М. Гаспаров), которые организуют и интерпретируют социокультурную реальность. Особенно актуально помещать дискурсивный феномен в семантико-когнитивный и социально-психологический контексты.

МГПУ им. И.Т. Шамякина

Процессы глобализации и цифровизации, а также «антропоцентрический поворот» в культурной парадигме приводят к сущностному изменению милитарного дискурса: в конце XX в. отчётливо осознаётся способность предельно институционального милитарного дискурса (привязка к речи военнослужащих, отражение картины мира исключительно солдат, специфический милитарный хронотоп, военно-фактологическая информативность, авторитетность военно-теоретических, военно-исторических и законодательных источников (подробнее см.: [8])) к взаимодействию с другими типами дискурса – в частности, с политическим, художественным и особенно массмедийным. Современные милитарные тексты с полным правом можно считать «текстами новой природы» – с присущей им «языковой открытостью» (метафора Л. Н. Синельниковой [5]), что выражается в мультимодальности, разветвлённой интертекстуальности, поликодовости и проч. В милитарном дискурсе внимание, таким образом, смещается с исключительно военной сферы: в жанровой системе – фокус не только на доктринах, приказах, речи военнослужащих, но и на гибридных текстах – сводках, репортаже с места событий, комментариях экспертов, аналитических статьях; в социальном измерении – уход от армии как единственного транслятора военной коммуникации; в концептуальном отношении – от структурирования сознания, культурных представлений и менталитета военнослужащих в военной концептосфере до формирования сверхъязыкового пространства военного дискурса, который связан с экстралингвистическим фоном: этническими особенностями, географией функционирования, эпохой, культурой страны, гендером.

Цель статьи – системное описание этнокультурных компонентов в экстралингвистической системе русского милитарного дискурса современности.

Методы и материал исследования. Материалом для исследования послужил корпус текстов СМИ, в которых актуализирована милитарная тематика, военная терминосфера, милитарные номинации. Для адекватной интерпретации текстов и прецедентных языковых феноменов использовался метод контент- и дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Б. М. Гаспаров подчёркивает, что «всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолётная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своём качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [1, с. 10]. По мысли учёного, одними из таких обстоятельств являются «общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано», а также «множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия» [Там же]. В. И. Карасик углубляет мысль Б. М. Гаспарова: человеческий опыт (идеология, «климат эпохи», прецедентные тексты и т. д.), отмечает лингвист, «органически выключает этнокультурные модели поведения, которые реализуются осознанно или бессознательно, находят многообразное выражение в речи и кристаллизуются в значении и внутренней форме содержательных единиц языка» [3, с. 21].

Изучение этнокультурных характеристик милитарного дискурса сводится к выявлению релевантных (важных, определяющих) признаков дискурса как

МГПУ им. И.П. Шамякина

культурно-ситуативной сущности, созданию его структуры, определению лингвокультурных особенностей. В. С. Григорьева обращает внимание на то, что дискурс имеет, как правило, национальную окрашенность, поскольку «социальное взаимодействие коммуникантов и их речевое поведение регулируется очень часто специфичными для данной культуры этикетными нормами» [2, с. 15]. В свою очередь, картина мира, которая складывается в сознании и мышлении носителя языка, требует адекватного выражения языковыми средствами, причём часто – национально маркированными.

Остановимся на нескольких этнокультурных характеристиках, сущностно присущих милитарному дискурсу.

1. Этнокультурное взаимодействие. По мысли А. В. Уланова, история развитие русского милитарного дискурса органично отражает историю русского языка [7]. В частности, формирование военного подъязыка – итог длительного национального языкового развития, для которого характерна межкультурная коммуникация, активное заимствование актуальных терминов и понятий военной сферы (в разные исторические периоды – из разных языков: романо-романских, кавказских, тюркских). Многие закрепившиеся милитарные лексемы – иноязычные: *воинские чины* – **генерал** (нем. *general*, от лат. *generālis* – общий), **адмирал** (нидерл. *admiraal*, исходно – из арабского языка), **есаул** (тюрк. *ясаул* – разсыльный), **сержант** (фр. *sergent*, от лат. *serviens* – служащий); *виды вооружения* – **сабля** (венг. *szablya* – резать), **шашка** (черк. *сэшхуэ* – длинный нож), **танк** (англ. *tank*), **артиллерия** (через фр. *artillerie* (или итал. *artiglieria*), старофранц. *artillier* – снабжать орудиями, от лат. *artillum* – снаряд, орудие); одежда, знаки различия – **эполеты** (фр. *épaulettes*, дословно – плечики, наплечники), **шинель** (фр. *chenille* – гусеница; шениль, синель; (перен., устар.) «мужской утренний костюм», далее из лат. *canicula* «собачка»), **мундир** (нем. *Montur* от фр. *monture* – поставки) и т. д. Другие же милитарные слова, напротив, имеют русское (древнерусское и старославянское) происхождение: **рядовой** (низшее воинское звание в армии), **полковник** (воинское звание старшего офицерского состава); **пулемёт** (автоматическое огнестрельное оружие для стрельбы пулями очередями), **метательный нож** (режущий инструмент, состояний из клинка с лезвием и остриём и рукояти, используемый в армии для метания) и проч. Однако заметно преобладание международной лексики, упрощающей коммуникацию в условиях составления документов и военной коммуникации, а также фиксирующей этапы заимствования (например, в эпоху Петра I было заимствовано множество военных терминов, которые были необходимы для формирования адекватной милитарной коммуникации: *штаб, штиблеты* и проч.).

Однако одна из тенденций современного русского милитарного дискурса – использование при номинации оружия *культурно значимых слов*, которые обычно связаны с некоторыми устойчивыми традициями: так, ещё в советскую эпоху появилась ракетная установка **«Катюша»** (по одной из версий, это название закрепилось благодаря песне на слова М. Исаковского «Катюша»); ассоциативны номинации, связанные с маскировкой снайпера, передающие славянскую мифологическую образность, – **«Леший», «Кикимора»**; специфические русские ироничные номинации – наручники **«Нежность»**, тяжёлая огнемётная система **«Буратино»**; появились, к примеру, «цветочные» названия самоходных артиллерийских установок **«Гиацинт», «Тюльпан», «Пион»**, «речные» названия

МГПУ им. И.Г. Шамякина

средств противовоздушной обороны **«Шилка», «Двина», «Нева»**, названия реактивных систем залпового огня, связанные со стихийными бедствиями, – **«Смерч», «Ураган», «Град»**. В современных реалиях милитарные наименования тоже отражают стремление к метафоризации, что передаёт этнокультурную специфику русского военного дискурса: **«Орешник»** (грунтовый ракетный комплекс и одноимённая баллистическая ракета средней дальности), «**Малютка»** (противотанковый ракетный комплекс), **«Тополь»** (ракетный комплекс стратегического назначения), **«Воевода»** (межконтинентальная баллистическая ракета), **«Солнцепёк»** (тяжёлая огнемётная система залпового огня). Все номинации предельно метафоризированные.

Этнокультурное взаимодействие проявляется не только на лексическом уровне, но и на концептуальном. При ведении боевых действий и хозяйства и в условиях общего быта характерно общение с представителями других национальных армий, что распространено в многонациональной сначала дореволюционной российской армии, потом – советской Красной Армии, а ныне – в российской армии. Это отражается на формировании русской военной картины мира, главный носитель которой – полиэтническое общество. Так, в современном милитарном медиадискурсе акцентируется внимание на *дружественном* контексте отношений к военным и между военными – представителями разных этносов (особенно значимо и закономерно постоянное использование личного местоимения «мы», притяжательных местоимений): **«Работайте, братья!», «#СВОихнебросаем», «Плечом к плечу», «Поддержим наших парней!», «С вами вся Россия»** и т. д. Плакаты – активный жанр гибридного милитарного дискурса – часто содержат фотографии отличившихся военных – представителей *разных этносов* России, что подчёркивает современную идеологическую установку на сохранение этнического многообразия народов Российской Федерации и концептуальное единство русского народа при контрастном изображении «коллективного Запада», парадоксально разобщённого.

2. Этнокультурные концепты-константы. Культурные концепты – «основные ячейки культуры в ментальном мире человека» (Ю. С. Степанов), которые существуют в виде прецедентных понятий, знаний, ассоциаций и переживаний в сознании человека [6, с. 41]. Благодаря этнокультурным константам в индивидуальном сознании возникают, если воспользоваться образным выражением Д. С. Лихачёва, «отклики» на опыт народа – литературный, научный, исторический, социокультурный и т. п. По мнению В. И. Карасика, этнокультурная модель дискурса непосредственно связана с концептами-константами [3, с. 22], а описание этой модели позволяет включить в интерпретацию дискурса такие контексты, как национальный характер, доминанты в речевом поведении народа, этикетные формулы, невербальное коммуникативное поведение, национальный социальный символизм.

Указанные параметры можно описать, обращаясь к экстралингвистическому компоненту милитарного дискурса. С одной стороны, в русском военном дискурсе очевидны стандартизация и формульность, зафиксированные в «Уставе внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации», характерные для милитарной коммуникации вообще и основанные на ритуальных моделях: модель общения *«старший по званию – подчинённый»*, этикетные приветствия (приложение правой руки к козырьку головного убора, к примеру), обращения, типичные формулы

МГПУ им. И.П. Шамякина

ответа (*«Есть!», «Так точно!»*), модель присяги и т. д. Отметим и военный символизм – эмблематику и геральдику Вооружённых Сил Российской Федерации, связанную с этнокультурной моделью: так, эмблема российской армии – золотой (реже – серебряный) двуглавый орёл с распростёртыми крыльями, держащий в правой лапе меч, а в левой – лавровый венок; грудь орла украшена щитом, увенчанным короной, а на щите изображён традиционный символ, восходящий к христианской культуре, – всадник в доспехах, поражающий копьём дракона (архангел Михаил, побеждающий дьявола / дракона). Описанный геральдический знак восходит к символике, принятой в Российской империи и в российской дореволюционной армии.

За несколько стандартизированными моделями в милитарном дискурсе (для которого вообще важны унификация, стандартизация, директивность, призванные упорядочить и структурировать военную коммуникацию и взаимодействие в военной среде), однако прослеживаются и более глубинные этнокультурные константы. На наш взгляд, ведущая из них – апелляция к **традиционным ценностям и смыслам**, что выражено в концептуальной цепочке *«православная вера (богоизбранность народа) – родство (семья, братство) – спасательная миссия российской армии»*. В современном милитарном медиадискурсе популярно изречение, восходящее к переходу русской армии через Альпы и закреплённое императором Павлом I на памятной медали: **«Мы – русские! С нами Бог!».** Русскому милитарному дискурсу вообще свойственно обращение к православной образности и метафорике, обусловленное осознанием православия как мировоззренческого фундамента современной российской идеологии; частотно использование христианской символики в неофициальной эмблематике вооружённых формирований. Так как милитарный дискурс – это не только речевые практики осмысления и обсуждения войны, но и семантическое пространство формирования новой картины мира, то в нём закономерно возникает православие как ведущая этнокультурная константа, что отличает русский военный дискурс от инонациональных типов милитарного дискурса. Связанные с этой константой концепты логически её дополняют традиционными ценностями, которые в русском менталитете связаны с христианской верой, – по нашим наблюдениям, среди них *‘милосердие’, ‘армия как святое воинство’, ‘братство’, ‘защита Родины / защитник Родины’*.

Выводы. Итак, этнокультурные характеристики, как показал анализ, всё же присущи такому строго регламентированному типу дискурса, как милитарный. Связано это с общей стратегией деинституционализации милитарного дискурса в современном социокультурном пространстве и необходимостью воплощения актуальной картины мира – отсюда закрепление национально-маркированных номинаций в военной терминосистеме, создание военной картины мира с ведущей константой – христианской верой, освоение прецедентной эмблематики и символики, которые модернизируют унифицированную структуру русского милитарного дискурса.

Список использованных источников

1. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.

2. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2007. – 288 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

3. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сборник обзоров / Центр гуманит. науч.-информ. исслед., отд. языкознания ; редкол. : Трошина Н. Н. (отв. ред.) [и др.]. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. – С. 33–58.

4. Синельникова, Л. Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация / Л. Н. Синельникова // Грани познания. – 2013. – № 1 (21). – С. 42–44.

5. Синельникова, Л. Н. Научный дискурс в контексте цифровой гуманитаристики / Л. Н. Синельникова // Пандемия-22 : преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков; кол. авторов. – М. : РУСАЙНС, 2022. – С. 226–236.

6. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : «Языки рус. культуры», 1997. – 824 с.

7. Уланов, А. В. К вопросу об экстралингвистическом фоне русского военного дискурса / А. В. Уланов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2012. – № 2 (10). – С. 248–255.

8. Уланов, А. В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция : автореф. дис. … д-ра филол. Наук : 10.02.01 / Уланов Андрей Владимирович ; Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2014. – 22 с.

9. Хомутова, Т. Н. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса / Т. Н. Хомутова, К. А. Наумова // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия : Лингвистика. – № 14 (3). – 2017. – С. 49–53.

УДК 811.161.1

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТ

Н. Г. Иванова,
магистрант Мозырского государственного педагогического университета
имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: inng106@bk.ru

В статье анализируются основные текстообразующие функции заголовочных комплексов современных газет, их структурные и семантические особенности, а также влияние на восприятие информации читателем. С привлечением описательного метода выявляется роль заголовка в структурировании смысла газетно-публицистического текста. Делается вывод о том, что сегментированные конструкции в заголовках газет – это важный элемент журналистского текста, позволяющий привлечь внимание читателя и передать суть материала за короткий промежуток времени.

Ключевые слова: заголовок, структура заголовка, сегментированные конструкции, семантика, текстообразующие функции.

TEXT-FORMING ROLE OF SEGMENTED STRUCTURES IN HEADLINE COMPLEXES OF MODERN NEWSPAPERS

N. G. Ivanova,
Master's student of the Department of Belarusian and Russian Philology Faculty of Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: inng106@bk.ru

The article analyzes the main text-forming functions of the heading complexes of modern newspapers, their structural and semantic features, as well as the impact on the perception of information

МГПУ им. И.П.Шамякина

by the reader. With the help of the descriptive method, the role of the heading in structuring the meaning of the newspaper-publicistic text is revealed. It is concluded that segmented constructions in newspaper headlines are an important element of a journalistic text that allows to attract the reader's attention and convey the essence of the material in a short period of time.

Keywords: heading, heading structure, segmented constructions, semantics, text-forming functions.

Введение. Заголовок – это краткое обозначение содержания статьи, которое может привлечь внимание читателя. Он является сложноорганизованным элементом текста, который не только информирует о теме, но и задает определенный тон и контекст для дальнейшего прочтения. Заголовки могут варьироваться по стилю, длине и структуре, и их значение выходит за рамки простого пересказа содержания.

Цели и задачи. Цель данного исследования – определить роль сегментированных конструкций в заголовочных комплексах современных газетных текстов.

Задачи исследования:

1) охарактеризовать текстообразующие функции заголовочных комплексов современных газетных текстов;

2) выявить признаки сегментированных конструкций в газетных заголовках со структурно-грамматической точки зрения;

3) охарактеризовать влияние сегментированных конструкций на понимание и восприятие коммуникативной стратегии автора.

Материалом для исследования являются сегментированные заголовки на русском языке в статьях следующих газет: «Аргументы и факты в Беларуси», «Комсомольская правда в Беларуси», «Литературная газета», «СБ – Беларусь сегодня» и др.

Методы исследования:

1) **описательный метод,** а также частные методики наблюдения и лингвистического эксперимента;

2) **классификационный метод** – для определения коммуникативных и структурно-грамматических особенностей сегментированных конструкций.

Результаты и их обсуждение. Анализ языкового материала показал, что заголовки выполняют несколько ключевых текстообразующих функций: информативную, функцию привлекательности, риторическую функцию, функции эмоциональной окраски, ориентации в тексте, идентификации жанра.

Каждая из этих функций играет важную роль в формировании общего впечатления о статье и может существенно повлиять на решения читателя о продолжении чтения.

Одной из основных текстообразующих функций заголовков является их информативная функция. Заголовок должен четко отражать основное содержание статьи и предоставлять читателю ключевые точки для понимания материала. Это достигается за счет использования ясных, точных формулировок и выделения ключевых слов. Основное внимание при этом уделяется актуальности информации, чтобы она соответствовала ожиданиям аудитории [1].

Привлекательность заголовка напрямую связана с его способностью заинтересовать читателя. Заголовки с элементами сенсационности или загадочности чаще вызывают желание узнать больше о содержании статьи и вызывают желание их прочитать [1].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Риторическая функция заголовков включает в себя использование различных риторических приемов, таких, как вопросы, утверждения или призывы. Этот подход может активизировать когнитивные и эмоциональные процессы читателя, создавая платформу для дальнейшего диалога.

Например, заголовок, задающий вопрос, может сподвигнуть читателя задать себе тот же вопрос и углубиться в статью в поисках ответа.

Заголовки, обладающие эмоциональной окраской, воздействуют на читателя, вызывая определенные чувства и эмоциональные реакции.

Например, заголовки, содержащие негативные или позитивные коннотации, могут изменить восприятие статьи еще до начала чтения.

Заголовки выступают как навигационные указатели, которые помогает читателям ориентироваться в структуре текста. Они служат своеобразной системой координат, позволяющей быстро понять, о чем речь в статье, и выявить ключевые моменты. Высокая степень ориентации достигается за счет четкой структуры и логики заголовков, которые могут делиться на подзаголовки, акцентируя внимание на отдельных аспектах темы.

Заголовки также выполняют функцию идентификации жанра, определяя тип текста и его целевую аудиторию. Так, заголовок в научной статье будет отличаться от заголовка в развлекательной колонке. Это различие может проявляться как в формулировках, так и в использовании специализированного лексикона, что помогает читателю заранее определить, подходит ли ему данный материал [3].

Структура заголовка играет важную роль в его эффективности. Рассмотрим основные элементы структуры заголовков:

– формулировка;

– длина;

– грамматическая конструкция.

Формулировка заголовка должна быть лаконичной и ясной, избегая многословия. Длина заголовка также имеет значение: слишком длинные или сложные формулировки могут отвлечь читателя, тогда как короткие и четкие заголовки, как правило, лучше воспринимаются. Грамматическая конструкция должна быть правильной, чтобы заголовок звучал естественно.

Для анализа текстообразующих функций заголовков можно рассмотреть несколько примеров: (1) *Снижение цен на продукты: что ждет покупателя?* – данный заголовок сразу выделяет основную тему и подчеркивает актуальность; (2) *Невероятный успех: как стартапы меняют мир!* – использование положительных слов создает эмоциональную окраску; (3) *Вопросы и ответы: что сделать, если вы потеряли паспорт?* – риторическая функция помогает наладить контакт с читателем.

Интересным аспектом анализа является прослеживание изменений в заголовках газет с течением времени. Современные заголовки стали более ориентированными на привлечение внимания, в то время как ранее они могли быть более формальными и строго информативными. Это связано с изменениями в медиа-пространстве и возрастающей конкуренцией за внимание читателей.

Сегментированные конструкции в заголовках газет – это важный элемент журналистского текста, позволяющий привлечь внимание читателя и передать суть материала за короткий промежуток времени.

Они представляют собой фразы, состоящие из нескольких частей, которые соединяются между собой определенными маркерами. Сегментированные

МГПУ им. И.П. Шамякина

конструкции в заголовках характеризуются тем, что они состоят из нескольких смысловых единиц. Обычно они используют такие структуры, как:

– словосочетания с союзами («и», «или»);

– структуры с предлогами;

– цитаты, выделенные кавычками;

– вопросительные конструкции.

Каждый из этих типов позволяет формулировать заголовки так, чтобы они были яркими и информативными одновременно. Например:

(4) *Осторожно! Дети!* (СБ. – 2022. – 24 мая);

(5) *Красивые. Яркие. Наши* (СБ. – 2015. – 7 марта);

(6) *Умный – в гору. И с горы!* (СБ. – 2007. – 2 февраля);

(7) *Пушкин наше всё. И везде* (ЛГ. – 2013. – 7 мая).

Эти конструкции позволяют не только донести информацию, но и вызвать интерес к публикации.

Семантика сегментированных конструкций определяется их содержанием и контекстом. Они могут передавать целый спектр эмоций и оценок. Например, заголовок с вопросом может подтолкнуть читателя к размышлениям, а утверждение – дать четкое представление о позиции автора.

Сегментированные конструкции оказывают значительное влияние на восприятие заголовка. Они могут привлечь внимание, создать интригу, сформировать ожидания и т. п.

Читатели зачастую выбирают, какие материалы читать, исходя именно из заголовков, поэтому важно, чтобы последние были не только информативными, но и привлекательными.

Важным аспектом является баланс между точностью и лаконичностью. Сегментированные конструкции должны быть достаточно краткими, чтобы удерживать внимание, но также и информативными, чтобы не исказить суть материала. Это требует от журналистов мастерства в выборе слов и формулировок.

Сегментированные конструкции в заголовках газет – это не только средство привлечения внимания, но и способ передачи информации. Их разнообразие и гибкость позволяют журналистам находить уникальные подходы к подаче материала. Учитывая, что заголовок часто определяет, будет ли статья прочитана, изучение данной темы остается актуальным как для журналистов, так и для исследователей [2].

Анализ сегментированных конструкций в заголовках газет открывает широкие горизонты для понимания изменений в коммуникации и способствует развитию навыков в области журналистики.

Стилистика заголовков, использующих сегментированные конструкции, может варьироваться в зависимости от тематики и целевой аудитории. Например: заголовки в научных изданиях могут быть более формальными, в то время как в развлекательных изданиях часто встречается неформальный язык, элементы юмора и игры слов. Это разнообразие помогает достичь большего эффекта вовлеченности читателя.

Контекст, в который помещаются заголовки, также играет важную роль. Например, в условиях быстро меняющейся информационной среды заголовки должны не только привлекать внимание, но и быть актуальными. Сегментированные конструкции идеально подходят для передачи новостей,

МГПУ им. И.П. Шамякина

поскольку они позволяют в сжатой форме передать большое количество информации, актуальной для сегодняшнего дня.

Для анализа сегментированных конструкций можно использовать различные методы, такие, как:

– контент-анализ, позволяющий оценить частоту использования разных типов заголовков в различных изданиях;

– опросы, выявляющие предпочтения читателей в отношении формулирования заголовков;

– корпусный анализ, изучающий, как заголовки взаимодействуют с основным текстом и какова их роль в общем контексте статьи.

Эти методы помогут повысить качество журналистского текста и предлагать более привлекательные и эффективные заголовки.

Выводы. Таким образом, анализ сегментированных конструкций в заголовках газет открывает широкие горизонты для понимания изменений в коммуникации и способствует развитию навыков в области журналистики. Применение сегментированных конструкций является необходимым инструментом в арсенале профессионала, работающего в сфере медиа, и помогает более эффективно доносить ключевые идеи и привлекать аудиторию.

Заголовки газет выполняют множество текстообразующих функций, от информирования до создания эмоциональной окраски. Понимание этих функций и их значение для восприятия информации читателем является важным аспектом работы журналистов. Эффективные заголовки не только привлекают внимание, но и создают определенный контекст для дальнейшего чтения, что в конечном итоге влияет на формирование общественного мнения и распространение информации [2].

Важность исследования текстообразующих функций заголовков трудно переоценить, особенно в условиях постоянного изменения. Это открывает новые горизонты для дальнейших исследований и практического применения выводов в сфере журналистики и медиа-коммуникации.

Список использованных источников

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 144 с.

2. Доценко, М. Ю. Синтаксис газетного заголовка : структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Доценко Мария Юрьевна ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПБ., 2009 – 243 с.

3. Ревуцкий, О. И. Анализ художественного текста на дискурсивной основе / О. И. Ревуцкий. – Мозырь : МГПУ, 2004. – 84 с.

4. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете / Э. А. Лазарева. – Свердловск : Изд-во Урал, 2011. – 197 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 811.161’42:398.3

О ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ ХРИСТИАНСКИХ СВЯТЫХ В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНДАХ

В. И. Коваль,
профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: vlad-kov@mail.ru

Статья посвящена явлению десакрализации христианских святых в текстах русских и белорусских народных легенд. На примерах этих текстов показано, что лишение сакрального, священного ореола христианских персонажей проявляется в их очевидном «приземлении» и выразительной индивидуализации, в наделении их как позитивными, так и негативными чертами характера, что в полной мере соответствует основам народного православия.

Ключевые слова: легенда, христианские святые, десакрализация, христианство, народное православие.

ON THE DESACRALIZATION OF CHRISTIAN SAINTS IN RUSSIAN AND BELARUSIAN FOLK LEGENDS

V. I. Koval,
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian,
General and Slavic Linguistics,
Gomel State University named after F. Skariny,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: vlad-kov@mail.ru

The article is devoted to the phenomenon of desacralization of Christian saints in the texts of Russian and Belarusian folk legends. Using the examples of these texts, it is shown that the deprivation of the sacred, sacred halo of Christian characters is manifested in their obvious «landing» and expressive individualization, in endowing them with both positive and negative character traits, which fully corresponds to the foundations of folk Orthodoxy.

Keywords: legend, Christian saints, desacralization, Christianity, folk Orthodoxy.

Десакрализация, то есть «обесценивание сакральных (священных) образцов, религиозных верований, мировоззренческих установок» [1, с. 59], проявляется не только на уровне отдельных слов и устойчивых словосочетаний, но и на уровне текста. Выразительным отражением этого мировоззренческого феномена являются многочисленные тексты народных легенд, в которых образы популярных христианских персонажей (св. Николая, св. Петра, св. Ильи, св. Касьяна и др.) представлены не только «очеловеченно» и «приземленно», но и в немалой степени сниженно. Христианские святые, лики которых люди ежедневно видят на иконах, в текстах легенд не просто живут среди людей, но и по-разному относятся к одной и той же ситуации, выявляя при этом различные качества своего характера: с одной стороны – сочувствие, сострадание, готовность помочь, а с другой – надменность, высокомерие, злопамятность.

По вполне понятным причинам отношение православной церкви к текстам подобного рода, являющимся отступлением от канонического христианства, было

МГПУ им. И.П. Шамякина

и остается резко отрицательным. Так, еще в 1860 году в России был запрещен к продаже изданный А. Н. Афанасьевым сборник «Русские народные легенды». Обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой объяснял свою позицию по этому вопросу следующим образом: «По поводу изданной книги господина Афанасьева под заглавием «Русские народные легенды» высокопреосвященный митрополит Филарет обратился ко мне с письмом, в котором изъяснил, что к имени Христа Спасителя и святых в сей книге прибавлены сказки, оскорбляющие благочестивые чувства, нравственность и приличие, и что необходимо отыскать средство к охранению религии и нравственности от печатного кощунства и поругания» [2]. Сам же составитель сборника – известный фольклорист и мифолог – видел в народных легендах естественное «переплетение» древних природных образов и новых христианских мотивов: «С водворением новых, христианских начал народная фантазия не позабыла и не отринула тех прежних образов, в которых представлялись ей взаимные отношения человека и природы, и, касаясь событий, описанных в Ветхом и Новом Заветах, свободно допустила их в свои легендарные сказания» [3, с. 8].

Цель данной статьи заключается в выявлении способов десакрализации образов христианских святых в русских и белорусских народных легендах. В ходе анализа рассматриваемых текстов использовались описательный и контекстуальный методы. Источником фактического материала послужили аутентичные записи русских и белорусских народных легенд, персонажами которых являются христиансткие святые.

Культ святого Николая, епископа Мирликийского (Николая Чудотворца, Николы), был особенно распространен на Руси, о чем свидетельствует его перифрастическое наименование *русский Бог*, указывающее на «представление о святом Николае как о Боге» [4, с. 137]. Более того, святой Николай «почитался в России как национальный святой, покровитель русского народа, а также как крестьянский святой и мужицкий заступник. Его называли «святой великий святитель Христов, теплый заступник и скорый помощник». Считалось, что Николаю Угоднику можно молиться «во всех нуждах», что он всегда и всем поможет, ибо добр и милостив». Отправляясь в дальний путь, говорили: «Никола в путь, Христос подорожник!», «Бог на дорогу, Никола в путь», «Микола с нами!»; уходя на ратное дело – на «царскую службу горькую», надеялись на его защиту. Перед свадьбой жениха часто благословляли образом Николая Угодника вместо образа Спасителя. Девушка, выходя замуж, просила благословения не только у Божьей Матери или Спасителя, но и обязательно у св. Николая. Русские люди верили, что Николай Угодник помогает людям и без специального обращения к нему. Николай Угодник считается также хорошим врачевателем, целителем, а среди знахарей было распространено мнение, что Николин день – самый благоприятный для лечения тяжелых заболеваний» [5].

В книге польского этнографа Чеслава Петкевича «Духовная культура Речицкого Полесья» приводится показательное (хотя и явно шуточное, вымышленное) свидетельство высокого духовного «статуса» святого Николая, проявляющегося в том, что он якобы является «наследником» Бога. В данном случае необходмо все же учитывать, что богохульная с точки зрения христианства мысль о том, что святой Николай будет *багаваць*, то есть выполнять функции Бога после Его смерти, является пересказом слов продавца икон, желающего при помощи, по-современному говоря, фейковой информации произвести впечатление

МГПУ им. И.П. Шамякина

на доверчивых малообразованных женщин-полешучек: *Святы Мікола не толькі старэй за ўсіх святых, да мабыць, і старшы над імі. Бабы, хадзіўшы ў Лоеў купляць абразы, не раз чулі, як рускі, што іх малюе, казаў: "Эй, бабёнкі, пакупайце святога Мікалая Чудатворца, Божага ўгодніка: ён старшы над усімі святымі і святей за ўсіх. Святы Мікалай – Божы наследнік: як Бог памрэ, то святы Мікалай Чудатворац будзе багаваць, да ніхто іншы"* [6, с. 144].

В народных легендах святой Николай изображается как простой, добрый, справедливый и честный человек, всегда готовый помочь в сложной ситуации другим людям. Почитание дня памяти Николая Угодника дважды в год – весной (22 мая) и зимой (19 декабря) – также объясняется в легендах его благородными, бескорыстными поступками. Именно таким – отзывчивым, простодушным и добрым, хотя и в грязной одежде – предстает святой Николай в белорусском предании, записанном в Ветковском районе Гомельской области: *Міколу два раза празнуюць, патаму шта он заслужыў, патаму шта он угоднік быў, бедным памагаў. «Хто ў грязі, – гаварыў, – памагу». Он у цэркаў прышоў, і ўся адзежда ў него была ў грязі. Бацюшка гаварыт: «Пачэму ты такой весь у грязі?» А он гаварыт: «Бацюшка, устрэціл я жэншчыну, па імені не знаю, і яна на лошадзі, у трясіне ўся застряла, каляя была такая, і я памог выташчыць із грязі на гору, паэтаму я прышоў такой грязны». – «Ну, Мікола, ты очэнь добрае дзела зделаў для беднай жэншчыны, і вот мы цебя будзем празнаваць два раза ў гаду»* [7, с. 266].

Доброта и бескорыстие святого Николая противопоставляются в народных легендах поступкам бездушного и злого святого Касьяна, день памяти которого отмечается только раз в четыре года – 29 февраля каждого високосного года. «В народном календаре Касьянов день занимает особое место: это самый страшный день, находящийся во власти злопамятного святого. В центральной части России работы в этот день и накануне прекращаются. «Глаз Касьяна» считается настолько опасным, что 29 февраля крестьяне предпочитают вовсе не выходить из избы, особенно до восхода солнца» [8, с. 111].

В двух следующих легендах каждому из двух святых – Николаю и Касьяну – Бог воздает по их заслугам.

(1) *Раз в осеннюю пору увязил мужик воз на дороге. Знамо, какие у нас дороги; а тут еще случилось осенью – так и говорить нечего! Мимо идет Касьян-угодник. Мужик не узнал его и давай просить: «Помоги, родимой, воз вытащить!» – «Поди ты! – сказал ему Касьян-угодник, – некогда мне с тобой валандаться!» Да и пошел своею дорогою. Немного спустя идет тут же Никола-угодник. «Батюшка, – завопил опять мужик, – батюшка! Помоги мне воз вытащить». Никола-угодник и помог ему. Вот пришли Касьян-угодник и Никола-угодник к Богу в рай. «Где ты был, Касьян-угодник?» – спросил Бог. «Я был на земле, – отвечал тот, – прилучилось мне идти мимо мужика, у которого воз завяз; он просил меня. Помоги, говорит, воз вытащить; да я не стал марать свое райское платье». «Ну, а ты где так выпачкался?» – спросил Бог у Николы-угодника. «Я был на земле; шел по той же дороге и помог мужику вытащить воз», – отвечал Никола-угодник. «Слушай, Касьян! – сказал тогда Бог, – не помог ты мужику – за то будут тебе через три года служить молебны. А тебе, Никола-угодник, за то, что помог мужику воз вытащить, будут служить молебны два раза в год». С тех пор так и сделалось: Касьяну в високосный только год служат молебны, а Николе – два раза в каждый год* [3, с. 43].

МГПУ им. И.П. Шамякина

(2) *Мікола памагае ўсім. Кажэн яго цэня. А вот две Міколы – зімняя і летняя. Дак вот, ехаў сам Гасподзь на каню да ўзяў і абярнуўся ў яго воз. Ідзець мужчына, ён і гаворя: «Памажыце, пажалуйста, мне воз скласць». А ён гаворя: «Я чыста надзет. Я не буду памагаць». Ідзе ўтары мужчына, наряжоны. Бог гаворя: «Памажы мне, малады чылавек, воз дроў слажыць». А ён: «Счас, пажалуста». І так ізлажыў яму воз, і выцягнулі яны калёсы з грязі. І во што ён сказаў, Гасподзь: «Ты, Мікола, будзіш і дваццаць первага мая празнаваць і дзівітнаццатага дзекабря ты будзіш празнаваць. А ты, Касцьян, што пайшоў і не памог, так у чатырі гады раз будзіш празнаваць». Вот, вісакосны год – ета ужэ празнік Касцьяна. Ён не памог Богу, так яму ў чатырі гады празнік іздзелаў Гасподзь. А Мікола два разы – за тое, што памог Богу злажыць драва і выцягнуць калёсы* [7, с. 266].

В русской народной легенде «Никола и Илья» святой Николай выглядит гораздо добрее своего супутника – святого Ильи, грозящего погубить урожай крестьянина, недостаточно почитающего его: *Давно было. Жил-был мужик. Николин день завсегда почитал, а в Ильин нет-нет, да и работать станет; Николе-угоднику и молебен отслужит, и свечку поставит, а про Илью-пророка и думать забыл. Вот раз как-то идет Илья-пророк с Николой полем этого самого мужика; идут они да смотрит – на ниве зеленя стоят такие славные, что душа ни нарадуется. «Вот будет урожай, так урожай! – говорит Никола. – Да и мужик-то, право, хороший, доброй, набожной: Бога помнит и святых знает! К рукам добро достанется» – «А вот посмотрим, – отвечает Илья, – еще много ли достанется! Как спалю я молнией, как выбью градом все поле, так будет мужик твой правду знать, да Ильин день почитать». Поспорили-поспорили и разошлись в разные стороны…* [3, с. 39–40].

Совершенно приземленным, развенчивающим собственную святость выглядит Николай Чудотворец в белорусской легенде «Як Мікола і Пётр лашадзей на Ўкраіне закуплялі». Святой Николай в этом случае изображен не просто как большой любитель спиртного, но как обманщик, стремящийся, как и святой Петр, ввести в заблуждение самого Бога: *Гасподзь завёў свет не так, штоба ўвіздзе ўсяго было пароўну: ската, людзей, коні. Сначала была ўсяго болі на Ўкраине. Наступаець вясна. Відзіць Гасподзь, што беларускаму мужычку пахаць нечым – коні нетуці. Не прападаць жа хоць сабе і нашаму брату з голаду. Даў Гасподзь Міколі і апосталу Пятру дзенег па рашчоту і паслаў іх вабаіх на Ўкраіну закупляць коні. Мікола вочынь любіў выпіць, і зайдзі ён з Пятром у кабак. Узялі паўштоф, другей – выпілі. Как завяло ў Міколі ў галаве, Мікола стаў вочынь прост і прапіў усе дзеньгі, што яму Бог даваў – да капейкі. Міколі з Пятром цяпер не на шта купляць лашадзей. Сматрыць: бягуць два табуны лашадзей. Мікола сеў на первую лошадзь, табун за сабою гоніць, а там Пётр на лошадзь з другога табуна – другей табун за сабою гоніць. І пагналі яны етых лашадзей з сабою, а відзець етага ніхто не відаў, толькі што былі свідзецелі: первая – варона, другая – сарока, трэцяя – кукушка. Прыводзяць яны етых коній к Богу, і хацелі яны, штоба Бога абманіць...* [9, с. 114–115].

Подобные нелестные характеристики святого Николая Чудотворца выглядят, однако, вполне естественными с учетом народных представлений о том, что «Николай имел непосредственное отношение к началу винокурения: вместе со святым Петром он научился у черта делать водку. В некоторых деревнях

МГПУ им. И.П. Шамякина

Смоленщины известен обычай в Николин день «угощать» святого, поднося к его иконе первый стакан водки» [10, с. 400]. Широко известна традиция проведения в день Николы зимнего (19 декабря) *никольщины* с обязательным коллективнм угощением: «Во многих местах России с Николина дня справляли так называемую «никольщину». Праздновали в течение нескольких дней, обязательно вскладчину, с большим количеством пива или браги из зерна нового урожая» [8, с. 45].

Святой Петр и святой Илья представлены в белорусской легенде как непримиримые соперники, «ответственные» за создание разных природных условий: Петр – за ясную солнечную погоду, Илья – за грозы и ливневые дожди; Илья при этом изображается как несговорчивый и «вредный» персонаж: *Даўно тое было, як яшчэ сам Бог па зямлі хадзіў. Аддаў Бог увесь свет Ілы й Пятру. Але, ведама, дзе два паны, там ніколі ладу няма. Адзін пасылае дождж, а другі – пагоду. Плачуць хмары, не ведаюць, што рабіць, каго слухаць. Пойдзе дождж, та Пятро бяжыць да крычыць, лаецца, на чом свет стаіць: «Што вы, патаскухі, робіце, нашто мочыце сена, цяпер жа людзі косяць!» – «Нам, – кажуць, – Ілья прыказаў». – «Ах, вы..., – лаецца Пятро, – я вам пакажу Ілью! Ілья заўсёды наробіць гнілля!» Ухваціць Пятро мятлу і паразганяе хмары па куткох, а неба чысценька падмяце. Та ось, адкуль ні вазьміся, тарахціць, едзе Ілья, крычыць, аж неба й зямля дрыжаць. Хмары таўкуцца, як непрытомныя, вылазяць з куткоў, і ўжо ліне такі дождж, што не толькі берагі, але і груды паплывуць. Жаляцца людзі Богу, што паны дзяруцца, а ў мужыкоў чубы трасуцца, жаляцца й просяць, каб Бог даў пагоду. Прызаве Бог Ілью, насварыцца на яго, а той кажа, што столькі развялося нечысці-чарцей, што трэ іх громам пабіць, бо ўвесь свет запаганяць. Прызаве Бог Пятра і кажа, што няхай Ілья трохі папалюе чарцей. А Ілья тым часам падніме такія грымоты, што аж зямля стогне: няма ні дня, ні ночы; хмары таўкуцца, як уюны ў рэшаце; на небе кіпіць, як у гаршку; маланка бліскае, аж у ваччу цёмна становіцца, а пярун смаліць раз-паўразу, паласуе хвоі, дубы да паліць будоўлю альбо стагі. А Ілья ездзіць сабе па небу ды камандуе: «Так, так, так! Го-го-го! Яшчэ, яшчэ... Лупі, лупі яго, гада... от так-так... Го-го-го! Трэсні яго па затылку! Го-го-го! У патыліцу, у патыліцу лупі яго, гада! Трах-трах! Так-так-так! Го-го-го!» Просяць людзі на прамілуй Бог, каб уняліся грымоты, а Ілья не слухае. Ходзіць Пятро да плюецца бяззубым ротам ад злосці. Нацешыцца Ілья, пачысціць сваю каляску і паедзе к сонейку ў госці. Тут Пятро падмяце неба ды давай сушыць зямлю. От ужо падыходзіць пара́ сеяць жыта, а зямля сухая, як прысак – зноў бяда! Бяда ўжо, што няма дажджу. А Ілья сваволіць сабе з сонейкам, а пра зямлю забыўся. Не маюць вока адзін на другога Ілья і Пятро, сярдзітыя, баяцца, каб і не сустрэцца* [9, с. 127].

Таким образом, очевидно, что народное православие характеризуется тесным переплетением христианских и языческих верований, привнесением в христианские мотивы приземленных и даже грубо-материалистических представлений. Народное православие (как и двоеверие в целом) проявляется в различных формах и имеет глубокие исторические корни. По верному замечанию В. И. Чичерова, «бытовое православие – своеобразная, созданная крестьянством «редакция» христианской религии, порицаемая Церковью. Христианская религия в том виде, в каком утверждалась духовенством, не смогла проникнуть в самые глубины жизни русской деревни, и приняв формы аграрно-бытовых верований, явилась источником и почвой возникновения суеверных представлений, магических действий, своеобразных истолкований реального мира» [11, с. 9].

МГУ им. И.П. Шамякина

Список использованных источников

1. Мед, Н. Г. Языковая десакрализация в испанской оценочной картине мира (на материале лексики и фразеологии) / Н. Г. Мед // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 4 (54). – С. 58–71.
2. Русские народные сказки запретили в РФ. – URL: http://Русь-портал.рф/literatura/kultura/272-russkie-narodnye-skazki-zapretili-v-rf.html (дата обращения: 18.10.2024).
3. Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. Издание полное. – Лондон, 1859. – 238 с.
4. Лидов, А. М. «Русский Бог». О почитании образа св. Николая в Древней Руси / А. М. Лидов // Archeologia Abrahamica ; ред.-сост. Л. А. Беляев. – М., 2009. – С. 137–154.
5. Николай Чудотворец: почему его почитают русские. – URL: https://weekend.rambler.ru/other/41015798-nikolay-chudotvorets-pochemu-ego-pochitayut-russkie/ (дата обращения: 18.03.2025).
6. Pietkiewicz, Czesław. Kultura ludowa Polesia Rzeczyckiego / Czesław Pietkiewicz. – Warszawa : Towarzystvo naukowe Warszawskie, 1938. – 459 s.
7. Лопатин, Г. И. Фольклор, обряды, мифология / Г. И. Лопатин // Голоса ушедших деревень / Г. Г. Нечаева [и др.] : под общ. ред. Г. Г. Нечаевой. – Минск : Белорус. наука, 2008. – С. 233–290.
8. Круглый год : Русский земледельческий календарь / Сост., вступ. ст. и прим. А. Ф. Некрыловой. Ил. М. Белоусовой. – М. : Правда, 1989. – 496 с.
9. Легенды і паданні // Склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі ; рэд. тома А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.
10. Валенцова, М. М. Николай / М. М. Валенцова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь ; под ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. – М. : Междунар. отношения, 2004. – С. 398– 401.
11. Чичеров, В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории народных верований) / В. И. Чичеров. – М. : Издательство АН СССР, 1957. – 237 с.

УДК 811.161.1’42’373:316.774:004.9:070

НАЗВАНИЕ СЕТЕВОГО КАНАЛА КАК ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА БЛОГЕРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. В. Ничипорчик,
профессор, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: evnich@gmail.com

Статья посвящена выявлению закономерностей в наименовании сетевых кулинарных каналов. Исследование проведено на материале продуктов видеоблогинга, размещенных на платформе Youtube. Названия каналов типологизируются с учетом избираемой блогером коммуникативной стратегии: интровертной – нацеленной на самопрезентацию без конкретизации тематической специализации блогинга, экстравертной – нацеленной на ориентацию адресата в коммуникативном пространстве без презентации личности блогера. Названия, представляющие контаминацию обеих стратегий, содержат в своей структуре и маркеры тематической принадлежности канала, и имя и/или фамилию блогера. Выявлены и описаны используемые в названиях кулинарных каналов маркеры специализации видеоблогинга.

Ключевые слова: блогер, сеть, кулинарный канал, коммуникативная стратегия, нейминг, название.

МГПУ им. И.П. Шамякина

THE NAME OF THE NETWORK CHANNEL AS A BLOGGER'S BUSINESS CARD IN THE COMMUNICATION SPACE

E. V. Nichiporchik,
Professor, Doctor of Philology Sciences,
Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics
of the Francisk Skorina Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: enich@gmail.com

The article is devoted to identifying patterns in the naming of online culinary channels. The study was conducted on the material of video blogging products posted on the platform Youtube. The names of the channels are typologized taking into account the communication strategy chosen by the blogger: introverted – aimed at self-presentation without concretization of the thematic specialization of blogging, extroverted – aimed at orienting the addressee in the communicative space without presenting the blogger's personality. The names representing the contamination of both strategies contain both markers of the channel's thematic affiliation and the blogger's first and/or last name in their structure. The markers of video blogging specialization used in the names of culinary channels have been identified and described.

Keywords: blogger, network, culinary channel, communication strategy, naming, title.

Введение. В век все возрастающей зависимости человека от информационных потоков, размещенных в сети Интернет, гуманитариев (лингвистов социологов, психологов, политологов) не может не волновать вопрос о механизмах овладения сознанием масс. Важно установление причин, по которым человек погружается в многочасовое комфортное для себя информационное пространство Интернета, устраняясь от реального общения с близкими, друзьями, коллегами. Необходимо определение инструментов, которые используются теми, кто открывает информационные потоки и невольно или намеренно овладевает массовым сознанием. В контексте данных проблем одной из актуальных задач для лингвиста становится изучение и описание воздействующего потенциала языковых средств, используемых для вовлечения в медиадискурс.

Мощнейшим стимулом, побуждающим адресата к включению в интеракцию, является удачное название (заголовок) медийного текста, а также название сетевого канала, на котором блогер периодически открывают дискурс со своим адресатом. Действительно, заголовок является «ключевым элементом системы макротекста СМИ и массово-информационного дискурса в целом, во многом определяющим успешность коммуникативного акта» [1, с. 59], и потому столь горячо обсуждается в глобальной сети. Интернет в настоящее время пестрит инструкциями по медианоминации: *Как придумать сильное название для Telegram-канала* [2]; *Как придумать название канала на Youtube. Основы неймингa видеоблогов* [3]; *Это 5 лучших способов придумать название канала!* [4] и мн. др.

Несмотря на то, что заголовки текстов, адресованных массовому адресату, находятся в фокусе пристального внимания ученых еще с начала прошлого века [5, с. 29], постоянные изменения, происходящие в мире и неизбежно сказывающиеся на языке СМИ, существенные изменения в локации и качестве информационных потоков подвигают ученых вновь и вновь обращаться к рассмотрению уже не единожды поднимаемых вопросов. В настоящее время отмечается очередной всплеск научного интереса к наименованиям в медиасфере. Проблемам медианоминации посвящаются сегодня статьи, учебные пособия,

МГУ им. И.П. Шамякина

диссертационные работы, библиография по медианоминации настолько велика, что может стать предметом отдельного изучения. К числу наиболее важных характеристик современного заголовка как медиалингвистического и коммуникативно-прагматического феномена ученые относят суггестивность и обогащенную полифункциональность: выступая элементом гиперссылочного аппарата и выполняя навигационную функцию, название вовлекает адресата в сообщество, объединяемое вокруг того или иного источника информации, и подвигает к диалогу [5, с. 30–32; 6, с. 10–11; 7, с. 118; 8, с. 9].

В центре нашего исследовательского внимания – названия сетевых кулинарных каналов. Выбор кулинарного видеоблогинга обусловлен значительным объемом кулинарного сегмента на видеохостинговых платформах и малой изученностью наименований сетевых кулинарных каналов.

Цели и задачи. Задача видится в том, чтобы определить, чем руководствуются популярные кулинарные блогеры, определяя название для своего канала. Можно ли выявить закономерности в нейминге сетевых кулинарных каналов?

Методы и материал исследования. В качестве ключевых методов использовались методы наблюдения, дискурсивного анализа, интерпретации и обобщения. Источником материала послужили ресурсы крупнейшей видеохостинговой платформы Youtube. Анализу подлежали русскоязычные кулинарные каналы, иноязычные каналы принимались во внимание как фон.

Результаты и их обсуждение. Самый короткий путь к получению информации в сети Интернет о рецепте приготовлении того или иного блюда – это оформление запроса с названием блюда в формате «видео» в строке поиска. Поисковые системы сразу подгрузят множество предложений от различных кулинарных каналов. Выбор канала для просмотра приготовления блюда зависит, во-первых, от воздействующего потенциала превью, во-вторых, от того, кто предлагает кулинарный рецепт – это хорошо известный пользователю блогер или же, напротив, совершенно незнакомая для пользователя Интернета медийная личность. Наиболее популярные блогеры, то есть те, кто имеет миллионных подписчиков и достаточно прочную позицию в рейтинге, определяемом по высокому социальному отклику на видеопродукцию, оказываются в каком-то смысле в приоритете, так как они уже завоевали доверие у публики. Заметим, в приоритете, скорее всего, лишь у тех, кто уже определился в сети со своими предпочтениями. Если же в сети новичок, то для формирования его предпочтения важны все возможные средства захвата и удержания внимания к медиапродуктам.

Настоящей визитной карточкой блогера является название его канала. По названию канала можно отыскать уже просмотренный и понравившийся продукт видеоблогинга (под продуктом видеоблогинга понимается композиционно завершенное динамичное аудиовизуальное сообщение, размещенное в сети в ожидании просмотров/откликов и воспроизводимое по требованию адресата). По названию канала можно понять, кому принадлежит подгружаемый по запросу автоматически продукт видеоблогинга. Браузер обычно облегчает поиск рецепта, выдавая варианты названий блюд по ключевому слову запроса, например, на запрос *рецепт пасхи видео* подгружается несколько поисковых строк с названием продуктов видеоблогинга: *рецепт творожной пасхи*, *рецепт пасхи Аллы Ковальчук*, *рецепт заварной пасхи*, *самый простой рецепт пасхи*, *самый лучший*

МГПУ им. И.Г. Шамякина

рецепт пасхи, *рецепт пасхи с цукатами*, *рецепт пасхи простой и вкусный* и др. После выбора одного из вариантов пользователю сети предлагается целый ряд продуктов видеоблогинга, каждый из которых сопровождается информационным блоком, включающим название видеохостинговой платформы, название кулинарного канала, название видеоконтента, дату его размещения, количество его просмотров, превью с указание длительности видео и комментарии блогера. При этом все названия, входящие в информационный блок, и превью характеризуются навигационной функцией.

Как видим, название канала всегда сопровождает продукцию видеоблогинга, и, хотя броское название видеоконтента играет значимую, если не первостепенную роль в привлечении внимания пользователя сети, название канала очень важно для поддержания стабильного контакта с подписчиками, а также для захвата новой аудитории, от внимания которой не ускользает ни количество просмотров, ни суггестивность используемых в названии канала языковых средств.

Наблюдения показывают, что в нейминге сетевых каналов, который можно рассматривать как инициальную часть в интеракции с потенциальным адресатом, блогеры придерживаются двух контрастных по отношению к адресату коммуникативных стратегий: интровертной и экстравертной. Выбор прилагательных *интровертный* и *экстравертный* для дифференциации коммуникативных стратегий в нейминге не имеет отношения к типологии психотипов личности. Входящие в понятийное ядро данных прилагательных семантические признаки (‘внутрь’ и ‘наружу’) позволяют наиболее точно определять вектор ключевого информационного посыла, заложенного в названии. Задача блогера, избирающего интровертную коммуникативную стратегию в нейминге, состоит в том, чтобы обратить внимание на себя и закрепить в памяти интернет-аудитории личное имя – оставить свой «цифровой след» для формирования бренда медийной личности (см. подробнее о персональном брендинге [14; 9]). Практика показывает, что, если имя блогера, использованное в названии сетевого канала, благозвучное, легкое для запоминания либо хорошо обыграно, при условии успешного видеоблогинга это имя действительно трансформируется в персональный бренд, превращает малоизвестного человека в медийную личность. Более того, имя успешного кулинарного блогера в случае открытия им своего ресторана, кофейни, кондитерской / пастичерии и т. п., как правило, становится брендом предприятия.

Противоположная интровертной коммуникативной стратегии экстравертная стратегия в нейминге нацелена на тематическую ориентацию адресата в сетевом коммуникативном пространстве без установки на персонификацию – самопрезентацию блогера. Эта коммуникативная стратегия, прежде всего, обращена к интересам адресата, экономит его время, в то же время дает блогеру явные преимущества в общении с целевой аудиторией и больше возможностей в выборе презентем иного рода.

Рассмотрим в деталях воплощение названных стратегий в нейминге кулинарных каналов. Обратимся вначале к анализу персонифицирующего нейминга. Название кулинарного канала, воплощающее интровертную коммуникативную стратегию, может содержать имя и фамилию блогера, причем они могут быть переданы как кириллицей, так и латиницей: «Никита Петряев», «Сталик Ханкишиев», «Ольга Матвей», «Асма Салижанова», «Наташа Шикинко»,

МГПУ им. И.Г. Шамякина

«Калнина Наталья», «Аза Геворгян», «Liza Glinskaya». Отмечаются такие названия и в иноязычном кулинарном сегменте Youtube: «Gordon Ramsay», «Matty Matheson», «Jamie Oliver» и мн. др.

В отдельных случаях трудно определить, является ли фамилия настоящей или это псевдоним. Например, блогер Наталья, специализируясь в основном на выпечке, назвала свой канал «Natalia Bulochka»; под этим же именем, правда, в кириллической передаче, Наталья зарегистрирована и в социальных сетях – *Наталья Булочка*, другой уточняющей информации о блогере в сети найти не удается.

Название кулинарного канала может состоять из одной фамилии, одного имени или сочетания имен: «Грильков», «Анатолий», «Alex& Milana», может быть представлено «осколочными» элементами предикативных структур (см. об «осколочных» конструкциях [10, с. 12]) или эллиптированными предикативными структурами, включающими имя собственное: «Обо всем с Марусей», «У Натуси», «СЕНЯ В ДЕЛЕ».

Стремление создать яркое имя побуждает блогеров прибегать к разного рода трансформациям своего настоящего имени или фамилии. Известный российский блогер Юлия Смоливец назвала свой кулинарный канал «Yuliya Small». Название стало брендом для продукции успешного кулинара. В настоящее время Юлия не только кулинар, но и преподаватель кулинарного дела, ее мастер-классы пользуются большим спросом.

Двадцатилетний блогер из Днепропетровска Иван Зайченко назвал свой канал «VanZai». Очевидно, что название отсылает к имени и фамилии самого блогера, но для автора видеоблога важна, по-видимому, еще и ассоциация со словом *банзай*. Это слово пришло в европейское культурное пространство из японского языка [11] и в настоящее время стало прецедентным, так как ассоциируется с широко известной французской кинокомедией «Банзай». По данным Википедии, под названием «Банзай» в России, Казахстане и Германии выпускается сеть глянцевых журналов для мужчин. Слово *банзай* стало частью слогана «Банзай – и не сомневайся!», и содержание продуктов видеоблогинга Ивана Зайченко явно соответствует данному слогану, так как во всех его видеороликах проявляется установка на сверхоригинальность.

Используют блогеры и прием присоединения к реальному имени псевдонима. Например, один из очень успешных кулинарных блогеров Георгий Сарибеков назвал свой канал «Georgy Kavkaz». Таким образом блогер сообщает своему адресату о том, что его видеопродукция – это презентация кавказского гостеприимства, кавказской щедрости.

Пограничные случаи воплощения интровертной коммуникативной стратегии в нейминге представляет использование в названии канала не личного, а иного, обладающего устойчивыми культурными коннотациями имени. Удачному формированию бренда медийной личности, к примеру, послужил выбор популярным российским видеоблогером Олегом Григорьевым в качестве названия своего канала прецедентного имени «Oblomoff», в вариантном обозначении – «Славный друже Oblomoff».

Контаминация интровертной и экстравертной коммуникативных стратегий в медианоминации наблюдается в тех случаях, когда блогеры используют в названии канала персонифицирующие элементы в сочетании с маркером тематической специализации продукции видеоблогинга (*готовить*, *шеф-повар*, *шеф*, *рецепты*,

МГПУ им. И.П. Шамякина

кулинария, кухня, вкусный и т. п.): «Кулинарим в Таней», «Готовим с Ириной Хлебниковой», «Готовим с Оксаной Пашко», «Yasemin Gotovit», «AZIZA GOTOVIT», «Шеф-повар Василий Емельяненко», «ШЕФ Рубен Сарибекян», «Дмитрий Шеф Повар Минск», «IVLEV CHEF», «Рецепты в гостях у Вани», «Рецепты Бабушки Эммы», «Кулинария Любовь Ким», «Кухня Evelin», «Юлия Вкусный мир», «Вкусный диалог с Еленой Баженовой», «Вкусные идеи от Натали», «Шашлыки от Мартика» и др. Помимо русскоязычных слов, их транслитераций, в названиях русскоязычных каналов могут использоваться и иноязычные маркеры кулинарной тематики: «Sasha CookingTime», «Backer Захар», «Рецепты Simple Food с Юлией Шевчук», «Nora's Cooking» «LudaEasyCook Позитивная Кухня»; сравн. названия иноязычных каналов: «Jules Cooking», «Kozy Kitchen», «Chef Max Mariola» «Paik's Cuisine», «Rezepte von Roman», «Dacosta's Bakery», «Deliziose ricette di Katrine».

Значительную роль в медианоминации играет «языковой вкус» блогера. Так, кондитер Евгений Костюченко в интервью признавался, что отказался от того, чтобы назвать свой сетевой канал с использованием своего имени (сочетание имени и фамилии блогеру казалось не броским, не запоминающимся) [12], и предложил оригинальное и в буквальном смысле безымянное название с маркером тематической специализации канала «Nameless cake». Однако, став известным и открыв свою онлайн-школу, блогер все же персонифицировал себя в интро: на YouTube – ЕВГЕНИЙ КОСТЮЧЕНКО, в Инстаграме – EVGENY KOSTYUCHENKO.

Не менее разнообразны названия кулинарных каналов, свидетельствующие о предпочтении блогером экстравертной стратегии в нейминге. Среди таких названий выделяются, прежде всего, те, которые содержат в своем составе слова *кухня, кулинария, кулинарный, рецепты*: «Кухня наизнанку», «Кухня с акцентом», «Открытая кухня», «Волшебная кухня», «Аппетитная кухня», «УХ ТЫ, КУХНЯ», «Художник на КУХНЕ», «Кухня армянки», «Super Kuhnya», «Выпечка и кулинария», «Торты и Кулинария Cakes & Cooking», «Кулинарные практики», «Коллекция рецептов»; сравн. иноязычные: «Cucina con Simone», «Cooking Time», «Cooking With Dog», «Viele Rezepte», «Gesunde Rezepte», «Allrecipes».

Обращают на себя внимание названия с компонентами, обозначающими вкусовые ощущения: «Вкусная минутка», «Вкусные советы», «Вкусное дело», «Вкусно и сытно», «Готовлю дома. Готовлю вкусно», «Еще Вкуснее!» «Дома вкусно», «Просто и вкусно», «Симфония вкуса», «Мелодия вкуса», сравн. иноязычные: «Süße Backwaren», «Saftige Fleisch Rezepte», «Tasty», «Leckere Ideen». Эксплуатируется также темы быстроты и простоты приготовления: «Сейчас приготовим!», «БЕРИ И ДЕЛАЙ», сравн.: «Schneller Koch», «Schnelle Rezepte», «Einfaches Rezept», «Schnell und einfach». Частотное обращение к такого рода оценочной лексике отмечалось нами и в названиях превью [13].

Востребована в названиях кулинарных каналов лексика, связанная с домом, праздником, гостеприимством: «Готовим дома», «Дом&Недом», «Ильинское Застолье», «В гостях у бабушки», сравн. иноязычные: «Home cooked goodness», «Ich koche zu Hause», «Haus zu Essen». Есть названия, указывающие на национальную/географическую принадлежность рецептов: «Чайхана Узбечка», «Cnajhana Vostok», «Ricette arabe», названия с претензией на подчеркнутую оригинальность: «Солили Перчили», «COOLинарная ПРОпаганда», «Кушать хочу», «ЯЙЦО АШОТ».

МГПУ им. И.П. Шамякина

Как видим, блогеры активно используют в нейминге различные техники усиления выразительности: обращаются к графическим играм, метафорам, повторам, императивным, восклицательным структурам. Широко используются в кулинарной медианоминации слова с интригующей, оценочной семантикой, окказионализмы: «Секреты Узбекской кухни», «Куховарим легко», «Тортомания», «Я-ТОРТодел», «Oliv'едка», то же можно сказать и о названиях иноязычных каналов: «Masterful Meals», «Flavor Festival», «Kulinarische Magie», «Magische Desserts», «Traum Rezepte», «Fantastische Rezepte», «Appetlicher Rezepte». Все эти техники придания названию кулинарного канала оригинальности и суггестивности подтверждает рекреативную направленность продуктов видеоблогинга: идущий в ногу со временем блогер понимает, что успех его интеракций с адресатом обеспечивается способностью доставить адресату удовольствие от общения.

Выводы. В номинации сетевых каналов, представляющих кулинарный сегмент на платформе Youtube, наблюдается воплощение интровертной и/или экстравертной коммуникативных стратегий блогера.

Интровертная коммуникативная стратегия проявляется в выборе персонифицированных названий, то есть названий, содержащих имя или имя и фамилию блогера, транслитерированные, трансформированные именные идентификаторы личности блогера. Использование личных имен в названии канала способствует формированию бренда медийной личности, в отдельных случаях бренда предприятия питания, кулинарной продукции, кулинарной школы.

Экстравертная коммуникативная стратегия нацелена на тематическую ориентацию адресата в сетевом коммуникативном пространстве без презентации личности блогера и воплощена в названиях, содержащих маркеры тематической специализации канала.

В названиях сетевых кулинарных каналов на платформе Youtube наблюдается также соединение интровертной и экстравертной коммуникативных стратегий: название может содержать и маркеры тематической специализации, и персонифицирующие блогера элементы.

Полагаем, что отмеченные тенденции будут наблюдаться в видеоблогинге и иной тематической принадлежности. Специальные средства усиления выразительности названий кулинарных каналов (графические, лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические) могут составить предмет отдельного исследования.

Список использованных источников

1. Комаров, Е. Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Комаров Евгений Николаевич ; Волгоградский гос. пед ун-т. – Волгоград, 2003. – 199 с.

2. Как придумать сильное название для Telegram-канала. – URL: https://www.unisender.com/ru/blog/kak-nazvat-kanal-v-telegram/ (дата обращения: 31.03.2025).

3. Как придумать название канала на Youtube. Основы нейминга видеоблогов. – URL: https://dzen.ru/a/X-rhE62xeWoIzw6a (дата обращения: 31.03.2025).

4. Это 5 лучших способов придумать название канала! – URL: https://creator-tools.com/ru/articles/perfect_channel_name (дата обращения: 31.03.2025).

5. Исаева, А. Ю. Коммуникативно-прагматические особенности газетного заголовка (на материале англоязычных интернет-изданий) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04, 10.02.20. / Исаева Анастасия Юрьевна ; Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого. – Тула, 2017. – 200 с.

6. Дрогайцева, М. А. Коммуникативная эффективность медианоминации (на материале названий региональных печатных средств массовой информации): автореф. дис. …канд. филол. наук : 10.02.19 / Дрогайцева Марина Александровна ; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2019. – 24 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

7. Варзапова, В. Ю. Заголовок современного медиатекста в аспекте межтекстовых отношений (на материале заголовков интернет-версий изданий The Telegraph и The Guardian) / В. Ю. Варзапова // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 5. – С. 115–119.
8. Орешкина, А. А. Заголовочный комплекс радиотекста : медиалингвистический и коммуникативно-прагматический аспекты : автореф. дис. …канд. филол. наук : 5.9.5 / Орешкина Анастасия Александровна ; Нац. исслед. Томский гос. ун-т. – Томск, 2024. – 23 с.
9. Миндич, В. А. Экономические аспекты формирования бренда медийной личности / В. А. Миндич, А. В. Яблонских // Journal of Monetary Economics and Management. – 2023. – No. 1. – С. 67–72. doi: 10.47576/2782-4586_2023_1_67.
10 Фатина, А. В. Функционирование заголовочных комплексов в современной российской газете: стилистико-синтаксический аспект : автореф. дис. …канд. филол. наук : 10.02.01 / Фатина Анна Валерьевна ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2005. – 24 с.
11. Банзай // Непростые слова. – URL: https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/slovar-spravochnik-neprostye-slova/banzay (дата обращения: 11.02.2025).
12. История одного Кондитера // Ряженка и Чечевица. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=afnIDYi1QH0 (дата обращения: 29.03.2025).
13. Ничипорчик, Е. В. Превью как средство привлечения внимания в интернет-коммуникации / Е. В. Ничипорчик // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : сборник науч. трудов V Междунар. науч.-практ. конф. (14–15 октября 2021 г., г. Орел, ОГУ им. И. С. Тургенева). – Орел, ОГУ им. И. С. Тургенева, изд-во «Картуш», 2021. – С. 476–486.
14. Frischmann R.M., Online Personal Brand. Skill Set, Aura, and Identity // CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. – 170 p.

УДК 81'42

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Т. Н. Савчук,
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: savtchouktn@bsu.by

Характеризуются проблемы письменной коммуникации в сфере гуманитарных наук с точки зрения экологии языка. Внимание фокусируется на неэкологичных речевых действиях, совершаемых вследствие неразличения границ мыслительных категорий разных уровней. Раскрывается специфика экологического подхода к анализу научно-гуманитарной языковой практики, приоритет которого – сохранение жизнеспособности коммуникативной (социокультурной) экомикросистемы как «среды обитания» языковой личности. Возможность оздоровления гуманитарной языковой среды связывается с реабилитацией и культивированием мышления.

Ключевые слова: научная коммуникация, гуманитарный дискурс, экология языка, эколингвистика, языковая среда, практика мышления.

PROBLEMS OF HUMANITIES SCIENCE COMMUNICATION FROM THE POINT OF VIEW OF LANGUAGE ECOLOGY

T. N. Savtchouk,
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied Linguistics
of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: savtchouktn@bsu.by

The article characterizes the problems of written communication in the humanities from the point of view of language ecology. The attention is focused on non-ecological speech actions, which are

МГУ им. А.А. Шамякина

performed due to the failure to distinguish the boundaries of thought categories of different levels. The specificity of the ecological approach to the analysis of scientific and humanitarian language practice is revealed, the priority of which is to preserve the viability of the communicative (socio-cultural) ecological microsystem as the "habitat" of the linguistic personality. The possibility of improving the humanitarian language environment is associated with the rehabilitation and cultivation of thinking.

Keywords: scientific communication, humanitarian discourse, language ecology, ecological linguistics, language environment, thinking practice.

Введение. Коммуникация служит предпосылкой и одновременно способом функционирования науки как особой институциональной и культурной практики. Благодаря языковому взаимодействию ученых обеспечивается их кооперация, что способствует решению совместных исследовательских задач. Речевая коммуникация, как и любая деятельность, имеет нормативное измерение и может оцениваться с разных сторон.

С точки зрения современной лингвистической методологии, наибольшую продуктивность в оценке таких сложных объектов, как коммуникация, демонстрируют междисциплинарные подходы, основанные на объединении языкознания со смежными науками. В последние десятилетия все более популярным становится интеллектуальное направление, образованное на стыке лингвистики и экологии. При отсутствии единого терминообозначения («экология языка», «экологическая лингвистика», «лингвистическая экология» [1; 2]) данное научное направление характеризуется единством понимания языка как естественной («био-социо-культурной») среды обитания человека [3, с. 306]. Языковая (точнее, коммуникативная) среда подлежит контролю: «необходимо отслеживать опасные симптомы деградации языка… а затем искать механизмы реабилитации» [4, с. 40]. Объединением этих стратегических задач определяются границы проблемного поля эколингвистики: от «изучения факторов, негативно влияющих на развитие языка», до «изучения путей и способов обогащения языка и совершенствования социальной практики общения на данном языке» [1, с. 293]. В рамках этой проблематики актуально рассмотрение различных видов «эколингвистических микросистем».

Цель и задачи. Цель данного исследования – охарактеризовать проблемы коммуникации в сфере гуманитарных наук с точки зрения экологии языка. Это означает – выявить факторы негативного влияния на гуманитарную коммуникативную среду и определить способы ее «оздоровления», а также раскрыть специфику экологического подхода к анализу научно-гуманитарной языковой практики.

Методы и материал исследования. Дескриптивно-нормативный аналитический подход реализуется посредством следующих исследовательских методов: лингвистического описания, синонимических трансформаций, анализа словарных дефиниций, логической реконструкции, контекстуального анализа.

Материал исследования отобран методом случайной выборки из обширного корпуса русскоязычных научных статей, опубликованных в рецензируемых журналах гуманитарного профиля за 2001–2024 гг.

Результаты и их обсуждение. Всякая сфера языковой социальной практики, как особая «экологическая микросистема», имеет свои проблемные участки. Гуманитарная научная коммуникация не исключение. Несовершенство языковых отношений в дискурсе гуманитарных наук все чаще констатируется в лингвистических исследованиях (преимущественно зарубежных) [1–9].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Характеризуя негативные явления в гуманитаристике, специалисты связывают их с намерением «затемнить речь», придать ей «глубокомысленный характер» и реализовать таким образом «манипулятивную тактику искусственной книжности» [5, с. 44], с «имитационностью», «деинтеллектуализацией» научной речевой деятельности [6, с. 133–140], с «дисфункцией научного дискурса», его «обессмысливанием» [7, с. 5]. Все эти оценки фиксируют разнородные симптомы эколингвистических проблем (хотя при этом применяются неспециализированные метаязыки).

Попытка осмысления и интерпретации речевого поведения гуманитариев в эколингвистической перспективе предпринята автором в [8; 9]. Мы полагаем, что гармоничное (устойчивое, сбалансированное) функционирование научной языковой экосистемы возможно только при условии соблюдения «принципа экологичности». Данный принцип предусматривает, прежде всего, чистоту каналов связи, т. е. адекватную корреляцию между ментальными и речевыми структурами в процессе взаимодействия языковых личностей. Следствием нарушения этого требования выступает комплекс проблем, объединяемых номинацией «разобщенность языкового знака и смысла». К типичным проблемам такого рода мы относим семантическую деформацию, категориальный сдвиг, семантический сбой, референциальную неопределенность, использование фиктивных вербализаторов, семантико-прагматический диссонанс и др.

Дальнейшее исследование позволило дополнить этот перечень неэкологичных речевых действий, причислив к ним «неуместную самопрезентацию» – использование создателем текста специальных коммуникативных приемов, предназначенных не столько для пояснения научной идеи, сколько для демонстрации своей «учености». Кроме стандартного «злоупотребления модными научными идиомами» [7, с. 17], мы выделяем здесь «немотивированное употребление терминологических варваризмов» [9, с. 15–16]. Подобные «игры в метаязык» – использование атрибутов научной речи без предъявления собственно предмета исследования – устойчиво ассоциируются с манипуляциями, выявление которых имеет давнюю историю (уместно вспомнить, например, концепцию Дж. Локка «О злоупотреблении словами»).

Еще одним результатом нашего «погружения в тему» стало понимание того, что проблемы экологии языка гуманитарных наук не ограничиваются девиациями, касающимися поверхностных текстовых структур. Целесообразно обособить группу проблем, связанных с качеством глубинных – мыслительных – структур и соответствующих действий, производимых субъектами дискурса. Суть такого рода проблем отражает термин «неразличение границ мыслительных категорий» (он мотивирован фундаментальной философской предпосылкой: «мышление начинается с различения»). «Отсутствие границ» означает «континуальность мышления / сознания» и ассоциируется с неэкологичными языковыми (речемыслительными) процессами, негативная оценка которых закреплена в соответствующих предикатах: *неопределенность, неточность, неясность, смешение, заблуждение, запутанность, аморфность* и под.

Континуальность может затрагивать разные уровни системы мышления. Так, неспособность разграничить понятия (простейшие мыслительные формы) влечет за собой неадекватное оперирование ими. Ошибки в логических операциях определения, деления, обобщения, ограничения представлены в гуманитарных текстах многочисленными примерами. В частности, игнорирование правил

МГПУ им. И.П. Шамякина

дефиниции, призванной раскрывать содержание понятий / имен, дает противоположный эффект – затемнение смысла (в радикальных случаях – невозможность его «извлечения»): (1) *Понимание сложной природы ПД* [переводческого дискурса]*… приводят исследователей к трактовке ПД как метадискурсивной переводческой эпистемы, как сложного эпистемического конструкта, формирующего многогранный переводческий ландшафт […]* (ВВГУ, с. 7).

Свидетельством нарушения базовых логических правил выступает объединение в один ряд разрозненных понятий: (2) *В свою очередь, на бессознательное воздействуют внушение, эмпатия, эвфемизмы, лингвистические и невербальные средства, гедонистический и мифологический тексты* (ЖБГУ, с. 54); произвольность в установлении отношений между понятиями / терминами: (3) *Семантическое противоречие заключается в том, что один из смыслов противодействует другому, но, несмотря на их взаимоисключающий характер, смыслы все же сочетаются друг с другом в единой системной организации. <…> Иначе, противоречие заключается в противоположности возможного, нереализованного следствия из исходного данного тому реальному содержанию, которое сочетается с данным вопреки ему на основе уступительных отношений* (ФН, с. 49).

Негативный эффект такого рода некорректного поведения усугубляется «игрой в метаязык»: (4)*…персуазивность как мощный инструмент эмоционального и экспрессивного воздействия, охватывающий ментально-операционный аппарат перцепции информационных потоков* (ЖБГУ, с. 56); (5) *…изменения… проявляются в новых аспектах их материальной реализации категориальных и речеактовых свойств, дополнительных нюансах их манифестации (например, в плюрализации способов актуализации категории авторизации [8])* (ВПГУ, с. 88), а также стремлением к «красивости» формы за счет осмысленности языкового действия: (6) *…читательский интерес закрепляется на тех источниках, которые на фоне низкокачественных, гедонистически-ориентированных плевел предстают сбалансированными зернами* (ЖБГУ, с. 55).

В научном дискурсе «невидение» границ между простейшими формами мышления (подмена понятий, их смешение) тем более опасно, что создает ущербные основания для более сложных мыслительных (и речевых) форм: (7) *Аксиологический аспект научного текста… базируется на двух типах оценок – **рациональной**, или **когнитивной**, и эмотивной. В основе когнитивной оценки лежит логическое начало, выражающее интеллектуальное отношение автора... Применительно к научной коммуникации **ценностное** отождествляется с **истинным**…* (ЖР, с. 59). В (7) имеет место ошибочное определение смыслового значения выделенных понятий (как следствие – неправомерное их отождествление), в результате чего формируется недостоверное знание.

Неразличение границ суждений чревато неспособностью адекватно установить логические отношения между ними: (8) *…если изначально подчеркивалось… что **главными признаками научного дискурса считаются ясность, четкость и логичность изложения**… то в настоящее время исследователи сходятся во мнении о том, что **научный дискурс может иметь и эмоционально-экспрессивную окраску*** (ВПГУ, с. 87) – противопоставление выделенных простых высказываний несостоятельно: они не отрицают (не исключают) друг друга.

МГПУ им. И.П. Шамякина

В гуманитарной практике смешиваются описательные и оценочные суждения, ментальные структуры знания и мнения: (9) ***Понятно, что*** *ведущими стратегиями научного дискурса… являются стратегии убеждения и доказательства, которые реализуются посредством комплекса информативно-аргументативных тактик…* (ВПГУ, с. 88) – оператор эпистемической модальности не позволяет скрыть от специалиста-аналитика попытку автора текста подменить экспертное знание мнением, нуждающемся в обосновании (см. [10, с. 165–168; 214–215]).

Континуальность сознания на уровне умозаключений проявляется в неправильном устанавлении границ между частями рассуждения, что объяснется ошибками в определении логических связей (конъюнктивных, дизъюнктивных, импликативных и др.): (10) ***Представляется очевидным****, что наличие именно этих проблем* ***обусловлено*** *необходимостью формирования специальных компетенций в области научной коммуникации на всех ступенях обучения* (ИРГПУ, с. 6). В (10) перепутаны основание и следствие импликативного вывода; алетический модальный оператор при этом лишь усугубляет ситуацию, вводя читателя в заблуждение.

Еще один показатель эколингвистических проблем гуманитаристики, вызванных континуальностью мышления, – отсутствие границ между своими и чужими идеями. Искаженные ссылки на источники, ложные ссылки, отсутствие кавычек при прямом цитировании, вольная интерпретация цитируемых высказываний – все эти недобросовестные действия, увы, имеют массовый характер: (11) *Что касается выражения недостоверности, то оно присутствует в обязательном порядке, а его эксплицитными показателями, по предположению Е. Е. Долбик, выступают: вводные слова со значением неуверенности…* (ЖБГУ, с. 53) – рассуждение алогично (двусмысленно); (12) *Итак, «научная информация нуждается в особом структурировании и соблюдении правил кодирования информации в текст. Соответственно, научная статья представляет собой моделированный текст» […]* (ЖР, с. 58) – из нормативного суждения неправомерно выводится дескриптивное. В ситуациях, подобных (11) и (12) (см. также (1) и (5)), авторы снимают с себя ответственность за некорректные речевымыслительные действия и перекладывают ее на цитируемых лиц (заметим, что в обоих случаях правила цитирования нарушаются). Авторитетные же лица, в силу специфики письменной коммуникации, не имеют возможности такие действия дезавуировать.

О неопределенности мышления на текстовом уровне свидетельствует тотальная алогичность речи: разрушение связности, компиляция разрозненных фрагментов, эклектичность. Эти признаки характерны для «дефектных» текстов, примеры которых в гуманитарной научной коммуникации не единичны (см. [10, с. 194–209]).

Все охарактеризованные выше проблемы имеют эколингвистическую природу. Специфика экологического рассмотрения такого рода проблемных языковых ситуаций проявляется в сопоставлении с привычным – стилистическим / культурноречевым подходом. В отличие от стилистики, которая фокусирует внимание на «идеальной норме», на создании «элитарного» / «эталонного» научного текста, на точности и логичности как атрибутах «хорошей» («культурной») речи, соответствующей «сфере науки» [11], и стремится «предостеречь говорящего от неуместного речевого поведения» [4, с. 37],

МГПУ им. И.П. Шамякина

эколингвистика заботится не о «сохранении лица» языковой личности, а о жизнеспособности коммуникативной среды, за пределами которой существование языковых личностей невозможно. Обратим внимание, что в этом плане экологический подход к дискурсивной практике близкок аргументологическому (см. в частности нормативную модель аргументации, обоснованную в рамках конвергентной концепции [10, с. 187–220]).

Выводы. Глубинным источником проблем гуманитарной научной коммуникации, фиксируемых с точки зрения экологии языка, выступает деградация практики мышления. Неразличение границ мыслительных форм затрудняет / блокирует коммуникативные связи внутри экосистемы.

Уровень опасности неэкологичных языковых действий в письменном дискурсе гуманитарных наук зависит от их характера и объема. Мелкие преграды преодолеваются (локальные «засоренные» участки текста обходятся читателем, особенно если они не влияют на общее понимание содержания). Превышение условно допустимого «порога неэкологичности» (глобальное загрязнение дискурса) образует «зоны отчуждения» – рассуждения / тексты-симулякры.

Естественно ожидать, что при характерном для современной «научной индустрии» (инерционном) возрастании темпа и объема производства научной продукции масштаб эколингвистических проблем не уменьшится. Учитывая, что язык неотделим от мышления и существует благодаря мышлению, единственным способом оздоровления гуманитарной языковой среды представляется реабилитация и культивирование мышления. А это, в свою очередь, возможно лишь при наличии благоприятного социально-культурного контекста.

Список сокращений

ИРГПУ – Беляева, Л. Н. Научная статья как объект экспертной оценки / Л. Н. Беляева, Н. Л. Шубина // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им.А. И. Герцена. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». – 2014. – № 172. – С. 5–12.

ЖБГУ – Рыбка, К. В. Персуазивность как базовый элемент дискурса СМИ / К. В. Рыбка // Журн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. – 2021. – № 2. – С. 51–57.

ЖР – Чернявская, В. Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) / В. Е. Чернявская // Жанры речи. – 2016. – № 1 (13). – С. 56–64.

ВВГУ – Новикова, Э. Ю. Переводческий дискурс 4.0: Разнообразие форматов, жанров и трендов / Э. Ю. Новикова, А. П. Наумова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. –2021. – Т. 20. – № 3. – С. 5–17.

ВПГУ – Чалова, О. Н. Актуальное состояние жанровой системы научной коммуникации в поле институционального дискурса / О. Н. Чалова // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитар. науки. Языкознание. – 2020. – № 2. – С. 86–89.

ФН – Миргородская, В. В. О содержании и средствах выражения уступительных отношений в системе ССЦ / В. В. Миргородская // Филол. науки. – 2003. – № 3. – С. 49–55.

Список использованных источников

1. Сковородников, А. П. Лингвистическая экология, или лингвоэкология / А. П. Сковородников // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник ; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. – М. : Флинта: Наука, 2007. – С. 293−296.

2. Сковородников, А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. − 2013. − № 1. − С. 205−233.

3. Кравченко, А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания / А. В. Кравченко. – М. : ЯСК: Рус. памятники Древней Руси, 2013. – 387 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

4. Хазагеров, Г. Г. Риторика vs. стилистика: семиотический и институциональный аспекты / Г. Г. Хазагеров // Социологический журнал. − 2008. − № 3. − С. 30–44.

5. Москвин, В. П. Категория неясности: таксономия и лингвокреативный потенциал / В. П. Москвин // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2022. – № 77. – С. 32–65.

6. Брусенская, Л. А. Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2019. – Вып. 23. – № 1. – С. 131–148.

7. Хазагеров, Г. Г. Обессмысливание научного дискурса как объективный процесс / Г. Г. Хазагеров // Социологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 5–21.

8. Савчук, Т. Н. Разобщенность языкового знака и смысла как эколингвистическая проблема / Т. Н. Савчук // Текст. Язык. Человек : сборник науч. трудов / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол. : С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2023. – С. 230–237.

9. Саўчук, Т. М. Экалінгвістычныя праблемы пісьмовай камунікацыі ў сферы гуманітарных навук / Т. М. Саўчук // Беларуская лінгвістыка. – 2024. – Вып. 92. – С. 10–20.

10. Савчук, Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе / Т. Н. Савчук. – Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. – 279 с.

11. Кириллова, И. А. Сфера науки / И. А. Кириллова // Хорошая речь / О. Б. Сиротинина [и др.] ; под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – М. : Либроком, 2015. – С. 69–84.

УДК 81'42

СТРАТЕГИИ САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЯ В ДИАЛОГЕ ПОКОЛЕНИЙ

Е. Ю. Садовская,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры бизнес-администрирования
Института бизнеса Белорусского государственного университета
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: sadovskaya@sbmt.by

Статья обращена к изучению стратегий самопрезентации поколенческих когорт в дискурсе поколений. В самопрезентации поколения-адресанта преобладают такие стратегии, как стратегия ретроспективных референций, стратегия самопрезентации посредством демонстрации когнитивных и эмоциональных компетенций, стратегия самораскрытия личной информации, стратегия нарративизации становления. Выбор стратегии обуславливается вариативностью коммуникативных ситуаций, наличием жизненного опыта, полученным образованием и устоявшейся системой ценностей.

Ключевые слова: стратегия, поколение, дискурс, самопредъявление, вербализация.

STRATEGIES OF SELF-PRESENTATION IN INTERGENERATIONAL DIALOGUE

J. Y. Sadovskaya,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of Department
of Business Administration of School of Business of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: sadovskaya@sbmt.by

The article deals with the strategies of self-representation of generational cohorts within intergenerational dialogue. The self-representation of the addressing generation is dominated by the use of such strategies as the strategy of retrospective referencing, the strategy of self-representation through the demonstration of cognitive and emotional competencies, the strategy of self-disclosure of personal

МГПУ им. И.П. Шамякина

information, and the strategy of narrativization of development. The choice of the strategy is determined by the variability of communicative contexts, the accumulated life experience, educational background, and the established system of values.
Keywords: strategy, generation, discourse, self-presentation, verbalization.

Введение. В современных условиях постоянного воздействия огромных информационных потоков индивиду и социальным группам становится все более сложно заявлять о своем существовании («предъявлять себя») и позиционировать себя в социуме, поэтому приходится использовать широкий арсенал различных коммуникативных стратегий и тактик, которые варьируются в зависимости от целого ряда факторов, среди которых выделяются возраст, пол, статус и другие. Поколенческая принадлежность, являясь одной из био-социо характеристик человека, наравне с полом, возрастом, профессией детерминирует процесс взаимодействия человека с окружающим миром, а также выбираемые им коммуникативные стратегии и тактики. Представляется целесообразным рассмотреть, как поколения самопредъявляют себя в общении с социумом.

Цели и задачи. Данная статья ставит своей целью обращение к стратегиям поколенческой самопрезентации в процессе коммуникации. Подобная цель предполагает выявление видов стратегий, используемых представителями разных поколений в процессе взаимодействия, а также определение факторов, детерминирующих их использование в поколенческом диалогическом общении.

Методы и материал исследования. Изучение каких-либо коммуникативных стратегий производится посредством анализа устных и/или письменных текстов. При проведении анализа в рамках данной статьи в качестве материалы для анализа были отобраны речевые фрагменты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Дискурсивный анализ направлен на выявление коммуникативных стратегий, прагматический анализ помогает определять намерения коммуникантов, контекстуальный и лексический анализ вкупе со сравнительным анализом способствуют более точной идентификации используемых коммуникантами стратегий самопредъявления в контексте поколенческой соотнесенности.

Результаты и их обсуждение. Принадлежность к определенному поколению подразумевает наличие ряда характеристик и черт, отличающих одно поколение от другого. Представители старших поколений (бэби-бумеры, поколение X) отличаются от поколения миллениалов и зумеров своим мировоззрением, накопленным опытом, устойчивой системой ценностей и, соответственно, реализуемой речевой деятельности. По мнению И. П. Тарасовой, сам «характер речевой деятельности индивида во многом определяется социальной структурой общества и положением индивида в этой структуре» [6, с. 97]. Более того, выбор стратегии важен, так как «межличностное восприятие составляет основу межличностного взаимодействия» [5, с. 11]. Е. С. Сухих полагает, что «особенности категоризации, восприятия и оценивания людьми друг друга оказывают влияние на характер коммуникативного поведения субъекта. Межличностное восприятие составляет основу межличностного взаимодействия. Результатом социальной перцепции является субъективный образ партнера или себя самого. Содержательные аспекты субъективного образа (например, его позитивность / негативность) обычно связаны с социальной желательностью, социальными установками» [5, с. 11] Самопрезентация, по мнению А. В. Ленец и

МГПУ им. И.П. Шамякина

Д. С. Сергеевой, «оценивается учёными в целом как положительная стратегия, используемая коммуникантами при создании собственного положительного имиджа и впечатления о себе, которые демонстрируются окружающим» [2].

Анализ фрагментов, представленных в Национальном корпусе русского языка, предоставляет доступ к палитре используемых стратегий. Обращение к базе из 205 примеров, выбранных для анализа по наличию в них идентифицирующего словосочетания «мое поколение», позволило выявить следующие стратегии: стратегию ретроспективных референций, стратегию самопрезентации через демонстрацию опыта, умений, знаний, стратегию конструирования характера [1] и некоторые иные. Очевидно, что частота использования той или иной стратегии вариабельна и может различаться: она зависит, в частности, от коммуникативной цели, контекста, социально-демографических характеристик поколения-адресанта и т. п. Как правило, «целью разработки стратегии общения с некоторым лицом может являться завоевание авторитета, воздействие на мировоззрение, убеждение совершить некоторый поступок, пойти на сотрудничество, воздержаться от каких-либо действий» [6, с. 91].

Стратегию, которая широко используется в поколенческом диалоге, мы обозначили как стратегию ретроспективных референций. Данная стратегия позволяет эксплицировать презентацию поколения через обращение к прошлому: *«Какой она стала новой, Москва, – взволнованно произносит седовласый очевидец Октябрьской революции. Потом, все еще улыбаясь, опускается в кресло, возвращается к давно минувшим дням. Чувствуется, что картины прошлого, которые даже* ***мое поколение советских людей*** *воспринимает уже как историю, вырисовываются перед ним так же четко, как вот эта залитая солнцем московская площадь, памятник поэту, играющие возле него дети»* [Б. Н. Полевой. Силуэты. Новеллы (1974)]. При подобном формате идентификации поколения людям, жившим в тот период, а также тем, кто тогда или сейчас изучал и знает историю (определенный исторический период), достаточно легко представить себе образ поколений, выросших в СССР.

Следующая стратегия самопрезентации, выявленная в исследуемом материале, используется преимущественно представителями старших поколений и базируется на стратегии предъявления размышлений об условиях жизни, исторических событиях и предназначении поколений, может быть идентифицирована как стратегия демонстрации когнитивных и эмоциональных компетенций: *«****Мое поколение****, честно сделавшее научную карьеру в СССР, продолжает, стиснув зубы, трудиться на научной ниве, ибо это единственное что у них осталось в жизни. Они верны своей родине и преданы своей науке. Пока это поколение не ушло из жизни, оно будет работать для науки, сознавая, что делает великое дело для Родины* [В. В. Шелохаев. Дневник (2011)] *или «****Мое поколение*** *писателей – до последнего дыхания преданных партии — привело советский народ к непосредственному счастью! – объяснял Вл. Бахметьев Бахметьеву К. Н., придыхая и прикрывая глаза. К счастью, без которого человечество страдало многие тысячелетия! Ну а вам, поколениям, следующим в нашем фарватере, только и оставалось, что протянуть руки и взять почти полностью готовое счастье. Вы – протянули?* [Сергей Залыгин. Однофамильцы // «Новый мир», 1995]. При выборе данных стратегий авторы прибегают к использованию целого ряда языковых средств, включая риторические вопросы,

МГПУ им. И.П. Шамякина

лозунги в виде восклицательных предложений, гиперболы, метафоры, а также эмоционально окрашенную лексику. Это подтверждает вывод Е. С. Пак о том, что для русских людей «характерно очень высокое осмысление действительности» [4].

В качестве образца использовании стратегии нарратизации становления поколения может служить следующий пример: *«**Мое поколение, мужавшее между двумя мировыми войнами,** не очень-то рассчитывало на невероятные технические диковинки. Нам казалось, что все уже изобретено до нас. Чего еще было ждать после появления радио, электричества, кинематографа, автомобиля, трамвая?.. Космические путешествия, полеты к другим планетам – все это маячило где-то там, в третьем тысячелетии»* [Звездные мосты через реку времени // «Техника – молодежи», 1974]. Упоминание войн как самых тяжелых испытаний в жизни любой социальной группы, причастие «мужавшее» как описывающее процесс взросления и обретения опыта в сложных условиях позволяют сформировать мнение о характере описываемого поколения.

Стратегия самопрезентации может концентрироваться на раскрытии какой-либо личной информации, позволяющих адресату / читателю учитывать особенности взаимодействия с представителем определенной поколенческой когорты: *«Вот **ваше поколение, люди 60-х**, оно еще как-то сохранилось для теперешнего времени. Смотрите: Олег Ефремов – он будто законсервировался со времен «Назначения» – со своим идеализмом, верой, наивностью, как хотите это называйте – и вот дождался своего часа. Ему и «перестраиваться» не надо!… А **мое поколение**, – продолжает Миша, – **поколение 40–50-летних**, оказалось разрушенным и сегодня, приходя к власти, не приносит никаких новых идей…»* [А. Б. Гребнев. Дневник (1986)] Члены социума обладают знанием и пониманием того, каковыми являются коммуниканты, относящиеся к определенной возрастной группе.

При анализе текстовых фрагментов следует учитывать, что выбор стратегии самопредъявления в диалоге поколений помимо цели взаимодействия и непосредственного контекста ситуации может также определяться и иными факторами и характеристиками. Можно предположить, что стратегия ретроспективных референций и стратегия нарратизации становления более свойственна старшим поколениям, у которых за плечами прожитая жизнь, значительный накопленный опыт, череда исторических событий, свидетелем которых было поколение; в то же время молодые поколения могут в большей степени быть ориентированы на использование стратегии демонстрации когнитивных (умелое использование новейших цифровых технологий) и эмоциональных компетенций и представление личных данных.

На спектр выявленных стратегий в данной статье могла повлиять базовая выборка, взятая для анализа, как содержащая превосходящее количество фрагментов, относящихся к XX веку. Выбранные отрывки написаны премущественно в XX веке, обращены главным образом к прошлому, написаны людьми более старшего возраста, относящихся к старшим поколениям.

Выводы. Проведенный анализ позволил выявить ряд стратегий самопредъявления в диалоге поколений (200+ фрагментов в Национальном корпусе русского языка). К ним относятся стратегия ретроспективных референций, стратегия демонстрации когнитивных и эмоциональных компетенций, стратегия

МГПУ им. И.Г. Шамякина

самораскрытия личных данных и стратегия нарративизации становления. На выбор стратегии влияют коммуникативный контекст, наличие жизненного опыта, система ценностей, а также иные социально-демографические факторы. Анализ более обширных объема данных может позволить выявить большее количество стратегий и дифференцировать их в зависимости от принадлежности в хронологической поколенческой иерархии.

Список использованных источников

1. Белова, К. А. Факторы успешной самопрезентации в интернет-коммуникации / К. А. Белова // Коммуникативные стратегии: тезисы IX Междунар. науч. конф., Минск, 23 нояб. 2017 г. / редкол. : Т. В. Поплавская (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 14–17.

2. Ленец, А. В. Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на материале предвыборных твитов Д. Трампа) / А. В. Ленец, Д. С. Сергеева // Вестн. Том. гос. ун-та. – Филология. – 2018. – № 52. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-manifestatsiya-kommunikativnoy-strategii-diskreditatsii-kak-sposoba-konstruirovaniya-imidzha-politika-v-virtualnom (дата обращения: 08.02.2023).

3. Национальный корпус русского языка. – URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 01.04.2025).

4. Пак, Е. С. Сравнительно-культурный анализ системы основных ценностей русских и испанцев / Е. С. Пак // Вестник славянских культур. – 2008. – № 3–4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-kulturnyy-analiz-sistemy-osnovnyh-tsennostey-russkih-i-ispantsev (дата обращения: 25.04.2023).

5. Сухих, Е. С. Социально-перцептивный стиль и диспозии личности как факторы толерантности : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / Сухих Екатерина Станиславовна ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 24 с.

6. Тарасова, И. П. Концептуальные основы исследования общения : монография / И. П. Тарасова ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, Отд. прикл. лингвистики. – М., 1990. – 117 с.

УДК 81'38:004.738.5

ЮМОР В КУЛИНАРНОМ ОБЗОРЕ

Д. С. Семак,
аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: darja.semak@yandex.by

Статья посвящена анализу юмористических приёмов в кулинарных обзорах, размещенных на платформе YouTube. Рассматриваются ключевые комедийные техники (гипербола, сарказм, самоирония и др.), их роль в удержании внимания аудитории и формировании уникального стиля блогеров. На примере популярных видеоблогов (Катя Бельчик, Оля Сорока, «Покашеварим», «Самый сахар») демонстрируется, как юмор трансформирует стандартный обзор еды в развлекательное шоу. Особое внимание уделяется взаимодействию между блогером и пользователем сети через комментарии и мемы.

Ключевые слова: кулинарный обзор, YouTube, юмор в видеоблогинге, комедийные приёмы, вовлечение аудитории.

МГПУ им. И.П. Шамякина

HUMOR IN CULINARY REVIEWS

D. S. Semak,
Postgraduate Student, Department of Russian, General and Slavic Linguistics,
Francisk Skorina Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: darja.semak@yandex.by

The article analyzes humorous techniques in culinary reviews on YouTube. It explores key comedic devices (hyperbole, sarcasm, self-irony, etc.), their role in retaining audience attention, and shaping bloggers' unique styles. Using popular video blogs as examples (Katya Belchik, Olya Soroka, *Pokashevarim*, *Samyy Sakhar*), the study demonstrates how humor transforms a standard food review into an entertaining show. Special attention is given to the interaction between bloggers and users through comments and memes. The abstract follows a structured format, reflecting the article's organization (introduction, objectives, methodology, results, discussion, conclusions).

Keywords: culinary review, YouTube, humor in vlogging, comedy techniques, audience engagement.

Введение. Современный видеоблогинг, особенно в нише кулинарных обзоров, давно вышел за рамки простой демонстрации блюд. Сегодня это сложный синтез информативности и развлекательности, где юмор играет ключевую роль.

Переход к сетевой структуре общества, описанный Мануэлем Кастельсом, коренным образом изменил способы создания и распространения контента. Кастельс подчёркивает, что глобальные сети производства и коммуникации формируют культуру «виртуальности», где информация становится ключевым ресурсом, а взаимодействие приобретает децентрализованный характер [1, с. 37]. Эти принципы находят отражение в видеоблогинге, где контент существует в условиях постоянной трансформации. Например, кулинарные обзоры на YouTube эволюционировали от инструктивных роликов к развлекательным шоу, где юмор служит инструментом удержания внимания.

Как отмечает Жиль Липовецки, в эпоху цифровых медиа «серьёзное отношение противоречит мейнстриму всеобщего веселья». В постмодернистском обществе серьёзность становится маргинальной, а главной ценностью оказывается легковесное веселье, ирония и игра. Серьёзные высказывания воспринимаются как нарушение «правил» всеобщего развлечения [2, с. 43]. Это особенно актуально для платформы YouTube, где успех контента зависит от способности автора кулинарного канала удерживать внимание через комедийные элементы.

В условиях информационной перегрузки юмор становится стратегией выживания контента. По данным исследования Pew Research Center (2023), 68 % пользователей YouTube предпочитают видео с элементами развлечения, а не строго информативные [3]. Это согласуется с теорией Николаса Кристакиса, который утверждает, что в сетевых сообществах эмоциональный резонанс (включая смех) усиливает виральность контента [4, с. 5].

Платформы типа YouTube используют алгоритмы, продвигающие эмоционально «заряженный» контент. Исследование LIST и USC Annenberg School for Communication and Journalism (США, 2017) показывает, что контент с юмором вызывает на 19.7 % больше вовлечённости (лайки, комментарии, репосты), чем без комической составляющей (средний показатель: 587.3 vs. 490.6) [5, с. 9]. Это заставляет блогеров интегрировать комедийные элементы даже в образовательные форматы. Например, канал «Простая наука» объясняет химические процессы через

МГПУ им. И.П. Шамякина

кулинарные эксперименты с шуточными сравнениями (*Сахарная карамелизация – это как превращение Золушки в принцессу, но в кастрюле*).

Актуальность исследования обусловлена ростом конкуренции среди фуд-блогеров и необходимостью изучения эффективных стратегий вовлечения интернет-аудитории.

Целью данной статьи является анализ юмористических приёмов, используемых в кулинарных обзорах, и их влияния на взаимодействие с аудиторией. В рамках работы предполагается решить следующие **задачи**:

1. **Систематизировать основные комедийные техники**, применяемые авторами кулинарных обзоров, включая гиперболу, сарказм, самоиронию и абсурдизацию.

2. **Оценить прагматический эффект юмора** – его способность удерживать внимание, повышать вовлечённость и способствовать виральному распространению контента.

3. **Изучить роль обратной связи аудитории** (комментарии, мемы, репосты) в трансформации исходного обзора в коллективный метатекст, где первоначальный замысел создателя кулинарного контента дополняется и переосмысляется пользователями сети.

Таким образом, работа позволит не только выявить ключевые юмористические стратегии в фуд-обзорах, но и определить их значение для современной цифровой коммуникации.

В качестве **методологической основы** исследования были использованы два взаимодополняющих подхода:

1) контент-анализ видеоматериалов. Была проанализирована выборка из более чем 70 видеороликов, опубликованных в период с 2022 по 2025 год на четырёх популярных русскоязычных кулинарных YouTube-каналах: Катя Бельчик, Оля Сорока, «Покашеварим» и «Самый сахар». Отбор материала проводился по критериям популярности (количество просмотров) и наличия выраженных юмористических элементов;

2) дискурс-анализ пользовательских реакций. Для исследования обратной связи аудитории был проведён анализ пользовательских комментариев, оставленных под двадцатью наиболее просматриваемыми видео из имеющейся выборки. Особое внимание уделялось выявлению паттернов взаимодействия между авторами контента и их аудиторией, а также трансформации исходного сообщения в процессе коллективного обсуждения.

Теоретической базой для исследования послужила теория сетевого общества (М. Кастельс), концепция карнавальности (М. М. Бахтин) и исследования юмора в цифровой среде (М. Р. Желтухина, Ge & Gretzel).

Юмор в кулинарных обзорах реализуется через ряд классических комедийных техник, адаптированных под специфику платформы YouTube. Разберем, какие комедийные приемы чаще всего встречаются в фуд-обзорах и как они работают.

1. Гипербола и гротеск

Анализ контента популярных фуд-блогеров (Катя Бельчик, «Покашеварим», «Самый сахар», Оля Сорока) выявил множество ярких случаев использования гиперболы и гротеска. Эти приёмы, как отмечает М. Р. Желтухина, работают на контрасте между ожидаемым и реальным, создавая комический эффект [6, с. 56].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Рассмотрим примеры использования гиперболы (преувеличения как инструмента оценки):

Это не пирожное, это орудие преступления! Я сейчас вызову полицию! (**Катя Бельчик,** об эклерах с маркетплейсов). Здесь обыгрывается разочарование от вкуса через абсурдное сравнение с уголовным деянием.

Если это шоколад, то я – Илон Маск! На Марсе больше вкуса, чем в этой плитке (**«Самый сахар»**, о подделке дубайского шоколада). Преувеличение подчёркивает разрыв между ожиданием и реальностью.

Пицца за 900 рублей – это не еда, это инвестиция в голодное будущее! (**«Покашеварим»**, о дорогой пицце). Шутка о завышенных ценах, будто пицца – это финансовый актив.

Я думала, что меня сейчас вырвет от сладкого, но нет – я герой! (**Оля Сорока**, о чересчур сладком десерте). Шутливое преувеличение, будто дегустация десертов – это подвиг.

Приведем примеры использования гротеска (доведение до абсурда):

Пахнет так, будто здесь провели вскрытие енота. Я сейчас задохнусь – и это будет вскрытие меня! (**Катя Бельчик**, о несвежем торте).

Гротескный образ усиливает отвращение, но одновременно делает его смешным.

Это не кондитерское изделие, а эксперимент по выживанию. Если съесть две плитки, можно получить звание «Героя России» за стойкость (**«Самый сахар»**, о дешёвом шоколаде).

Тесто напоминает картон, но картон хотя бы экологичный. А это – преступление против гастрономии! (**«Покашеварим»**, о пицце с доставки).

2. Ироничные отсылки и мемы

Блогеры часто вплетают в свои обзоры отсылки к поп-культуре, стримерам или вирусным мемам. Такие формулировки создают запоминающиеся образы и усиливают эмоциональную реакцию:

Этот эклер – настоящий сигма-бой среди десертов (**Катя Бельчик**).

Как говорил Жванецкий: «60 лет – это когда всё то же самое, только страх в глазах». Вот и я после этого десерта (**«Самый сахар»**).

Иногда авторы пародируют известные фразы:

Я'll be back… но только не за этим шоколадом (отсылка к фильму «Терминатор»).

3. Самоирония

Блогеры часто высмеивают себя, свои ожидания от блюд или даже собственные кулинарные неудачи, чтобы сделать контент более приближенным к реальности и, таким образом, сократить дистанцию с аудиторией. Рассмотрим некоторые примеры:

Я чувствую себя котом из мультика, который нашёл что-то подозрительное в подворотне (**Катя Бельчик** комментирует дегустацию неудачного десерта).

Я съел столько десертов, что теперь мне нужен врач, а не обзор (**Оля Сорока**, о дегустации в ресторане White Rabbit).

Этот приём соответствует теории «карнавального переворачивания норм» М.М. Бахтина [7], согласно которой смех разрушает иерархию между адресатом и адресантом.

МГПУ им. И.П. Шамякина

4. Абсурдные сравнения

Как отмечает М.Р. Желтухина, «комическое возникает на стыке неожиданного и привычного» [6, с. 48]. В случае с фуд-обзорами это сочетание знакомых продуктов с абсурдными образами («эклер – орудие преступления», «лапша – гвозди»). Приведем примеры абсурдных сравнений:

*Это не крем, это чистый сахарный сироп. Диабетики в радиусе километра уже потеряли сознание! (**Катя Бельчик**, о слишком сладком десерте).*

Этот шоколад напоминает пластилин из детского сада – только пластилин был вкуснее (**«Самый сахар»**, обзор дубайского шоколада). *Вкус как у клея ПВА, но клей хотя бы скрепляет бумагу, а этот соус разъедает мою веру в человечество (*«**Самый сахар**»*, о «фирменном» соусе).*

Пирожное настолько сухое, что его можно использовать как строительный материал (**«Покашеварим»**, о десертах с маркетплейсов). *Эти овощи настолько жёсткие, что ими можно гвозди забивать. Будьте осторожны – есть риск сломать зубы и получить инвалидность* (**«Покашеварим»**, о лапше вок).

Этот торт выглядит как облако, но на вкус – как подошва (**Оля Сорока**, десерт из ресторана White Rabbit).

5. Сарказм и критика через юмор

Негативные отзывы часто подаются в шутливой форме. Например, обзоры доставки еды от **«Покашеварим»** содержат подобные фразы:

Этот ролл такой маленький, что его можно потерять в кармане.

Катя Бельчик передает негативные эмоции с юмором следующим образом:

Этот запах… можно я закрою это, пожалуйста? Это очень плохо пахнет! (о несвежем торте).

Я надеюсь, сегодня у нас не будет плесени… Ой, а вот и плесень! (разбор коробки с пирожными).

Автор YouTube-канала **«Самый сахар»** Святослав саркастично критикует пресловутый ‘дубайский’ шоколад:

Я заплатил 5000 рублей за шоколад и получил… опыт. Опыт разочарования.

Такой подход смягчает критику и делает её более приемлемой для аудитории.

6. Неожиданные реакции и комедийные паузы

Пользователи сети любят, когда блогеры выдают спонтанные эмоции:

ОООЙ, БЛИН, ВЫ СЕРЬЁЗНО?! (реакция на слишком сладкий десерт).

Так… мне нужно минутку помолчать… и подумать о жизни (после неудачного блюда).

Иногда блогеры намеренно затягивают паузу перед дегустацией, создавая напряжение, которое разрешается смешной репликой.

Выделенные комедийные приемы порождают ответную реакцию в комментариях под видео. Это подтверждает тезис М. Кастельса о том, что сетевые сообщества, активно участвуют в создании метатекстов, далеких от первоначального замысла создателя контента [1, с. 402].

Юмор в кулинарных обзорах не ограничивается монологом блогера. Комментарии пользователей сети часто дополняют видео новыми слоями смысла. Реакция на неудачное блюдо может породить цепочку шуток в комментариях, превращая обзор в коллективное комедийное действо.

МГПУ им. И.П. Шамякина

В кулинарных блогах это проявляется через:

1) комментарии и мемы (под видео «Самый сахар» о неудачном торте пользователь сети генерирует шутку: «Этот торт – идеальный подарок для врага», а под видеороликом о ‘дубайском’ шоколаде следующая реакция: «Если это дубайский шоколад, то я – султан Брунея!»);

2) коллаборации (блогеры проводят стримы с «кулинарными баттлами», в которых аудитория YouTube-канала голосует за самый абсурдный рецепт).

Выводы. Юмор в кулинарных обзорах – это коммуникативная стратегия, сочетающая элементы классической комедии с особенностями цифрового взаимодействия. Его эффективность обусловлена способностью трансформировать рутинный процесс дегустации в развлекательное шоу.

Анализ теоретических концепций и эмпирических данных позволяет сделать следующий вывод: юмор не только увеличивает просмотры, но и создаёт устойчивую связь между автором кулинарного канала и пользователем сети.

На основе выделенных техник создания комедийного эффекта и анализа оказываемого прагматического эффекта были выделены следующие ключевые функции юмора в кулинарных обзорах:

1. Развлечение посредством превращения обзора в шоу.
2. Упрощение восприятия критики через сарказм, гиперболу и другие литературные приемы.
3. Формирование чувства принадлежности к группе («мы вместе пережили этот ужасный торт»).
4. Повышение виральности: запоминающиеся фразы часто становятся мемами, продвигая контент за пределы первоначальной аудитории.

Как показывает исследование, блогеры, успешно использующие эти приёмы, достигают более высокой вовлеченности аудитории, что подтверждается обилием реакций в виде лайков/ дизлайков, репостов, создания мемов на основе реплик блогера или комментатора, а также комментариев под видео. В будущем стоит ожидать более интенсивную интеграцию комедийных форматов (например, скетчей, челленджей, интерактива с аудиторией, сатирических «новостных» репортажей) в кулинарный контент.

Список использованных источников

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

2. Липовецки, Жиль. Эра пустоты / Жиль Липовецки ; пер. с фр. В. В. Кузнецова. – СПБ. : Изд-во «Владимир Даль», 2001. – 330 с.

3. Pew Research Center. YouTube’s Algorithm and User Engagement Patterns. – 2023. – URL: https://www.pewresearch.org/internet/youtube-engagement-2023 (дата обращения: 09.04.2025).

4. Fowler, J. H. Dynamic spread of happiness in a large social network: longitudinal analysis over 20 years in the Framingham Heart Study / J. H. FowlerN. A. Christakis // BMJ. – 2008. – Vol. 337. – P. 2338. – URL: https://www.bmj.com/content/337/bmj.a2338 (дата обращения: 09.04.2025).

5. Ge, J. The Role of Humour in Driving Customer Engagement / J. Ge, U. Gretzel // ResearchGate. – 2017. – URL: https://www.researchgate.net/publication/312046848 (дата обращения: 09.04.2025).

6. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе : монография / М. Р. Желтухина. – Волгоград : Перемена, 2000. – 210 с.

7. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М. : Художественная литература, 1986. – С. 121–290.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 808.26-541.2

НЕГАЦИЯ В АСПЕКТЕ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В. И. Сенкевич,
профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры педагогики и методик начального образования
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь
E-mail: sienkiewiczw@tut.by

Статья посвящена воплощению элиминативного смысла негации в языке обыденности. Постулируется мысль о не связанности негации с процессом речевой деятельности и ее релевантность для вербального поведения пользователей языка. Коммуникативные отношения, проявляющиеся в речевой демонстрации содержания и выражающиеся в определенных дискурсивных формах языка, противопоставляются состоянию поточного сознания, манифестирующего свой контент в дескриптивных дизайнерских решениях. Процессу речевой деятельности противопоставляется логистическое состояние вербального поведения, ориентированного на абсолютное «всё» или «ничего».

Ключевые слова: негация, смысл, воплощение, вербальное поведение, манифестация.

NEGATION IN THE ASPECT OF VERBAL BEHAVIOR

V. I. Senkevich,
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Pedagogy
and Methods of Primary Education Brest State University named after A. S. Pushkin,
Brest, Republic of Belarus
E-mail: sienkiewiczw@tut.by

The article is devoted to the embodiment of the eliminative meaning of negation in the language of everyday life. The idea of the unrelatedness of negation to the process of speech activity and its relevance to the verbal behavior of language users is postulated. Communicative relations manifested in the speech demonstration of the content expressed in certain discursive forms of language are contrasted with the state of flow consciousness, manifesting its content in descriptive design solutions. The process of speech activity is contrasted with the logistical state of verbal behavior, oriented toward absolute “everything” or “nothing.”

Keywords: negation, meaning, embodiment, verbal behavior, manifestation.

Введение. Негация обычно определяется со ссылкой на работы Г. В. Ф. Гегеля и понимается как отрицание. Словарное значение прилагательного *негативный* – ‘отрицательный’ [МАС, 2, с. 431]. Отрицание традиционно считается логическим понятием и категорией диалектического материализма, выражающей определенный тип отношений между различными положениями последовательно происходящего процесса.

Однако, думается, негация все же не является свойством, проявляющимся в отношениях наличного бытия. В силу своего феноменального статуса негация не относится к существующей материально выраженной действительности (existentia), а принадлежит сфере сущности (esentia), обнаруживающейся в разных состояниях человеческого сознания и обладающей глубоко этическим смыслом.

Цели и задачи. В статье постулируется мысль о том, что феномен негации не проявляется демонстративно, а манифестируется (обнаруживается) в ходе

МГПУ им. И.П. Шамякина

рецепции – живого непосредственного восприятия «вот»-реальности. Ставится и решается задача описания негации не как категории волеизъявительной деятельности субъектов, а в статусе логистического феномена мотивированного поведения Homo loquens (Человека говорящего).

Методы и материал исследования. В статье применяется антиномический метод – «от обратного», т. е. осуществляется познание сущности через то, что ею не является (не относится к миру явлений, не показывается и не дает себя знать). Этот феноменальный метод заимствован в лингвистику из философии познания [1] и известен своим использованием парадоксов в области традиционного ортодоксального знания (В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский и др.). «Когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и самый язык» [2, с. 185].

На пути «феноменологической редукции» (Э. Гуссерль) определяется и выносится за скобки то, что существует как данное, противопоставленное всему, что «*есть для кого*» – со всей очевидностью присутствует в восприятии и вербально манифестируется (воплощается) в слове [3, с. 15–31]. Негация «не является» выводит интенции (сущности) сознания из области существования и помещает их в свою сферу. «Говоря о Боге, мы не можем установить, чем Он является, а лишь чем Он не является» (Ф. Аквинский). Выведение познаваемого из области позитивных определений («заключение его в скобки») благоприятствует познанию всего сущностного. Возникают антиномии, включающие единицы, имеющие отношение к системе, и элементы, касающиеся гармонии: речевая деятельность (*vs* вербальное поведение), воля (*vs* свобода), акт (*vs* поступок), изменения (*vs* перемены), демонстрация (*vs* манифестация) и др.

Результаты и их обсуждение. Негация характеризует реальную ситуации, где замечается отсутствие присутствия чего-либо, нехватающего до завершенности. Если взять тьму, то очевидно, что тьма не является отрицанием света, а только его отсутствием. Ничего проявлено существующего тьма не представляет, так как оказывается релевантной только для состояния восприятия путем противопоставления ее свету. Аналогично тепло и его отсутствие – холод – доступны исключительно в ходе чувственного восприятии. Человеку тепло или холодно, однако в действительности таких состояний не существует. Это феномены – «несуществующие сущности» (Э. Гуссерль) осознанного либо неосознанного живого восприятия.

Состояние отсутствия чего-либо не указывается знаком, а отмечается, декриптивно фиксируясь в обыденном языке словом *«ничто»*. «Ничтойностью» характеризуется непроявленное состояние, называемое небытием. Парадоксально оказывается, что в этом негативном (непроявленном) состоянии ничего не бывает и не может быть, однако *есть*. «Уверение, что кто-то или что-то е с т ь, относится к сущности лица или вещи, а не к его (ее) видимому существованию» [4, с. 50].

Уму непостижимо и кажется абсолютно нелогичным ирациональное высказывание «Не существует, однако есть». Однако, у Ф. Достоевского читаем: – *Стало быть, тот бог есть же, по-вашему? –* ***Его нет, но он есть****. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти* (Ф. М. Достоевский «Старцы»). Сущность не бывает – небывалое, и не может быть – невозможное, однако вечно есть: «...to wieczne JEST, co ani było, ani będzie, ani może być, nie podległe wolnym wyborom, nie odstępne od najlepszości, nie ludzko koniecznie» [5, с. 3].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Парадоксально оказывается, что если что-то фактически (как данное) вообще не существует – не имеется в наличии («в помине»), то из этого не следует, что его нет «для кого»; *…będąć, już nie jesteś* (E. Cioran). Есть только то, чего не бывает и что не может быть бывшим. Это уже сфера допредикативной достоверности и уверенности, не имеющая ничего общего с аналитикой общего и иститутом твердого убеждения: *– А что, паны? – сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. –* ***Есть*** *еще порох в пороховницах? Не ослабела ли еще козацкая сила? Не гнутся ли козаки? –* ***Есть*** *еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутся козаки!* (Н. Гоголь «Тарас Бульба»).

Сфера небытия выступает решающим и кардинальным условием манифестации самой важной для человека «вот»-реальности. В этой сфере ничего не формируется и не оформляется, однако все становится эвиденциальным – очевидным и непосредственно доступным в режиме целостного восприятия. Реципиент никак себя не проявляет себя – ни положительно, ни отрицательно, – однако реально и виртуально осуществляется путем негации, элиминируя всё, что не оказывается релевантным составляющим его самости: ***Ничего*** *не вижу,* ***Ничего*** *не слышу,* ***Ничего*** *не знаю,* ***Ничего*** *никому не скажу* (песен.).

Для человека, по сути, не является существенным что-нибудь, представленное и проявленное как наличное и значимое. Важным оказывается сама сущность, стоящая за словом «одно» (*одна суть*) и ее манифестация во многом. Здесь не существует ни положения, ни отрицания, однако всегда есть жизненно важное неопределенное «что-то», постигаемое путем негации. Получается, что каждый воплощает себя в жизнь через негацию – элиминацию наличного бытия и отчуждения собственной субъективно-объективной природы.

Если взять жизнь, то у нее нет ничего общего с существованием. Жить не значит быть – «существовать» (т. е. «влачить жалкое существование»). Не существуя, жизнь есть (*А* ***есть ли*** *жизнь на Марсе*?). Сказать, что такое жизнь, значит представить («А это Б»). Однако…: *«Ты спрашиваешь: что такое жизнь? Это все равно, что спросить: что такое морковка?* ***Морковка есть морковка, и больше ничего****…»* (А. П. Чехов в письме жене О. Книппер).

Ничего не делать – заниматься (находиться в состоянии занятости): ***Мы совершенно ничего не делали*** *на её уроках – только слушали, говорили, читали, писали; – Что ты делаешь? –* ***Ничего.*** *А чем занимаешься? – Живу* (разг.) Ничего неделание есть состояние владения: *– Пятьсот миллионов звезд? – Что же ты делаешь со всеми этими звездами? – Что делаю? – Да. –* ***Ничего не делаю. Я ими владею*** (А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц). *«Nihil habentes et omnia possidentes»* (ап. Павел) («Мы ничего не имеем, зато всем обладаем»); иметь (vs владеть). Идеально подходящее состояние для пользователя – «для меня»-ничего. Ситуация при прохождении таможенного досмотра: *– Что вы провозите в багаже, <Имярек>? –* ***Ничего такого.*** *– Посмотрим… Так, а это что такое? 2 бутылки водки. Это по-вашему «ничего»?! – Для меня –* ***ничего.***

Издавна известно, что путь к мышлению пролегает через незнание. Чем меньше человек знает, тем больше он думает. Сущность всего познается в состоянии медитативного «ничего-не-знания» – «ученного незнания» (Н. Кузанский): /Пьер/: ***Знать мы можем только то, что ничего не знаем.*** *И это высшая степень человеческой премудрости* (Л. Толстой «Война и мир»). Сущность жизни познается апофатически – посредством знания того, что ею не является: *«Разве это жизнь?»* (разг.). В постижении сущности идентификация (различение)

МГУ им. И.П. Шамякина

уступает место творческой аутентификации (распознанию); (греч. αὐθεντικός «реальный, подлинный»). Все подлинное оказывается антиграмматическим – не сказанным и не подлежащим – свободным; не подлежит обсуждение, однако осознается и осмысливается.

В опыте познания становится доступной глубинная сущность допредикативной реальности (Dasein) – несказа́нного. Существует *нескáзанное,* т. е. нечто, что может быть сказано, но не сказано. Однако есть и *несказа́нное* – все, что вообще не может быть сказано, а только творчески воплощено в жизнь. В Словаре русского языка «несказа́нный» ‘такой, что невозможно передать словами’ [МАС, 2, с. 479]. По своей сути «несказа́нное» не «такое». Сказать, что это такое, значит дать ему определение. «Несказа́нное» – другое (не по порядку, а в принципе). «Все не то, чем кажется и не наоборот» (Конфуций).

О непроявленной сущности несказа́нности, постигаемой в эйдосе музыки, пишет А. Лосев: «Эйдос музыки явил нам сущность, и сущность эта – *несказа́нность*, непроявленность и гилетичность [...]. Она – сущность, стремящаяся выявить *свой* лик. Она – непроявленная сущность мира, его вечное стремление к Логосу. Интеллект видит сущность мира сквозь лики, схемы и формы. Музыкальное восприятие обнаруживает обнаженную, ничем не прикрытую, ничем не проявленную сущность мира во всей ее нетронутости, *несказа́нности»* [6, с. 161]. Стихотворение З. Гиппиус называется «*Не несказа́нно»* (*Тебя проведу я, никем не замеченного...*). У Есенина: ***Несказа́нное**, синее, нежное... Тих мой край после бурь, после гроз…; Пусть струится над твоей избушкой Тот вечерний* ***несказа́нный** свет.*

Валентные связи слова *несказа́нное* в русском языке широкие: *несказа́нное блаженство, несказа́нное великолепие, несказа́нное очарование, несказа́нное удовольствие, несказа́нная радость, несказа́нное изумление, несказа́нная досада* и т. п. Несказа́нному сопутствует возвышенное чувство: ***Несказа́нное** величие этого зрелища меня сразило: увлеченный им, я стал на колена перед святынею материнской скорби, перед головою царицы, лежащей в прахе под крестом испытующего Спасителя* (В. А. Жуковский, «О происшествиях 1848 года»). ***Несказа́нное** мгновенье! Лишь изрек, свершив моленье, Предстоявший алтарю: Память вечная Царю!* (В. А. Жуковский «Бородинская годовщина»). *Предавшись думам* ***Несказа́нным**, И здесь я, на закате дня, Спешу к местам обетованным, К могилам чуждым, безымянным, Но не безмолвным для меня* (П. А. Вяземский «Кладбище»).

Прежде всего, стоит отметить манифестационный характер рассматриваемого слова. Оно звучит в ситуации, когда нечто не проявляется, однако обнаруживается. Его смысл ориентирован не на происходящее, а на проходящее: *– Как прошли переговоры? –* ***Ничего**. Как прошла встреча? –* ***Ничего**. – Как все прошло*? – ***Ничего*** (разг.); *– Ну, как живешь, можешь?» –* ***«Ничего*** (Ф. Решетников «Ставленник») и т. д.

Словом «*ничего»* манифестируется испытываемое бесстрастное состояние: /Лаевский/ *– Оставьте меня в покое!* ***Я ничего не хочу!** Я хочу только, чтобы вы и немецкие выходцы из жидов оставили меня в покое!* (А. Чехов «Дуэль»). Это состояние не покоя, а отсутствия хоть какого-нибудь активного проявления («ни, ни»), т. е. экспрессии. Оно указывает также на отсутствие отношений – подобия: ***Ничего подобного** не происходило с ней ранее. Он не испытывал* ***ничего подобного** с десяти лет* (Э. Уэст «В объятиях незнакомца»).

МГПУ им. И.П. Шамякина

Состояние «ничего» (назовем его «абсолютной негацией») весьма популярно в поточном языке: – *Как жизнь?* – ***Ничего.*** *Ну если* ***чего****, звоните.* – *Ты* ***чего****?* – ***Ничего.*** – *Как ваше* ***«ничего»****?* – Что случилось? – ***Ничего страшного***. Это состояние знакомо поэтам: ***Ничего****, распогодится…* (В. Высоцкий). *Чего хочу от жизни?* ***Ничего****; а этого у ней как раз избыток* (И. Губерман). *И не жду от жизни* ***ничего*** *я, И не жаль мне прошлого ничуть…* (М. Лермонтов). *Радуюсь громкому лаю, Листьям, корове, грачу,* ***И ничего не желаю, И ничего не хочу!*** *И никому не известно То, что, с зимой говоря, В бездне таится небесной Ветер и грусть октября…*(Н. Рубцов). ***Ничего страшного****. Мне бы только прикоснуться к прекрасному* (Т. Луганцева «Гусеница на диете»).

В рассказе А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» описан день лагерной жизни («от звонка до звонка») обыкновенного заключенного. Этот день, как думает сам Ивана Денисовича, прошел для него *благополучно*: [*…*] *в карцер не посадили, на Соцгородок (работа зимой в голом поле) бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу (получил лишнюю порцию), бригадир хорошо закрыл процентовку (система оценки лагерного труда), стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый. Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. «...Не посадили», «не выгнали», «не попался», «не заболел»;* прошел день, «*ничем не омраченный», ничего не случилось.* Восприятие и переживание повседневности героем рассказа осуществляется по принципу негации.

Идиоматичность слова «*ничего»* и неуловимая смысловая палитра делают его одним из воплощений загадочной русской души. На частотность употребления русскими этого безлично-предикативного наречия обращали внимание В. Даль, М. Михельсон и другие лексикографы XIX в. [7, с. 30].

Другое название для негативного воплощения сущности – *негоциация,* или *негоция.* В русском языке эти слова воспринимаются как архаизмы: *негоция* «коммерческая сделка» [МАС, 2, с. 432]; у Даля: «*негоціація* ж. дипломатические переговоры, для заключенья условій, договоров’; переговоры, соглашенья, ряда, уговоры» [2, с. 510]. В современном русском языке *негоциант* – «лицо, ведущее оптовую торговлю, преимущественно за пределами своей страны»; [МАС, 2, с. 432]; «*негоціант* торговый человекъ, купецъ, іноземный торговый гость» [2, с. 510].

В польском языке *negocjacja* (от лат. *negotiare* – торговать) «prowadzanie ukadów, rokowania, petraktacje» [PSJP, с. 516]; *negocjacje handlowe* – торговые переговоры, *negocjacje zbiorowe* – коллективный трудовой спор; *siła negocjacji* – рыночная власть; *To nie jest negocjacja. – Это не переговоры. Muszą wpierw odbyć się negocjacje. – Сначала должны произойти переговоры. Ciekawy sposób negocjacji. – Интересный способ вести переговоры. W negocjacjach chodzi o ryzyko. – На переговорах говорилось о рисках* и др.

Очевидно, что в разных употреблениях слова *«негоциация»* доминирует, прежде всего, смысл «переговоры». Негативный смысл «ничего» имплицитно присутствует в самом глаголе *переговорить* – «обо всем переговорить, ничего не оставить на потом»: *Столько скопилось, что* ***и не переговорить***; *Они давно уже с*

МГПУ им. И.П. Шамякина

приятелем переговорили обо всем (Н. Гоголь «Шинель»), ср.: *перетереть* – «переговорить о делах» (жарг.).

Нельзя не отметить предпринимательский аспект негации. Смысл глагола *предпринять* не направлен на начальное положение. Предприятие ориентировано не на начало, а на исход (исток): *предпринять* – «приступить к осуществлению чего-либо; *осуществить* (*предпринять решительные меры*): устар. «задумывать, замышлять что-либо» [МАС, 3, с. 369]. – *Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие или, чтоб еще более, так сказать, выразиться,* ***негоция****, – так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?* […] *Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие или* ***негоция,*** *никак не будет несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России, а через минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоды, ибо получит законные пошлины* (Н. Гоголь «Мертвые души»).

Выводы. Негация не относится к формальной логике и не является отрицанием. Ее сфера – допредикативная реальность, где убеждение уступает место уверенности, а реципиенту-пользователю становится доступным опыт непосредственного познания подлинности всего. В этой сфере не являются прагматически значимыми единицы, направленные на формирование парадигм наличного бытия и личности субъекта речи, а оказываются релевантными смыслы, ориентированные на становление архетипа самости человека, не связанного с процессом происходящей деятельности, а непосредственно находящегося в состоянии осуществления всего.

Список сокращений

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка
МАС – Словарь русского языка
PSJP – Popularny słownik języka polskiego

Список использованных источников

1. Сенкевич, В. И. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка / В. И. Сенкевич. – Седльце : W-wo Nauk. Un-tu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. – 369 с.

2. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли : т. 2 / П. А. Флоренский / Историогр. ст. игумена Андроника (А. С. Трубачева). – М. : Правда, 1990. – 446 с.

3. Гуссерль, Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Акад. проект, 2011. – Т. 2, ч. 1 – 565 с.

4. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм ; пер. с англ. : Н. И. Войскунской, И. И. Каменкович ; ред. В. И. Добренькова. – М. : Прогресс, 1986. – 238 с.

5. Bańkowski, Andrzej. Etymologiczny słownik języka polskiego / Andrzej Bańkowski. – Warszawa : PWN. – 2000. – T. 1 : A–K. – 1850 s.

6. Лосев, А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1994.– 919 с.

7. Алексеев, М. П. Русское слово «ничего» и его зарубежные интерпретации / Л. М. Алексеева // Словари и лингвострановедение / отв. ред. Е. М. Верещагин. – М. : Русский язык, 1982. – С. 28–33.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 811.111

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

О. Г. Соколовская,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: olgasokolovskaya2023@mail.ru

В. В. Батура,
студентка 4 курса филологического факультета
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, г. Мозырь,
Республика Беларусь
E-mail: baturavaleria0@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению особенностей национального менталитета на материале газетных онлайн статей. Выявляются ключевые темы публикаций, в которых проявляется менталитет разных стран. Анализируются языковые способы выражения менталитета на примере отдельных наций.

Ключевые слова: менталитет, стереотип, ценности, газетный текст

LINGUISTIC FEATURES OF THE NATIONAL MENTALITY MANIFESTATION IN THE NEWSPAPER TEXT

O. G. Sokolovskaya,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: olgasokolovskaya2023@mail.ru

V. V. Batura,
4th year student of the Faculty of Philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: baturavaleria0@gmail.com

The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the national mentality based on the material of online newspaper articles. The key topics of the publications, which show the mentality of different countries, are identified. Linguistic ways of expressing mentality are analyzed using the example of particular nations.

Keywords: mentality, stereotype, values, newspaper text.

Введение. Информационные источники сети Интернет являются на сегодняшний день одним из основных способов получения информации о том, что происходит в мире, о политической, социальной и культурной жизни как в своей стране, так и за рубежом. Газетные онлайн статьи доступны каждому, а особенности газетного жанра делают тексты легкими для понимания и оценки. На материале газетных онлайн публикаций возможно узнать не только определенные факты, но и получить представление о людях другой страны, о народе в целом.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Цель и задачи. Цель данной статьи – выявление и анализ языковых способов проявлений национального менталитета в англоязычных газетах.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1) рассмотреть понятие «менталитет» и способы его выражения;

2) провести сравнительный анализ публикаций из различных изданий, выявить ключевые темы и образы, которые способствуют выражению национального менталитета;

3) выявить языковые способы проявления национального менталитета на материале газетного текста.

Методы и материал исследования. В ходе исследования были применены метод сплошной выборки, метод контекстного анализа, лингвокультурный анализ газетных статей. Материалом исследования являются англоязычные газетные онлайн публикации (2020–2024 года выпуска) из источников The Guardian, BBC, The Atlantic, The New York Times, China Mike, что делает результаты значимыми для понимания тенденций в англоязычной журналистике.

Результаты и их обсуждение. На данный момент существует множество трактовок и вариаций понятия «менталитет». Этот термин широко используется в научных дискуссиях для описания различий между рациональным мышлением и сознанием. В одном из словарных определений «менталитет» рассматривается как «осмысление мира, прежде всего с помощью образов, окрашенных эмоциональными и ценностными ориентациями, тесно связанными с традициями, настроением, чувством» [1, с. 350]. Национальный менталитет в данной работе можно рассматривать как «глубинные структуры культуры, определяющие на протяжении длительного времени этническое своеобразие. Это постоянная система ценностей, сформированная определенным этносом» [2, с. 8]. Таким образом, национальный менталитет формируется на основе качественных характеристик народа, стереотипных представлений о нем и его ценностях на определенном историческом этапе.

Анализ газетных статей позволяет выявить особенности языковой экспликации национального менталитета представителей разных стран. В исследуемом нами языковом материале в центре внимания находятся британцы, американцы и китайцы.

Рассмотрим первый фрагмент статьи *«A hostile mentality towards migrants has taken hold in Britain»* из газеты The Guardian от 19 августа 2024 года [3].

The "hostile environment" for illegal immigrants, a longstanding policy adopted by both Labour and Conservative governments since the 2000s, has been playing a key role in consolidating a racist culture in Britain.

Статья начинается с констатации факта о враждебном менталитете (*hostile mentality*), что сразу создает отрицательную атмосферу и подчеркивает предвзятое отношение к мигрантам. Применение формулировки «*hostile environment» (враждебная среда)* указывает на то, что данный подход имеет системный характер, что подтверждается политическими решениями и социальными практиками. Фраза *«consolidating a racist culture in Britain»* указывает на глубоко проникающую в национальное сознание позицию, которая определяет отношение к мигрантам. В исторической перспективе, как колониальная держава, Британия сформировала ценностную систему, в которой коренные жители считаются «нормальными», а иностранцы – «чуждыми». Это порождает стигматизацию, нарушение прав и поддержание консервативных взглядов.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Следующая статья для рассмотрения и выявления национального менталитета взята из электронного источника BBC от 2 ноября 2020 года под названием *«The truth about British stoicism»* [4].

Brits, according to many outsiders, are reserved, repressed, resilient, unemotional and self-controlled. But how did the "stiff upper lip" become so closely associated with Britain?

В статье формируется образ британцев на основе таких характеристик, как *«reserved» (сдержанный), «repressed» (подавленный), «resilient» (устойчивый), «unemotional» (безэмоциональный), «self-controlled» (обладающий выдержкой)*. Создается впечатление, что описываемая нация не проявляет своих эмоций и предпочитает сохранять дистанцию в межличностных отношениях. Семантика текста соответствует стереотипу о том, что британцы славятся своей сдержанностью и умением управлять своими чувствами. Фраза *«stiff upper lip» (жесткая верхняя губа)* выступает в качестве культурного символа, который ассоциируется с характером британцев. Употребление фразы в статье дополняет представление о британцах, олицетворяет их стойкость и способность сохранять самообладание в трудных ситуациях. Таким образом, национальный менталитет формируется на основе внешнего портрета и поведенческих характеристик людей.

Далее следует фрагмент статьи из электронного газетного источника The Atlantic от 14 августа 2023 года [5].

HOW AMERICA GOT MEAN

In a culture devoid of moral education, generations are growing up in a morally inarticulate, self-referential world.

В этом контексте фраза *«a culture devoid of moral education» (культура, лишенная нравственного воспитания)* указывает на отсутствие этических принципов в обществе. Данная фраза подчеркивает нехватку нравственного воспитания и свидетельствует о том, что общество не придает ценности этическим стандартам, что можно рассматривать как знак культурной деградации. Также использование лексемы *«devoid» (лишенный)* придает высказыванию отрицательную коннотацию, подразумевая, что в прошлые времена у американцев существовали более высокие моральные критерии жизни. Кроме того, в названии статьи указана страна, о которой пойдет речь, и содержится авторская характеристика нации за счет лексемы *«mean» (подлый, низкий)*, что программирует читателя на соответствующее восприятие. Целостное формирование национального образа, а именно изменение этого образа в худшую сторону, в статье осуществляется за счет лексических средств (прямое лексическое значение, дополнительные коннотации), графических средств (передача слова заглавными буквами), структурной организации (использование семантически значимых слов в сильных позициях текста).

Для сравнения рассмотрим еще одну статью об американцах, опубликованную в одной из самых известных газет The New York Times от 26 мая 2021 года под названием «Everyone Thinks Americans Are Selfish. They're Wrong», в которой также раскрывается менталитет данной нации [6].

Whether America's individualism is a source of pride or concern varies. Some people extol this mind-set as a source of our entrepreneurial spirit, self-reliance and geographic mobility. Others worry that our individualism is antithetical to a sense of

МГПУ им. И.П. Шамякина

social responsibility, whether that means refusing to wear masks and get vaccinated during the pandemic or disrupting the close family bonds and social ties seen in more traditional societies.

В заголовке статьи слово *«everyone»* выражает общую точку зрения и указывает на существующие стереотипы о жителях США как об эгоистичных личностях. Такое обобщение может говорить о том, что восприятие американцев формируется на основании предвзятых мнений и культурных клише. Выражение *«They're wrong» (Они ошибаются)* не только опровергает это представление, но создает основу для его переосмысления. Употребление лексемы *«wrong»* также подчеркивает уверенность автора в своем мнении и может рассматриваться как намерение изменить общее представление. Выражение *«a source of pride or concern» (источник гордости или беспокойства)*, создает ощущение противоречия, что играет ключевую роль в восприятии стереотипов американской культуры, в которой ценности могут создавать как положительный, так и отрицательный образ. Понятия *«entrepreneurial spirit» (предпринимательский дух), «self-reliance» (уверенность в себе) и «geographic mobility» (географическая мобильность)* соотносятся с положительными аспектами индивидуализма, в то время как выражения *«refusing to wear masks and get vaccinated» (отказываясь носить маски и проходить вакцинацию) и «disrupting close family bonds» (разрушение тесных семейных уз)* иллюстрируют негативные проявления менталитета того же народа.

В следующем фрагменте статьи *«Why Chinese Don't Smile at Strangers»* из электронной газеты China Mike от 4 мая 2024 года представлены особенности национально-культурной информации о китайцах и их отношении к незнакомцам [8].

If you're from a culture that encourages smiles when greeting strangers or service people, or saying hello to strangers on the street, you may need to adjust this practice if you plan on venturing to China. The Chinese do not smile at strangers, foreign or not. Chinese society has always had a strong focus on the family (as well as those in their guanxi network). On the flip side, however, the Chinese tend to be indifferent — suspicious or sometimes hostile even — towards strangers and those outside their network.

В статье лексика, отражающая менталитет китайского общества, проявляется через множество ключевых слов и выражений, указывающих на культурные установки. Упоминание семьи и *«guanxi network» (помощь, поддержка)* подчеркивает коллективистский подход, при котором главным акцентом является поддержание тесных дружественных связей с родными и знакомыми, тогда как лексемы *«indifferent» (безразличный), «suspicious» (подозрительный)* и *«hostile» (враждебный)* имеют негативную эмоциональную окраску и передают соответствующее отношение к незнакомцам.

На фоне этого контраста формируется ментальная парадигма: культура, где эмоциональная дистанция и осторожность по отношению к посторонним считаются нормой, формирует представления о дружелюбии и корректности внутри группы близких людей. Отсутствие улыбки считается не признаком неприязни, а выражением уважения к личной свободе и приватности. Такой нестандартный подход к взаимодействию с окружающими говорит о глубоком уважении к социальным границам.

Выводы. В результате анализа всех статей из англоязычных изданий, можно выделить главные темы, интересующие читателей, и ключевые аспекты,

МГПУ им. И.П. Шамякина

характеризующие менталитет разных наций. В газетах обсуждаются политические, социальные, культурные и другие изменения в обществе определенных стран, например, проблема мигрантов, вакцинация от covid-19, нравственные качества людей; также показывается общественное отношение к этим изменениям.

Основные языковые особенности этнического своеобразия проявляются за счет средств лексического, семантического и синтаксического уровней, а также культурных ассоциаций, образов и стереотипов. Идентификатором национального менталитета на лексическом уровне можно назвать прилагательные, которые чаще имеют отрицательную коннотацию. Отдельные словосочетания, лексические повторы создают характерную атмосферу в тексте газетной статьи. Описание внешности и поведения также может являться символичным.

Кроме того, на восприятие материала в статьях оказывает влияние его синтаксическая организация. Например, краткие и четкие предложения подчеркивают сдержанный стиль общения и осторожное выражение эмоций. Упоминание страны или характеристика нации в заголовке, т. е. в сильной позиции текста, акцентирует внимание на конкретном качестве или стереотипе и формирует соответствующий образ при прочтении всей статьи. В некоторых текстах прямо указываются определенные идеалы и ценности конкретных наций (ценность семьи для китайцев, уверенность в себе для американцев и т. д.).

Все упомянутые языковые особенности тесно связаны со стереотипами о разных культурах. Языковые единицы в контексте газетных статей, которые отражают динамическое развитие общества, становятся ключевыми компонентами выражения национального сознания, характера, ценностей, которые объединяются понятием «менталитет».

Список использованных источников

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1987. – 744 с.

2. Воронина, Н. И. Национальный менталитет как действующий и системообразующий фактор культуры / Н. И. Воронина, Н. Л. Новикова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – № 2–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-mentalitet-kak-deystvuyuschiy-i-sistemoobrazuyuschiy-faktor-kultury (дата обращения: 28.02.2025).

3. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки / глав. ред. – Э. А. Радаева. – 2017. – Т. 19. – № 2.

4. A hostile mentality towards migrants has taken hold in Britain. – 2024. – URL: https://www.theguardian.com/uk-news/article/2024/aug/19/a-hostile-mentality-towards-migrants-has-taken-hold-in-britain (дата обращения: 28.02.2025).

5. Olivier Guiberteau The truth about British stoicism / Olivier Guiberteau // BBC. – 2020. – URL: https://www.bbc.com/travel/article/20201101-the-truth-about-british-stoicism. (дата обращения: 29.02.2025).

6. David Brooks HOW AMERICA GOT MEAN / David Brooks // The Atlantic. – 2023. – URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2023/09/us-culture-moral-education-formation/674765/sm (дата обращения: 29.02.2025).

7. Everyone Thinks Americans Are Selfish. They’re Wron. – 2021. – URL: https://www.nytimes.com/2021/05/26/opinion/individualism-united-states-altruism.html (дата обращения: 29.02.2025).

8. Why Chinese Don’t Smile at Strangers | “In” & “Out” Groups. – 2024. – URL: https://www.china-mike.com/chinese-culture/in-out-groups/#google_vignette (дата обращения: 29.02.2025).

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 81’373.612.2

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА «СВАДЬБА» (БРЯНСКОЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 25-28-00077, https://rscf.ru/project/25-28-00077/

С. Н. Стародубец,
профессор, доктор филологических наук, профессор
кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Брянского государственного университета имени ак. И. Г. Петровского
г. Брянск, Российская Федерация
E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

О. В. Белугина,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Брянского государственного университета имени ак. И. Г. Петровского
г. Брянск, Российская Федерация
E-mail: OBelugina@mail.ru

В работе рассматривается этнолингвистическая специфика свадебного и послесвадебного периода в обрядовом тексте «Свадьба», зафиксированном в результате полевых исследований на территории приграничных районов Брянской области. Установлено, что на этапе вступления в брак свадебный обрядовый текст репрезентирует базовые особенности восточнославянской лингвокультурной традиции, при этом специфической чертой являются обрядовые действия третьего дня свадьбы, связанные с «курицей», в послесвадебном – имеет яркие локальные черты (перезва, княжий обед).

Ключевые слова: брянское восточнославянское приграничье, обрядовый текст, национальные и локальные особенности, свадебный и послесвадебный период.

NATIONAL AND LOCAL FEATURES OF THE RITUAL “TEXT WEDDING” (BRYANSK EASTERN SLAVIC BORDERLAND)

S. N. Starodubets,
professor, doctor of philology, professor
department of socio-economic and humanities
Bryansk State University named after ak. I.G. Petrovsky
Bryansk, Russian Federation
E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

O. V. Belugina,
associate зrofessor, candidate of зhilological ыciences, associate зrofessor
department of socio-economic and humanities
FSBOU VO "Bryansk State University named after ak. I.G. Petrovsky "
Bryansk, Russian Federation
E-mail: OBelugina@mail.ru

The work examines the ethnolinguistic specifics of the wedding and post-wedding period in the ritual text “Wedding”, recorded as a result of field research in the border regions of the Bryansk region. It

МГПУ им. И.П. Шамякина

has been established that at the stage of marriage, the wedding ritual text represents the basic features of the East Slavic linguistic and cultural tradition, while a specific feature is the ritual actions of the third day of the wedding associated with the "chicken", in the post–wedding period it has vivid local features (perezva, prince's dinner).

Keywords: Bryansk East Slavic borderland, ritual text, national and local features, wedding and post-wedding period.

Введение. Свадебный обряд в славянской лингвокультуре – особый семиотический знак, текст, в котором сосредоточен символический культурный и языковой этнический код. Традиционно состоит из трёх периодов: предсвадебного, свадебного и послесвадебного.

В контексте современных этнолингвистических исследований особенно актуальным представляется изучение терминологии свадебного обряда [2], [3], символического значения обрядовых слов [1].

В нашей работе «Западнобрянский регионолект как лингвокультурное образование», говоря о специфике языковой ситуации в западных районах Брянской области, обусловленной историческими фактами вхождения ряда последних в состав Беларуси и Украины в разное время, мы отмечаем общность диалектизмов Брянщины с литературными словами белорусского и украинского языков, подчёркиваем, что описываемое своеобразие обусловлено восточнославянской языковой основой (древнерусским языком) [4]. В этой связи обрядовый текст как лингвокультурный феномен описываемую общность также продуктивно фиксирует.

Предсвадебный период описан нами в работе «Специфика наименований, связанных с предсвадебными обрядами, бытующими на приграничной с Беларусью территории Брянской области» [5].

Цель – исследовать этнолингвистические особенности обрядового текста «Свадьба», зафиксированного на территории брянского восточнославянского приграничья, на этапах вступления в брак и после свадьбы.

Методы и материал исследования. Материалом исследования являются расшифровки результатов интервьюирования респондентов приграничных юго-западных районов Брянской области: Новозыбковского, Климовского, Гордеевского, Клинцовского, Красногорского, Злынковского. В работе использован описательный и диалектного транскрибирования методы анализа имеющегося у исполнителей проекта материала, отнесённого к обрядовому тексту «Свадьба» в части вступления в брак и послесвадебному периоду.

Результаты и их обсуждение. Свадебный период вступления в брак.

Все участники свадьбы собирались ранним утром в домах жениха и невесты. Поутру из дома невесты конный поезд перевозил постель. Этим руководила сваха, но впереди верхом на коне ехал дружка. *«// Ў хате жаниха постель ставили Ў приуталеЎнное памящение / иде младым предстаяло правясти первую брачную ночь // Комната украшалась и устялалась даматканымі каврами и дарошками / Пастель приуталялась на краваци или на широкай скамье: сначалы настялали снапы пшаницы, на снапы клали пярины / две или болей // На пярины клали изуаловье и две падушки // Пастель застялали прастаней //»* (Кучина Мария Гордеевна, 1941 г. р., с. Яловка Красногорский район).

В день свадьбы невеста вставала раньше всех и будила своими причитаниями отца, мать и ночевавших у нее подруг. Подруги начинали собирать невесту к венцу, одевали ее в свадебный наряд.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Специального свадебного платья не существовало. Невеста шла под венец в самой праздничной и нарядной красивой одежде. В Клинцовском районе свадебное платье (сарафан) шили только из красной ткани. *«// БыЎ сатинавый сарахванчик / не белый / то бардовый / то сини ленточки вакрух / вакрух лента бантик / на их вешали ленты да калена / так принята // Бардовый сарахван / синие лентачки или ɣалубые / а пасрядине такие кружаЎчики вакрух тоже //»* (Исаченко Прасковья Алексеевна, 1936 г. р., п. Чемерна Клинцовский район).

Одевание невесты сопровождалось плачем и её причитаниями. При одевании невесты особое значение имел обряд «чесания головы». Сваха расплетала косу и расчесывала волосы гребнем, смоченным в слабом медовом растворе. Ранее вплетенную в косу ленту невеста дарила близкой подруге.

Девичья «фатка» представляла собой специальный шелковый платок красного, даже алого цвета, который складывался в виде широкой полосы, оборачивался вокруг головы и завязывался концами сзади. Иногда к «фатке» прикреплялись ленты и всевозможные украшения. *«// Касу заплятала паднявестница / наряжали // лента вакрух ɣалавы / и вешаюць ленты вакрух / для украшения нявесты //»* (Исаченко Прасковья Алексеевна, 1936 г. р., п. Чемерна Клинцовский район).

Мать и отец благословляли дочь чаще всего иконой Божией Матери. Эту икону невеста потом брала с собой в дом мужа. Невеста-сирота обязательно ходила испросить благословение на брак на могиле умерших родителей.

«// Утром Ў хате жаниха и нявесты свахи и иɣрицы // Иɣрицы / девушки / подруɣи нявесты // Яни были иɣрицами толька Ў тячении перваɣа дня свадьбы / составляя аснавную часть поязда нявесты // разделывали теста на каравай и свадебные шишки и припявали // Ой, печка хляхочеть, Каравая хочеть // Ой / печь мая замятальная / Памяло хрустальнае // Ой / печка хляхочеть / Она шишечек хочеть // Ой / печь мая замятальная / Памяло хрустальное // Стаяла сасна сорак лет // Сяките яё на засвет / Засвечивайте каравай / Чтоб наш каравай пышен был /Чтобы наши шишечки пышны были / Чтоб наши яровые / румяные // Когда шишки сажали в печь, иɣрицы пели // Шишки яровые скамьи подламили / А мы таки не ɣуляли / А Ўсё работали / Да дяжу праважали //» (Бобрик Любовь Васильевна, 1948 г. р., с. Смяльч Гордеевский район).

Шишки раздавали по одной игрицам, подносили по рюмке вина, и они уходили одеваться для поездки к венцу.

Испеченный у жениха каравай выносили в камору, где молодым предстояло спать. *«// Дружка з свахаю нясли каравай на крышце от дяжи / перевернутай вверх дном / Ў святлицу / или камору // Перяд етим дружка / абхадя вакруɣ сталбца / передаваЎ каравай три разы свахе / а яна яму // Затим каравай вынасили с пением // Мы не ɣуляли / Каравай праважали С пивами / медами / Тёртыми калачами / С тёртыми / натиранными / С добрыми приправами //»* (Исаченко Прасковья Алексеевна, 1936 г. р., п. Чемерна Клинцовский район).

Дежу провожали / каравай провожали – обрядовые фразеологизмы с синонимическим значением.

Мать и отец благословляли дочь, чаще всего иконой Божией Матери. Эту икону невеста потом брала с собой в дом мужа. Невеста-сирота обязательно ходила испросить благословение на брак на могилу умерших родителей.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Тем временем полным ходом шли сборы и в доме жениха. Отец и мать благословляли сына. Дружке перекидывали через плечо расшитое полотенце, в руку давали плеть – отгонять от свадьбы всякую помеху и порчу.

За невестой всегда ездили, даже если она жила совсем рядом: *«// Свадёбный поезт абычно састаяЎ из двух лашадей / запряженных Ў сани или повозки // Ў первой павозке ехали сваты либо дружки // С жаняхом ехали первый дружка и сваха // Замыкали свадёбный поезд малые свадёбные чины //»* (Кучина Мария Гордеевна, 1941 г. р., с. Яловка Красногорский район).

Родители с женихом никогда не ездили, иногда они даже в церкви на венчании не присутствовали. Женщин в свадебном поезде не было, кроме свахи жениха. Свадебный поезд ехал очень быстро и был слышен издалека, благодаря звону многочисленных колокольчиков. Все и всегда свадебному поезду уступали дорогу: останавливаться или сворачивать с пути поезду не полагалось.

Но при въезде в деревню (если жених был из другой деревни) либо на пути к дому невесты сельчане специально загораживали свадебному поезду дорогу и начинали требовать различные выкупы. Чаще всего улицу на пути свадебного поезда с женихом перегораживали бревном, уложенным на специальные козлы. У бревна стояла *«богатырская застава»* (Гордеевский район) – младший брат невесты со своими друзьями и прочие родственники невесты: *«// Баүатырская застава не поддавалась ни на якие үүаворы и не пропущала свадёбный поезт // заставляя жаниха з дружкай кажать сваю удаль // за десять мянут перепялить брявно // жаняху Ўместе с дружкай прыхадилась браться за тапары или нажоЎку // Ў ето Ўремя перепиливания слышаЎся хохат и сыпались шутки // «Сматрыте // як будта жаних тапор Ўпярвые Ў руки взяЎ // за астрие держится / тапарищем рубить //»* или *«Дружка-то стараяца / не пялой / зубами дерява скрябеть»* (Мельникова Мария Титовна, 1928 г. р., с. Гордеевка Гордеевский район). Дорога расчищена, поезд жениха мчался дальше к дому невесты, где его ждали новые препятствия.

Вот поезд прибыл к месту назначения. Встреча поезда вновь превращалась в веселый спектакль. Родственники невесты и соседи надежно закрывали («заламывали») ворота и двери в дом. Дружке жениха приходилось долго стучать кнутом по воротам. Жених и дружка делали вид, что собирались силой ворваться во двор.

Наконец ворота отворялись, и жених с дружкой входили во двор. Здесь всегда бывало полно соседских ребятишек, и всем им надо было дать выкуп – сладости. Затем на пути дружки вставал старший брат невесты или кто-то из ее молодых родственников. Он загадывал жениху загадки. Если ранее испытывалась сила и щедрость жениха, теперь проверялись его умственные способности.

«// Загадак была ня больше трех // Атүадывають жаняху помогаЎ / канешн / дружка // А коли оба ёни ня можали / то рядом Ўсяуда были добрые люди / якие казали ответ //» (Коробкова Надежда Викторовна, 1954 г. р., с. Спиридонова Буда Злынковский район).

После разгадывания загадок жених поднимался на крыльцо и входил в дом невесты, навстречу новым испытаниям. Теперь жениху предстояло вручить гостинцы всем подружкам невесты, с чем он обычно справлялся. При этом невесты жених не видел, а теперь ее надо было найти. Перед женихом садились в ряд на скамейку девушки, покрытые одинаковыми большими платками, нужно было угадать суженую. *«// Бывали случаи / як жаних поднямал хлустку / думая / што пад*

МГПУ им. И.П. Шамякина

им спрятана яго нявеста / а аказывалась там дряхлая бабка // Смеху была» (Мельникова Мария Титовна, 1928 г.р., с. Гордеевка Гордеевский район).

После удачного нахождения невесты жениха усаживали за стол под образа (под иконы) на самое почетное «княжеское место», но это место оказывалось занятым. Жених должен был выкупить место у мужчины или мальчика, который сидел возле невесты. Заплатив захватчику «княжеского места», жених, наконец, усаживался на одну подушку рядом с невестой.

Затем хозяева приглашали всех гостей ненадолго присесть к столу. Дружина жениха рассаживалась по старшинству: рядом с женихом – первый дружка, сваха, посаженные отец и мать и так далее. Начиналось угощение: «*Былка-чернобылка / Ў поле стаяла // Ў поле стаяла / К гарам прилегала / У гароф пытала // горы / вы / горы // Крутые / большие //Скажите вы / горы / Какова зима будеть // И люты марозы // Снеги глубоки / И дождички дробны? // Красная _____ // К столу прилегала // Подружек пытала // Скажите / падрушки / Якой свёкар будеть / И люта свякровья? // Красная _____ // Паживешь / Атведаешь / Свёкра отведаешь / И люту свякровью //*» (Мельникова Мария Титовна, 1928 г. р., с. Гордеевка Гордеевский район).

За свадебным столом, пока гости ели, пили, веселились, жениху с невестой полагалось сидеть чинно, не прикасаясь к еде и к питью. Это застолье в доме невесты было очень коротким. Вина пили крайне мало, так как еще предстояло совершить венчальный обряд.

Затем наступает время ехать в церковь. Обе свахи (жениха и невесты) брали невесту под руки и вели ее во двор, где перед крыльцом стояли убранные как можно нарядней сани или повозка невесты.

Дорогу перед невестой разметали веником, оберегаясь от возможной ворожбы и колдовства.

Невеста сидела в санях вместе с двумя свахами. Жених ехал отдельно, вместе с дружкой. Жених должен был ехать впереди и прибыть в церковь раньше невесты.

Венчание в церкви всегда и для всех проводилось по установленному обряду. Пастушенко Нина Ивановна, 1931 г. р. жительница с. Вихолка Новозыбковского района рассказала следующее: *«// Кады жаниха и нявесту ставили Ў церкви на падножье / коврик / то каждый стараЎся ступить на няго первым / шобы Ў сямье Ўсяуда дяржать верх //».* После окончания венчания здесь же, в церкви, волосы невесты заплетали в две косы и убирали под кику (или повойник) – головной убор замужней женщины, а затем сверху еще покрывали платком. *«Посля вянчания валосья нявесты ня даЎжон быЎ бачить никто из пастаронних»* (Кругликова Нина Васильевна,1934 г. р., с. Любовшо Красногорский район).

При выходе из церкви новобрачных осыпали семенами льна и конопли, желая им счастья и долгих лет жизни.

Из церкви весь свадебный поезд отправлялся в дом мужа. И теперь новобрачные сидели уже в одной повозке. У крыльца молодоженов встречали родители мужа – отец с иконой, мать с караваем хлеба и солью – они благословляли новобрачных. Молодые вместе откусывали от одного каравая, чтобы было у них в семье единение – «совет да любовь». Когда они входили в дом, их снова обсыпали зерном, чтобы жили богато. Основные обряды на свадебном

МГПУ им. И.П. Шамякина

пире – это одаривание молодых и принуждение их прилюдно целоваться («ломание над молодыми»).

Одаривание в разных регионах России совершалось по-разному. «*Младые магли стаять рядом и кланяться дарящим»* (Исаченко Прасковья Алексеевна, 1936 г., р. п. Чемерна Клинцовский район).

«Адаривание савмящалась з угащением Ўсех адним пираγом. Пироγ-курник резали на стольки частей, сколько было γастей (Чернобанова Анна Ивановна, 1927 г. р., с. Манюки Новозыбковский район).

Каждому дарящему дружка или сваха подносили вина и кусок пирога.

Обряд «ломания над молодыми» имел цель помочь молодым сблизиться, привыкнуть друг к другу, что было очень важно, ведь жених и невеста до этого момента близко не знали друг друга. Проходил обряд очень весело, с шутками-прибаутками. И каждый раз после выпитой рюмки водки все кричали «Горько!». Часто приговаривали: «Хвалите невесту»! И все хвалили ее, даже если она была не хороша.

И, конечно, все пели свадебные величальные и лирические песни, которые исполнялись в течение всего свадебного пира. *«// На свадьбах часта прясуствавали и приγлашенные гарманисты / но музыка не щаталась абязательной / многа пели и так»* (Бобрик Любовь Васильевна, 1948 г. р., с. Смяльч Гордеевский район).

Праздничный пир был очень обильным, со многими переменами блюд. И хотя все участники свадебного торжества пировали и веселились, молодые муж и жена опять почти ничего не должны были есть несмотря на то, что перед ними ставились всевозможные кушанья. Если молодые ели, то очень мало, вино пили для вида, едва пригубив. *«Дюжа перяд маладыми клали Ўсяго ядну ложку и пили яни из адной чаши»* (Кучина Мария Гордеевна, 1941 г. р., с. Яловка Красногорский район).

Праздник продолжался, а жених уводит невесту в опочивальню.

На этом заканчивается первый день свадьбы.

Свадебный пир непременно продолжался и на второй день. Утром сваха или дружка отправлялись будить молодых. По обычаю было принято извещать всех участников свадьбы о целомудренности невесты. Оповещение производилось символическими действиями.

В Злынковском районе: «*// Коли яна честная, на дом нявесты вешали красный флах / коли не /адявали радитялям нявесты на шею хамут //»* (Кирейко Тамара Филипповна, 1944 г. р., с. Спиридонова Буда Злынковский район).

В Клинцовском районе: *«// Младому мужу паднасили рюмку вина / якую ён / выпиф / разбиваЎ / ето ён делаЎ / коли нявеста была честной // После чяγо все γости начянали радаваца и бить специально приγатовленные для битья γаршки //»* (Горюнова Варвара Евдокимовна, 1935 г. р., д. Миляковка Клинцовского района).

В Климово был распространен обычай на второй день сажать молодых в сани или в повозку и катать их по деревне, затем снова начиналось застолье: *«После таγо як нашли маладых застолье прадалжалася, пели: «// А Ўсе тута не па-нашему // Варят кулеш / завуть кашею // Сами сели абедать / А мине младу посылають па ваду // У нас воды далёкие // Калодцы γлубокие // Карамысла кароткие / Карамыслецо γнеца / С вядер вада льёца // Свякровья смееца / А свёкор хахочеть / Студеной вады хочеть //»* (Тагай Раиса Николаевна, 1935 г. р., с. Лакомая Буда Климовский район).

Вечером второго дня основное гуляние заканчивалось.

МГПУ им. И.П. Шамякина

На третий день в доме жениха и в доме невесты оставались только ближайшие родственники. Свадебный пир продолжался в более узком семейном кругу.

В Гордеевском районе на третий день носили наряженную курицу по деревне. *«// Сваха дяржала курыцу за ноуи / Ўремя ат Ўремяни патряхивала ею / курыца кричала / бусы звянели / все смеялись / плясали и пели // «Цыпа / цыпа / моя курочка / залетела на чужу старану / справедай ты свою старану / раднаγа батьку / матку / радных сястер и братьеф //»* (Мельникова Мария Титовна, 1928 г. р., с. Гордеевка Гордеевский район).

В Клинцовском районе на третий день варили курицу и угощали ей всех оставшихся гостей: *«// На трэтий день варыли курыцу / γγащали ей Ўсех прахожих и γастей / танцавали и пели //»* (Исаченко Прасковья Алексеевна, 1936 г. р., п. Чемерна Клинцовский район). На этом этапе свадьба считалась законченной.

Содержание свадебного периода на территории брянского восточнославянского пограничья в основном совпадает с общероссийской традицией. Отличительной чертой являются обрядовые действия, связанные с «курицей», осуществляемые на третий день свадьбы.

Яркой особенностью послесвадебного периода является *перезва***,** праздник, который проходит в Гордеевском, Клинцовском и Красногорском районах. Через неделю после свадьбы, часов в двенадцать дня молодые со всей родней жениха отправлялись приглашать родителей невесты и ее родных к себе на обед. *«Черяз няделю, Ў абет, маладые з радней парубка прыγлашали радных нявесты на абет, яни перязывались. Кады шла перезва, па дароγе пели: «// Хвалилась, хвалилась куриная мати // А Ў мине да курей многа / А певня ни ваднаγо // Прадам с курей перья / Да куплю курям певни // Не зымай мои куры / Да не халасты ходють / С певнями γуляють / И к певням привыкають // Хвалилася матушка // А Ў мине да девок многа / А парня ни ваднаγо // Прадам и с девак платья / Да куплю девкам парня // Не зымай мои девки / Да не халасты ходють / С парнями γуляють / К парням привыкають //»* (Мельникова Мария Титовна, 1928 г. р., с. Гордеевка Гордеевский район).

В Гордеевском и Клинцовском районах нам была зафиксирована еще одна уникальная особенность послесвадебного периода – *княжий / княжной обед***.** Организовывался он через год после свадьбы. В дом жениха приходили родные невесты: *«Черяз γод Ў хате жаняха прахадиЎ княжной обед // За обедом пели // Ой / ладо / ладо / Залатой донышка // Что у _____ / Маладая женушка // А Иванова матушка / Три раза Ўсраднулась / Первый раз Ўсраднулась / Ивана радёвши / Ўтарой раз Ўсраднулась / Ивана Ўсрастёвши / Третий раз Ўсраднулась / Ивана жанёЎши / Ивана жанёЎши / Да невесту привёЎши // Маладая свёкра по новым сеням хадила / Сама себе потихоньку γаварила // Тяперя мине избушечку не тапити / Тяперя мине и новые сени не мести / Тяперя мине званых γастей не γастити / А на лавачке сести да парядачки навясти //»* (Мельникова Мария Титовна, 1928 г. р., с. Гордеевка Гордеевский район).

Выводы. Установлено, что на этапе вступления в брак свадебный обрядовый текст репрезентирует базовые особенности восточнославянской лингвокультурной традиции, при этом специфической чертой являются обрядовые действия, связанные с «курицей», осуществляемые на третий день свадьбы; в послесвадебном – имеет яркие локальные черты (перезва, княжий обед).

МГПУ им. И.Г. Шамякина

Список использованных источников

1. Банкова, Т. Б. Символическая семантика обрядового слова: особенности лексикографического описания / Т. Б. Банкова, Д. А. Тараканова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2024. – № 87. – С. 5–22. – DOI 10.17223/19986645/87/1.

2. Воробьева, Т. С. Термины свадебного обряда, обозначающие вступление в брак, в говорах могилевско-смоленского пограничья / Т. С. Воробьева // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства : материалы Междунар. науч. конф. (г. Новозыбков, Брянская область, 23–24 октября 2014). В 2-х ч. Ч. 1. Славяноведение в пограничном регионе : Вторые Расторгуевские чтения ; под ред. В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова, С. Н. Стародубец. – Брянск : ООО «Ладомир», 2014. – С. 31–36.

3. Подюков, И. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. – Усолье, Березники, Соликамск, Пермь : Березниковский филиал ОГУП ИПК «Пермское книжное издательство», 2004. – 360 с.

4. Западнобрянский регионолект как лингвокультурное образование / С. Н. Стародубец [и др.] // Вестник Донецкого нац. ун-та. Серия Д: Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 19–32. – DOI 10.5281/zenodo.12540980.

5. Стародубец, С. Н. Специфика наименований, связанных с предсвадебными обрядами, бытующими на приграничной с Беларусью территории Брянской области / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Лингворегионоведение в восточнославянском пограничье: российско-белорусский локус : сборник науч. ст. – Брянск : Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2023. – С. 16–24.

МГПУ им. И.П. Шамякина

СЛОВО И ТЕКСТ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ И ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

УДК [81’373.612.2:37.016]:811.112.2

ВОЕННЫЕ И МЕДИЦИНСКИЕ МЕТАФОРЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ (СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

О. Г. Дедович,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
аспирант кафедры языкознания и лингводидактики
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: olya-de@yandex.ru

В статье на материале немецкого и русского языков характеризуются военные и медицинские метафоры, исходное деструктивное содержание которых обуславливает их немногочисленность в современном лингводидактическом дискурсе. Общими для двух языков выступают вторичные значения конструктивной направленности (решить вопрос, прийти к общему мнению, быстро принять решение, обосновать и защитить точку зрения и др.). В немецком языке преобладают композиты, в русском языке зафиксированы преимущественно бинарные метафорические конструкции. В ряде случаев центральный смысловой фокус детализируется и уточняется в контекстах развёрнутых метафор.

Ключевые слова: метафора, военный тип, медицинский тип, семантика, структура, лингводидактика, немецкий язык, русский язык.

MILITARY AND MEDICAL METAPHORS OF LINGUODIDACTICS (STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECT)

O. G. Dedovich,
Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages,
Postgraduate student of the Department of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: olya-de@yandex.ru

The article uses the material of German and Russian to characterize military and medical metaphors, the initial destructive content of which causes a small number in modern linguistic and didactic discourse. The two languages share secondary meanings of constructive orientation (to solve a problem, come to a common opinion, make a quick decision, justify and defend a point of view, etc.). Composites predominate in German, while binary metaphorical constructions are mainly fixed in Russian. In some cases, the central semantic focus is detailed and clarified in the contexts of the expanded metaphors.

Keywords: metaphor, military type, medical type, semantics, structure, linguodidactics, German, Russian.

Введение. Метафоризация выступает одним из путей обогащения и расширения понятийно-терминологического аппарата лингводидактики как науки и практико-ориентированной сферы за счёт экспансии терминов и понятий из других областей знаний. Сопоставительные исследования функционирования метафор в практике преподавания немецкого языка носят спорадический характер в

МГПУ им. И.П. Шамякина

зарубежном языкознании и практически не освещались в отечественном. Предлагаемая статья в определённой степени восполняет имеющийся пробел.

Цель и задачи. Целью исследования является определение особенностей структурно-семантической организации военных и медицинских метафор немецкого и русского языков, функционирующих в лингводидактическом дискурсе в рамках преподавания иностранного языка. В задачи исследования входит выявление основных тематических групп, включённых в процесс метафоризации, описание механизмов образования и особенностей структурных типов метафор в двух языках.

Методы и материал исследования. Современная дидактика метафоры характеризуется отходом от риторического и тенденцией к концептуальному пониманию метафоры [1, с. 264] как «основной ментальной операции, способа познания, структурирования и объяснения мира» [2, с. 99]. В процесс конструирования военных и медицинских метафор включается три структурных элемента:

1) исходная (донорская) сфера, связанная с военными и медицинскими действиями и процессами, средствами и результатами их исполнения;

2) результативная (реципиентная) сфера лингводидактики, включающая аспекты языка (лексика, грамматика, фонетика), виды речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение, письмо), структурные компоненты учебных изданий (рубрика «условные обозначения» аппарата ориентировки), методический аппарат (наименования приёмов обучения);

3) интегральные семы, которые указывают, «на каких основаниях исходная понятийная сфера используется для обозначения элементов результативной сферы» [3, с. 16].

В белорусском языкознании проблемы структурной организации метафор освещались в ключевых работах В. Д. Старичёнка, С. Б. Кураша. Новые лексико-семантические варианты (в дальнейшем – ЛСВ) могут возникать на базе одного слова, в составе бинарных конструкций, развёрнутых метафорических контекстов [4, с. 146; 5, с. 14].

Материалом для нашего исследования послужили метафоры немецкого и русского языков, извлечённые методом сплошной выборки из онлайн-источников: крупнейшей онлайн-платформы для учителей «eduki.de» (немецкоязычные статьи), образовательного интернет-портала «infourok.ru» (инфоурок), образовательной социальной сети «nsportal.ru», социальной сети работников образования «multiurok.ru» (мультиурок). В качестве дополнительного материала для исследования привлекались сборники дидактических техник и приёмов, персональные блоги учителей немецкого языка, официальные сайты школ. Обращение к образовательному сектору сети Интернет обусловлено отсутствием военных и медицинских метафор в немецких, российских и отечественных учебниках по немецкому языку, за исключением одного контекста употребления визуальной медицинской метафоры в учебнике по немецкому языку как иностранному.

На основе метода метафорического моделирования определены понятийные области-источники и сферы-мишени, направления смыслового развития лексических единиц в двух языках. Для выявления интегральных сем и оснований метафорического переноса, а также изучения окружения, в котором реализуются

МГПУ им. И.П. Шамякина

значения исследуемых языковых единиц, применялись приёмы контекстного и метод компонентного анализа.

В корпусе военных метафор лингводидактического дискурса выделяются два основных семантических блока: «наименования боевых действий» и «наименования оружия, видов оружейных подразделений».

В немецком языке субстантив *der Krieg* (рус. ‘война’) развивает вторичное значение: *der Krieg der Worte* ‘война слов, предполагающая обмен аргументами между группами учащихся для ослабления или «уничтожения» позиции «противника» с помощью убедительных доводов’ (eduki.de, Herzlehrer, 13.02.2021).

Вторичные ЛСВ с обобщённым значением ‘сражение с помощью знаний, столкновение различных точек зрений, в ходе которого учащиеся и их оппоненты аргументированно отстаивают свои позиции’, фиксируются в немецких и русских полисемантах *der Kampf – битва*, *das Duell – дуэль, поединок*.

Метафоры могут быть созданы следующими способами:

1) в немецком языке к опорному слову военной тематики прибавляется поясняющий компонент, в результате чего образуется композитная метафора: *das Wort-Duell* ‘словесная дуэль’ (eduki.de, Lehren leben, 23.10.2024);

2) в русском языке военный термин включается в конструкцию с адъективом и обозначает ‘учебную ситуацию, во время которой один учащийся высказывает свою точку зрения, а его соперник наносит «удар», произнося контраргумент’: *интеллектуальный поединок* (101 педагогическая идея. Как создать урок, В. Садкина, 2013);

3) в обоих языках распространены генитивные конструкции, в которых на первом месте находится военный субстантив в именительном падеже (образно-смысловой фокус метафоры), а на втором месте располагается субстантив в родительном падеже: *der Kampf der Definitionen* ‘битва дефиниций’ (eduki.de, Lehren leben, 23.10.2024), *битва знатоков* (инфоурок, Н. Вильданова, 29.03.2024).

Семантика субстантивов *der Sturm – штурм*, *die Attake – атака* ‘способ овладения позицией противника, стремительное наступление, решительный удар’ послужила основой для возникновения метафорического значения ‘активизация действий по оперативному решению проблемного вопроса путём генерирования разнообразных идей’. В немецком языке метафоры *der Gedankensturm* (рус. ‘мыслительный штурм’) и *der Ideensturm* (рус. ‘идейный штурм’) представляют собой композиты (kaiserpfalz-realschule.de, 2017; Methoden-Kartei für die Sekundarschule, 2023). В русском языке используются адъективные словосочетания: *мозговой штурм* (nsportal.ru, С. Смирнова, 15.03.2016), *мозговая атака* (инфоурок, О. Понимасова, 22.04.2016).

В метафоре *die Wortruinen* (рус. ‘руины слова’) актуализируется семантика результата разрушительных действий ‘частичное искажение звукового или графического облика слова из-за пропуска в нём букв при чтении вслух, на письме’ (grundschul-blog.de, A. Ley, 16.02.2018).

Отдельную группу составляют военные метафоры, образованные на базе субстантивов с обобщённым значением *die Waffe* ‘оружие’, которое в лингводидактическом дискурсе конкретизируется и уточняется в выражении *Argumente sind deine Waffen* (рус. ‘аргументы – это твоё оружие’). При этом отдельные части оружия выступают образными аналогами структурных компонентов аргумента: 1) *das Magazin* (рус. ‘патронная обойма’) → ‘тезис’;

МГПУ им. И.П. Шамякина

2) *der Abzug* (рус. ‘спусковой крючок’*)* → ‘обоснование тезиса’; *der Lauf* (рус. ‘оружейный ствол’) → ‘иллюстрирующий тезис пример’; *das Nachladen* (рус. ‘перезарядка оружия’) → ‘переходы от одного аргумента к другому’ (eduki.de, Herzlehrer, 13.02.2021).

Русская генитивная метафора *батарея вопросов* (инфоурок, С. Баргова, 11.01.2016) акцентирует внимание на квантитативном аспекте ‘много’ и обозначает ‘серию вопросов перед прочтением текста для активизации знаний по теме текста, который учащимся ещё не знаком’. Учитель выстраивает логическую цепочку предваряющих вопросов так, чтобы заинтересовать учащихся и мотивировать их к чтению.

К медицинскому типу метафор относятся шесть полисемантов (четыре в немецком и два в русском языках), в которых образно представляются наименования учреждений здравоохранения, медицинских процедур, болезней, средств медицинской помощи.

Большинство немецких метафор представлены двух- и более компонентными композитами:

die Wörterklinik (рус. ‘словарная клиника’) – ‘алгоритм работы над ошибками в словах, которые нуждаются в «лечении» [= написанных неправильно]’ (B. Leßmann, 2016);

die Lautkrankheit (рус. ‘звуковая болезнь’) – ‘непереносимость определённого звука, из-за которой учащийся во время упражнения не должен произносить слова с данным звуком’ (Bildung für Berlin. Phonologische Bewusstheit, 2005);

die Erste-Hilfe-Koffer-Methode (рус. ‘приём аптечки первой помощи’) обозначает ‘набор высказываний, коротких текстов, афоризмов для мотивации учащихся, активизации интереса к теме’ (Lebendige Gruppenarbeit durch kreative Methoden, M. Bieschke-Behm, 2015).

В русском языке медицинские метафоры реализуют своё значение преимущественно в генитивных конструкциях.

Метафора *методика клиники* (мультиурок, Е. Рыбникова, 25.10.2022) имеет значение ‘методика организации дискуссии на основе постановки и обсуждения «диагноза» проблемной ситуации [= заключения о причинах возникшей проблемы и путях её решения]’.

Отглагольный субстантив *рассечение* с широкой смысловой парадигмой ‘разделение целого на части чем-нибудь острым’ выступает основанием для русской метафоры *рассечение вопроса* в значении ‘разделение заголовка на смысловые группы с целью установления предполагаемого содержания текста’ (инфоурок, Е. Борисенко, 18.06.2018).

В немецком учебном пособии (Berliner Platz 2 neu, A2, 2010) зафиксирован визуальный образ *кареты скорой помощи*, который интерпретируется как ‘помощь в выполнении учебного задания, подсказка’.

Выводы. Военные и медицинские метафоры в лингводидактическом дискурсе составляют малочисленную группу, что объясняется их исходным деструктивным содержанием с обобщающей семой ‘то/тот, что разрушает, уничтожает, деформирует, видоизменяет нормальную структуру чего-либо’. В ряде случаев происходит «сглаживание» деструктивных сем, благодаря чему формируются вторичные значения конструктивной направленности ‘решить вопрос, прийти к общему мнению, быстро принять решение, обосновать и защитить точку зрения’. Новые лексико-семантические варианты возникают как на

МГПУ им. И.П. Шамякина

базе одного слова, так и в составе бинарных конструкций или развёрнутых метафорических контекстов. В немецком языке, по сравнению с русским, наблюдается более разветвлённая структурная организация военных и медицинских метафор. В русском языке метафоры чаще всего образуют бинарные генитивные или атрибутивные конструкции, которые позволяют более чётко и определённо выразить метафорический смысл.

Список использованных источников

1. Holder, F. Wege zum Metaphernverstehen. Ein zeichensystemübergreifender Ansatz zur Didaktik der Metapher mit empirischer Fundierung / F. Holder. – Band 31. – Baltmannsweiler : Schneider Hohengehren, 2019. – S. 257–285.

2. Чудинов, А. П. Современная отечественная педагогическая метафорология / А. П. Чудинов // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 1. – С. 99–103.

3. Стариченок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме : монография / В. Д. Стариченок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.

4. Старычонак, В. Д. Метафара ў беларускай мове на матэрыяле субстантываў : манаграфія / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2007. – 190 с.

5. Кураш, С. Б. Метафорический континуум русских и белорусских поэтических текстов : дискурсивные взаимодействия : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.02 , 10.02.01 / Кураш Сергей Бонифациевич ; Бел. гос. университет. – Минск, 2023. – 52 с.

УДК 821.161.3:82-1=161.1

ОТЫМЕННЫЕ АДЪЕКТИВЫ ДЕНДРОНИМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ: СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Е. П. Жиганова,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской и зарубежной литературы
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: zhiganovalena@mail.ru

В статье анализируются семантика и особенности функционирования адъективов, образованных от субстантивов-дендронимов. Выявляются основные способы использования в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси исследуемых дериватов, которые в прямом значении указывают на видовую принадлежность явления или материал, из которого изготовлен артефакт, в переносном значении используются в качестве составляющих элементов таких поэтических тропов, как метафора, олицетворение, эпитет, сравнение.

Ключевые слова: поэтический дискурс, фитоним, дендроним, производный адъектив, метафора, олицетворение, эпитет, сравнение.

DENOMINAL ADJECTIVES WITH DENDRONYMIC MEANING IN THE MODERN RUSSIAN-LANGUAGE POETIC DISCOURSE OF BELARUS: SEMANTICS, FUNCTIONING

E. P. Zhiganova,
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Belarusian and Foreign Literature of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: zhiganovalena@mail.ru

The article analyzes the semantics and features of the functioning of adjectives formed from nouns that are dendronyms. The main ways of using the derivatives in the modern Russian-language poetic

МГПУ им. И.П.Шамякина

discourse of Belarus are revealed. It has been established that the above-mentioned derivatives in the direct meaning indicate the species affiliation of the phenomenon or the material from which the artifact is made, in their figurative meaning they are used as constituent elements of such poetic tropes as metaphor, personification, epithet, comparison.

Keywords: poetic discourse, phytonym, dendronym, derivative adjective, metaphor, personification, epithet, comparison.

Введение. Фитонимическая лексика является репрезентантом природного мира и представляет собой особую тематическую группу, с помощью которой реализуется познание и описание человеком окружающего его природного мира. Это делает изучение функционирования подобной лексики актуальным, что также обусловлено аккумуляцией в ней не только ментальных, но и антропоцентрических факторов порождения художественного текста, формирующих в конечном итоге образную и художественную целостности.

Мир природы воплотился в языковой картине мира, отразив при этом как практическую деятельность человека, связанную с освоением природы, так и культурную, обусловленную попытками осознать значение природы для человеческого существования. Фитонимическая, в том числе и дендронимическая, лексика в художественном дискурсе всегда занимала значимое место в силу органичной связи мира природы с миром человека. Вопросами изучения подобной лексики занимался целый ряд исследователей (Ю. А. Дьяченко [1], С. Г. Горбовская [2], Н. И. Коновалова [3], Е. В. Крепкогорская [4], А. М. Летова [5], С. С. Шумбасова [7] и др.), что свидетельствует об актуальности данной проблемы в научном сообществе.

Цели и задачи. В данной статье мы остановимся на особенностях использования в современном поэтическом дискурсе Беларуси отыменных адъективов, образованных от названий деревьев, выявим их значение и способы функционирования в художественном тексте.

Методы и материал исследования. Исследование проводилось методом сплошной выборки на материале антологии русскоязычной поэзии Беларуси [6]. В работе использовались контекстуальный, семантико-стилистический, описательный методы, а также элементы компонентного и статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Наряду с активным использованием субстантивов-дендронимов (более 340 текстовых включений) в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси встречаются и образованные от них адъективы: *сосновый* (15), *березовый* (10), *кленовый* (9), *тополиный* (9), *рябиновый* (7), *дубовый* (6), *осиновый* (3), *каштановый* (3), *липовый* (2), *вербный* (2), *ольховый, ивовый, черемуховый.*

Прямое словоупотребление подобных прилагательных позволяет в поэтическом контексте воссоздать мир природы, окружающий человека, и одновременно – вещный мир человека, который был им создан благодаря использованию природных материалов.

Относительные прилагательные могут использоваться в качестве элемента для определения видовой принадлежности деревьев, произрастающих в одном месте: «*Пескам синеть* ***сосновыми лесами***» (Дмитрий Ковалёв), «*В такую пору в чудо верится, / Когда стоишь в* ***сосновой рощице***» (Бронислав Спринчан), «*В* ***бору сосновом****, облучённом, / Не пахнет пасмурный рассвет*» (Андрей Скоринкин), *«Мне кажется, встретимся мы / В старинных* ***кленовых аллеях****»* (Наталья Татур),

МГПУ им. И.П. Шамякина

*«И граф Толстой, как истреблённый тур, / Выходит из **рябинового леса**»* (Михаил Шелехов), «*Не перерубишь дыма топором, / **Дубовой рощи** не развеешь ветром»* (Владислав Артёмов), «*годовые олени в **осинной чаще** / годовые кольца, возрадуйся, Ave»* (Екатерина Самигулина). Наряду со словосочетаниями с вышеназванным значением в поэтических текстах используются субстантивы, образованные от дендронимов, – *березняк, сосняк, дубрава, осинник, ивняк*: *«Заходит в березняк неслышный ветер мглы»* (Вениамин Блаженный), *«**Сосняк** иголки свои до срока / роняет, как ресницы, в кювет»* (Александр Драгохруст), *«Выйдешь тихо утром ранним / Под зеленый свод **дубрав**»* (Лариана Кыркалова), *«Бесприютная серая даль / Да по-зимнему голый **осинник**»* (Валентина Поликанина), «*И неподвластными речной стихии / Стоят в воде **ивняк** и облака»* (Надежда Буранова).

Исследуемые дериваты могут маркировать части дерева – *ветви, листья, иглы, плоды, пух*: «*Покрывалом из **игл сосновых** на мхах росистых*» (Екатерина Самигулина), «*Зима молчит, но не сочти за труд, / И в каждой жилке, в **веточке сосновой**, / Найди её божественный сосуд*», *«И рожки наведя, восшествует улитка / **берёзовым стволом** в бездонную зарю»* (Татьяна Бирченко), *«Здесь пел когда-то соловей / В тени **берёзовых ветвей**»* (Андрей Скоринкин), «*хочется мне **листьями кленовыми** / нежно слезы вытереть дождю»* (Вячеслав Казакевич), *«А за окном, крутясь беспечно / Роится **тополиный пух**»* (Любовь Турбина), *«Паутинки сквозят по **рябиновым веткам**»* (Иван Бисев), «*Май цветёт – сирени кисти, / Взлёт **каштановых свечей**, / Разлетелись в море листьев / Брызги солнечных лучей*» (Николай Иванов).

Данные производные лексемы в поэтическом контексте могут указывать на материал, из которого изготовлен предмет: «*Даже на ночь / сосновые ставни / Закрывать не желает она*» (Геннадий Казак), «*В **ковчежек сосновый** положишь ты эти тетради, / Когда от всеношной начну уплывать, / Уплывать*» (Глеб Артханов), *«**Кленовый** простой **черенок** у резца, / Но этим резцом на земле Беларуси / Гусляр сотворил голосистые гусли, / И струны до звёзд возносили сердца»* (Бронислав Спринчан), *«кто хранитель / **дубовой трости**?»* (Дмитрий Иванов), *«Всё равно меня Бог в этом мире бездомном отыщет, / Даже если забьют мне в могилу **осиновый кол**» (Вениамин Блаженный), «Дымком повеяло прогорклым / Из-за **ольхового плетня**»* (Геннадий Казак). Использованные рядом с субстантивами-артефактами, прилагательные не только обозначают материал, из которого сделан тот или иной предмет, но и привносят дополнительные коннотации, обусловленные традицией и опытом. Например, адъектив *дубовый* добавляет в контекст значение особой прочности и долговечности, выражение *осиновый кол* содержит отсылку к магическим обрядам.

Особую значимость в поэтическом контексте приобретают исследуемые адъективы в составе различных тропов – метафор, олицетворений, эпитетов, сравнений.

Входящие в состав олицетворений относительные прилагательные усиливают представление об антропоморфном восприятии природы, связанном с анимизмом и антропоцентризмом как древними формами традиционного сознания: «*Из глубины **тополиной души** / Вздоха не слышно*» (Юрий Матюшко); «*И жизнь, как тайну чистого листа, / **Рябиновой душой** согреет осень»* (Ольга Переверзева); *«Как строчка старого романса, / **Грустна рябиновая прядь**» (Инга Винарская); «И **тоской осиновой** / Жжёт обида синяя» (Виктор Куц).*

МГУ им. И.П. Шамякина

Метафоры, в состав которых входят адъективы, образованные от дендронимов, могут основываться на уподоблении по цвету: *«Земля крадёт **кленовый грим**»* (Ольга Агапонова), *«**Рябиновым огнем** / зажги ее сперва»* (Виктор Куц), «*В этот **огонь тополиный**, / Ты, дорогая Полина, приди – я живой»* (Николай Шипилов), *«И в окно открытое влетает / **Тополиный** горьковатый **снег**»* (Анна Васильева).

Встречаются в исследуемом контексте синкретичные метафорические конструкции, где перенос осуществляется по модели *запах → чувственная сфера человека*: воздействие на органы обоняния предполагает изменение эмоций, которые испытывает человек, при этом ограничивает способность последнего выходить за рамки этого воздействия: *«город юности и снова / **липовое колдовство**»* (Феликс Чечик), *«Куда ж бежать от аромата: / **Черёмуховый окоём**»* (Олег Ананьев).

Усиливает художественное воздействие поэтического текста использование в качестве эпитетов адъективов, образованных от дендронимов. Например, с их помощью может акцентироваться внимание на интенсивности цвета: *«И прохлада стекает **с рябиновых губ**»* (Ирина Петрова), *«Но вспыхнут вдруг, не виданные мной, / **в рябинных пальцах** алые комочки»* (Ирина Валерина).

Выявить сходства между природными явлениями и жизнью человека, закрепить авторские ассоциации позволяют сравнения, в состав которых входят исследуемые адъективы: *«Оборви меня, **как кленовый лист**, / А потом неси, хоть куда»* (Владислав Артёмов), *«Когда, **словно пух тополиный в июле**, / Куда-то в зенит поднимается тело»* (Вениамин Блаженный). Здесь явно проявляет себя принцип антропоцентризма, поскольку в качестве субъекта сравнения выступает человека, а в качестве объекта – природное явление.

Выводы. Таким образом, использование в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси наряду с субстантивами-дендронимами производных от них адъективов позволяет расширить образную палитру художественного текста, а использование их в прямом значении помогает объективировать описываемую действительность, при этом привнося в контекст коннотативные значения, обусловленные авторским замыслом и национальной культурной традицией.

Список использованных источников

1. Горбовская, С. Г. Обновление традиции флорообразности во французской литературе начала XIX века на примере поэзии Альфонса де Ламартина / С. Г. Горбовская // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9 : Филология, востоковедение, журналистика. – 2011. – Вып. 2. – С. 15–23.

2. Дьяченко, Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова : автореф. дис… канд. филол. наук наук : 10.02.01 / Дьяченко Юлия Александровна ; Курс. гос. ун-т. – Курск, 2010. – 18 с.

3. Коновалова, Н. И. Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург : Изд-во Дома учителя, 2001. – 156 с.

4. Крепкогорская, Е. В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках : автореф. дис… канд. филол. наук : 10.02.20 / Крепкогорская Евгения Всеволодовна ; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2012. – 24 с.

5. Летова, А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Анна Михайловна Летова ; Моск. госуд. обл. ун-т. – М., 2012. – 23 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

6. Поэзия русского слова: антология современной русскоязычной поэзии Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 2 т.

7. Шумбасова, С. С. Функционирование флористической лексики и фразеологии в английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Шумбасова Светлана Сергеевна ; Гос. соц.-гум. ун-т. – М., 2011. – 21 с.

УДК 81’367.623:[811.161.3+811.111]

ПЕЙОРАТИВНЫЕ И МЕЛИОРАТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ ОЛЬФАКТОРНОЙ ЛЕКСИКИ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В. И. Жук,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: ubimgr@gmail.com

В статье исследуется репрезентация мелиоративных и пейоративных номинаций в белорусском и английском языке на базе ольфакторных субстантивов и адъективов. Проводится анализ и количественное сопоставление лексем каждой категории, на основе чего делаются выводы об особенностях отражения ольфакторного поля английского и белорусского языков. Благодаря этому прослеживается специфика восприятия и когнитивной интерпретации феномена запаха, обусловленная различиями в национально-исторических и культурных представлениях носителей разных языков, особенностями их внутреннего мира, а также отличиями лексико-грамматических систем белорусского и английского языков.

Ключевые слова: лексема, ольфакторная номинация, коннотация, эквивалент, белорусский язык, английский язык.

PEJORATIVE AND MELIORATIVE CONNOTATIONS OF OLFACTORY VOCABULARY IN BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

V. I. Zhuk,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: ubimgr@gmail.com

The article examines the representation of meliorative and pejorative nominations in the Belarusian and English languages based on olfactory substantives and adjectives. The analysis and quantitative comparison of the lexemes of each category are carried out, on the basis of which conclusions are made about the specificity of the reflection of the olfactory field of the English and Belarusian languages in the language space, due to which the specifics of perception and cognitive interpretation of the phenomenon of smell is traced, caused by differences in the national-historical and cultural representations of speakers of different languages, the peculiarities of their inner world, as well as the differences of the lexical and grammatical systems of the Belarusian and English languages.

Keywords: lexeme, olfactory nomination, connotation, equivalent, Belarusian language, English language.

Введение. Восприятие – сложный психологический процесс, функционирующий во взаимосвязи с физиологической и духовной природой

МГПУ им. И.П.Шамякина

человека, его поведением, материальной и духовной культурой, взаимоотношениями с другими людьми, мировоззрением и т. д. На современном этапе развития языкознания общепризнанно, что каждый естественный язык является средством накопления и передачи информации об окружающем мире, понимания его представлений.

В лингвистической науке имеется ряд работ, посвящённых аспектам человеческого восприятия, однако проблема описания лексики ольфакторной семантики рассматривается в ограниченном количестве научных трудов, в сравнении с прочими сенсорными аспектами. В актуальных исследованиях, посвящённых семантике обонятельных мотивов и образов, заметной тенденцией является расширение контекста, учёт не только языковых, но и иных (социокультурных, научных, национальных и т. д.) контекстуальных связей [1; 2; 3].

Отчасти это может быть связано с диспропорцией между большим (практически неограниченным) количеством доступных восприятию запахов, их оттенков и характеристик, и небольшим количеством официальных названий с первичным ольфакторным значением, в результате чего большинство номинаций, использующихся при описании запахов, носит вторичный, окказиональный, индивидуально-авторский характер (около 92 % в белорусском языке, более 87 % в английском языке, согласно выборке из 556 лексических единиц).

Результаты и их обсуждение. В большинстве случаев при переводе ольфакторных единиц на другой язык соответствующее слово содержит эквивалентный коннотативный компонент, однако это соответствие не является абсолютным. Носителями языка многие слова используются со значением, не зафиксированным в словарях, поэтому лексическое значение не может быть сведено к минимальному числу признаков, отражающих наивное понятие [4]. Семантика слова дополняется внеязыковой информацией и включает в себя не только признаки понятия, но и обобщённое представление об объекте, присущее коллективному языковому сознанию [5]. Поэтому иногда ближайший эквивалент может не подходить для перевода конкретной единицы в определённых обстоятельствах.

Очевидно, что запах как явление, имеющее сложную архитектонику и трудно поддающееся языковой репрезентации, провоцирует постоянный поиск номинаций, необходимых для коммуникативного взаимопонимания между индивидами. Относительно небольшой объем специализированной обонятельной лексики обусловливает необходимость поиска путей решения проблемы обозначения запахов. Чаще всего это достигается путём описания запаха через его отношение к абстрактной норме: приятные запахи оцениваются положительно, неприятные – отрицательно, в результате чего всё многообразие запахов сводится к нескольким определениям в речи.

При учёте определённой разработанности принципов структурно-семантического описания лексики возникает необходимость комплексного изучения особенностей обозначения различных ольфакторных оттенков языковыми средствами с позиций коммуникативной лингвистики и компаративистики. Аспекты восприятия окружающего мира через обонятельное пространство, зафиксированные в языке, представляют значительный интерес для изучения

МГПУ им. И.П. Шамякина

национальной специфики образов, их культурной значимости, а также характеристик внутреннего мира носителей того или иного языка.

Характеристика ощущений, выражаемых субстантивными единицами, показала, что в сочетании с прилагательными некоторые из этих субстантивов приспособлены для обозначения запаха любого качества, как приятного, так и неприятного: *І ў кабіне самахода было чыста, трымаўся* ***пах прыемнай*** *парфумы* (К. Травень); *Нейкі* ***пах непрыемны*** *на кухні* (М. Зарэцкі); *There was a* ***pleasant smell*** *of baking coming from the wood oven* (C. Gidley) – *З печы, якая тапілася дровамі, ішоў* ***прыемны пах*** *выпечкі*; *He was conscious of feeling cold in the van and of the* ***unpleasant smell*** *of petrol* (B. M. Trimble) – *Ён адчуваў холад у фургоне і* ***непрыемны пах*** *бензіну*. Кроме того, многозначные слова с множественными определениями могут образовывать стилистически окрашенные вторичные ЛСВ, поэтому имеет смысл говорить о некоторой степени энантиосемии, когда в семантической структуре одного и того же слова реализуются как положительные, так и отрицательные коннотации.

Среди 40 выявленных субстантивных вторичных ольфакторных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) 11 белорусских и 5 английских существительных характеризуются пейоративностью (*душок, затхласць, перагар, прыгар, псіна, тухляціна, тухліна, чад, дурман, гар, odor* ‘смрад’, *funk* ‘вонь’). Мелиоративный компонент содержат 2 белорусских и 4 английских существительных (*водар, букет, scent* ‘аромат’, *perfume* ‘аромат’, *essence* ‘дух’, *bouquet* ‘букет’).

Прослеживается тенденция к образованию нейтральных и мелиоративных ольфакторных лексико-семантических вариантов существительных. Это явление не случайно и свидетельствует о некоторых особенностях в ментальности, внутреннем мире носителей языка, и культурных особенностях, поскольку при поверхностном анализе прочих сенсорных семантических полей подобное расхождение наблюдается в меньшей степени. Например, в английском языке мы находим такие выражения, которые имеют положительный оттенок при описании чувств человека: *visionary* (досл. ‘провидец’), *keen-eyed* (досл. ‘зоркий глаз’), *having a good ear* (досл. ‘имеющий хороший слух’), *good listener* (досл. ‘хороший слушатель’); *a light touch* (досл. ‘лёгкое прикосновение’), *good taste* (досл. ‘хороший вкус’) и т. д. Однако эквиваленты, которые положительно описывают обонятельные способности, отсутствуют. Широко употребляемое слово *nosy* (досл. ‘имеющий хорошее обоняние’, ‘любопытный’), связанное с запахом, несёт скорее негативный подтекст.

Наиболее заметная тенденция к образованию мелиоративных ЛСВ обнаружена у существительных с начальным положительным оценочным компонентом, тогда как существительные с отрицательным первичным определением приобретают семы с пейоративным оценочным компонентом.

Основу лексики чувственного восприятия составляют прилагательные, поскольку категория признаков является одной из основных в процессах восприятия и понимания человеком мира. Адъективы выражают статичные, неотделимые признаки объекта, а в ситуации обонятельного восприятия, как правило, описывают свойства запаха [6]. Они информативны, существуют на всех уровнях организации текста и описывают широкий спектр признаков. Благодаря такой широте семантики эта часть речи отличается мобильностью: одно прилагательное может использоваться для характеристики разных денотатов, что позволяет перцептивным адъективам эффективно образовывать вторичные ЛСВ и способствовать развитию лексической системы языка [7].

МГПУ им. И.П. Шамякина

В число прилагательных, включённых в исследовании, вошли 244 белорусских и 312 английских адъективов, содержащих ольфакторные определения.

Поскольку специфика обонятельного восприятия заключается в личностной включённости человека в процесс обонятельного восприятия, который характеризуется эмоциональностью, социальной оценочностью, субъективностью и ситуативной обусловленностью, многие ольфакторные номинации содержат коннотативный компонент. Вторичная семантика прилагательных в этих случаях определяется источниками мотивации, которые, приобретая аффиксальное определение, сохраняют бинарные антонимические оппозиции как в белорусском, так и в английском языке (*добры – дрэнны, сухі – вільготны, прыемны – непрыемны, гаючы – хваробны, цудоўны – агідны, моцны – слабы, знаёмы – незнаёмы, good – bad, pleasant – unpleasant, weak – strong* и т. д.). Положительные и отрицательные коннотации выражаются в группах, апеллирующих к эмоциональной сфере. ЛСВ таких прилагательных передают эмоциональные переживания субъектов восприятия обонятельного ощущения, являются неотъемлемым компонентом обонятельной синестезии и часто используются для выражения экспрессивности, ясности, высокой степени экспрессии (*вясёлы*, *любы*, *злы*, *агідны, harsh* – ‘суровый’, *disgusting* – ‘омерзительный’).

Понятие «плохой запах» сформулировано в языке более развернуто, подробно, что подтверждает мысль о том, что человек больше внимания уделяет негативным аспектам общества и окружающей среды. В качестве примеров часто приводят единодушное неприятие запахов, исходящих от экскрементов, испорченной пищи, сопровождающих сырость и гниение, возникающих во время болезней и т. д.

В результате семантической деривации в семантических структурах 49 белорусских и 74 английских прилагательных образовались пейоративные вторичные ольфакторные ЛСВ. Негативное содержание обычно несут обонятельные образы в прилагательных с первичной отрицательной оценкой, которая применительно к запахам обозначается таким маркером, как «неприятный запах». Это группы отрицательной качественной оценки состояния (*жудасны*, *дрэнны*, *брудны*, *гнілы*, *затхлы*, *нясвежы*, *цвілы*; англ. *harsh* ‘суровый’, *rough* ‘грубый’, *offensive* ‘оскорбительный’, *sweaty* ‘потны’ и др.), воздействия на человека (*агідкі*, *едкі*, *удушлівы*, *ядавіты*; англ. *annoying* ‘раздражающий’, *stomach-churning* ‘тошнотворный’ и др.), источников запаха (*гнойны*, *чадны*, *трупны*, *шлакавы*; англ. *carrion* ‘падальный’, *fecal* ‘фекальный’ и др.), чувственно-эмоциональной сферы (*агідны*, *злы*, *сумны*, *трывожны*; англ. *disgusting* ‘омерзительный’, *evil* ‘злой’ и др.), временной характеристики (*стары*, *застарэлы*; англ. *ancient* ‘древний’, *old* ‘старый’) и некоторых других групп.

Мелиоративная коннотация и маркер «приятные запахи» засвидетельствованы в ЛСВ 30 белорусских и 41 английского прилагательного таких тематических блоков, как качественные характеристики (*добры*, *вытанчаны*, *вабны*; англ. *good* ‘приятный’, *majestic* ‘величественный’, *sophisticated* ‘утончённый’, и др.), воздействия на человека (*асвяжальны*, *гаючы*, *жыватворны*, *незабыўны*; англ. *cool* ‘освежающий’, *invigorating* ‘бодрящий’ и др.), вкуса (*сытны*, *смачны*; англ. *savory* ‘сытный’, *delicious* ‘вкусный’), эмоций и ощущений (*вясёлы*, *любы*; англ. *lovely* ‘прекрасный’) и некоторых других групп.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Ольфакторный континуум белорусского и английского языков фиксирует лексические единицы, которые характеризуются как общими, так и специфическими чертами. Определённая типология номинаций проявляется на уровне тождества семантических моделей, их стереотипности, сходства коннотативного содержания, что обусловлено универсальными способами познания действительности, аналогиями в образно-познавательной деятельности человека, общими для носителей языка закономерностями физиологических процессов восприятия слуховых ощущений организмом. С другой стороны, обонятельное восприятие напрямую связано с эмоционально-психологической сферой человеческого бытия и в большинстве случаев носит субъективный характер, что влечёт за собой возникновение межъязыковых различий. Подобные различия выражаются в разной репрезентации донорских сфер ольфакторных концептов, включаемых в процесс семантической деривации, количественном составе вторичных ЛСВ, наличии или отсутствии мелиоративных и пейоративных ЛСВ, что обусловлено различиями в национально-исторических и культурных представлениях носителей разных языков, особенностями их внутреннего мира, а также спецификой лексико-грамматических систем белорусского и английского языков.

Список использованных источников

1. Ильюхина, Т. Ю. «Запах счастья» у Чехова: опыт литературно-ольфакторного анализа / Т. Ю. Ильюхина // Нева. – 2010. – № 1. – С. 204–207.

2. Павлова, Н. С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Павлова Наталья Сергеевна ; Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 228 л.

3. Герасимова, О. А. Социально-психологические характеристики ольфакторной самопрезентации личности : дис. … канд. психол. наук : 19.00.05 / Герасимова Ольга Александровна ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 2003. – 240 л.

4. Михайлова, О. А. Ограничения в лексической семантике. Семасиологический и лингвокультурологический аспекты / О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 240 с.

5. Трофимова, Н. А. Ольфакторная метафора / Н. А. Трофимова // Когнитив. исслед. яз. – 2018. – Вып. 34. – С. 328–331.

6. Лаенко, Л. В. Перцептивный признак как объект номинации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Лаенко Людмила Владимировна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 465 л.

7. Бардовская, А. И. Средства номинации синестетических соощущений: на материале английских и русских художественных текстов : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Бардовская Анастасия Игоревна ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2005. – 178 л.

УДК 811.161.1'37

ОТНОШЕНИЯ ПРЕВОСХОДСТВА В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ В АСПЕКТЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

А. С. Коцур,
аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: anzhelika.kotsur@gmail.com

Статья посвящена исследованию отношений превосходства в языке на примере произведений русского поэта Сергея Есенина. Рассматриваются лингвокультурные аспекты,

МГПУ им. И.П. Шамякина

отражающие иерархические структуры и социальные отношения в контексте русских поэтических традиций. Анализируется, как через язык и поэтические образы Есенин выражает темы превосходства, подчинения и гармонии с природой и обществом.

Ключевые слова: С. Есенин, превосходство, языковые средства, метафора, фразеологизм, лингвокультура.

RELATIONS OF SUPERIORITY IN RUSSIAN POETIC TEXT IN THE ASPECT OF POETIC TRADITIONS

A. S. Kotsur,
postgraduate student of the Department of Belarussian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: anzhelika.kotsur@gmail.com

The article is devoted to the study of relations of superiority in language on the example of works by the Russian poet Sergei Yesenin. The article examines linguocultural aspects that reflect hierarchical structures and social relations in the context of Russian poetic traditions. It analyzes how Yesenin expresses the themes of superiority, submission, and harmony with nature and society through language and poetic images.

Keywords: S. Yesenin, superiority, linguistic means, metaphor, phraseological unit, linguoculture.

Введение. В. А. Маслова определяет лингвокультурологию как «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии и исследующую проявления культуры народа, которые закрепились в языке». Это направление ставит культуру и язык на один уровень, рассматривая культуру как содержание, а язык – как форму его проявления [1, с. 5].

Отношения превосходства в языке представляют собой важный объект лингвистического и культурного анализа. Они могут быть выражены при помощи различных языковых средств, которые помогают передать оценочные суждения, социальные статусы и эмоциональные состояния. Такими средствами могут быть сравнительные конструкции, специальные лексические единицы, грамматические формы и пр.

Цель данной статьи – выявить, как в произведениях С. Есенина отражаются культурные и социальные отношения в аспекте концепции превосходства на фоне русской поэтической традиции.

Задачами исследования являются:

1) анализ языковых средств выражения отношений превосходства;

2) выявление стилистических приемов, используемых С. Есениным для создания образов, основанных на семантике превосходства;

3) сравнительный анализ способов выражения отношений превосходства у Сергея Есенина и других поэтов.

Методы и материал исследования. Решение поставленных задач осуществлялось на основе применения методов таких исследования, как сравнительный метод, метод анализа и синтеза, описательный метод, метод обобщения и систематизации.

Для анализа были отобраны стихотворения Сергея Есенина, в которых так или иначе выражаются отношения превосходства («Снежная замять дробится и

МГПУ им. И.П. Шамякина

колется…» [3, с. 280], «Гой ты, Русь, моя родная» [8, с. 21]). Также были проанализированы произведения А. С. Пушкина «Уж небо осенью дышало…» (отрывок из романа «Евгений Онегин») [6], «Зимнее утро» [7] для сопоставительного анализа подходов к выражению отношений превосходства.

Результаты и их обсуждение. В творчестве Есенина языковые средства выражения отношений превосходства играют одну из ключевых ролей в формировании образа личности и передачи эмоционального состояния.

Согласно малому толковому словарю русского языка В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной, превосходство в языке можно определить как *«преимущество перед кем-чем-н. в каком-н. отношении»*, при котором один объект или субъект рассматривается как более значимый, важный или ценный по сравнению с другими [2, с. 424].

Лексика играет ключевую роль в выражении превосходства. Существуют специальные слова и выражения, которые подчеркивают высокую степень качества или характеристики объекта. Например, сравнительные и превосходные степени сравнения прилагательных (*самый красивый, самый умный, больше, лучше*).

Так, в стихотворении Сергея Есенина «Снежная замять дробится и колется…» в строках *«Что **лучше** тебя никого не видал», «Так же, как в детстве, на **лучший** удел»* ключевую роль выполняют прилагательные сравнительной и превосходной степеней для создания образа «родной околицы» [3, с. 280].

Лексические единицы, обозначающие превосходство, могут иметь различные коннотации в зависимости от контекста, в котором они используются. Коннотация (лат. connotatio) – это дополнительное, сопутствующее смысловое приращение языковой единицы [4, с. 449].

Например**: «*Выдающийся*»** – это слово акцентирует внимание на редких отличительных качествах человека и его достижениях. Предложение *«Она является выдающимся специалистом в своей области»* говорит о высоком профессионализме и уважении к ее работе. **«*Превосходный*»** – используется для описания какого-то высокого качества. Например, утверждение *«Это превосходный ресторан»* вызывает ассоциации с отличным обслуживанием и вкусной едой.

В. Н. Телия отмечает, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», именно фразеологизмы как бы обеспечивают носителям языка особое видение мира, ситуации [5, с. 9].

Фразеологизмы, связанные с превосходством, могут отражать различные аспекты достижения, успеха и превосходства над другими. Например:

1. ***«Выше всяких похвал»*** – используется для описания чего-то, что превосходит все ожидания и не подлежит критике: *«Её работа выше всяких похвал».*

2. ***«Взять верх»*** – означает одержать победу или добиться превосходства в какой-либо ситуации: *«Ему удалось взять верх в этом споре».*

3. ***«На коне»*** – фразеологизм, который обозначает успешное положение или состояние: *«После последнего успеха он снова на коне»*.

Эти и много другие подобные фразеологизмы подчеркивают различные аспекты превосходства и успеха и могут использоваться в различных контекстах для акцентирования внимания на достижениях и высоких качествах.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Поэтический язык обладает уникальными средствами и приемами, которые позволяют выразить отношения превосходства не только в прямом, но и в переносно-образном смысле.

Для создания образов, которые подчеркивают превосходство, поэты часто используют метафоры и сравнения. Например, сравнение человека с величественным деревом или горой символизирует его силу и значимость. Аллегорические образы также служат для передачи идеи превосходства через символику.

Так, например, в стихотворениях А. С. Пушкина образ солнца радостный и восторженный. В строках стихотворений *«Уж реже солнышко блистало»*, *«Мороз и солнце; день чудесный!»* оно выступает символом высшего блага и мудрости [6], [7].

Гипербола (преувеличение) также часто используется для подчеркивания превосходства. Она помогает создать яркие и запоминающиеся образы: *«Он был так велик, что мог сдвинуть горы», «Его слова звучали, как гром с небес».*

Восприятие превосходства – это сложный и многогранный процесс, который зависит от множества культурных аспектов. Культура формирует наши представления о том, что такое превосходство, как оно проявляется и как воспринимается в обществе.

Сергей Александрович Есенин – один из самых ярких представителей русской поэзии начала XX века, чьи произведения наделены яркими лингвокультурными элементами, отражающими как его личный опыт, так и культурные традиции народа.

Есенин часто обращается к образам природы и крестьянской жизни, что отражает его восприятие простоты и искренности как высших ценностей. В этом контексте превосходство может восприниматься не как социальный статус, а как духовная чистота и связь с родной землей. В его стихах природа представлена как живое существо, полное чувств и эмоций. Образы рек, полей, лесов и деревень создают атмосферу родной земли и глубокой связи с ней.

В стихах Сергея Есенина крестьянская жизнь представляется как идеал, в отличие от городской суеты и лицемерия. Это создает контраст между «высшим» (городским) и «низшим» (крестьянским) слоями общества. В стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная» поэт использует метафоры природы для подчеркивания превосходства крестьянской жизни: *«И гудит за корогодом / На лугах **веселый пляс**»*. Здесь природа становится символом чистоты и гармонии, что подчеркивает высокое положение крестьянского образа жизни в контексте русской культуры [8, с. 21].

Выводы. В результате проведенного исследования можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, язык и поэтические образы Есенина служат мощным инструментом для выражения иерархических структур и социальных отношений, характерных для славянских традиций. Поэт использует разнообразные языковые средства – от сравнительных конструкций до метафор и аллегорий – для передачи тем превосходства, подчинения и гармонии с природой.

Во-вторых, лексика, используемая Есениным, играет важную роль в формировании образа личности и идентичности как самого поэта, так и его персонажей. Применение сравнительных и превосходных степеней прилагательных позволяет акцентировать внимание на уникальных качествах объектов и

МГПУ им. И.П. Шамякина

персонажей, что способствует более глубокому пониманию их социального статуса и эмоционального состояния.

В-третьих, анализ произведений С. Есенина и других поэтов, в частности А. С. Пушкина, демонстрирует разнообразие подходов к выражению отношений превосходства в русской литературе.

Результаты исследования подтверждают актуальность лингвокультурного анализа как метода изучения поэзии и языка. Понимание того, как языковые конструкции формируют представления о превосходстве и подчинении, открывает новые горизонты для литературного анализа и позволяет глубже осознать культурные традиции, отраженные в творчестве таких выдающихся поэтов, как Сергей Александрович Есенин. Отношения превосходства в языке, как они представлены в произведениях Сергея Есенина, являются отражением широкого культурного и социального контекстов.

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. зав. / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

2. Малый толковый словарь русского языка : Ок. 35 000 слов / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1993. – 704 с.

3. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин. – Рос. акад. наук, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького ; редкол. : Ю. Л. Прокушев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука – Голос, 1995 – 2005. – Т. 1 : Стихотворения. – 1995. – 675 с.

4. Большой толковый словарь русского языка [А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; редкол. : С. А. Кузнецов (гл. ред) [и др.]. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

5. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

6. Пушкин, А. С. Евгений Онегин. Стихотворения. Медный всадник / А. С. Пушкин. – М. : Профиздат, 2007. – 304 с.

7. Пушкин, А. С. Стихотворения. Поэмы. Сказки / А. С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1977. – 783 с.

8. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений в одном томе / С. А. Есенин. – М. : Альфа-книга, 2014. – 719 с.

УДК 81’373

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ ОБОРОТОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЭТНОНИМОМ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

М. И. Кравчук,
аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: kravchuk_masha@list.ru

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом-этнонимом в русском и немецком языках, отражающие этнические стереотипы. Проводится сопоставительный анализ с целью выявления общих черт и различия в восприятии «чужого» этноса в двух языках.

Ключевые слова: фразеологические единицы, этнонимы, этнические стереотипы, сопоставительный анализ, русский язык, немецкий язык.

МГПУ им. И.П. Шамякина

REFLECTION OF ETHNIC STEREOTYPES IN PHRASEOLOGY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN ETHNONYM IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

M. I. Kravchuk,
postgraduate student at the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named I.P. Shamyakin,
Mozyr, Belarus
E-mail: kravchuk_masha@list.ru

This article examines phraseological units with an ethnonym component in Russian and German, reflecting ethnic stereotypes. A comparative analysis is carried out in order to identify similarities and differences in the perception of the "other" ethnic group in the two languages.

Keywords: phraseological units, ethnonyms, ethnic stereotypes, comparative analysis, ethnonyms, Russian language, German language.

Введение. Проблеме формирования и функционирования этнических стереотипов в языковом сознании посвящены работы У. Липпмана, Е. Бартминского, А. К. Байбурина, О. В. Беловой, С. В. Гладких, У. Куастхофф, Г. И. Исиной, Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина, А. Д. Шмелева, В. С. Агеева, С. А. Арутюнова и др. Особое значение для изучения этнических стереотипов имеют исследования, позволяющие проследить и сопоставить этнические стереотипы двух народов, выявить схожие и различные черты [1, с. 274].

Под этническими стереотипами В. А. Маслова понимает обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ [2, с. 13]. В языке такие стереотипы, являясь важным элементом культурного кода, находят свое отражение в устойчивых выражениях.

Этнические стереотипы подразделяются на гетеростереотипы (восприятие других народов) и автостереотипы (восприятие «своей» этнической группы) [3, с. 93].

Фразеологические единицы (далее ФЕ) с компонентом-этнонимом представляют особый интерес для исследователей, поскольку они отражают понимание характера, привычек, менталитета и поведения того или иного народа, сложившихся под влиянием исторических и культурных факторов. Данные устойчивые выражения зачастую несут в себе ярко выраженные эмоционально-оценочные коннотации (положительные или отрицательные) / эмоционально-экспрессивную окраску. Напр., выражение *«работать, как немец»* – этнический стереотип, подчеркивающий трудолюбие немцев как типичную черту нации.

Целью исследования является выявление и сопоставление ФЕ с компонентами-этнонимами в русском и немецком языках, отражающих стереотипные представления о других народах.

Результаты исследования. В русском языке ФЕ с этнонимами «еврей», «цыган», «татарин» часто отражают стереотипы о жадности, хитрости, напр., *жадный как еврей, цыганская натур* [3, с. 94–95].

Большинство ФЕ с этнонимом «немец» в русском языке имеют положительную окраску, напр.: *немецкая аккуратность, строить по-немецки* (т. е. основательно), *немецкая пунктуальность* и т. д.

ФЕ с этнонимом «китаец» зачастую используются либо для выражения непонимания, напр.: *как с китайцем говорить, китайская грамота,* либо отражают

МГПУ им. И.П. Шамякина

стереотип о трудолюбии китайцев, напр.: *работать как китаец* (т. е. долго выполнять монотонную работу без отдыха).

ФЕ с этнонимом «француз» часто ассоциируются с романтикой, напр.: «французский поцелуй» (т. е. страстный).

В немецком языке большинство автостереотипов связаны с педантичностью, аккуратностью немцев, напр., *deutsche Gründlichkeit* («немецкая основательность»). Однако в немецком языке также есть устойчивые выражения, имеющие отрицательную оценку, напр., *sich benehmen wie ein Waldeutscher* («вести себя как лесной немец», т. е. грубо).

В немецком языке ФЕ с этнонимом «русский» встречаются реже, чем ФЕ с этнонимом «немец» в русском языке, и большинство из них связано со стереотипами о русском гостеприимстве и расточительности, т. е. немцы воспринимают русских как щедрых, но склонных к нерациональным тратам, напр., *новые русские*; подчеркивается также склонность русских к риску, азарту (*russisches Roulette*), чрезмерному употреблению алкоголя (*voll wie 1000 Russen sein*).

Как и в русском языке, немецкие ФЕ с этнонимом «еврей» отражают стереотип о еврейской хитрости, напр., *jemanden über den Tisch ziehen wie ein Jude* («обмануть кого-то, как еврей»).

В немецком языке существует большое количество ФЕ с компонентами-этнонимами, описывающими соседние народы, напр., *französischer Abschied* («французское прощание», т. е. уйти без предупреждения, не попрощавшись), *polnische Wirtschaf* («польское хозяйство», т. е. беспорядочное хаотичное ведение дел (имеет негативную окраску).

Необходимо отметить, что в немецком языке часть ФЕ с компонентом-этнонимом исчезла из активного употребления и была исключена из фразеологических словарей из-за расистского подтекста, напр., *wie ein Neger aussehen, einen Neger bekommen*.

Сопоставительный анализ рассматриваемых языковых единиц выявил наиболее частотные компоненты-этнонимы в русском и немецком языках, показал, что в обоих языках преобладают негативные коннотации, связанные с поведенческими стереотипами, мотивировавшими исторически сложившиеся представлениями о народах (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Этнонимы и их коннотации

	Русский язык	**Deutsch**
Наиболее частотные этнонимы	еврей, цыган, татарин, немец	Deutsche, Jude, Pole, Franzose
Преобладающая оценка	чаще негативная	auch öfter negativ, aber selbtstereotype sind öfter positiv

В русском языке большинство ФЕ с этнонимом «немец» имеет положительную коннотацию, в отличие от немецкого, в котором чаще встречаются ФЕ с этнонимами, вызывающими негативные представления о русских.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Стоит отметить, что многие ФЕ с компонентом-этнонимом теряют свою негативную окраску, приобретая нейтральное значение (напр.: *шведский стол*), что свидетельствует о постепенном изменении этнических стереотипов.

Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору от 25.02.2025 № 1410/2025.

Список использованных источников

1. Цинеккер, Т. Г. Особенности вербализация этнических стереотипов в русских и немецких паремиях / Т. Г. Цинеккер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12. – № 8. – С. 274–278.

2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пос. / В. А. Маслова. – 2-е изд. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

3. Этнокультурные стереотипы в русской фразеологии / М. Л. Лаптева. – URL: https://core.ac.uk/download/pdf/291692395.pdf (дата обращения: 31.03.2025).

4. Кеняйкина, Е. А. Отражение этнических стереотипов в лексике немецкого и русского языков : выпускная квалификационная работа / Е. А. Кеняйкина. – Екатеринбург, 2017. – 73 с.

5. Duden, Bd. 11. Redewendungen : Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Berlin : Dudenverlag, 2023.

УДК 821.161.-9:81’373.23

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЁН В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Н. И. Лапицкая,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: nadezhdalapickaya@yandex.ru

Ван Жуйань,
магистрант Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: wangruian136@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые особенности употребления личных имён в русских паремиях. С применением методов объяснительного аналитического описания и методов обобщения и систематизации на материале работы выделяются семантические группы паремий с личными именами (пословицы и поговорки с календарными именами-компонентами, отмеченными в месяцеслове, исторические пословицы и поговорки с христианскими (и нехристианскими) именами, пословицы и поговорки с христианскими именами библейского происхождения, пословицы и поговорки с патронимическим компонентом: *п*ословицы и поговорки с личными мужскими и женскими христианскими именами в полной и гипокористической формах), проводится классификация личных имён в пословицах и поговорках рассматриваются такие явления, как семантическая аттракция, приём этимологической магии, являющимися основанием для использования тех или иных имён в текстах паремий, определяются функции антропонимов в данном типе текстов.

Ключевые слова: личное имя, имя собственное (ИС), паремия, приём «этимологической магии», приём «семантической аттракции».

МГПУ им. И.П. Шамякина

PECULIARITIES OF THE USE OF PERSONAL NAMES IN RUSSIAN PAREMIA

N. I. Lapitskaya,
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics
Gomel State University named after F. Skorina,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: nadezhdalapickaya@yandex.ru

Wang Ruian,
Master's student of Gomel State University named after F. Skorina,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: wangruian136@gmail.com

The article examines some features of the use of personal names in Russian proverbs. Using the methods of explanatory analytical description and methods of generalization and systematization, semantic groups of proverbs with personal names are distinguished on the basis of the work (proverbs and sayings with calendar names-components noted in the calendar, historical proverbs and sayings with Christian (and non-Christian) names, proverbs and sayings with Christian names of biblical origin, proverbs and sayings with a patronymic component: proverbs and sayings with personal male and female Christian names in full and hypocoristic forms), a classification of personal names in proverbs and sayings is carried out, such phenomena as semantic attraction, the technique of etymological magic, which are the basis for the use of certain names in the texts of proverbs, are considered, the functions of anthroponyms in this type of texts are determined.

Keywords: personal name, proper name, paroemia, "etymological magic" technique, "semantic attraction" technique.

Введение. Пословицы и поговорки как одна из форм языкового творчества народа отражают черты его истории, общественного строя, быта, мировоззрения. Сказанное вдвойне относится к тем пословицам и поговоркам, которые имеют в своём составе ИС. Имя в качестве универсалии языка хранит информацию во времени, является сложным языковым знаком и, согласно мифопоэтическому подходу, может представлять собой свернутый краткий текст, т. е. являться «антропонимической формулой или реликтом эллиптированного текста» [1, с. 87].

Цели и задачи. Классификация паремий с именами собственными, описание некоторых особенностей употребления личных имён в пословицах и поговорках, характеристика основных функций использования имён собственных в текстах паремий.

Методы и материал исследования. В работе использован материал, извлечённый из различных лексикографических источников и проанализированный с применением методов объяснительного аналитического описания и методов обобщения и систематизации.

Результаты исследования. Паремии с антропонимическим компонентом отличаются разнообразием тематики, краткостью и ясностью выраженных в них мыслей, предельной сжатостью формы. Можно предложить следующую классификацию пословиц и поговорок с антропонимическими вкраплениями:

1. Пословицы и поговорки с календарными именами-компонентами, отмеченными в месяцеслове (народных праздниках, приметах, поверьях, суеверьях): *на Св.* ***Матвея*** (16 ноября) *зима потеет, на* ***Матвея*** *земля преет*;

МГУ им. И.П. Шамякина

каков ***Платон и Роман*** (17 ноября), *такова и зима*; ***Катерина Санница*** *дорогу укатает*; ***на Сильвестра*** (2 января) *окуривают курятник, заговаривают лихоманку* [2].

2. Исторические пословицы и поговорки с христианскими (и нехристианскими) именами: *и* ***Мамай*** *правды не съел*; *бородка* ***Минина,*** *а совесть глиняна*; *тяжко голове без плеч, тяжко телу без головы, Русской земле – без* ***Игоря***; *дожидайся* ***Юрьева*** *дня, когда рак свистнет* [3].

3. Пословицы и поговорки с христианскими именами библейского происхождения: *кто понедельничает, возрадуется заступничеству архангела* ***Михаила***; *трясётся, что* ***Каин****, что осиновый лист*; *прости* ***Христа*** *ради за прошлое, да и напредки тож* [3].

4. Пословицы и поговорки с патронимическим компонентом: *полюби* ***Андревну*** *(соху), будешь с хлебом*; *Ерофеич часом дружок, а другим вражок* (пьянство); *хоть* ***Кузьминишна****, да не корыстна; и* ***Ивановна****, да нам надобна* [3].

5. Пословицы и поговорки с личными мужскими и женскими христианскими именами в полной и гипокористической формах: *горе, что муж* ***Григорий****: хоть бы болван, да* ***Иван***; *у всякого Гришки свои делишки*; ***Марфуша*** *– покушай,* ***Макавей*** *– поговей*; *князю княгиня (мила), крестьянину* ***Марина****, а всякому своя* ***Катерина*** [3].

Исследователи пословиц и поговорок обратили свое внимание на избирательный, точнее, антропоцентрический характер семантики народной паремии: они покрывают преимущественно те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей личности, познавательных процессов, эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических свойств личности и т. д. При этом выделяются семантические группы, характеризующие:

а) социальное происхождение человека: *князю – княгиня, боярину –* ***Марина,*** *а всякому – своя* ***Катерина*** [3];

б) социальное положение человека и его оценку: *в худе городе и* ***Фома*** *дворянин*; *у меня лакеи все были Мокеи; а ныне к* ***Мокею*** *самому пришлось в лакеи* [3];

в) семейное положение и родственные отношения: *хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка*; *достают невесту собою, а ино и* ***Фомою*** [3];

г) черты характера, преимущественно отрицательные: *до* ***Дмитра*** *девка хитра; а после* ***Дмитра*** *ещё хитрее* (вышед замуж). (26 октября); *крестись,* ***Андроны*** *едут* [2];

д) умственные способности, внешние, физические качества и состояния человека: *всяк* ***Аксён*** *про себя умён (смышлён)*; *прозорлив как* ***Аввакум***; *кос, как* ***Соловей-разбойник*** *(который одним глазом на Киев, другим на Чернигов глядел*); *у* ***Тараса*** *на плеши разыгралися три вши*; *один* ***Сысой,*** *да и тот косой*; *Дунька не последняя дурка* [3].

Некоторая группа пословиц и поговорок с антропонимическим компонентом со значением лица не дифференцируется по признаку пола: значение пола конкретизируется в речи сочетаемостными характеристиками данных единиц, а также широким контекстом: *Прищуривай,* ***Агашка****, на левый глаз!*; *Насилу* ***Ненилу*** *свалили в могилу* [3].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Как и во фразеологизмах, семантика личного имени в структуре паремии иная, чем на обычном коммуникативном уровне. Отсутствует связь имени с индивидуальным человеком. Семантика антропонима приобретает обобщённый смысл, тяготеющий к имени нарицательному. Семантика антропонима в структуре устойчивого изречения – это переосмысление, создающееся за счёт метафоризации или метонимии.

Наполняясь обобщенным смыслом, личное имя получает способность быть применённым к той или иной жизненной ситуации, может дать характеристику человеку, тем или иным свойствам его характера. Имя приобретает характеризующую функцию: *Один сынище и тот* ***Фомище***; *Чёрт* ***Ваньку*** *не обманет:* ***Ванька*** *про него молитву знает* [3].

Основания для использования ИС в пословицах и поговорках совпадают с основаниями использования ИС во фразеологизмах. Подробнее можно остановиться на основании созвучия морфологического состава имени с живыми формами и элементами языковой системы, возможностями его народной этимологизации. Целый ряд паремий основан именно на приёме «этимологической магии» [4] – одной из важнейших особенностей многих фольклорных текстов, когда в один контекст вводятся слова, действительно этимологически родственные, или слова, связанные лишь звуковым сходством (т. е. народной этимологией).

Павел Флоренский писал об этом: «Пословицы и поговорки об именах, нередко едкие и убийственно верные, частушки, песни и др. отмечают эти черты. Может казаться иногда, что только ради рифмы. Но «… в самом созвучии открывается внутренняя необходимость: разве не естественно, чтобы свойство имени, аналитически из него вытекающее, – и звуком выражалось похожим на звук самого имени» [5, с. 355].

Так, народная этимология связала антропоним *Варвара* с *воровством* (первоначально такая связь возникла из-за того факта, что на улице *Варварке* в Москве находилась знаменитая *Варва́рская* башня (в народе просто *Варварка*), возле которой допрашивали пойманных в Москве разбойников и воров): *Проворна* ***Варвара*** *на чужие карманы, прогнали* ***Варвару*** *из чужого амбару* [3].

Приём этимологической магии виден и в следующих пословицах: *На святого* ***Прокла*** *поле от росы промокло; На* ***Варвару*** *зима дорогу заварит (заварварит);* ***Варвара*** *заварит,* ***Савва*** *засалит,* ***Никола*** *закуёт;* ***Покров*** *землю покроет* [2].

Семантическая аттракция (притягивание) может подразумеваться, но не выражаться формально. Так, скрытый приём этимологической магии наблюдается в пословицах и поговорках: *Швея* ***Софья*** *– на печи засохла* (соня, сонливая); ***Сергей*** *(****Серёжа****) – пройми ухо* (плут) (случаи чистой омонимии *Серёжка* и *серёжка*, *Соня* (от *Софья*) и *соня*) [3].

Или пример с этимологически связанными словами: *Матушка* ***Покрова****, покрой землю снежком, а меня женишком.*

Некоторые пословицы и поговорки, на наш взгляд, имеют более глубокие основания для ввода тех или иных личных имён. К таким паремиям, видимо, можно отнести следующие единицы: *Нашему* ***Луки*** *(е) и чёрт с руки*; *Из-за многих из-за гор вышел дядя* ***Егор*** (о солнце); *Козёл – так и* ***Васильевич*** *(Васильев сын)* [3].

Имя ***Лука*** можно связать со словами *лука* «коварство, хитрость» и с производными от него *лукавый* «хитрый, коварный» и *Лука́нька* – одним из эвфемических названий чёрта.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Во второй паремии имя *Егор* не случайно символизирует солнце. Как известно, св. *Егорий* (*Георгий*) воспринял черты языческого бога *Ярилы*, связанные с наличием в слове *Ярило* корня *-яр-*, имевшего в составе существительных значение «весна».

Сам *Ярило* «открывал» настоящую весну, был красив, молод, осмысливался как бог плодородия и чувственной любви. Ср. в связи с этим значение корня *-яр-* «жара, пыл, зной», «страсть любовный пыл», «гнев, ярость», календарную паремию *Святой Георгий красную весну на красную горку начинает* и загадку, в которой Егором называют солнце: *Взойдёт Егор на бугор – выше леса, выше гор, с бугра спускается – из глаз скрывается* (солнце) [2].

В третьей паремии *Василием* назывался 1-ый день Нового года (1 января), когда по дворам ходили ряженые, среди которых был козёл.

Выводы. Таким образом, в пословицах и поговорках имя выполняет две основные функции:

1) магическую, которая связана с приёмом этимологической магии;

2) прагматическую, т. е. является средством выражения отношения говорящего к персонажу. Например, имя *Иван* представляет собой собирательный образ русского человека, который умён, сметлив, ленив, глуп, добр и т. д.: *Чёрт **Ваньку** не обманет: **Ванька** про него молитву знает*; *Милёнок **Ивашка** в белой рубашке*; *Кобылка бежит, а **Ивашка** лежит*; *Горе-горе, что муж **Григорий**, хоть бы болван, да **Иван*** [6].

По словам В. Н. Топорова, «роль имени не только велика, но по-особому отмечена, и то, что поддается учету и пересказу, образует лишь поверхностный слой той тайны, которая связана с именем. Но даже прикосновение к этому слою намекает и на глубину этой тайны, и на ту силу, которая от нее неотделима» [7, с. 126].

Список использованных источников

1. Нерознак, В. П. Заметки об этимологии имени собственного / В. П. Нерознак // Имя нарицательное и собственное. – М. : Наука, 1978. – С. 84–92.
2. Круглый год: Русский земледельческий календарь ; сост., вступ. ст. и прим. А. Ф. Некрыловой. – М. : Правда, 1989. – 496 с.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль // Викитека. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki (дата обращения: 09.09.2024).
4. Народная этимология и структура славянского ритуального текста / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание: X Междунар. съезд славистов. – М. : Наука, 1988. – С. 250–264.
5. Флоренский, Павел. Имена / Павел Флоренский. – М. : Директ-Медиа, 2010. – 359 с.
6. Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа / Т. Н. Кондратьева // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1964. – С. 98–188.
7. Топоров, В. Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) / В. Н. Топоров // Исторические названия – памятники культуры : матер. Всесоюзной науч.-практ. конф. : Тезисы докладов и сообщений. – М. : Наука, 1989. – С. 125–129.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 811.161.1’37

СЕМАНТИКА И СИНТАГМАТИКА ЛЕКСЕМЫ *РОК* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О. Н. Мельникова,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: *olsen_74_1@mail.ru*

Д. С. Дубкова,
студентка филологического факультета
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: *dubkovaddasha@gmail.com*

В статье анализируются семантика и особенности функционирования существительного *рок* ‘судьба’ в русском языке. С применением описательно-аналитического метода описана внутренняя форма лексемы, установлены её коннотативные особенности и сочетаемостные возможности (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка). Делается вывод о том, что в основе метафоризации лексемы «рок» лежат семантические компоненты неизбежности, предопределённости, отсутствия контроля над ситуацией, свойственные структуре значения рассматриваемой лексемы в русском языке.

Ключевые слова: семантика, внутренняя форма, сочетаемость, метафора, персонификация.

SEMANTICS AND SYNTAGMATICS OF THE *ROCK* LEXEME IN RUSSIAN

O. N. Melnikova,
Associate Professor, Cand. Phil. D.
Associate Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics
of Gomel State University named after Francysk Skaryna
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: olsen_74_1@mail.ru

D. S. Dubkova,
student at the Faculty of Philology
Gomel State University named after Francysk Skaryna
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: dubkovaddasha@gmail.com

The article analyzes the semantics and features of the functioning of the noun rock ‘fate' in the Russian language. Using the descriptive-analytical method, the internal form of the lexeme is described, its connotative features and combinable possibilities are established (based on the texts presented in the National Corpus of the Russian language). The conclusion is drawn that the metaphorization of the rock lexeme is based on the semantic components of inevitability, predestination, lack of control over the situation inherent in the structure of the meaning of the lexeme in question in the Russian language.

Keywords: semantics, internal form, compatibility, metaphor, personification.

Введение. Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определённый способ восприятия мира. Совокупность представлений о мире,

МГПУ им. И.П. Шамякина

заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски.

Все слова имеют значение и без значения не могут существовать в языке. По определению В. В. Виноградова, лексическим значением слова является его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка [1, с. 9].

Чем более многопризнаковым, информативно богатым и нерасчлененным является значение слова, тем легче оно метафоризуется [2, с. 296]. Поскольку метафора базируется на восприятии определенных сходств, а «наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [3, с. 127], можно утверждать, что именно метафоризация является основной «пружиной», определяющей качественное и количественное своеобразие семантических закономерностей и выступающей вместе с тем в виде их главной «жизненной силы» [4, с. 52].

Цели и задачи. Целью данного исследования является выявление основных принципов метафоризации изучаемой языковой единицы в семантическом пространстве русского языка. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: описание семантики рассматриваемой лексемы в современном русском языке и выявление её внутренней формы; установление коннотативных особенностей и сочетаемостных возможностей лексемы *рок* на базе рассматриваемого языкового материала.

Методы и материал исследования. При работе с источниками фактического материала использовался метод сплошной выборки; в ходе интерпретации языкового материла – описательно-аналитический метод (наблюдение языковых фактов с последующим обобщением результатов).

Результаты. Лексема *рок* является одной из номинаций, в семантической структуре которых отражаются представления о контролируемости событий человеческой жизни высшей силой.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля представлены следующие значения рассматриваемой лексемы: ‘год, лето’, ‘срок, время, пора, доба’: *Приити....на уреченый рок*; ‘судьба, предопределенье, участь, неминучее, суженое’: *Мусульмане веруют в рок, христиане в провиденье. Рока не минуешь. Против рока не пойдешь. Он убит, угнетен роком. Никто от своего рока не уйдет. Рок головы ищет. Рок виноватого (рок обреченного) найдет* [5].

Согласно данным словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *рок* выражает значение ‘судьба (обычно несчастливая)’: *По воле рока. Злой рок тяготеет над кем-то* [6, с. 594]. В толковом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой фиксируется схожее значение ‘судьба (обычно злая, грозящая бедами, несчастьями и т. п.)’: *За гордость рок меня так люто наказал И. А. Крылов* [7, с. 728].

Отметим, что семантика лексемы *рок* часто толкуется через значение синонима – слова *судьба*. При этом значение слова *судьба* нейтрально – это стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий. По мнению Ю. Д. Апресяна, судьба складывается хотя и под влиянием высших сил, но не без участия человека: в языке возможно сочетание *изменить судьбу*. В отличие от судьбы, рок неотвратим и абсолютно не подконтролен человеку.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Слово *рок* указывает на враждебную человеку авторитарную силу, действие которой может усматриваться в неблагоприятных для человека стечениях обстоятельств, являющихся результатом внешне случайных совпадений. Ю. Д. Апресян подчёркивает, что это высшая сила не-Божественной природы; року не свойственны наличие глубокого замысла и мудрость – это слепая сила, распоряжающаяся судьбами людей [8, с. 33].

Итак, в наиболее общем виде рок определяется как ‘независимое от воли человека стечение обстоятельств, которое ведёт к беде, несчастью; недружественная по отношению к человеку и грозная сила, предопределяющая всё, что с ним происходит’.

Функционирование лексических единиц любых типов всегда тесно связано и обусловлено особенностями их происхождения, внутренней формой.

По мнению М. Фасмера, праславянское существительное **rokъ* по происхождению связано с *реку, речь* ‘говорить’. В качестве семантической параллели этимолог приводит лат. *fatum* ‘судьба’, по происхождению связанное с *fabula* ‘молва, толки’. Далее М. Фасмер отмечает, что праслав. **rokъ* связано с др.-инд. *racanam* ‘распорядок’, *racayati* ‘располагает’ [9, с. 497]. К данному этимологическому гнезду восходят также префиксальные производные *обречь/обрекать* ‘предназначить к какой-н. неизбежной участи (обычно тяжелой), сравн.: *обрекать на страдания, на гибель*; *предречь/предрекать* ‘то же, что предсказать неудачу’; а также *зарок, нарочно, оброк, отрок, порок, пророк, урок* и др.

По наблюдениям этимологов, семантика речевой деятельности обнаруживает достаточно регулярную связь со значением, отражающим порядок размещения, расположения чего-либо. На существование подобной семантической трансформации указывает М. М. Маковский, объясняя данную закономерность прежде всего тем, что «говорение представлялось язычникам творческим началом» [10, с. 160]. Кроме того, речевое построение является отражением той объективной действительности, которая систематизирована, «упорядочена» мыслью; поэтому значения ‘располагать, упорядочивать’ и ‘говорить’ представляются родственными. Указывая на то, что слова со значением ‘говорить’ могут соотноситься со значением ‘приводить в порядок, рассчитывать’, исследователь приводит в качестве семантических параллелей англ. *tell* ‘говорить, сказать’ и др.-сев. *tal* ‘число’; нем. *zahlen* ‘считать’, прусск. *girbin* ‘число’ и *gerbt* ‘говорить’ [11, с. 69].

Итак, исходная семантика древнего корня **rok/rek-* – ‘определять’, ‘устраивать’. Таким образом, первичное значение русского слова *рок* можно сформулировать следующим образом: ‘определение дальнейшей судьбы высказанным словом’, ‘приговор, определяющий судьбу’.

Рассмотрим особенности метафорического употребления рассматриваемой лексемы на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [12].

Прежде всего следует отметить, что рок указывает на высшую силу, распоряжающуюся судьбами людей, но это сила враждебна человеку – это проявляется в сочетаемости со словами *злой, жестокий, неумолимый, неотвратимый*, сравн.: *Он делал всё, чтобы спасти свою страну, но* ***злой рок*** *преследовал его повсюду*. (Дмитрий Ольшанский. Крест, орел и полумесяц); ***Жестокий рок*** *слезами душит.* (А. А. Захаров. Вирус адюльтера); *Великая*

МГПУ им. И.П. Шамякина

катастрофа веет над ним, как дух ***неумолимого рока.*** (Николай Анциферов. Душа Петербурга); *Отчего над ним тяготеет какой-то вечный* ***неумолимый рок***? (Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы); *В трагедии, что произошла с ним, лежит какая-то злая воля,* ***неотвратимый рок.*** (Людмила Евграфова. Тень Гамаюна).

Кроме того, как уже отмечалось, рок осмысляется как слепая сила, что проявляется в регулярной сочетаемости с прилагательным *слепой*, сравн.: *И, возможно, с некоторыми из нас так и случается: не подозревая того, кто-то может стать знаменитым по воле* ***слепого рока*** (Георгий Огарёв. 28 законов карьерного роста); *Мир – это единый организм, части его – «органы» – не ведают единого плана строения этого организма, он для них выступает как судьба,* ***слепой*** *и* ***неотвратимый рок*** (Г. Г. Кириленко. Философия).

Элемент внешней случайности, свойственный семантике рассматриваемого слова, регулярно подчеркивается сочетаемостью с неопределенным местоимением *какой-то: Но какой-то рок по-прежнему сводил их, сталкивал нос к носу.* (В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016); *Видимо, какой-то рок висел над этим святым мхатовским спектаклем…* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты, 2004).

Понятие рока ассоциируется у носителей языка с чёрным цветом, сравн.: *И не пожелал истаять в* ***чёрном роке!*** (О. П. Свешников, Прощание славянки); ***Чёрный рок****, нависший над нами всеми, будет разрушен твоей величественной силой* (С. А. Махнев, Система в другом мире); *И это был знак, зловещий знак* ***чёрного рока*** (Антон Гурко. Идеальный абсолют).

Рок принадлежит к числу абстрактных слов, обозначающих аксиологически значимые понятия, которые регулярно наделяются антропоморфными признаками. Закономерной представляется устойчивая сочетаемость рассматриваемой лексемы с глаголом *преследовать*, связанным с характеристикой рока как враждебной человеку силы: *Но* ***рок преследует*** *ее: умирает сын, а она продолжает сниматься, если перестанет – упадет тут же. И, мне кажется, русский народ ощущает, понимает, что его судьба тяжела, что какой-то злой* ***рок преследует*** *эту страну* (Владимир Молчанов. Консуэло Сегура. И дольше века...); *Будто* ***рок преследует****, или в прошлых жизнях мы с Ольгой так нагрешили… не живется нам спокойно, постоянно вокруг нас что-то происходит* (Сергей Таранов. Мстители).

Достаточно частотным является сочетаемость рассматриваемого слова с глаголом *висеть* и производными. В данных контекстах актуализируется сема неотвратимости неблагоприятных для человека событий, обстоятельств, сравн.: *Над Гаити как бы* ***рок висит****: едва артист становится известным, с ним непременно что-то случается* (Н. В. Кожевникова. Колониальный стиль); *Какой-то* ***рок висит*** *над нашим сельским хозяйством – это ведь с самого Рюрика мы себя не в состоянии прокормить* (Вячеслав Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь», 2002); *Отец с матерью говорили все время: какой-то рок навис над этой семьей* (Александр Терехов. Каменный мост).

Персонификация рока в рассмотренных нами контекстах регулярно проявляется в образе активно действующей силы, которая распоряжается жизнью человека: *Как получилось? Разве только* ***рок управляет*** *жизнью человека? А мы сами не творцы собственной судьбы?* (Александр Купер. Истопник // «Дальний Восток», 2019); *И жребий мой –* ***рок*** *роковой, что властью своей* ***лишил*** *меня воли*

МГПУ им. И.П. Шамякина

(М. Ю. Лермонтов. Мцыри); ***Рок*** *провидения* ***вёл*** *нас к тому, чтобы наши взгляды разошлись* (И. С. Тургенев. «Отцы и дети»).

Отсутствие контроля над ситуацией, заложенное в самом понятии *рока*, делает его мощным символом для выражения негативных событий и переживаний. В ряде рассмотренных контекстов подчёркивается мысль о том, что рок как враждебная сила способен нарушить эмоциональное равновесие человека и нанести ущерб его психическому здоровью, сравн.: *Предчувствие потери томило сердце, а неумолимый* ***рок пугал*** *драматическими сценами* (Тамасуриа Санти. В колесе жизней. Мистерия воплощений); *Это был* ***рок****, который* ***сводил меня с ума****, шепча: иди, нарушь закон* (Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание).

Как следует из рассмотренных нами контекстов, во взаимоотношениях с судьбой, представленной как рок, возможно противление или даже преодоление: *Мы выживали с ним постоянно, изо дня в день,* ***противясь судьбе и злому року*** (Виктория Миш. Волшебная больница Святого Владимурра); *Наши новейшие технологии помогут тебе* ***одолеть злой рок*** *и покончить с бедами, обрести душевный покой и вечную жизнь…* (Го Ни. Адораки. Свет во тьме); *Главная героиня даёт вызов судьбе и пытается найти саму себя, сорвав прежнюю оболочку непрощения и встав снова на тропу добра, чтобы* ***победить жестокий рок*** *своей судьбы* (И. В. Солоненко. Путь к восходящему горизонту). Однако выявлены и контексты, в которых представлен иной способ разрешения ситуации – повиноваться, подчиниться року, сравн.: ***Повинуясь то ли жестокому року****, то ли женщине в трубке, то ли собственному идиотизму, он назвал эти три цифры и даже с некоторым облегчением увидел, как последние деньги улетучиваются с его счёта* (Алина Азарова. ЛИсА-7).

Выводы. Семантические компоненты неизбежности, предопределённости, отсутствия контроля над ситуацией, связанные с внутренней формой рассматриваемой лексемы, лежат в основе ее метафорической сочетаемости в русском языке. *Рок* принадлежит к числу абстрактных слов, обозначающих аксиологически значимые понятия, которые регулярно наделяются антропоморфными признаками. Как следует из рассмотренных выше примеров употребления, действие рока проявляется в неблагоприятном для человека стечении обстоятельств. Судьба, представленная как *рок*, подразумевает нечто фатальное, неподвластное воле человека. Эта неотвратимость и безысходность вызывает чувство тревоги и бессилия человека перед лицом рока, что естественным образом ассоциируются с негативными эмоциями.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов / Российская академия наук, Отделение литературы и языка; отв. ред. чл.-корр. РАН Н. Ю. Шведова. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.

2. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова. // Языкознание. Большой энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 296–297.

3. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова // Сб. Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы : сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – С. 126–170.

4. Маковский, М. М. «Картина мира» и миры образов: Лингвокультурологические этюды / М. М. Маковский // Вопросы языкознания. – 1992, № 6. – С. 36–53.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/ (дата обращения: 20.03.2025).

МГПУ им. И.П. Шамякина

6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1995. – 796 с.

7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 3. П–Р. 1987. – 752 с.

8. Апресян, Ю. Д. Семантика и прагматика судьбы / Ю. Д. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. семинара «Диалог 2006». – М. : Изд-во МГУ, 2006. – С. 31–37.

9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Прогресс. – Т. 3. – 1987. – 833 с.

10. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр Владос, 1996. – 416 с.

11. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М. : Высшая школа, 1989. – 200 с.

12. Национальный корпус русского языка. – URL: https://ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 12.02.2025).

УДК 81’06: 811.161

КОГНИТИВНО МОДЕЛИРУЕМЫЕ СМЫСЛЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ДИАЛЕКТНОМ ПРОИЗВОДНОМ СЛОВЕ

А. В. Никитевич,
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье на значительном по объему фактическом материале рассматриваются диалектные производные слова различных лексико-грамматических разрядов и лексико-семантических групп. Особое внимание уделено словам с когнитивно значимой семантикой, представляющим значения, которые не имеют однословного выражения в системе литературного языка.

Ключевые слова: когнитивно значимая диалектная лексика, деривационный потенциал морфем.

COGNITIVELY MODELLED MEANINGS AND THEIR REALIZATION IN A DIALECTAL DERIVED WORD

A. V. Nikitsevich,
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology,
Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Republic of Belarus

The article examines dialectal derived words of various lexical-grammatical categories and lexical-semantic groups using a considerable amount of factual material. Special attention is paid to words with cognitively significant semantics representing meanings that do not have one-word expression in the system of the literary language.

Keywords*:* cognitively significant dialectal vocabulary, derivational potential of morphemes

Введение. Вынесенное в заголовок сложное сочетание «когнитивно моделируемые смыслы» требует некоторого пояснения. Любой носитель языка прекрасно отдает себе отчет в том, что может являться актуальной, наполненной

МГПУ им. И.П. Шамякина

смыслом информацией и, следовательно, быть представлено в виде слова. Поэтому достаточно несложно предположить (смоделировать) содержание целого ряда производных – наименований лица, наименований действия, признака и т. д. Другое дело, что сама материя языка далеко не всегда позволяет выразить данное содержание одним словом. Ср.: *недолыга* ‘человек, не умеющий (хорошо) лгать’, *подтемливаться* ‘присматриваться в темноте’.

Настоящее исследование является продолжением работы автора по изучению различных особенностей диалектного словообразования, детальное освещение которых нашло освещение в целом ряде работ, в том числе монографических [1; 2; 3; 4; 5].

Методы и методология исследования. Материалом для настоящего исследования послужили производные слова, представленные в Словаре русских народных говоров. Автор, прежде всего, обращал внимание на производные единицы, представляющие значения, не имеющие однословного выражения в подсистеме русского литературного языка. Например: *двураз* ‘действие, совершаемое два раза подряд’. Диалектные слова различных лексико-семантических групп и широкого спектра словообразовательных значений рассматриваются в составе различных фрагментов словообразовательных гнезд как свидетельство деривационного потенциала языка русских народных говоров.

Результаты исследования и их обсуждение. Хорошо известно, что стихия диалектной речи не обременена теми видами ограничений на образование производных слов, с которыми мы сталкиваемся, когда говорим о словообразовании русского литературного языка. Поэтому неудивительно, что «при многообразии некоторой группы родственных слов в литературном языке в русских народных говорах обнаруживаются слова, представляющие «позиции», семантически отсутствующие в хорошо известной обычному пользователю системе русского литературного языка» [2, с. 30]. При этом анализ подобных слов с учетом того, что принято рассматривать в дериватологии, дает богатую пищу для размышлений.

Всегда заслуживают внимания такие *диалектные слова, которые «проливают свет» на семантику немотивированных* с точки зрения синхронии слов литературного языка. Так, нам хорошо понятен смысл призыва к порядку «*Уймись*!» или значение выражения «*Управы на тебя нет*!». В этой связи не могут не вызвать интерес следующие диалектные слова:

Уйм. 1. ‘Средства, меры воздействия на кого-л., обуздание чьего-л. произвола, беззакония и т. п.’ *Уйму на кого-л. нет. Аль на тебя уйму нет?* (Даль). *Уйму на вас нет* (Шенк. Арх., 1898). *И что за ребята, уйму на них, кажись, нет* (Вят. [6, т. 47, с. 42]).

Уйма. 1. ‘То же, что уйм (в 1-м знач.)’. *Аль на тебя уймы нет?* (Даль).

Уймать. 1. ‘Унимать, утихомиривать кого-л.’. *Говорят тебе, уймают, а ты балуешься* (Пинеж. Арх., 1974).

Общеупотребителен глагол *унимать*, выражение *унять кого-л.* (в смысле *успокоить, утихомирить*). Но данный глагол в системе литературного языка деривационно «одинок», для понимания его значения нет поддержки со стороны родственных слов. Совсем другое дело, когда мы имеем словообразовательную пару: *уйм* (*уйма*) – *уймать*.

В дополнение заметим, что современному носителю языка вряд ли понятен смысл таких выражений, как: *Уйма на тебя нет*!, *Уйму на вас нет*.

МГУ им. И.П. Шамякина

И как знать, может быть, и сюда относится диалектное слово *недойма* ‘тот, кто перестал слушаться’ (Даль [без указ. места]). Сравним с хорошо нам понятным выражением типа *Какой у нас Ваня послушный мальчик!*

Следует подчеркнуть, что даже в пределах географически близких говоров может быть собран весьма любопытный в семантико-деривационном отношении материал, свидетельствующий о целесообразности исследования различных фрагментов словообразовательных гнезд, и не только собственно диалектных, но и таких, в составе которых своеобразно синтезированы слова всем нам хорошо известные, общеупотребительные и такие диалектные производные, семантика которых очевидным образом свидетельствует о восполнении некоторых семантико-словообразовательных лакун, заполнении семантических позиций, не представленных в русском литературном языке в виде отдельного производного слова. Рассмотрим ряд примеров, взятых из псковских говоров.

По нашим наблюдениям, в отличие от системы литературного языка, в говорах очень много производных, образованных от имен числительных [5].

Ср.: *Двухдорожье.* ‘Две *сходящиеся* дороги одного направления’. [7, ч. 8, с. 270].

Двоячок. ‘Один из близнецов’.

Двояшина. ‘Палочка, расщепленная сверху’.

Двояшинка. ‘Колючка с двумя шипами’.

Двояшить. ‘Переламывать, разрезать надвое, пополам’ [7, ч. 8, с. 265].

Обращает на себя внимание и тот факт, что среди диалектных производных единиц-отнумеративов есть и такие, в семантике которых эксплицировано отношение, кратное, к примеру, к двум, трем, либо сами количественные отношения представлены весьма своеобразно.

Ср.: *Третка.* ‘Часть стопки бумаги из 24 листов, полученная путем деления стопки на две части и одной половины еще раз’. «Слово третка встречалось еще в 20-х годах XIX в. в речи старых людей» (Зап. Брян., Расторгуев, 1957).

Двураз. ‘Действие, совершаемое два раза подряд’. *В первый двураз* я снес 9 снопов, а во второй невмоготу. Порх. + Карпов [7, ч. 8, с. 268].

В качестве небольшого комментария для размышлений. Как бы мы сказали в аналогичной ситуации: за один раз (заход, прием) я не смогу это сделать… Ср. также: с первого раза мне это не удалось сделать, а лишь… с третьей попытки! Приведенное нами высказывание значительно более вариативно по смыслу (четвертой, пятой…), нежели семантика слова *двураз!*

По нашему мнению, в первую очередь заслуживают внимания производные слова, которые своей внутренней формой очевидным образом связаны со словами общеупотребительными, теми, которые мы хорошо знаем. Ср.:

Докута. ‘Кто причиняет заботу, беспокойство’ [7, ч. 9, с. 198] (ср. *докучать*).

Грозан. ‘Кто внушает страх, угрожает’ [7, ч. 8, с. 50].

Грибно, безл. предикат. ‘О наличии большого количества грибов’. Ой, сегодня в лесу как *грибно*! [7, ч. 8, с. 40].

Донаха. ‘Вещь, предназначенная для донашивания’. Вот кофта тебе, *донаха*. Слан. [7, ч. 9, с. 247].

Грешенята, мн. ‘Незначительные проступки против религиозно-нравственных установлений’. Маленькие *грешенята*, все не упомнишь. Сер. [7, ч. 8, с. 32].

Докторить. ‘Оказывать помощь вместо доктора, лечить’ [7, ч. 9, с. 194].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Дощечник. ‘Работник пекарни, раскладывающий хлебы на доску перед посадкой в печь’ [7, ч. 9, с. 314].

Отдельные слова столь специфичны и потому интересны, что не могут не сопровождаться более пространным, нежели приведение простого родственного по корню слова, комментарием. Например:

Довираться ‘Идя то туда, то сюда, потерять ориентацию’. Поставлю корзинку на дарошки: до того *довираюся*, корзинки не найти. Я сама теряюся в бору [7, ч. 9, с. 157].

В данном случае, вероятно, имеется в виду то, что человек при движении многократно совершает *повороты*, поэтому в итоге теряет ориентацию. Ключ к пониманию – корневая морфема *вир-* в соответствующем значении.

Догорявывать. ‘Доживать жизнь в горестях’. *Догорявывать* тут придется [7, ч. 9, с. 165].

В Словаре А. Н. Тихонова [8] вообще нет слова с приставкой *до-* (*догоревать*). В [9] отсутствует. У В. И. Даля: ‘Кончить, перестать горевать // дойти до чего горюя или догореваться до чего’. В любом случае, слова с выражаемой в псковских говорах формой вида просто нет!

Грустливый. 1. ‘Склонный скучать, грустить, печалиться’. Я, дура, такая *грустливая* была. Сош. [7, ч. 8, с. 90].

Интересно было бы поискать еще ряд слов с подобного рода характеристикой лица («склонный к чему-либо…»). Ведь можно *быть* просто *грустным*, встретить *грустного* (человека)… Но *грустливый* – это определенно нечто иное!

В пределах рассматриваемых нами псковских говоров интересны и целые фрагменты словообразовательных гнезд, а именно: группы производных, содержащих в себе изначально одну и ту же корневую морфему. К примеру, достаточно любопытны диалектные слова с корневыми морфемами *двор-* и *дев-* (*девк-*):

Дворить. ‘Служить, исполнять службу дворян’ (1462–1471 гг.) [7, ч. 8, с. 256].

Дворянить. ‘Не работать, принимать гостей, отдыхать’.

Дворяниться. ‘Бездельничать, вести себя подобно дворянину, помещику’ [7, ч. 8, с. 262–263].

Дворецкий. ‘Участник зимней рыбной ловли, принадлежащий к определенному двору (семье) неводной артели’ [7, ч. 8, с. 255].

Девить (девичить). ‘Встречаться с парнями, веселиться, гулять’ [7, ч. 8, с. 278].

Девичествовать. ‘Быть не замужем’ [7, ч. 8, с. 279].

Девкаться. ‘Развратничать’ [7, ч. 8, с. 282].

Среди диалектных слов и определений к ним (!) есть и то, что просто не вполне непонятно. К примеру, родственный по корню глаголу *петь* глагол в словоформе *не допеются* со значением ‘Произносить во время пения’ и поясняющим контекстом. *Много слов не допеются*. Себ. [7, ч. 9, с. 255] характеризует действие не вполне очевидное. Вероятно, речь идет о совмещении двух разных процессов: пения и *произнесения* слов. И во время пения, вероятно, сложно слушателям услышать проговариваемые в этот момент слова. Или: *пение* (а не проговаривание) слов – столь специфический процесс, что далеко не все слова

МГПУ им. И.П. Шамякина

отчетливы и понятны для восприятия. И именно в этом смысл высказывания. *Много слов не допеются*.

Глушная зима. ‘Зима, заглушающая льдом озеро’. Кузнецов [7, ч. 7, с. 2].

Особенности словообразовательного синтеза таковы, что порой без дефиниции практически невозможно понять мотивацию производного слова. Характеристика зимы как *глушной*, оказывается, связана с тем обстоятельством, что зима «заглушает» льдом озеро, т. е. является очень холодной, суровой.

Всегда интересны наименования лица по внутренним и внешним характеристикам. Они могут быть изолированными номинациями, а также образовывать с другими родственными им словами небольшие фрагменты гнезд (словообразовательные пары и более сложные по конфигурации объединения) [10, с. 159].

Ср.: *Пеняла* (*пеняльщик*). ‘Тот, кто пеняет, упрекает, выговаривает кому-либо’ (Даль [бел указ. места]).

Первогодка. ‘Женщина и первый год замужества’. *Первогодка* – первый год котора живет замужем. *Первогодкой* меня не купали. В одежде купали молодиц, тут реву, смеху... (Пинеж. Арх., 1963).

Первородница (*первородок*). ‘Женщина, родившая первого ребенка’. Там две *первородницы*: у одной первородницы еще у самой молоко матери на губах не высохло, а другой первороднице пора бабушкой стать (Забайкал., 1980).

Перегодница. ‘Девушка, оставшаяся в невестах до следующего года’. Она у нас перегодница. В нашей деревне и перегодниц осталось (Олон., 1885–1898).

Парнишница. ‘Девочка, предпочитающая общество мальчиков’. Южн. Горьк., 1969 [6, т. 25, с. 233].

Выводы. Особенности словообразовательного синтеза при аффиксации и возможности семантической деривации свидетельствуют о том, что у языка есть возможность создавать достаточно сложные по семантической структуре значения, о чем красноречиво свидетельствуют не только слова общеупотребительные, но и периферия литературного языка, разговорная речь, просторечие и, безусловно, русские народные говоры. Именно здесь, как это ни удивительно, мы находим многочисленные примеры реализации в диалектном производном слове когнитивно значимых, актуальных для носителя языка значений, не имеющих однословного выражения в обычной для нас речи.

Список использованных источников

1. Никитевич, А. В. Деривация и смысл : монография / А. В. Никитевич ; УО «Гродненский гос. ун-т им.Янки Купалы». – Гродно : ГрГУ. 2014. – 233 с

2. Никитевич, А. В. Русская народная культура в зеркале словообразования / А. В. Никитевич // Cuadernos de Rusistica Espanola. – 2017. – № 13. – С. 30–42.

3. Никитевич, А. В. Очерки по диалектному словообразованию : монография / А. В. Никитевич ; УО «Гродненский гос. ун-т им.Янки Купалы». – Гродно : ЮрСаПринт, 2020. – 126 с.

4. Никитевич, А. В. Семантика числа, числительные и деривация как процесс в русских говорах / А. В. Никитевич // Cuadernos de Rusistica Espanola. – 2020. – № 16. – С. 15–25.

5. Никитевич, А. В. Магия числа и деривация в русских народных говорах : монография / А. В. Никитевич ; УО «Гродненский гос. ун-т им.Янки Купалы». – Гродно : ЮрСаПринт, 2021. – 171 с.

6. Словарь русских народных говоров. – М. ; СПб. : Изд-во Академии наук СССР : Ин-т лингв. исследований РАН. 1965–2021. – Выпуски 1–52.

МГПУ им. И.П. Шамякина

7. Псковский областной словарь с историческими данными / ЛГУ им. А. А. Жданова, межкаф. слов. каб. им. проф. Б. А. Ларина ; [редкол. : Б. А. Ларин и др.]. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967–2004.

8. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь : в 2 т. – М. : Русский язык, 1985.–Т. 1–2.

9. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. – Т. 1–17.

10. Никитевич, А. В. Наименования лица по внутренним и внешним характеристикам в составе фрагментов лексико-словообразовательных гнезд / А. В. Никитевич / Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. : в 2 ч / редкол. : О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 153–160.

УДК 811.161.1’373.612.2

КАКИЕ ПОРОГИ ПРЕОДОЛЕВАЕТ ЧЕЛОВЕК: К ВОПРОСУ О ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА «ПОРОГ»

О. И. Ничипорчик,
магистр, преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков
Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: olga.dragon@gmail.com

В статье анализируется сочетаемость слова *«порог»* в переносных значениях, связываемых с понятием границы. Выясняется семантика зависимых имен существительных, которые конкретизируют, какие невизуализируемые рубежи в бытии человека преодолеваются им, выступают своеобразным препятствием, крайней мерой проявления какого-либо признака. Выявляются наиболее частотные глаголы и их роль в реализации переносных значений слова *«порог»*. Исследование проводится на материале Национального корпуса русского языка с использованием инструментов лексико-грамматического поиска.

Ключевые слова: слово, значение, переносное значение, корпус, имя существительное, глагол.

WHAT THRESHOLDS DOES A HUMAN OVERCOME: TO THE QUESTION OF THE VALENCE OF THE WORD «POROG»

O.I. Nichyporchyk,
master, lecturer of the Department of Belarusian and Foreign Languages
of Sukhoi State Technical University of Gomel,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: olga.dragon@gmail.com

The article analyzes the compatibility of the word «porog» in figurative meanings that are being associated with the concept of border. It clarifies the semantics of dependent nouns that specify what non-visualized boundaries in human existence are overcome by him, act as a kind of obstacle, an extreme measure of manifestation of some feature. The most frequent verbs and their role in the implementation of figurative meanings of the word «porog» are identified. The study is conducted on the material of the National Corpus of the Russian Language using lexical and grammatical search tools.

Keywords: word, meaning, figurative meaning, corpus, noun, verb.

Введение. Многозначность относится к числу языковых универсалий. Толковые словари призваны фиксировать значения полисемантов. Однако не в

МГПУ им. И.П. Шамякина

каждом толковом словаре можно найти исчерпывающую информацию о функциональных свойствах лексико-семантических вариантов, хотя такая информация является значимой. Знание закономерностей сочетаемости многозначных слов важно для переводческой деятельности, а также для изучающих русский язык как иностранный.

В центре нашего исследовательского внимания многозначное слово *порог*. Это слово в русском языке характеризуется богатыми культурными коннотациями и разветвленной семантической структурой. При обращении к толковым словарям можно выделить, как минимум, 7 значений: 1) ‘поперечный брусок, закрывающий проём между дверью и полом’; 2) ‘дверной проем, вход; 3) родной дом, очаг, семья’; 4) ‘каменистое возвышение речного дна, ускоряющее течение и затрудняющее судоходство’; 5) ‘элемент кузова автомобиля’; 6) спец. ‘наименьшая возможная величина, граница проявления чего-нибудь’; 7) ‘преддверие, граница чего-нибудь’ [1; 2; 3, с. 95]. Как видим, часть значений (1, 2, 3, 4, 5) связана с визуализируемыми объектами реальной действительности: человеческим жилищем, рельефом, средством передвижения. Другие же значения характеризуются отвлеченностью. В семантическом словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой к числу таких значений относятся ‘преддверие, граница чего-нибудь’ и ‘наименьшая возможная величина, граница проявления чего-нибудь’ [Шведова, с. 95]. Объединяет данные значения семантический признак ‘граница’. По-видимому, этим объясняется то, что при употреблении в данных переносных значениях слово *порог* требует при себе наличия зависимого существительного в родительном падеже. Интересно выяснить, подвергаются ли зависимые существительные при слове *порог*, употребленном в переносном значении, какой-либо семантической типологизации и наблюдаются ли закономерности в глагольной сочетаемости со словом *порог* в переносном значении.

Цель и задачи. Цель исследования – определить закономерности в субстантивной и глагольной сочетаемости слова *порог* в переносных значениях, связываемых с понятием границы. Для достижения цели необходимо выявить корпус субстантивных и глагольных лексем в сочетаниях со словом *порог* в переносном значении и проанализировать их семантику.

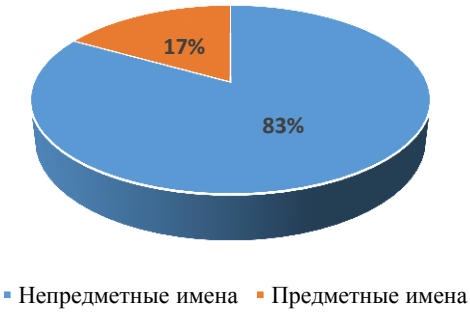
Методы и материал исследования. В качестве источника фактического материала использован Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) [4]. Для формирования картотеки фактического материала применялись инструменты лексико-грамматического поиска НКРЯ, а также метод наблюдения, семантического анализа и обобщения.

Результаты и их обсуждение. По запросу «порог + имя существительное в родительном падеже» в Основном корпусе НКРЯ мы получаем 3702 контекста, в Газетном корпусе – 6775 контекстов. Очевидно, что переносное употребление слова *порог* определяется сочетаемостью с существительными, обладающими не конкретным, а абстрактным значением. Выясним с опорой на инструменты семантической разметки в НКРЯ, насколько такие сочетания типичны для русской речи.

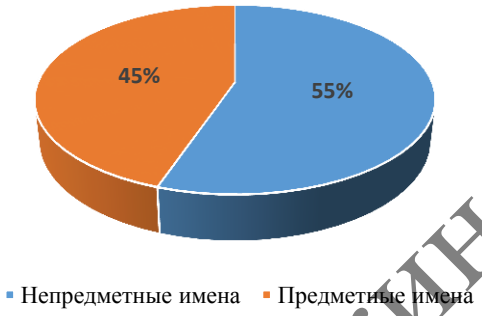
Статистические данные свидетельствуют о том, что и в Основном, и Газетном корпусе слово *порог* употребляется чаще с существительными, обладающими непредметным значением, чем предметным. Правда, в Газетном

МГПУ им. И.П. Шамякина

корпусе разница сочетаний слова *порог* с непредметными и предметными именами существительными в процентном соотношении значительно больше, чем в Основном корпусе (сравн. Гистограмму 1 и Гистограмму 2).



Гистограмма 1 – Соотношение сочетаний слова *порог* с существительными в Газетном корпусе



Гистограмма 2 – Соотношение сочетаний слова *порог* с существительными в Основном корпусе

Анализ семантики существительных в родительном падеже при слове *порог* показывает, что практически все тематические группы существительных, обозначенные в перечне непредметных имен в поисковых инструментах НКРЯ, представлены в текстах корпуса. Это могут быть существительные, обозначающие движение, состояние или изменения состояния, существование или прекращение существования, ментальные, эмоциональные или физические состояния, свойства речи, временные промежутки и др.: *В настоящее время наблюдается криптовалютный бум и мировое сообщество **стоит на пороге вхождения** в эпоху криптовалют* [Сможет ли криптовалюта обеспечить развитие цифровой экономики в России? // «Информационное общество», 2017]; *С предложением **повысить порог доминирования** неоднократно выступали представители бизнеса* [В Минпромторге поддержали повышение порога доминирования для торговых сетей // Парламентская газета, 2018.11.29]; *В связи с этим энергетика стран **находится на пороге изменения условий интеграции*** [П. С. Непорожный. Дневники (1976)]; *Тощие подушки, и горелая каша, и хрип в груди были не важны, а важно было то, что он только что вычитал в английской книжке «Жизнь после жизни» – рассказы вернувшихся оттуда, после реанимации, тех, кто побывал на том берегу, **заглянул за порог бытия*** [Д. Гранин. Зубр (1987)]; *Остальные, казалось, наоборот, испытали чувство облегчения оттого, что **переступят порог неизвестности** чуть позже* [Ю. Поляков. Гипсовый трубач: дубль два (2010)]; *Меня **доводили до порога отчаянья** правительственные решения, рассчитанные на один ход, без всякого понимания завтрашних и послезавтрашних последствий* [Г. Померанц. Записки гадкого утёнка (1998)]; *Было похоже, что он намекает на них с Кирой, но Алексей снес эту шутку, не **переступившую порога скабрезности**, благодушно* [А. Уткин. Дорога в снегопад (2008-2010)]; *Мы с вами **стоим на пороге зимы*** [Н. Наумова. Это сладкое слово «зима» (2002) // «Домовой», 04.11.2002].

Как видим, семантика глаголов в сочетании со словом *порог*, употребленном в переносном значении, также разнообразна. К числу наиболее частотных глаголов, образующих коллокации со словом *порог*, относятся бытийные глаголы (*стоять*,

МГПУ им. И.П. Шамякина

оказаться/оказываться, *находиться*, *быть*); глаголы движения, связываемые с преодолением препятствия (*переступить/переступать*, *перешагнуть*); и глаголы воздействия (*снизить, повысить, превысить*). Несмотря на то, что слово *порог* в переносном значении используется для концептуализации невизуализируемых объектов, локативное значение – значение рубежа в некотором пространстве бытия человека – у слова сохраняется. Это значение поддерживается прежде всего бытийными глаголами и глаголами движения. Бытийные глаголы при этом способствуют актуализации еще и семантического признака ‘преддверие’, глаголы движения – только значение рубежа, имеющего либо не имеющего отношение к мере; сравн.: *По мысли Андрея Николаевича, очень хорошенькая и чуть полноватая школьница* ***стояла на пороге раскрытия*** *других* ***тайн****, менее страшных* [А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]; *И главное, что закон повысит привлекательность призвания «быть тренером» для молодёжи, которая сегодня* ***стоит на пороге выбора жизненного пути****», – отметила она* [Тренерам олимпийских чемпионов хотят начислять надбавку к пенсии // Парламентская газета, 2021.11.16]; *Ранее в этот же день руководитель Счетной палаты России Алексей Кудрин заявил, что мировая экономика* ***находится на пороге кризиса*** [Глава ЕЦБ сообщила о сильном влиянии коронавируса на экономику // Известия, 12.03.2020]; *«Мы впервые* ***перешагнули порог оборота в 10 млрд****», – отметил глава компании Стив Джобс* [Перевод Татьяны Глазковой. Apple попала в десятку // РБК Daily, 23.01.2009]; *Все ожидали, что «Ситроникс»* ***перешагнет порог безубыточности*** *уже в третьем квартале 2007 года* [Е. Петров. Оптимист Асланян // РБК Daily, 07.12.2007]; *Строить планы семейной жизни он начал, едва* ***перешагнув порог двадцатилетия*** [«Он боялся охлаждения любовной лихорадки» // lenta.ru, 22.12.2019]; *«Немцы* ***переступили порог боязни*** *и тоже активно купаются в наших ванных», – рассказывает глава республики Алтай Александр Бердников* [Президент поставил Алтай в пример всем курортам // Vesti.ru, 26.08.2016]; *Они* ***переступили порог закона****, теперь все их действия незаконны* [В. Булавин. Аксакалы Киргизии требуют закрыть базу США // Известия, 07.04.2010].

Глаголы воздействия также обусловливают актуализацию у слова *порог* семантического признака, связываемого с представлениями о мере. Это, как правило, значение некоторого количественно определяемого признака, однако во многих случаях собственно количественные данные имплицированы: *Во-первых, следует упростить оформление субсидии, а во-вторых, –* ***снизить порог расходов*** *на «коммуналку», дающий людям право на компенсацию* [Хованская рассказала, как сократить долги по ЖКХ // Парламентская газета, 2021.12.06]; *В частности, предлагается* ***повысить порог ущерба*** *для уголовно наказуемого картеля* [ФАС рассчитывает снять все разногласия по антикартельным законопроектам ко второму чтению // Парламентская газета, 2020.02.04]; *За валютные нарушения законопроект предлагает сначала наказывать административными штрафами, а уже потом вводить уголовную ответственность,* ***повысить пороги налоговых нарушений****, за которые можно возбуждать уголовные дела* [Ожидания от экономики в очередной раз превратились в разочарования // Ведомости, 2019.12.26]. Интересны эпизодичные случаи, когда воздействие на принятые пределы сопряжено не столько с количественными, сколько с качественными изменениями: *Набрать молодых людей на летные специальности проблематично*

МГПУ им. И.Г. Шамякина

даже при очень ***сниженном пороге требований*** [В. Аблазов. Дневник (1981)]; *Поняли всевозможность как вседозволенность. Мы разбили ограничения,* ***снизили порог стыда*** [В. Березин. Испытание телевидением (2002) // «Вечерняя Москва», 14.03.2002].

Относительно высокий показатель совместной встречаемости со словом *порог* свойствен и глаголу *преодолеть*. В сочетании с данным глаголом слово *порог* реализуется в значении количественного рубежа и имеет чаще всего распространители с количественной семантикой (как правило, это количественно-именные сочетания): *Показатель впервые* ***преодолел порог в 30 000 человек*** [В ФМБА заявили о неэффективности жестких мер в повышении уровня вакцинации // Ведомости, 2021.10.14]; *21 октября Испания стала первой страной в Евросоюзе,* ***преодолевшей порог в один миллион зараженных*** *коронавирусом* [Гнавшиеся за пьяными нарушителями карантина полицейские рухнули в море на авто // Lenta.ru, 26.10.2020]; *Курс доллара впервые со 2 апреля* ***преодолел порог 78 рублей*** [Курс евро поднялся выше 91 рубля впервые с 2016 года // Ведомости, 2020.09.25]; *Из-за того что никто из участников не смог преодолеть* ***порог в 50 %,*** *в регионе назначили второй тур* [«Справедливая Россия» может выставить Светлану Горячеву на выборах в Приморье // Ведомости, 2018.09.21].

Конкретизация преодолеваемой границы, связываемой с той или иной мерой, осуществляется также посредством употребления при слове *порог* прилагательного. Это может быть прилагательное с имплицированным значением меры либо с эксплицитно выраженным количественным значением: *У планеты есть свои внутренние механизмы регулирования этих параметров, поэтому, по мнению исследователей, чтобы* ***преодолеть критический порог*** *любого из них, события должны развиваться очень быстро, то есть важнейшим фактором является скорость климатических изменений* [Ученые установили причину глобальных оледенений // РИА Новости, 29.07.2020]; *Остальные политические силы не* ***преодолели бы избирательный порог*** [Додон лидирует среди молдавских политиков в рейтинге народного доверия // Парламентская газета, 2018.11.16]; *Ранее сообщалось, что выпускники, которые не смогут* ***преодолеть минимальный порог*** *на Едином государственном экзамене по русскому языку в 2021 году, смогут сдать государственные выпускные экзамены (ГВЭ) в сентябре* [Дистанционное обучение не скажется на результатах ЕГЭ, считают в Минпросвещения // Парламентская газета, 2021.02.14]; *И если российские хоккеисты предсказуемо* ***преодолели четвертьфинальный порог****, то Финляндия по ходу встречи против грозных шведов уступала* [Н. Костюков. Заглохла // lenta.ru, 25.05.2019]; *Для этого многие партии вышли из политических блоков и даже не попытались* ***преодолеть четырехпроцентный порог*** *для прохождения в парламент* [М. Горковская. Исход выборов в Болгарии решает турецкая партия // Известия, 13.05.2013]; *В начале 2014 года Minecraft* ***преодолела 100-миллионный порог*** *зарегистрированных пользователей.* [Microsoft купила создателей Minecraft за $2, 5 млрд // gazeta.ru, 15.09.2014].

В качестве распространителей слова *«порог»* в составе коллокации *преодолеть порог* употребляются также существительные (чаще в родительном падеже, реже в иных падежах). По своей семантике данные существительные также связаны со значением меры, количества: *Сейчас компания размышляет, как поддержать «новичков», чтобы они скорее* ***преодолели порог рентабельности*** [А. Левинская. Сетевой маркетинг попал в налоговые сети // РБК Дейли,

МГПУ им. И.П. Шамякина

25.01.2013]; *Российскому арт-бизнесу и с ветеранами контемпорари арта никак не удается* ***преодолеть порог самоокупаемости****, где уж тут продвигать новичков* [Д. Смолев. Их водила молодость // Известия, 11.07.2012]; *В то, что к 2010 году в стране будет* ***преодолен порог бедности****, верится с трудом* [Т. Беседина. Вас тронуло послание президента? (2003) // «Новороссийский рабочий», 15.01.2003]; *Среди тех, кто* ***преодолел порог нищеты****, немало пенсионеров* [Бедность отступает, но – не спеша // Труд-7, 24.04.2002]; *Страшно, если не* ***преодолеют*** *наши дети* ***порога по обязательным предметам*** [Форум: ЕГЭ – все «за» и «против» (мнения относительно единого государственного экзамена) (2009)].

Отмечаются контексты, в которых слово *порог* в сочетании с глаголом *преодолеть* употребляется с двумя распространителями: атрибутивным и субстантивным: *По данным ЦИК, явка в Цхинвале проголосовали 47,88 процента избирателей, и, соответственно, столица республики не* ***преодолела необходимый порог явки*** [Более половины избирателей пришли на выборы в Южной Осетии // Vesti.ru, 25.03.2012]; *Как ни стремились, вновь не удалось Клентакам* ***преодолеть пресловутый порог бедности*** [Карамышева Людмила. Как перейти в средний класс? // Труд-7, 03.04.2002] *Но для этого нужно* ***преодолеть минимальный порог успешности****, который будет определен Рособрнадзором* [Наталья КО. Все о Едином госэкзамене–2009 // Комсомольская правда, 25.02.2009].

Выводы. В результате анализа функционирования слова *«порог»* в переносных значениях ‘преддверие, граница чего-нибудь’ и ‘наименьшая возможная величина, граница проявления чего-нибудь’ установлено:

1) зависимые существительные при слове *порог* характеризуются непредметным значением и весьма разнообразны по своей семантике; это могут существительные, обозначающие движение, состояние или изменения состояния, существование или прекращение существования, ментальные, эмоциональные или физические состояния, свойства речи, временные промежутки и др.;

2) сочетание слова *порог*, употребленного в переносном значении, с непредметными именами существительными частотны и в Основном, и в Газетном корпусах, следовательно, такие сочетания типичны для русской речи;

3) к наиболее частотным глаголам, которые сочетаются со словом *«порог»* в переносном значении, относятся бытийные глаголы; глаголы движения, обозначающие преодоление препятствия; и глаголы воздействия;

4) коллокация *преодолеть порог* употребляется, как правило, в контекстах, содержащих языковые единицы с количественно-градуальным значением; речь идет обычно о ситуациях, связанных с избирательными кампаниями, валютными операциями, оценкой материального положения людей, сдачей государственных экзаменов и др.

Перспектива исследования видится в составлении корпусного словаря, аналогичного по своей идее «Толково-комбинаторному словарю русского языка» [5].

Список использованных источников

1. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, 2006. – URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/260532 (дата обращения: 11.04.2025).

МГПУ им. И.П. Шамякина

2. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Российская акад. Наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз. ; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998. – 807 с.

4. Национальный корпус русского языка. – URL : https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

5. Мельчук, И. А. Толково-комбинаторный словарь русского языка : Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский ; 2-е изд., испр. – М. : Глобал Ком : ЯСК, 2016. – 544 с.

УДК 811.161.1’37:811.111’37

РАЗЛИЧИЯ В ОПИСАНИИ ПОГОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю. В. Ранчинская,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
и методики преподавания иностранных языков
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail.julia13313@mail.ru

А. А. Жильский,
студент Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь

В статье проведен сопоставительный анализ описания погодных явлений в русском и английском языках с точки зрения лексики, синтаксиса, стиля и лингвокультурных коннотаций. Выявлено, что в русском языке названия многих явлений погоды отличаются большей разнообразностью и образностью, тогда как в английском широко используются устойчивые словосочетания и идиомы. Описаны типичные синтаксические конструкции: безличные предложения в русском языке и конструкция с формальным подлежащим *it* в английском. Установлено, что климатические условия и культурные традиции народов отразились в пословицах, метафорах и идиоматических выражениях. Анализ основан на данных фразеологических словарей и ранее проведенных исследованиях В. В. Виноградова и А. В. Кунина, акцентирующих роль фразеологии в формировании национальной языковой картины мира. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию национально-культурной специфики языковой картины мира русских и англоговорящих, а также могут быть полезны при переводе и преподавании языков.

Ключевые слова: погодные явления, лексика, синтаксис, стилистика, идиомы, культурные коннотации, метафора, сопоставление.

DIFFERENCES IN THE DESCRIPTION OF WEATHER PHENOMENA IN RUSSIAN AND ENLISH LANGUAGES

Y. V. Ranchynskaya,
senior teacher of the Department of Foreign Languages
and Methods of Foreign Languages Teaching
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail.julia13313@mail.ru

МГПУ им. И.П. Шамякина

A. A. Zhilsky,
student of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus

The article presents a comparative analysis of the description of weather phenomena in the Russian and English languages in terms of vocabulary, syntax, style, and linguistic-cultural connotations. It was found out that in the Russian language a greater variety of words and vivid imagery for many weather phenomena are used, whereas English widely employs set phrases and idioms. Typical syntactic constructions are described: impersonal sentences in Russian and the introductory subject *it* construction in English. It is shown that the climatic conditions and cultural traditions of each society are reflected in proverbs, metaphors, and idiomatic expressions. The analysis is based on data from phraseological dictionaries and previous studies by V. V. Vinogradov and A. V. Kunin, who emphasize the role of phraseology in shaping the national linguistic worldview. The results obtained provide a deeper understanding of the cultural specificity of the linguistic worldviews of Russian and English speakers, and can be useful in translation and language teaching.

Keywords: weather phenomena, vocabulary, syntax, style, idioms, cultural connotations, metaphor, comparison.

Введение. Погодные явления и их описание являются неотъемлемой частью повседневного языка и культуры. Как отмечали авторитетные исследователи фразеологии В. В. Виноградов и А. В. Кунин, устойчивые выражения, связанные с природными реалиями, являются важным средством отражения национального характера речи и ментальности народа. Способ, которым люди говорят о погоде, формировался под влиянием климата, исторических и социальных условий, а также отражает особенности языкового мировоззрения. Русский и английский языки имеют богатый арсенал средств для описания погоды, но эти средства существенно различаются. Например, известно, что англоязычные собеседники часто обсуждают погоду в качестве нейтральной темы разговора, тогда как в русской коммуникативной культуре подобные беседы не распространены [6]. Сравнительный анализ лексических, синтаксических и стилистических особенностей описания погоды в двух языках позволяет выявить, как климатические реалии и культурные ценности влияют на язык. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом к лингвокультурологическим аспектам языка и необходимостью учета национально-культурной специфики при переводе и обучении языкам.

Согласно В. В. Виноградову, фразеология отражает не только «привычный способ выражения, но и глубинные культурные константы» [1, с. 42]. В работах А. В. Кунина отдельно подчеркивается значение погодных идиом для англо-русских сопоставительных исследований, поскольку эти выражения «раскрывают национальные особенности речевого поведения и мировидения» [2, с. 15].

Цели и задачи. Цель данного исследования – выявить различия в описании погодных явлений в русском и английском языках на уровнях лексики, синтаксиса, стиля и культурных коннотаций.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1) проанализировать и сопоставить лексический состав и фразеологию, используемые для описания основных погодных явлений (осадки, атмосферные явления, температура и др.) в русском и английском языках;

2) сравнить типичные синтаксические конструкции, с помощью которых описывается погода в рассматриваемых языках;

МГПУ им. И.П. Шамякина

3) выявить стилистические особенности функционирования «погодной» лексики (употребление в речи, литературе, малых жанрах) и связанные с ними культурные коннотации;

4) обобщить результаты в виде выводов о взаимосвязи между языковыми различиями и лингвокультурными факторами.

Методы и материал исследования. Исследование выполнено в рамках сопоставительного метода с использованием описательного и компонентного анализа. В качестве материала привлечены данные толковых и двуязычных словарей, словарей синонимов и фразеологизмов, а также примеры употребления погодной лексики в литературе и разговорной речи. Опора на лексикографические источники позволяет систематизировать типичные языковые средства, отмеченные для каждой культуры [3]. При анализе учитывались работы предыдущих исследователей по данной тематике [1–5], в которых зафиксированы номинации погодных явлений и устойчивые выражения. Сопоставление проводилось по ключевым семантическим категориям (названия осадков, ветра, состояния атмосферы, температуры и пр.), по синтаксическим моделям (тип высказывания о погоде) и по образным средствам языка (метафоры, сравнения, пословицы). Надежность результатов обеспечивается привлечением примеров из авторитетных источников и учетом функционирования «погодных» выражений в разных стилях речи.

Результаты и их обсуждение. Лексические различия. Сопоставление показало, что русский язык обладает более богатой синонимикой для ряда природных явлений, в английском же часто применяется базовый термин с уточняющими словами. Так, для описания снегопада и снежной непогоды в русском языке имеется несколько самостоятельных слов: *снег, снегопад, метель, вьюга, пурга* и др. – тогда как в английском все эти явления описываются словом *snow* с различными определениям или составными формами (*snow, snowstorm, blizzard, snowdrift* и т. п.) [3, с. 218]. Отсутствие в английском языке отдельных корневых слов для разновидностей снега компенсируется сочетаниями с лексемой *snow*. Например, рус. *сугроб* передается как *snowdrift*, дословно «снежный занос», а *снежинка* – как *snowflake* («хлопья снега») [3, с. 218]. В русском языке также существуют уникальные образные номинации: *белые мухи* – шуточное название падающего снега, основанное на сходстве снежинок с белыми мошками. В английском подобная метафора отсутствует. Другой образ – сравнение талого, рыхлого снега с кашеобразной массой: по-русски *снег как кисель*, тогда как в английском есть схожее выражение *snow-broth* («снежный бульон») – в обоих языках независимо сравнивается раскисший снег с вязкой жидкостью [3, с. 218–219].

Описание дождя и связанных с ним явлений также демонстрирует различия. А. В. Кунин подчеркивал, что фразеологические, единицы обозначающие осадки в английском языке, зачастую имеют переносные значения, связанные с неожиданностью или интенсивностью явления (to save up for a rainy day – «отложить на чёрный день») [2, с. 19]. В русском языке помимо общего слова *дождь* используются термины для сильного дождя (*ливень*) и мелкого затяжного дождя (*изморось*). В английском соответствуют *rain* (дождь), *shower* (ливень, короткий сильный дождь), *drizzle* (мелкий моросящий дождь) и др. Английский язык чрезвычайно богат на описания именно сильного дождя: помимо *heavy rain* существуют синонимичные образы: *downpour, torrential rain, pouring rain, soaking*

МГПУ им. И.П. Шамякина

rain и т.д., вплоть до яркой идиомы *to rain cats and dogs* – «льет как из ведра». Русский язык для выражения этой идеи использует близкую по смыслу поговорку *льёт как из ведра*, однако подобных по конструкции идиом, как английское *raining cats and dogs*, не имеет. Внутренняя форма английского выражения (буквально «льет кошками и собаками») не содержит в русском эквиваленте отсылки к каким-либо животным, что подчеркивает различие образного восприятия дождя в культурах [3, с. 219].

Для обозначения тумана и дымки в русском языке используется несколько слов: *туман* (густой туман), *мгла* (рассеянный туман, обычно литературное), *дымка* (лёгкая дымчатая пелена). В английском языке аналогичный набор: *fog* (густой туман), *mist* (лёгкий туман, дымка), *haze* (мгла, легкая дымка) и *smog* (смог, дымный туман над городом). Интересно, что русское слово *дымка* ассоциируется со словом *дым* и может восприниматься как «пелена, будто от дыма», тогда как английское *haze* прямо указывает на эффект затуманенности зрения, а *smog* является слиянием *smoke* + *fog* [3]. Оборот *светит солнце сквозь дымку* по-английски передают как *hazy sunshine*, используя прилагательное от *haze*. Разновидности ветра также отражены в лексике: по-русски *ветер, бриз, буря, ураган*, по-английски *wind, breeze, gale, storm, hurricane* и т.д. В обоих языках основные градации ветра похожи, но есть стилистические отличия в редких словах. Например, в русском встречаются мифологические названия ветра – *зефир* (теплый западный ветер) и *борей* (северный холодный ветер), – тогда как в современном английском эти поэтизмы практически не употребляются [3, с. 219]. Лексика, описывающая температуру и явления холода/жары, также обладает разным запасом слов. В русском языке имеется ряд прилагательных для градаций холода: *холодный, прохладный, студеный, морозный, зябкий, ледяной, леденящий* и др. Английский язык располагает сопоставимым или даже большим набором: *cold, cool, chilly, frosty, frigid, icy, gelid, freezing, arctic* (для обозначения сильного холода). При этом в обоих языках роль эталона холода играет лёд: ср. русские выражения *холодный как лёд, леденящий* и англ. *ice-cold, cold as ice, icy*. Для обозначения сильной жары русские используют образы печи или бани (*жарко как в печи, пекло*), тогда как по-английски говорят *hot as an oven* («жарко как в духовке») или *piping hot* (досл. «горячий, как раскаленная труба») – разные образы, но одинаково передающие высокую температуру [3, с. 220]. Таким образом, в лексическом отношении русский и английский языки по-разному детализируют погодные явления: каждый язык богаче в тех областях, которые более значимы или частотны для соответствующей культуры (например, снег и мороз – для России, дождь и туман – для Британии).

Синтаксис и грамматические конструкции. Значительные отличия наблюдаются в том, как строятся фразы о погоде. Согласно В. В. Виноградову, в русском языке для выражения атмосферных явлений нередко используются безличные предложения типа *смеркается, подморозило, потеплело*, где отсутствует формальное подлежащее [1]. В английском же, что неоднократно подчёркивал А. В. Кунин, для описания тех же процессов функционирует конструкция с *it:* it's getting dark, it has frozen [2]. Русскому языку свойственны безличные предложения и инфинитивные конструкции, в которых состояние природы описывается без указания конкретного подлежащего. Например, типичны конструкции типа: *на улице холодно, сейчас темнеет, моросит, подморозило*, где в роли

МГПУ им. И.Г. Шамякина

грамматической основы выступает безличная форма (категория состояния или безличный глагол). В английском языке для передачи тех же смыслов обычно используется формальное подлежащее *it*: *It is cold outside, It's getting dark, It's drizzling, It has frozen a bit*. Английское предложение всегда требует подлежащего, поэтому даже природные явления оформляются как будто у них есть условное действующее лицо (*it*) – в русском же такая необходимость отсутствует.

Другой аспект – использование имен существительных или прилагательных в роли сказуемого. В русском языке распространены конструкции типа *ветер сильный, день жаркий*, однако чаще связь подлежащего и сказуемого опускается: говорят просто *ветрено, жарко*. В английском языке в подобных случаях необходимо связующее *to be*: *The wind is strong, the day is hot*, или опять же безличное *It's windy, It's hot*. Таким образом, английская фраза о погоде требует либо названного агента природы (*sun, wind, rain*) в качестве подлежащего, либо местоимения *it*, тогда как русская фраза может обходиться без подлежащего вовсе или опускать его из контекста. Синтаксис влияет и на распространенность определенных клише. В английском языке крайне типичны структуры типа *It looks like rain* (букв. «похоже, будет дождь»), *There is a heavy snowfall* («имеется сильный снегопад»), *We are in for a storm* («нам предстоит буря»). В русском языке им соответствуют иные по строению фразы: *кажется, будет дождь, приближается сильный снегопад, нас ждет буря*. Русское высказывание нередко оформляется от первого лица множественного числа (*нас ждет*), тогда как английское – при помощи оборотов *there is* или безличного *it*. В целом, английские синтаксические конструкции более фиксированные и требуют формального подлежащего, что обусловлено грамматическими нормами английского предложения, тогда как русский синтаксис более гибок в этом отношении.

Стилистические особенности описания погоды. Лексика и выражения, связанные с погодой, используются в различных стилях речи и ситуациях, и здесь заметна национальная специфика. В английской разговорной речи обсуждение погоды давно стало своеобразным клише в качестве «маленькой беседы» (*small talk*) – нейтральной темы для поддержания общения. Англичане и американцы могут начать разговор с незнакомцем с комментария о погоде («Nice weather today, isn't it?»), и это считается вежливой формой установления контакта. В русском коммуникативном поведении такие спонтанные разговоры о погоде встречаются реже. Как отмечают исследователи, русские собеседники зачастую не видят большого смысла обсуждать очевидные вещи вроде состояния погоды [6]. Это воспринимается как неестественная, формальная коммуникация, не характерная для традиционной русской культуры общения. Действительно, социально-бытовой контекст в России предполагает, что разговоры «ни о чем» (куда относят и банальные замечания о погоде) не получили такого развития, как в западной культуре. Данная разница отражается и в языке: в русском меньше разговорных клише на тему погоды, и сами погодные фразы чаще несут конкретную информацию или оценку (например, жалобу: *что-то жарко сегодня, дождь никак не прекратится*), чем служат просто средством поддержания беседы. В художественной речи и литературе описания погоды присутствуют в обоих языках, выполняя часто схожие стилистические функции для создания настроения, символики как отражения эмоций героя и т. д. Однако можно отметить, что в русской классической литературе XIX века погоде уделялось значительное внимание как части пейзажных зарисовок, тогда как в английской викторианской

МГПУ им. И.П. Шамякина

литературе описание природы могло быть более сдержанным и функциональным. Эти различия связаны скорее с литературными традициями, чем с языковыми ограничениями. В современном медиатексте и публицистике оба языка активно используют погодные метафоры для оценки ситуаций, причем стиль изложения может быть ироничным: например, английское клише *the perfect storm* стало употребляться для обозначения сочетания неблагоприятных обстоятельств, а русское *штиль* или *затишье* может означать временное спокойствие в делах.

Культурные коннотации и метафорика. Описания погоды нередко выходят за рамки прямого значения и приобретают переносные, символические смыслы – в каждом языке свои. Анализ показывает, что многие устойчивые обороты с метеорологическими образами отражают национальные культурные реалии и менталитет. Так, в русском языке *холоду* и *стуже* традиционно приписываются негативные коннотации, связанные с отсутствием тепла, жизни: *холодный человек* – бесчувственный, *холодные отношения* – отчужденность. Вместе с тем *жару* тоже используют в переносном смысле: *жаркий спор* – эмоционально накаленный спор. Английский язык имеет аналогичные метафоры (*cold person, heated debate*), что говорит об универсальности некоторых ассоциаций. В то же время встречаются и уникальные выражения. Например, русское *как гром среди ясного неба* (о неожиданной новости) и английское *a bolt from the blue* передают одну идею, но через разные образы (гром vs. молния) и цвета (ясное небо vs. голубое небо). Русская версия акцентирует звук и внезапность, английская – зрительный образ молнии. Идиоматические выражения о погоде представляют особый интерес, так как они часто не переводятся дословно и хранят культурные аллюзии. В английском языке большое количество идиом, связанных с погодой, используется в переносном смысле: *to feel under the weather* (неважно себя чувствовать), *to have one's head in the clouds* (витать в облаках), *when hell freezes over* (никогда, «когда рак на горе свистнет»). Русский язык также обладает пословицами и поговорками о погоде, многие из которых основаны на опыте жизни в суровом климате. Пример – пословица *Не бывает плохой погоды, бывает плохая одежда*, отражающая философию приспособления к любым погодным условиям. Известная строка из песни «У природы нет плохой погоды» стала крылатой фразой, выражающей принятие всех капризов погоды. Кроме того, зима и холод в русской культуре обрели символическое значение стойкости: многочисленные поговорки прославляют мороз («Мороз не велик, да стоять не велит»), а сама зима олицетворяется (Дед Мороз, Генерал Мороз – образ русского мороза как помощника в войне 1812 года и Второй мировой). Различия в культурных коннотациях проявляются и на уровне фразеологии с участием метеорологических терминов. В английском языке погодные идиомы часто имеют нейтрально-позитивные или житейские оттенки (например, *Every cloud has a silver lining* – «Нет худа без добра», оптимистичный взгляд, что в любой туче есть серебряная подкладка). В русском же климатические реалии нередко используются для выражения трудностей: *перебиваться с хлеба на квас до теплых дней* (жить бедно до наступления тепла), *как снег на голову* (неожиданно, чаще о неприятностях). Тем не менее, обе культуры знают и общие мотивы: представление о переменчивости удачи как погоде (*черная полоса сменяется белой ~ After rain comes fair weather*). Важно отметить, что сами по себе погодные явления могут становиться метафорами общественных и политических процессов. Так, слово *оттепель* в русском языке прочно ассоциируется с периодом либерализации (историческая

МГПУ им. И.П. Шамякина

«хрущевская оттепель»), *заморозки* – с охлаждением отношений или застоем, *буря* – с социальными потрясениями. В английском имеются похожие метафоры: *thaw* в политике (потепление отношений), *storm* для кризиса, *winds of change* (ветер перемен) и др. Эти соответствия частично возникли под взаимным влиянием, а частично независимо, отражая универсальные метафорические модели, основанные на погоде.

А. В. Кунин и В. В. Виноградов сходились во мнении, что сравнение национальных фразеологических единиц о погоде наглядно доказывает тесную связь языка и культуры [1; 2].

Таким образом, культурно-языковые коннотации в области погоды демонстрируют одновременно универсальность человеческого восприятия природы и его культурно специфичные проявления. Исследования показывают, что в русском языке сложился богатый слой метафорических выражений на тему холода и тепла, отражающий своеобразие русской культуры и национального характера [4, с. 24]. Многие из таких выражений стали символичными: например, *тёплый прием* (радушие) или *холодная война* (глобальное противостояние без прямых столкновений). Английская традиция, в свою очередь, выработала собственные яркие идиомы: *to save up for a rainy day* (отложить на черный день), *to chase rainbows* (гнаться за недостижимым) и т. п. Для носителей языка эти обороты понятны интуитивно, тогда как иностранцу их нужно разъяснять, что подчёркивает роль культурного контекста.

Выводы. Сопоставительный анализ русского и английского языков в аспекте описания погодных явлений позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, обнаружены значительные **лексические различия**: русский язык имеет множество самостоятельных названий для различных видов осадков, снежных и атмосферных явлений, тогда как английский склонен использовать базовый термин с уточняющими определениями (особенно ярко это проявляется в тематике снега и дождя) [3]. В области же описания сильных дождей английский язык превосходит русский в использовании образных выражений и идиом. **Синтаксические особенности** заключаются в преобладании безличных конструкций в русском языке в противопоставление обязательному наличию формального подлежащего в английском; это отражает общее устройство грамматики обоих языков. **Стилистические нюансы** проявляются в частоте и способе использования «погодных» тем в речи. Наконец, **культурные коннотации** заметны во фразеологии и метафорах: каждую культуру отличает набор образов, связанных с погодой, которые исторически сложились под влиянием климата и менталитета (будь то образы снега и мороза в русском или дожди и солнце в английском). Наибольшие различия в описании погодных явлений наблюдаются там, где различаются значимость и частотность самих явлений для носителей языка. Жители России традиционно сталкиваются с долгими морозными зимами – отсюда богатый словарь для снега и холода, множество поговорок о зиме; жители Британских островов известны переменчивой дождливой погодой – отсюда разнообразие описаний дождя и облачности. Однако языковая картина мира не сводится только к климату: на нее накладываются и культурные практики общения, и литературные традиции. В итоге каждый язык вырабатывает уникальный набор средств выражения, который, с одной стороны, служит практическим целям (описать погоду, предупредить о ней и пр.), а с другой – передает глубинные культурные смыслы.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Данное исследование подтверждает, что изучение «погодной» лексики и фразеологии может служить эффективным способом выявления лингвокультурных особенностей языков. Результаты могут быть применимы в практике перевода – знание того, какие образы стоят за иностранными идиомами о погоде, позволяет точнее передать смысл. Кроме того, материалы работы полезны в преподавании русского и английского как иностранных. Опираясь на сопоставление, учащимся легче понять, почему прямой перевод выражений о погоде зачастую невозможен и как правильно говорить о природных явлениях в каждом языке. В перспективе исследование может быть продолжено на материале других языков или расширено за счет анализа медиатекстов, где погодные метафоры часто используются для характеристики социальных явлений [4]. Сопоставление языковых картин мира через призму погоды обогащает наше представление о взаимосвязи языка, природы и культуры.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов; избр. труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа ; Дубна : Феникс. 1996. – 381 с.
3. Лобкова, Е. В. Английские номинанты концепта погоды в сопоставлении с русским языком / Е. В. Лобкова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2010. – № 12 (43). – С. 218–220. – URL: http://www.gramota.net/materials/1/2010/12/65.html (дата обращения: 18.02.2025).
4. Григорьева, О. Н. Лексические единицы, противопоставленные по признаку «холодный–теплый», в дискурсе погоды в современном русском языке / О. Н. Григорьева, Ли Силянь // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2022. – Т. 14, вып. 4. – С. 24–33. – URL: https://press.psu.ru/index.php/philology/article/view/6051 (дата обращения: 16.01.2025).
5. Туманова, А. Д. Идиомы о погоде в современном английском и русском языках / А. Д. Туманова, Д. Ю. Кошелева, С. Д. Гафарова, В. О. Зорькина // Молодой ученый. – 2024. – № 19 (518). – С. 532–534. – URL: https://moluch.ru/archive/518/113842/ (дата обращения: 08.04.2025).
6. Davis, B. ‘F*ck the weather’: This is why there’s no small talk in Russia // Russia Beyond. – 2019. – 2 April. – URL: https://www.rbth.com/lifestyle/330182-small-talks-weather-russia (accessed 08.04.2025).

УДК 811.161.3’373

ЗМЕСТ І СТРУКТУРА ТЛУМАЧАЛЬНА-СЛОВАЎТВАРАЛЬНАГА СЛОЎНІКА ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКАЙ ЛЕКСІКІ

А. В. Солахаў,
дацэнт, кандыдат філалагічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь;
дацэнт кафедры філалогіі Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта,
г. Баранавічы, Рэспубліка Беларусь
E-mail: solakhau@yandex.ru

У артыкуле раскрываюцца змястоўныя і структурныя асаблівасці тлумачальна-словаўтваральнага слоўніка індывідуальна-аўтарскай лексікі на прыкладзе індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў з тэкстаў беларускай мастацкай літаратуры 2-й паловы XX – пачатку XXI ст.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Слоўнікавы артыкул утворанага ІАН аўтар падзяляе на дзве часткі – лексіка-граматычную і словаўтваральную. У лексіка-граматычнай частцы падаецца ІАН, яго граматычныя і стылістычныя прыметы, лексічнае значэнне, ілюстрацыйны матэрыял і яго пашпартызацыя; у словаўтваральнай частцы – утваральнае слова або словы, словаўтваральны фармант, марфаналагічныя змены ва ўтваральнай аснове, назва спосабу словаўтварэння**.** Асобны раздзел Слоўніка – даведачны матэрыял пра спосабы словаўтварэння.

Ключавыя словы: артыкул, індывідуальна-аўтарскі неалагізм, лексічнае значэнне, ілюстрацыя, цытата, пашпартызацыя, словаўтваральная будова.

THE CONTENT AND STRUCTURE OF THE EXPLANATORY AND WORD-FORMATION DICTIONARY OF THE INDIVIDUAL AUTHOR'S VOCABULARY

A. V. Solakhau,
Associate Professor, Cand. Phil. D., Leading Researcher
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus;
associate Professor of the Department of Philology, Baranovichi State University,
Baranovichi, Republic of Belarus
E-mail: solakhau@yandex.ru

The article reveals the substantive and structural features of the explanatory and word-formation vocabulary of the individual author's vocabulary using the example of individual author's neologisms from the texts of Belarusian fiction of the 2nd half of the XX – beginning of the XXI century. The author divides the dictionary entry of an educated Ian into two parts – lexico-grammatical and word-formation. The lexical and grammatical part provides the Ian, its grammatical and stylistic features, lexical meaning, illustrative material and its certification.; in the word-forming part-the formative word or words, the word-forming formant, morphological changes in the formative base, the name of the method of word formation. A separate section of the dictionary contains reference material on the methods of word formation.

Keywords: article, individual author's neologism, lexical meaning, illustration, quotation, certification, word-formation structure.

Уводзіны. Індывідуальна-аўтарскімі неалагізмамі (ІАН) называюцца аказіянальныя словы, якія ствараюцца пераважна паэтамі і пісьменнікамі ў якасці сродкаў маўленчай экспрэсіі, служаць паказчыкам індывідуальнага стылю аўтараў і звычайна не выходзяць за межы кантэксту, у якім ужываюцца, але пры спрыяльных умовах могуць стаць агульнаўжывальнымі.

ІАН фіксуюцца ў той або іншай меры ў творах усіх беларускіх пісьменнікаў і паэтаў 2-й паловы XX – пачатку XXI ст. Творчай актыўнасцю на ніве словатворчасці вызначаюцца Данута Бічэль-Загнетава, Казімір Камейша, Уладзімір Ліс іцын, Алег Лойка, Мікола Мятліцкі, Пімен Панчанка, Васіль Рагаўцоў, Мікола Чарняўскі, Мікола Шабовіч і інш.

Нягледзячы на вялікую і разнастайную колькасць ІАН у творах беларускай літаратуры, лексікаграфічны напрамак даследавання ІАН пакуль што не атрымаў пашырэння ў беларускім мовазнаўстве. Найбольш значнай лексікаграфічнай працай ІАН у беларускім мовазнаўстве з’яўляецца «Слоўнік аўтарскіх неалагізмаў» М. Р. Прыгодзіча [1, с. 112–173], у склад якога ўключана 988 слоў, утвораных паэтамі і пісьменнікамі на працягу XX – пачатку XXI ст.

Тлумачальна-словаўтваральны слоўнік індывідуальна-аўтарскай лексікі – лексікаграфічная праца, у якой у алфавітным парадку падаюцца індывідуальна-

МГПУ им. И.П. Шамякина

аўтарскія неалагізмы (ІАН), тлумачыцца іх лексічнае значэнне і ўтварэнне. Неабходнасць такой працы відавочная: яна выклікаецца не толькі патрэбай навуковага вывучэння ІАН, але і яе практычным выкарыстаннем.

Мэты і задачы. Мэтай нашай працы з'яўляецца апісанне слоўніка новага тыпу – Слоўніка індывідуальна-аўтарскай лексікі. У сувязі з гэтым у артыкуле вырашаюцца наступныя задачы:

1) вызначыць задачу Слоўніка;

2) акрэсліць круг індывідуальна-аўтарскай лексікі, якая ўключаецца ў Слоўнік;

3) распрацаваць структуру слоўнікавага артыкула;

4) прапанаваць умоўныя абазначэнні ўжытых знакаў і скарачэнняў назваў граматычных і стылістычных памет.

Метады і матэрыял даследавання. У адпаведнасці з мэтай і задачамі ў артыкуле выкарыстоўваюцца метады крытычнага аналізу, абагульнення і сістэматызацыі.

Матэрыялам для даследавання паслужылі індывідуальна-аўтарскія неалагізмы, пры ўтварэнні якіх рэалізаваны розныя спосабы словаўтварэння, а таксама, як узор, тлумачальныя і словаўтваральныя слоўнікі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Матэрыяльнай асновай Слоўніка з'явілася картатэка ІАН, створаная аўтарам шляхам суцэльнай і частковай выбаркі з беларускіх паэтычных, празаічных і драматычных твораў, напісаных у другой палове XX – пачатку XXI ст. як прызнанымі майстрамі мастацкага твора, так і маладымі пісьменнікамі.

Задача слоўніка – як мага паўней адлюстраваць індывідуальна-аўтарскую лексіку з тэкстаў беларускай мастацкай літаратуры 2-й паловы XX – пачатку XXI ст., паказаць лексічнае значэнне кожнага ІАН, з пацвярджэннем яго неабходным ілюстрацыйным матэрыялам і дакладнай пашпартызацыяй, паказаць словаўтваральную будову ўтворанага слова (утваральнае слова або словы, словаўтваральны фармант, марфаналагічныя змены ва ўтваральнай аснове), назваць спосаб словаўтварэння.

У адпаведнасці з акрэсленымі задачамі ў Слоўнік уключаюцца:

1) ІАН, якія ўтвораны з парушэннем нормаў беларускага словаўтварэння, у тым ліку:

– вылучаныя часткі слоў, якія маюць самастойнае лексічнае значэнне;

– былыя сінтаксічныя канструкцыі, якія ў выніку аб'яднання кампанентаў у адно слова, набылі лексічнае значэнне;

– словы, утвораныя праз ступень;

2) ІАН, утвораныя па ўзоры слоў прадуктыўных тыпаў беларускага словаўтварэння, але не адлюстраваныя ў слоўніках беларускай мовы;

3) ІАН, што ўжываюцца ў мове твораў як аднаго пісьменніка, так і двух або больш аўтараў і не адзначаюцца слоўнікамі беларускай мовы.

У Слоўніку аналізуюцца з пункту гледжання словаўтварэння ўтвораныя індывідуальна-аўтарскія назоўнікі, прыметнікі, дзеясловы, прыслоўі, безасабова-прэдыкатыўныя словы, у некаторых выпадках – лічэбнікі, займеннікі, службовыя часціны мовы (часціца).

Слоўнікавы артыкул утворанага ІАН складаецца з дзвюх частак – лексіка-граматычнай і словаўтваральнай. Лексіка-граматычная частка мае наступныя кампаненты:

МГПУ им. И.П. Шамякина

1) індывідуальна-аўтарскі неалагізм;
2) яго граматычныя і стылістычныя пометы:
м. – назоўнік мужчынскага роду,
ж. – назоўнік жаночага роду,
н. – назоўнік ніякага роду,
аг. – назоўнік агульнага роду,
мн. – форма назоўніка множнага ліку,
толькі мн. – множналікавы назоўнік,
прым. – прыметнік,
ліч. – лічэбнік,
займ. – займеннік,
зак. – дзеяслоў закончанага трывання,
незак. – дзеяслоў незакончанага трывання,
прысл. – прыслоўе,
безас. – безасабова-прэдыкатыўнае слова,
часц. – часціца,
гумар. – гумарыстычнае,
жарт. – жартоўнае,
іран. – іранічнае,
3) лексічнае значэнне слова;
4) ілюстрацыя ІАН з тэксту мастацкай літаратуры з вылучэннем ІАН паўтлустым шрыфтам;
5) умоўнае скарачэнне пашпартных дадзеных выдання (прозвішча аўтара, год выдання) і старонка, з якой узята ілюстрацыя.

У словаўтваральнай частцы паказваюцца:
1) утваральнае слова або словы і словаўтваральныя сродкі;
2) змяненні, якія адбыліся ва ўтваральнай аснове:
– чаргаванне гукаў:
– сцяжэнне зычных к + с → ц; ч + с → ц; ц + с → ц; т + с → ц;
– выпадзенне гукаў;
– скарачэнне часткі ўтваральнай асновы:
– сумешчаныя часткі ўтваральных слоў:
– перастаноўка гукаў:
– налажэнне марфем:

У слоўніку прыняты наступныя ўмоўныя абазначэнні:

Умоўны знак	Назва знака і яго значэнне	Частка слоўнікавага артыкула
/	касяк; ужываецца ў цытаце для абазначэння падзелу вершаваных радкоў	*Поўня, як матчын чыгун шматвядзёрны, / Коціцца ў цішы паснулых палёў.*
<…>	знак скарачэння; выкарыстоўваецца пры скарачэнні сярэдняй часткі цытаты	*Падлетку <…> хацелася, каб <…> яму не трэба было чакаць яго [тату] тыднямі напралёт у турботна-трывожным няведанні.*
⩤	аддзяляе словаўтваральную частку артыкула ад лексіка-граматычнай	Антыда́чны, *прым.* Супрацьлеглы дачнаму; накіраваны супраць дач. *…Эпас пісаў антыдачны, / Пакуль дачы ўзяць не мог!* Лойка 1986, с. 127. ⩤ *Анты-* + *да́ч(а)* + *-н(ы)*, прэфіксацыя + суфіксацыя. *Пу́льхн(ы)* + *-асць*

МГПУ им. И.П. Шамякина

+	плюс; ужываецца як знак аб'яднання утваральных асновы (асноў) або слова (слоў) з фармантам або яго кампанентамі	*Запаро́жац + -а- + ула́снік*
( )	круглыя дужкі; вылучаюць асобныя тлумачэнні і марфемы, якія не ўдзельнічаюць у словаўтварэнні (канчаткі, паказчыкі інфінітыва *-ць, -ці, -чы*), дзве нахіленыя ўправа	(слова ўтворана праз ступень) *А- + бязро́дн(ы) + -і(ць)*
/ /	паралельныя рыскі; указваюць на марфему або на частку асновы, якая скарачаецца	*За- + баразн(а́) + -е(ць)* *Дзінь-дзінь-дзі́нь + /га/дзі́ннік* *Смех + /сам/алёцікі*
‖	дзве вертыкальныя паралельныя рыскі; ставяцца паміж літарамі, якія абазначаюць гукі, што чаргуюцца	*Во́сень + -на, н'‖н* *За- + барыка́д(а) + -і(ць), д‖дз'*
[ ]	квадратныя дужкі; адзначаюць дакладную перадачу гукаў на пісьме	Густадрэ́ўе *[ɣустадрэ́ўјэ]*
ø	нулявы гук; абазначае нулявы суфікс, нулявы канчатак	*Раско́с(ы) + -ø(ø) , а‖о, о‖а, с‖с'*
___	прамая гарызантальная рыска; падкрэслівае агульныя фанемныя часткі ўтваральных слоў і ўтворанага ІАН	Спага́дзіна <…> ≺ *Спага́д(а) + гадзі́на, д‖дз'*
в'	знак мяккасці; коска, якая знаходзіцца ўверсе справа літары, абазначае мяккасць зычнага	*Крыклі́в(ы) + -ец, в‖в'*
{}	фігурныя дужкі; адлюстроўваюць першую ступень утварэння пры прасступенным словаўтварэнні	≺ *звыш- + {дзіўн(ы) + -а- + гук + -н(ы)}, к‖ч*, прэфіксацыя + асноваскладанне + суфіксацыя (слова ўтворана праз ступень).
а́	знак націску; штрышок над літарай указвае на націскны галосны	Загара́льшчык <…> ≺ *Загара́(ць) + -льшчык*
* **	зорачка, зорачкі; паказваюць на некалькі матывацый ўтворанага слова	Нявечназялёны, *прым.* *Супрацьлеглы вечназялёнаму. **Нявечна зялёны. <…> ≺ *Ня- + вечназялёны*, прэфіксацыя. ***Няве́чна + зялёны,* зрашчэнне

Загаловачныя словы артыкула для зручнасці карыстання Слоўнікам падаюцца ў ім у пачатковай форме, нягледзячы на тое, што такая форма ў тэкстах твораў можа адсутнічаць. У гэтым выпадку яна ўтвараецца штучна. Пры цяжкасці вызначэння пачатковай формы некаторых назоўнікаў у якасці загалоўка артыкула выкарыстоўваецца форма назоўнага склону множнага ліку, напрыклад:

Паслядо́ўцы (тут можа быць два варыянты пачатковай формы: *паслядо́ўца* і *паслядо́вец*).

Тлумачэнне значэння кожнага ІАН ілюструецца пашпартызаванай цытатай з літаратурнай крыніцы. Цытата не толькі ілюструе значэнне ўтворанага слова, але і сведчыць пра сферу яго ўзнікнення і яго сувязі з іншымі словамі.

У шматслоўных цытатах робяцца скарачэнні, месца якіх у пачатку і ў канцы цытат адзначаецца шматкроп'ем, а ў сярэдзіне – шматкроп'ем, змешчаным у вуглавых дужках.

Слоўнікавыя артыкулы ІАН, якія аналізуюцца, маюць такія выгляды:

Адрыгвяне́ць, *зак.* Зрабіцца (стаць) дрыгвяным; ператварыцца ў дрыгву. *Ды сажалкі мае сёння непрыступныя, берагі іх расплыліся, адрыгвянелі.* Камейша 2010, с. 5. ≺ *Ад- + дрыгвян(ы́) + -е(ць), н‖н'*; прэфіксацыя + суфіксацыя.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Дзяржыкарманшырэ́й, *м., іран.* Той, у каго няма грошай, хто спадзяецца на пазыку. *Радыё. Сёння ў Маскву з афіцыйным візітам прыбыў кіраўнік дзяржавы астравоў Карыцы і Лаўровага Ліста гаспадзін Джордж Крамін Шры. <…> Старая. Хто прыбыў? Фамілія нейкая… Стары. Прэзідэнт Дзяржыкарманшырэй з астравоў Карыцы і Лаўровага Ліста. Прыехаў крэдытаў прасіць*. Макаёнак 1980, т. 2, с. 73. ◅ *Дзяржы + карман + шырэй* (*дзяржы́ карма́н шырэ́й* – народны іранічны выраз), галафразіс.

Мільярдзі́н, *м.* Адзін з мільярда падобных. *Цяжка дыхаюць мільярдзіны / На планеце людзей / Пад выццё – / Прапаведнікаў смерці ядзернай…* Панчанка 1993, с. 418. ◅ *Мільярд(ø) + -ін, д||дз’*; суфіксацыя.

Мо́рганы, *толькі мн.* Морган і іншыя амерыканскія банкіры-мільярдэры. *Нанятых правакатараў, / Гаспадароў іх морганаў, / Пакуль яшчэ не позна – / За краты пасадзіць!* Панчанка 1981, т. 2, с. 280. ◅ *Мо́рган* + *-ы*, плюралізацыя.

Піўбу́дка, *ж., іран.* Піўны магазін. *Піўбудка – тыя ж сабакарні: / І гэты гаў, / І гэты кусь!* Чарняўскі 1996, с. 62. ◅ *Піў/н/(а́я) + бу́дка*; дэсуфіксацыя + асноваскладанне.

Пра-пра-пра-пра́, *мн.* Нашчадкі. *Марына Сяргееўна. А колькі б у нас магло быць унукаў, праўнукаў, пра-пра-пра-пра́ўнукаў. <…> Дабрыян. Марыша, павер, што мне не да пра-пра-пра-пра.* Крапіва 1974–1976, т 3, с. 276. ◅ *Пра-пра-пра-пра́/ўнук/(і)*; эмансіпацыя прэфікса.

Асобны раздзел Слоўніка – даведачны матэрыял пра спосабы словаўтварэння, колькасць якіх вельмі высокая [2], і таму яны патрабуюць тлумачэння.

Вывады. Тлумачальна-словаўтваральны слоўнік індывідуальна-аўтарскай лексікі індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў сумяшчае ў сабе асаблівасці тлумачальнага і словаўтваральнага слоўнікаў. Слоўнікавы артыкул утворанага ІАН падзяляецца на дзве часткі – лексіка-граматычную і словаўтваральную. У лексіка-граматычнай частцы падаецца ІАН, яго граматычныя і стылістычныя прыметы, лексічнае значэнне, ілюстрацыйны матэрыял і яго пашпартызацыя; у словаўтваральнай частцы – утваральнае слова або словы, словаўтваральны фармант, марфаналагічныя змены ва ўтваральнай аснове, назва спосабу словаўтварэння.

Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (дагавор № 1410/2021).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Прыгодзіч, М. Р. Слоўнік аўтарскіх неалагізмаў / М. Р. Прыгодзіч // Аўтарская неалагізацыя ў беларускай мове : дапам. для студ. спец. 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)» / М. Р. Прыгодзіч. – Мінск : БДУ, 2021. – С. 112–173.

2. Солахаў, А. В. Індывідуальна-аўтарскія неалагізмы ў мове беларускай мастацкай літаратуры 2-й паловы XX – пачатку XXI стагоддзя : манаграфія / А. В. Солахаў. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2022. – 320 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

81'373:[811.161.1+811.161.3]

КОНСТРУКЦИИ КУМУЛЯТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ С АДЪЕКТИВОМ *ЯДОВИТЫЙ*

В. Д. Стариченок,
профессор, доктор филологических наук, декан филологического факультета
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: starichenok@mail.ru

В статье рассматриваются конструкции кумулятивного содержания, включающие в свой состав субстантивные единицы и зависимые адъективные определения, одно из которых выражено прилагательным *ядовитый*. Характеризуются основные кумулятивные модели, выделяемые в зависимости от расположения прилагательного *ядовитый* в структуре текста и количества структурных элементов текста. Внимание уделяется сложным индивидуально-авторским конструкциям, а также текстовым фрагментам чувственно-эмоциональной и колоративной сфер.

Ключевые слова: адъектив *ядовитый*, субстантив, метафора, негативная коннотация, модель, синтаксическая конструкция.

CONSTRUCTIONS OF CUMULATIVE CONTENT WITH THE ADJECTIVE *POISONOUS*

V. D. Starichenok,
Professor, Doctor of Philology, Dean of the Faculty of Philology
of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: starichenok@mail.ru

The article examines constructions of cumulative content that include substantive units and dependent adjectival definitions, one of which is expressed by the adjective *poisonous*. The main cumulative models are characterized, distinguished depending on the location of the adjective *poisonous* in the structure of the text and the number of structural elements of the text. Attention is paid to complex individual-authorial constructions, as well as text fragments of the sensory-emotional and colorative spheres.

Keywords: adjective *poisonous*, substantive, metaphor, negative connotation, model, syntactic construction.

Введение. В лексической системе русского языка выделяется группа адъективных номинаций с пейоративным значением токсичности, ядовитости. Наиболее употребительным в этой группе является прилагательное *ядовитый* с исходным ЛСВ ‘*являющийся ядом, содержащий яд,* способный вызвать отравление живого организма’. Актуализация семы ‘негативное воздействие’ приводит к образованию большого числа вторичных ЛСВ, которые характеризуют различные сферы жизнедеятельности человека. В зависимости от тематической представленности вторичных ЛСВ в смысловой структуре адъектива *ядовитый* выделяются коммуникативно-речевая, мимическая, персонифицированная, эмоциональная, межличностно-социальная, колоративная, ментальная и темпоральная сферы [1, с. 218–221]. Исследование подобных сфер адъективных номинаций является актуальным, что прежде всего вызвано необходимостью

МГПУ им. И.П. Шамякина

выявления системных закономерностей в процессе сочетаемости адъективных номинаций с различными по семантике субстантивными единицами.

Цель и задачи. Цель работы – установить специфику функционирования адъектива *ядовитый* в кумулятивных конструкциях и его сочетаемости с именными частями речи в условиях негативно-характеризующего контекста. К задачам исследования относится выявление и описание тематических групп, включённых в дискурсивное пространство, а также установление основных семантических моделей с адъективом *ядовитый*.

Методы и материал исследования. Прилагательное *ядовитый* можно назвать рекордсменом по количеству и разнообразию контекстовых ситуаций, в пределах которых эта лексическая единица активно функционирует, сочетаясь с различными по семантике адъективами и субстантивами. Это прилагательное характеризуется широкой смысловой парадигмой, глубоким семантическим потенциалам и особой способностью сочетаться с различными существительными, семантика которых во многом определяет траекторию адъективного содержания.

Во многих случаях прилагательное *ядовитый* используется в сочетании с другими пейоративными адъективами, которые широко и масштабно характеризуют определенные явления, предметы и лица. Конструкции, в которых используются два и более зависимых слова-определителя при главном слове существительном, называются кумулятивными (лат. *cumulatio* ‘скопление, нагромождение, накопление, увеличение’). Резюмируем сказанное. Такие конструкции отражают результат особого рода селективной кумулятивной деятельности, в ходе которой происходит выбор одной из опций в рамках бинарного распределения признака с последующим необратимым «нанизыванием» данных об отобранных признаках объекта [2, с. 89]. Отличительной чертой таких многокомпонентных атрибутивных словосочетаний является их ярко пейоративное содержание (отрицательная оценка чего-либо или кого-либо, неодобрение, порицание, ирония, презрение и под.), а также выражение смысловых отношений не только с главным словом, но и между атрибутами. Адъектив *ядовитый* в таких случаях сочетается с другими прилагательными типа *злой, злостный, уничижительный, презрительный, негодующий, гнусный, обличительный* и др.

В зависимости от расположения прилагательного *ядовитый* в структуре текста, а также количества адъективных лексических единиц выделяется несколько типов кумулятивных моделей, в которых символ *А* обозначает адъектив, символ *S* – субстантив.

В первой модели (*А ядовитый + А + S*) представлены конструкции, в которых адъектив *ядовитый* располагается в начале перечислительного пейоративного ряда: *Бедному, кроткому Матвею приходится выслушать от него много ядовитых, презрительных слов* (А. Чехов); *Он не жалеет для нее самых* ***ядовитых и уничижительных*** *эпитетов* (М. Амусин); *А после Мартова среди шума, протестов и аплодисментов произнес* ***ядовитую, негодующую*** *речь* (Н. Суханов); *На смену росло в душе ядовитое, холодное презрение к себе и к мужу* (В. Пришвина); *Высокий человек в черном сюртуке, с* ***ядовитым и пронизывающим*** *взглядом, сидел в первом ряду* (А. Виноградов).

Во второй модели (*А + А ядовитый + S*) наблюдается перестановка адъективнх единиц, в результате чего перечислительный ряд заканчивается прилагательным *ядовитый*: *В зале они выглядят наблюдателями и являются*

МГПУ им. И.П. Шамякина

*мишенью для злых**,** ядовитых насмешек* (А. Черняев); ***Злые и ядовитые** замечания сыпались отовсюду, и тут лишь понял Семен, что не следовало ему уезжать в то утро* (Л. Леонов); *На старуху со всех сторон полетели завистливые**,** ядовитые упрёки* (А. Левитов); *Он был осужден выносить самые **злостные и ядовитые** нападки не только на свою авторскую деятельность, но и на личный характер* (П. Анненков); *Мы кидаем друг другу в лицо обличительные ядовитые слова* (Е. Сабуров); *Этот гнусный ядовитый фанатик, этот токсичный старикашка, он спас мне честь и дыхание* (В. Ерофеев); *Весьма **острый, ядовитый** очерк написан неким писателем, которого я впредь буду называть синеглазым* (В. Катаев).

В третьей модели (*А ядовитый* + *А* + *А* + *S*) представлен перечислительный ряд, все адъективы которого характеризуют один какой-либо объект: *Умный**,** ядовитый**,** неодобрительный Семечкин был враждебен миру* (В. Катаев); *Дождь лился по крыше ровный и цельный, точно вся ядовитая**,** бесформенная и сплошная скука, которая гнездилась на земле* (С. Сергеев-Ценский); *Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в ядовитую, холодную и, главное, вековечную злость* (Ф. Достоевский).

Четвёртая модель (*А ядовитый* + *S* + *S*...) представлена структурами, в которых препозитивное прилагательное *ядовитый* характеризует несколько разных по семантике субстантивов: *Асаркан вел все больше нападок в форме каких-то полушутливых сожалений, **ядовитых намеков и иносказаний*** (Н. Толченова); *После вчерашнего успеха сегодня – **ядовитая месть и придирки*** (В. Швец); *Бригитта знала о толках, но ее мало беспокоили **ядовитые замечания, улыбки и взгляды** соседок* (Н. Алексеев).

Большое распространение кумулятивные конструкции получили в колоративном дискурсе, где адъектив *ядовитый* используется в значении ‘неприятно резкий, яркий, насыщенный (о цвете, оттенке)’. Семантика цвета в таких случаях определяется не столько способом цветообозначения, сколько психолого-эмоциональной характеристикой цвета, которая нередко содержит индивидуальный, отчетливо выраженный этнический компонент. Значение цвета является информационной и эмоционально значимой характеристикой жизненного пространства человека, важным этносоциокультурологическим элементом языковой картины мира, наиболее сущностным проявлением взаимоотношений человека с внешней средой, элементом культуры различных времен и народов [3, с. 5; 4, с. 158]. Концептуализация цвета, как справедливо отмечает О. Б. Ермакова, ориентирована на человека, присущую ему когнитивную способность зрительного восприятия, «исторический и культурно детерминированный опыт его существования в мире, на его прагматические потребности» [5, с. 27].

В силу индивидуальности восприятия и интерпретации широкой цветовой гаммы адъектив *ядовитый* может «расшифровываться» и конкретизироваться другими лексическими единицами уточняюще-разъяснительного характера. При этом важным является объект цветонаименования, в качестве которого выступают названия цвета одежды, тканей, предметов домашнего обихода, продуктов питания и пр. Чаще всего в атрибутивной цепочке наряду с адъективом *ядовитый* используются прилагательные *зелёный, жёлтый, синий, красный* и различные их оттенки и комбинации: *Жаль только, что в толпе остались старые костюмы,*

МГПУ им. И.П. Шамякина

особенно зеленого ядовитого цвета (В. Теляковский); *Стены, местами облупившиеся, крашены в зеленый ядовитый цвет* (А. Приставкин); *Дэвид выразительно остановил взгляд на старом, изрядно потоптанном паласе* ***ядовитого ярко-зелёного*** *цвета* (М. Валеева); *Что касается брюк, то они были такого же* ***ядовитого зеленовато-желтого*** *цвета* (Н. Носов); *Занавес выдержан в ядовитых сине-бурых тонах* (А. Филиппов); *Только костюм спортивный носит* ***ядовитого красного*** *цвет* (О. Шевченко); *Непристойные слова лениво мигали в ночь буквами ядовитого красного цвета* (Ф. Тютчев); *Ограда покрашена в ядовитый попугайный цвет* (А. Пантелеев).

Слово *ядовитый* может вплетаться в контексты с существительным *чувство*, которые отражают тяжёлые внутренние переживания, отрицательные психофизические чувства и ощущения человека, злое, полное раздраженной враждебности настроение. Перечислительный ряд в таких случаях включает большое число адъективных номинаций пейоративного характера: *Я лишь изредка оглядывался по сторонам, уходя с каждым часом все глубже в собственную клетку смертельных и ядовитых чувств* (А. Григорович); *На одну секунду где-то в глубине меня шевельнулось дурное, ядовитое, какое-то гнилое и противное мне самому чувство, но сейчас же и прошло* (М. Арцыбашев).

В редких случаях конструкции строятся по принципу оксюморона, специфика которого заключается в сочетании субстантивов с положительной коннотацией и отрицательного по семантике адъектива *ядовитый.*Чаще всего оксюмороны демонстрируют межличностные отношения, специфику поведения человека, черты его характера. При этом пейоративная коннотация прилагательного приглушается за счёт использования существительных с положительной коннотацией типа *учтивость, счастье* и др.: *«Все хорошо», – с ядовитой, бархатной учтивостью вступил в разговор Корабельников* (Д. Быков); *Экстракт моментов безграничного, ядовитого счастья и долгой немой тоски, от которой мутится ум и безмолвно рыдает душа* (Л. Волошинова).

В отдельную группу включаются сложные индивидуально-авторские конструкции, в которых адъектив *ядовитый* распространяется субстантивами в родительном падеже. В таких конструкциях наблюдается нестандартная сочетаемость слов, выбор которых не всегда подчиняется законам логической целесообразности и происходит в соответствии с субъективно-авторским ассоциативным мышлением. Всё это приводит к нарушению концептуальных границ таксономии, созданию специфических семантических моделей, ориентированных на конвергенцию семантики различных лексических единиц. Большинство таких конструкций ориентированы на выражение психологического состояния человека, его негативных эмоций, чувств и переживаний, взглядов на самого себя и время, в котором он живет: *непреодолимая стена холодной, ядовитой враждебности* (Л. Толстой), *ядовитая, бесформенная и сплошная скука* (С. Сергеев-Ценский), *ядовитое дыхания злобы, коварства и нечестия* (Н. Греч), *ядовитый сплав дерзости и отчаяния, безочарования и большой пытливости* (Г. Фелоровский), *ядовитый цветок самолюбования, самоуверенности, необоснованных надежд и планов.* (Н. Покровская), *ядовитая, разъедающая кислотность книги* (В. Сердюченко).

Выводы. Таким образом, кумулятивные конструкции с адъективом *ядовитый* широко используются в художественно-публицистическом дискурсе.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Негативный характер в таких конструкциях создается за счёт пейоративного содержания не только прилагательного *ядовитый*, но и других негативных по содержанию прилагательных, которые функционируют в одном перечислительном ряду *(злой, злостный, уничижительный, презрительный, негодующий, гнусный, противный, обличительный, смертельный).* В конструкциях с двумя и более зависимыми словами-определителями в качестве главного компонента чаще всего выступают субстантивы со значением речевой деятельности *(слово, речь, намёк, иносказание, эпитет, очерк*), межличностных отношений (*нападки, упрёк, замечание, месть, презрение),* внутреннего психологического состояния человека *(чувство, враждебность, отчаяние).*

В зависимости от расположения прилагательного *ядовитый* в структуре текста и количества структурных элементов текста выделяются следующие модели: *А ядовитый + А + S* ; *А + А ядовитый + S; А ядовитый + А + А + S; А ядовитый + S + S*… и др.

В некоторых многочленных конструкциях наблюдается использование нестандартных сочетаний слов, которые в совокупности не только нарушают семантические и лексические нормы и их логическую целесообразность, но и повышают экспрессивность текста, демонстрируют специфику субъективно-авторскогого ассоциативного мышления, отражают особенности авторской концептуализации действительности.

Список использованных источников

1. Стариченок, В. Д. Репрезентация ядовитости в русском и белорусском языках (на материале адъективных номинаций) / В. Д. Стариченок // Русский язык: система и функционирование : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 218–224.

2. Павлюк, О. Н. Кумуляция как когнитивная деятельность / О. Н. Павлюк // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Языкознание. – 2016. – Вып. 21 (760). – С. 81–90.

3. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М. : Моск. лицей : Рус. филол. вестн., 2001. – 470 с.

4. Филиппова, Е. Ю. Вербализация цвета и формы носителями русского языка в условиях психолингвистического эксперимента / Е. Ю. Филиппова // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 158–165.

5. Ермакова, О. Б. Концептуализация цвета в русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ермакова Ольга Борисовна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 28 с.

УДК [81’ 367.626:81’373.612.2]: [811.161.1+ 811.581]

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ АБСТРАКТНОГО СОДЕРЖАНИЯ «ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Сюэ Бин,
аспирант Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: xbing0820@gmail.com

Рассматриваются метафорические конструкции русского и китайского языков, включающие в свой состав личные местоимения и предикативные части, представленные

МГПУ им. И.П. Шамякина

отвлечёнными существительными. В таких конструкциях раскрываются особенности семантизации личных местоимений, их соотнесённость с различными фрагментами широкого понятийно-абстрактного континуума. Характеризуются типологические и специфические для каждого из языков местоименные семантические модели философского, экзистенциального, духовно-нравственного, темпорального и межличностного содержания.

Ключевые слова: личное местоимение, метафора, синтаксическая конструкция, абстрактные номинации, русский язык, китайский язык.

METAPHORICAL CONSTRUCTIONS OF ABSTRACT CONTENT "PERSONAL PRONOUN + NOUN" (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

Xue Bing,
Postgraduate student of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: xbing0820@gmail.com

The article examines metaphorical constructions of the Russian and Chinese languages, which include personal pronouns and predicative parts represented by abstract nouns. Such constructions reveal the features of the semantization of personal pronouns, their correlation with various fragments of a wide existential-abstract continuum. Typological and specific for each language pronominal semantic models of philosophical, existential, spiritual and moral, temporal and interpersonal content are characterized.

Keywords: personal pronoun, metaphor, syntactic construction, abstract nominations, Russian language, Chinese language.

Введение. Местоимения выполняют важную роль в формировании смысловой и композиционно-информативной целостности текста, в котором они могут выходить за пределы дейктического значения и проявлять свойства своеобразных заместителей других частей речи. Синтаксические конструкции «личное местоимение + существительное» являются распространенными структурно-семантическими комбинациями как в русском, так и в китайском языках. Выявление таких конструкций осуществлялось на базе текстов Национального корпуса русского языка, Корпуса Пекинского университета языка и культуры (BCC) и Корпуса Центра китайской лингвистики Пекинского университета (CCL).

Цель и задачи. Цель статьи – на материале русского и китайского языков установить специфику семантизации личных местоимений посредством их употреблений в различных контекстах с абстрактно-понятийным содержанием. Это позволит выявить особенности функционирования конструкций «личное местоимение + существительное» в различных текстовых фрагментах, раскрыть потенциальные семантические возможности отвлечённых номинаций в русском и китайском языках.

Методы и материал исследования. В метафорических конструкциях, отражающих когнитивные модели и духовные ценности разных национальных культур, конкретизируются абстрактные понятия, значительно усиливается эмоциональное воздействие языка. Существительные в таких конструкциях как бы расшифровывают скрытую указательно-адресную информацию местоимений и отождествляют их с наименованиями людей, животных, растений, природных явлений, артефактов, абстрактных понятий и др. Процесс отождествления в этих случаях носит метафорический характер, а сами метафоры называются

МГПУ им. И.П. Шамякина

суппозитивными [1, с. 192–194; 2, с. 192–193]. «Когда метафора проявляется в структуре «личное местоимение + существительное», она перестает восприниматься как сравнение и становится утверждением факта», – пишет китайский лингвист Ван Сицзе [3, с. 391]. В данном случае функция метафорического выражения заключается в том, чтобы через метафорическое существительное представить субъект, на который указывает личное местоимение, тем самым делая абстрактные эмоции или понятия более конкретными. Абстрактная метафора через необычные языковые формы передаёт ощущение новизны и нечёткости первого впечатления, выражает сложные эмоции и мимолётные озарения, создавая эстетический эффект за счёт смысловой напряжённости [4, с. 144].

К числу номинаций, включённых в метафорический процесс, относятся экзистенциальные лексические единицы, в которых личные местоимения соотносятся с субстантивом *жизнь*. Авторы пытаются осмыслить суть бытия человека, его предназначение. Лирический герой рассуждает о смысле земного существования человека, его устремлениях и желаниях в устоявшемся мироустройстве, пытается ответить на главные вопросы бытия: *Я – жизнь земли, ее зенит, Ее начальный день* (Б. Пастернак); *Нельзя тебя отторгнуть. Ты – это жизнь. Ты есть – и я живу* (О. Бергольц); *这样的人生，有什么趣味？纵然抱着极大的愿力，又有什么用处？又有什么结果？到头也不过是归于虚空，不但我是虚空，万物也是虚空* (CCL) – *В чем интерес такой жизни? Какая польза от такой жизни, даже если она имеет великие стремления? Каков результат? В конце концов, это будет пустотой. Не только я – пустотой, но и все вещи – пустотой* (CCL).

В некоторых конструкциях с субстантивом *жизнь* внимание сосредотачивается на близких, дорогих и любимых для героя повествования людях, их важной роли в жизни человека: *Он – ее жизнь, он – свет ее души* (Ф. Степняк-Личкус); *Я вырастила сына. Он – моя жизнь. Моя радость* (Г. Чародеев); *Она так откровенно смотрела на Ивана: ну приди же, я – Жизнь. Я Настоящая Жизнь!* (О. Афанасьев); *他是一个成长的生命，她必须让他振翅飞去。*(亦舒) – *Он – растущая жизнь, она должна позволить ему взлететь* (И. Шу); *星子说，“我永远也不会嫁给他，但我永远爱他。他是我的生命 。”* (方方) – *Синьцзы сказала: «Я никогда не выйду за него замуж, но всегда буду его любить. Он – моя жизнь»* (Фан Фан); *他急切地说：“你是我的妻子、我的生命、我的前程。没有你，这世间的一切对我来说都没有意义了！”* (言妍) – *Он нетерпеливо сказал: «Ты – моя жена, моя жизнь, мое будущее. Без тебя все в этом мире для меня теряет смысл!»* (Янь Янь).

В содержании многих метафорических конструкций актуализируется темпоральный признак, отражающий быстроту, стремительность и невозвратность жизни человека. Понятие *время*, выявляющее различную причастность авторов и их лирических героев к этому вечному и независящему от человека факту бытия, в местоименных конструкциях актуализируется за счёт репрезентации трёх возможных временных периодов – прошлого, настоящего и будущего: *Вскипают сосны. Ты кто, родимый? – «Я – время…»* (А. Белый); *В данном случае ты – это прошлое, – объяснил он* (В. Каверин); *Каждый человек носит в себе три ипостаси времени: прошлое – родители, настоящее – он сам, будущее –его дети*

МГПУ им. И.П. Шамякина

(Б. Васильев); *Я чувствую, что Кондратюком следует заняться, ибо он — будущее нашей музыкальной культуры* (В. Швец); ***你是我那****怀念的大光阴。*(张承志) – *Ты – моё великое время, что я вспоминаю* (Чжан Чэнчжи); ***你是****过去与未来。你是神。*(张爱玲) – *Ты – прошлое и будущее, ты Бог* (Чжан Айлин).

При этом в синтаксических конструкциях не всегда наблюдается событийная взаимосвязь и поступательное развитие времени. Во многих случаях временная характеристика персонажей основывается на антитезе, противопоставлении периодов жизни человека: *Уходи, старик! Ты – прошлое. Я – настоящее* (К. Станюкович); *Хочешь ты ее узнать, эту тяжкую вину, которую ты не можешь понять, которую я растолковать тебе не в силах? Вот она: ты – молодость; я – старость* (И. Тургенев); *Они – настоящее и прошлое, а он – будущее* (Д. Мережковский); *他是我的过去，而你是我的现在和未来 ……* (蓝雁沙)– *Он – моё прошлое, а ты – моё настоящее и будущее...* (Лань Яньша); *我是你的过去，而她是你的未来* (凌玉) – *Я твое прошлое, а она твое будущее* (Лин Юй).

Время может выступать в роли активного субъекта движения, и лирический герой в таких случаях органически вплетается во временное бытие, как бы растворяется в нём, становясь его неотъемлемой частью. При этом в метафорические контексты включаются лексические единицы с различными временными показателями, а также субстантивы, указывающие на прошедшие дни, рассвет, восход, закат, период молодости человека: *Я разве только я? Я – только краткий миг чужих существований* (Н. Заболоцкий); *Оттого-то в словах у меня так загадочно много огней: Я закат непогасшего дня, Я потомок могучих царей* (К. Бальмонт); *Я отошедший день, каких немного было на памяти твоей, мечтающий мой брат. Я – предвечернее светило, Победно-огненный закат* (К. Бальмонт*); Взгляни в мои глаза: я – молодость твоя, Простись со мной навек – тебя я покидаю* (Т. Щепкина-Куперник). *Я вашей юностью была, которая проходит мимо* (М. Цветаева); ***我是将落山的夕阳了，但是我多么愿把最后的余****晖再照一照祖国、家乡美丽的青山啊！*(林孔湘) – *Я – заходящий закат, но как жажду озарить последним лучом родные горы Отчизны!* (Линь Кунсян); ***在他寂寞的生命中，她是唯一照亮他的曙光。***(碧洛) – *В его одинокой жизни она была единственным рассветом, что озарял его* (Би Ло).

Одним из распространенных способов семантизации местоимений с определителем ‘любимый человек’ являются структуры, в которых лирический герой отождествляется с любовным чувством, чаще всего представленным субстантивом *любовь*: *Ты пела до зари, в слезах изнемогая, Что ты одна – любовь, что нет любви иной* (А. Фет); *Ты – любовь моя! Ты – перевертень ума…* (М. Светлов). *Ты – дверь любви, и ты – любовь родная! Ты утро любви, ты солнце любви, Здравствуй!* (М. Цетлин); *Умница ты моя, любовь моя, до смерти желанный мой!* (Е. Белкина); *Он последняя любовь моя, задыхаюсь без него* (П. Санаев); *他是她最初的爱，也是唯一。*(蓝玫) – *Он – ее первая и единственная любовь* (Лань Мэй); *之所以不悔，是因为她知道，他是她今生惟一的挚爱。*(艾佟) – *Она не сожалеет, потому что знает – он ее единственная любовь в этой жизни* (Ай Тун); *他是她的生命，她的爱。*(萧心华) – *Он – ее жизнь, ее любовь* (Сяо Синьхуа).

МГПУ им. И.П. Шамякина

Положительная коннотация выражается в конструкциях с существительными со значением гордости, таланта, доблести, всеобщего признания чьих-либо заслуг. Такая коннотация обусловлена ценностными характеристиками человека, его уважительным и трепетным отношением к близким людям, гордостью за их успехи и достижения. В метафорический контекст включаются субстантивы *гордость, слава, надежда, легенда*: *Он наша гордость* (В. Гроссман); *И не только мне. Теперь он – гордость России* (Ю. Лепский); *Ведь он – гордость деревни* (П. Павленко); *Во всяком случае, он – живая слава общества, к которому принадлежит* (М. Меньшиков); *Он – единственный сын, он – последняя надежда* (В. Зазубрин); *А был он легендой, властелином концертных залов, повелителем восторженной публики, королем устных рассказов* (Г. Шергова); *Он народный герой, он народный певец, он легенда* (М. Козаков); *小江呀，你是我们局的光荣。*(方方) – *Сяо Цзян, ты – гордость нашего управления* (Фан Фан); *他是一位人民的科学家，他是中国人民的骄傲。*(徐匡迪) – *Он – народный ученый, гордость китайского народа* (Сюй Куанди); *他是军队的骄傲，青年的骄傲，也是全社会的骄傲* (ВСС) – *Он – гордость армии, гордость молодежи и гордость всего общества* (ВСС);*他是我们的希望。*(王晋康) – *Он – наша надежда* (Ван Цзинькан);*从第一眼见到他，她就知道他是 她唯一的救星，是她唯一的希望。*(岳凡) – *С первого взгляда она поняла, что он – ее единственный спаситель, единственная надежда* (Юэ Фань); *他是一个传奇，永远是我们学习的典范。*(沈雷) – *Он – легенда, навсегда пример для нашего подражания* (Шэнь Лэй); *他是全台湾医界的传奇。*(寄秋) – *Он – легенда тайваньской медицины* (Цзи Цю).

В синтаксических конструкциях русского языка конкретное лицо может репрезентироваться в разных участках текстах, в разных смысловых центрах, для чего используется не только отвлечённые, но и конкректные существительные, посредством которых автор выражает различные (часто синкретичные и противоречивые) чувства и переживания: *Я – ужас, я – позор, я – гибель.* (В. Брюсов); *Я – сказка, я – полночный бред, Созданье старины седой…* (С. Надсон); *Только в сумраке Нового Года Белой музыки бьется крыло: – Я надежда, я жизнь, я свобода. Но снегами меня замело.* (Г. Иванов); *Полночь. Сиянье. Ты в мире одна. Ты тишина, ты заря, ты весна.* (Г. Иванов); *Ты луч зари, ты роз благоуханье, С тобою счастлив я!* (М. Лохвицкая); *Я не зову тебя, – меня призвал ты сам. Я – жажда истины, я – совесть мирозданья.* (Н. Минский); *За плечом у тебя веет призрак зловещий… Ты – мечта и любовь! ты – укор и печаль!..* (В. Брюсов).

В китайском языке таких отождествлений значительно меньше: *她是他的无限，她是他的世界，她是他的天国，她是他的永恒。*(琼瑶) – *Она была его бесконечностью, его миром, его небом, его вечностью* (Цюн Яо); *他也是热情的化身，幻想的源泉，野心的出发点，他是无穷的无穷，他是希望的希望。*(苏雪林) – *Он – воплощение страсти, источник фантазий, отправная точка амбиций, бесконечная бесконечность, надежда надежд.* (Су Сюэлинь). *你是黎明的曙光，你就是幸福。*(曾卓) – *Ты – рассветная заря, ты и есть счастье* (Цзэн Чжо); *他是冷淡、轻蔑、虚无，站在激动的海洋中。*(路翎) – *Он – холодность, презрение, ничто, стоящее посреди взволнованного океана* (Лу Лин).

МГПУ им. И.П. Шамякина

Выводы. Таким образом, в коммуникативную структуру текста включаются местоименные конструкции с абстрактными существительными, которые не столько раскрывают суть личных местоимений, сколько отражают когнитивные модели и духовные ценности разных национальных культур. Круг понятий, включённых в механизм местоименной метафоризации, составляют экзистенциальные и темпоральные номинации (*жизнь, время, юность, молодость, настоящее, прошлое, будущее, рассвет, восход, закат),* в которых через призму личностного преломляются вопросы бытия человека, его земного существования, быстроты и стремительности протекания разных жизненных периодов. Практически все русские и китайские синтаксические конструкции носят философский, духовно-нравственный потенциал, содержат положительные коннотации, представленные местоименными заместителями *счастье, любовь, чудо, надежда, мечта*, *гордость, совесть, доблесть, талант*.

В синтаксических конструкциях демонстрируются как общие, типологические, так и специфические, национально-культурные черты местоименных метафорических образов и представлений. Система местоименных конструкций в русском языке характеризуется более широкой степенью разветвлённости семантических структур, привлечением разнообразного фактического материала отвлечённо-событийного характера, в то время как в китайском языке в качестве дефиниций к личным местоимениям приводятся более обобщённые и нейтральные характеристики, в ряде случаев не содержащие каких-либо коннотаций.

В руссом и китайском языках наиболее представительными оказались конструкции, в которых личные местоимения *ты, он* демонстрируют высокие морально-нравственные качества человека, послужившие поводом для гордости и всеобщего признания за талант и заслуги человека, его успехи и многие другие ценностные характеристики.

В русском языке преобладают конструкции, включающие целые ряды абстрактных субстантивов со значением внутреннего состояния человека, его чувств, настроений и переживаний.

Список использованных источников

1. Кураш, С. Б. Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.

2. Стариченок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме : монография / В. Д. Стариченок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.

3. 王希杰, 汉语修辞学, 北京: 商务印书馆, 2014, 477页. Ван Сицзе. Китайская стилистика / Ван Сицзе. – Пекин : Коммерческое издательство, 2014, – 477 с.

4. 聂焱, 比喻新论, 银川: 宁夏人民教育出版社, 2009, 256页. Не Янь. Новая теория метафоры / Не Янь. – Иньчуань : Народное изд-во образования Нинся, 2009. – 256 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 811.161.1'373.2

ГАДОНІМЫ Ў АНАМАСТЫЧНАЙ ПРАСТОРЫ Г. КАЙЗЕРСЛАЎТЭРН (ГЕРМАНІЯ)

Н. Р. Тачыла,
магістр, старшы выкладчык кафедры замежных моў і методыкі выкладання замежных моў
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: natakkazak1980@mail.ru

А. М. Хакамі,
кандыдат філалагічных навук, настаўнік Курпфальц-школы,
г. Гейдэльберг, Германія
E-mail: hakami@hotmail.de

У артыкуле даследуюцца асаблівасці рэпрэзентацыі нямецкага тэксту культуры ва ўрбананімічнай прасторы горада Кайзерслаўтэрн. Вызначаюцца катэгорыі сучасных гадонімаў горада, матываваных рознымі онімамі, што дазваляе выявіць характэрныя тыпалагічныя рысы яго ўнутрыгарадскіх назваў, супастаўленне якіх з дадзенымі па іншых гарадах будзе садзейнічаць апісанню сучаснай сістэмы найменняў унутрыгарадскіх аб’ектаў краіны ўвогуле.

Ключавыя словы: гадонім, антрапонім, урбанонім, айконім, урбанонімная прастора, аронім, гідронім, заонім, фітонім, эклезіонім, код культуры.

GADONYMS IN THE ONAMASTIC SPACE KAISERSLAUTERN (GERMANY)

N. G. Tochilo,
Master, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Methods
of Teaching Foreign Languages,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: natakkazak1980@mail.ru

O. N. Hakami,
Cand. Phil. D., Teacher of the Kurpfalz School,
Heidelberg, Germany
E-mail: hakami@hotmail.de

The article examines the peculiarities of the representation of the German cultural text in the urbanonymic space of the city of Kaiserslautern. The categories of modern city godonyms motivated by various onyms are determined, which will reveal the characteristic typological features of its inner-city names, the comparison of which with data on other cities will contribute to the description of the modern naming system of inner-city objects of the country as a whole.

Keywords: hodonym, anthroponym, urbanonym, oikonym, zoonym, urbanspace, oronym, hydronym, phithonym, ecclesionym, culture code.

Уводзіны. Назвы аб’ектаў заўсёды прыцягваюць да сябе ўвагу не толькі этнографаў і гісторыкаў, але і лінгвістаў, анамастаў, паколькі яны нясуць інфармацыю аб мінулым і сучаснасці аб’екта. Анамастычныя адзінкі адлюстроўваюць найбольш істотныя індывідуальныя характарыстыкі назвы, або закадаваныя знакі, пэўныя сімвалы, якія нясуць у сабе звесткі аб стане навакольнага

МГПУ им. И.П. Шамякина

асяроддзя, гістарычных або палітычных падзеях у тым ці іншым раёне ў далёкім мінулым або ў сенняшні час.

Сярод вядомых беларускіх анамастаў патрэбна назваць такія прозвічшы, як Н. Багамольнікава, В. Лемцюгова, Г. Мезенка, А. Рогалеў, А. Станкевіч, В. Шур. Навукоўцы сцвярджаюць, што ўнутрыгарадскія аб'екты надзелены багатай нацыянальна-культурнай інфармацыяй. Спецыфіка інтэрпрэтацыі ўрбанонімаў заключаецца ў тым, што для ўдакладнення іх семантыкі недастаткова агульных лінгвакраіназнаўчых ведаў, неабходна прыцягненне дадзеных з іншых крыніц: міфалогіі, гісторыі, рэгіянальнага краязнаўства. Назвы мадэлююцца пры дапамозе розных асабістых кодаў культуры: тапаморфнага, антрапаморфнага, фларыстычнага, прасторавага, духоўнага і г. д. Таму дасканальны разбор і сістэматызацыя онімаў дазволіць нам больш пашырана прасачыць тыя ці іншыя падзеі, што адбываліся ў пэўныя часы ў даследуемай анамастычнай прасторы.

Мэты і задачы. У артыкуле мы ставім на мэце адабраць і згрупіраваць лінейныя аб'екты – гадонімы г. Кайзерслаўтэрн у пэўныя лакальныя групы, паказаць частотнасць іх ужывання на даследуемай тэрыторыі і таксама на тэрыторыі Германіі ўвогуле, апісаць семантыку найменш ужывальных назваў.

Метады і матэрыял даследавання. Апісальны, структурна-тыпалагічны, супастаўляльны, гісторыка-этнаграфічны аналіз; адбор анамастычных адзінак метадам суцэльнай выбаркі (крыніцы фактычнага матэрыялу: слоўнікі, тэлефонныя даведнікі, анлайн-гугл карты).

Згодна з Г. Мезенка, "онімы рознага тыпу, якія ўжываюцца ў маўленні, выступаюць як універсальная мова культуры і ў большасці выпадкаў адсылаюць нас да культурных рэалій, рэалізуюць спецыфічныя культуныя коды" [1, с. 30]. У сувязі з гэтым назвы Кайзерслаўтэрна і яго наваколля можна класіфікаваць у адпаведнасці з сістэмай кодаў, што служаць для адлюстравання ментальнай сферы носьбітаў мовы, абумоўленай этнакультурнай прыродай ведаў пра свет.

Так, напрыклад, айконім *Кайзерслаўтэрн,* сфарміраваны на базе *nomina personalia*, ускосна суадносіцца з апелятывам, які ўказвае на прыналежнасць чалавека да пэўнай групы людзей або прафесіі (*"Kaiser"* – з ням. *Імператар*), а таксама экспліцыруе інфармацыю ландшафтнага кода культуры населеннага пункта (ням.: Kaiserslautern, пфальц.: Lautre) – горад у Германіі на паўднёвым захадзе зямлі Рэйнланд-Пфальц, на краі Пфальцскага лесу. У мінулым – адна з імператарскіх рэзідэнцый на тэрыторыі Курпфальца. Назва бярэ пачатак ад гідраніма *Лаўтэр* (ням. і фр. Lauter) – рака ў Германіі і Францыі, працякае па зямлі Рэйнланд-Пфальц і дэпартаменту Ніжні Рэйн, верхняя частка ракі называецца Віслаўтэр (ням. Wieslauter). Айконім, матываваны двума кодамі: анрапонімам і назвай гідраграфічнага аб'екта.

Шмат гадонімаў, вуліц і іншых унутрыгарадскіх аб'ектаў г. Кайзерслаўтэрна ўтварылася ад прозвішчаў вядомых асоб, таму ўрбананімія вельмі цесна звязана з антрапонімамі, якія ў сукупнасці з'яўляюцца носьбітамі пэўнага нацыянальнага каларыту, культуры, асаблівасцей культурна-гістарычнага развіцця грамадства. Так, сярод 203 назваў вуліц зафіксаваны 77 гадонімаў, якія утвораны ад антрапонімаў, што ўключаюць найменні, у аснове якіх ляжаць:

– **прозвішчы дзеячаў навукі, культуры, мастацтва мінулага часу:** *Goethestraße* (зафіксавана *2071* на тэрыторыі Германіі), *Mozartstraße (1442), Beethovenstraße (1278), Schillerstraße (1171), Schubertstraße (815), Wagner-Straße (636), Heinrich-Heine-Straße (617), Friedrichstraße, Wagnerstraße (300)*;

МГПУ им. И.П. Шамякина

Schumannstraße (288), Richard- Schillerplatz (90); Humboldtstraße (364), Haydnstraße (539), Carl-Reichert-Straße, Weberstraße (369), Eckelstraße, Emmagasse, Helenenstraße, Amalienstraße (92), Hartmannstraße (56); Seilerstraße (93);

– **прозвішчы, што ўзыходзяць да эклезіонімных атрапонімаў:** *St.-Franziskus-Straße (3), St.-Marien-Platz (2), St.-Martins-Platz (6); Adolph-Kolping-Platz* (10) – названа ў гонар нямецкага каталіцкага святара, які займаўся, у прыватнасці, сацыяльнымі пытаннямі; *Franz-Wilking-Straße, Brahmsstraße (370)* – будыскі манах, вядомы ў асноўным як Аджан Брам; *Katharinenstraße (198)* – Санта Катарына або лацінскае Катарына Александрына – адна з самых вядомых святых. Яна шануецца як пакутніца ў каталіцкай і Праваслаўнай цэрквах і належыць да так званых Віргінскіх сталіц, чатырох вялікіх святых дзеваў. Святая Кацярына ўваходзіць у лік чатырнаццаці святых ратавальнікаў і лічыцца памочніцай пры хваробах мовы і цяжкасцях гаворкі, з'яўляецца заступніцай школ, філасофскіх факультэтаў, швачак і краўцоў і заступніцай многіх цэркваў [2, с. 13]. *Marienstraße (801), Paulstraße (100), Peterstraße (121), Jacobstraße (18), Josefstraße (238), Luisenstraße (435), Philippstraße (36), Sophienstraße (157), Albertstraße* (31), *Annastraße (190); Am Gottesacker (36);*

– **прозвішчы даследчыкаў, навукоўцаў:** *Albert-Schweitzer-Straße (582),* Людвіг Філіп Альберт Швейцер быў франка-нямецкім даследчыкам, лекарам, філосафам, пратэстанцкім тэолагам, арганістам, музыказнаўцам і пацыфістам; *Albert-Einstein-Straße (199); Adam-Hoffmann-Straße, Birgit-Reinert-Straße, Susanne-Ihsen-Straße, Lutzerstraße;*

– **прозвішчы, якія апелююць да гістарычных або палітычных падзей і рэпрэзентуюць гістарычны і краязнаўчы код:** *Barbarossaring (2), Barbarossastraße (64)* – Фрыдрых I Барбароса (мянушку Барбароса ён атрымаў у Італіі з-за сваёй рудой барады (ад італ. *barba, "барада"*, і *rossa, "рыжая"*), з дваранскага роду Штаўфераў, быў з 1147 па 1152 г. пасля смерці бацькі герцагам Швабскім, Кароль Свяшчэннай Рымскай імперыі з 1152 па 1190 годы і імператар Свяшчэннай Рымскай імперыі з 1155 па 1190 гг. Абранне Барбаросы было вынікам балансу інтарэсаў некалькіх князёў; *Adolfstraße (83)* – названая ў гонар Адольфа Фердынанда, герцага Кембрыджскага, малодшага брата караля Эрнста Аўгуста I; *Blücherstraße (176)* – Гебхард Леберэхт фон Блюхер, з 1814 г.князь Блюхер фон Вальштат, быў прускім генерал-фельдмаршалам, які праславіўся перамогай над Напалеонам у бітве пры Ватэрлоа. У народзе яго называлі *"Маршалам наперад"*, і ён быў адным з самых папулярных герояў вызваленчых войнаў у Еўропе; *Bismarckstraße (498), Herzog-von-Weimar-Straße, Kennedyplatz (5), Conradstraße (11), August-Herrmann-Straße; Adrian-Pletsch-Straße* – назва дадзена ў гонар старшыні пфальцкай гандлёва-прамысловай палаты, з 1856 па 1865 год Адрыян Плетч заняў пасаду старшыні праўлення гандлёвай палаты ў 1846 годзе і заставаўся на гэтай пасадзе да 1851 года; *Friedrich-Engels-Straße (192), Friedrich-Karl-Straße (11), Karl-Marx-Straße (365), Marienstraße* – названая ў гонар прынцэсы Саксен-Веймар-Эйзенахской Марыі Луізы Александрын (1808-1877); *Franz-Xaver-Baumann-Straße* быў лорд-мэрам Кайзерслаўтэрна з 1918 па 1932 год; *Hellmut-Hartert-Straße* да 1974 годзе Хельмут Хартэрт быў кіраўніком бальніцы Лаутэр, потым адкрыў уласную практыку і часова выконваў абавязкі старшыні Саарландска-Пфальцкага Таварыства тэрапеўтаў; *Lina-Pfaff-Straße* – нямецкая прадпрымальніца і дабрачыншчыца [3, с. 149].

МГПУ им. И.П. Шамякина

Philipp-Mees-Platz – у гонар змагара супраціў нацыянал-сацыялізму і палітыкам. У яго гонар названа плошча перад штаб-кватэрай паліцыі Заходняга Пфальца ў Кайзерслаўтэрне [4, с. 306]; *Rudolf-Breitscheid-Straße (277)* – быў нямецкім палітыкам, кандыдатам эканамічных навук [5, с. 100];

– **імёны, якія ўзыходзяць да старажытных павер'яў:** такія антрапонімы могуць успрымацца як "*нядобрыя, негатыўныя*". Згодна з прадстаўленнямі нашых продкаў, падобныя імёны маглі адганяць злых духаў, берагчы ад хвароб і смерці, або, наадварот прыцягваць смерць: *Loreleistraße (2)* назва *Loreley* бярэ пачатак ад ароніма – уласная назва любога аб'екта рэльефу зямной паверхні (іншыя варыянты *Lorelei, Loreleï, Lore Lay, Lore-Ley, Lurley, Lurelei oder Lurlei).*

Да XIX-га стагоддзя назва зафіксавана таксама з мужчынскім артыклем *Lorley* ці *der Lurleberch,* які ў сваю чаргу мае некалькі варыяніаў паходжання. Апошні склад узыходзіць да першапачаткова кельцкага "*Ley*", якім у Рэйнскай вобласці часта пазначалі (сланцавую) скалу ці камень [6, с. 20].

Існуюць розныя тэорыі адносна паходжання імяннога кампанента *"Lore"*. Ад сярэдневерхненямецкага слова *"lorren"* або *"lurren"*, што азначае *"heulen – выць"* ці *"schreien – крычаць"*. Аднак значэнне *"крычыць"* або *"які вые ўцёс"* можа быць звязана з тым, што падчас небяспечнага рачнога пераходу на Лорэл загінула шмат маракоў. Іншым магчымым тлумачэннем з'яўляецца *"luren"*, што азначае з сярэдневерхненямецкага *"хавацца"*, але на рэйнскай мове гэта таксама азначае проста *"глядзець"* ці *"падглядваць"*. Такім чынам, *"Ларэлей"* магло азначаць *"прытаілася"* або "*назіральная скала"*.

Першым, хто перадаў назву скалы чалавеку і тым самым стварыў мастацкую легенду, быў паэт Клеменс Брэнтана. Такім чынам, з'яўленне рэха на скале Ларэляў знайшло новае тлумачэнне. Клеменс Брэнтана напісаў Баладу пра Лару Лэй, аднайменную жанчыну, якую лічаць чараўніцай, у сваім рамане *"Годві, або каменны вобраз маці"*, якая ў рэшце рэшт кідаецца са скалы з такой жа назвай з-за любоўнай тугі . Генрых Гейне закрануў гэтую тэму ў 1824 годзе ў сваім, вядомым вершы, які ўвайшоў у гісторыю літаратуры пад назвай *"Гісторыя ведаў"*. Ён атрымаў шырокае распаўсюджванне, у прыватнасці, дзякуючы пастаноўцы Фрыдрыха Зільхера, так як доўгі час, асабліва ў XIX стагоддзі, вершы Гейне ўспрымаліся як сентыментальная народная песня.

Alaska Circle, Alabama Street – з 1950 года на тэрыторыі горада і прыгарада размяшчаюцца амерыканскія базы. Па гэтай прычыне Кайзерслаўтэрн таксама называюць "*К-горад*" – тэрмін, уведзены амерыканскімі вайскоўцамі, якія з цяжкасцю прамаўлялі назву горада. Ваенная супольнасць Кайзерслаўтэрна фактычна складае часовае насельніцтва Кайзерслаўтэрна, таму некаторыя назвы рэпрэзентуюцца на амерыканскі манер;

– **гадонім узыходзіць ад заоніма,** так названы фаўністычны код культуры, рэпрэзентуюцца пры дапамозе назваў, якія ўзыходзяць да найменняў відаў жывёл – *Aalstraße (10)* – еўрапейскі вугор (Англія Англія) – гэта які знаходзіцца пад пагрозай знікнення від вугроў, які жыве ў Еўропе, Малой Азіі і Паўночнай Афрыцы; *Karpfenstraße (38), Löwenstraße (59)*;

– гадонімы узыходзяць ад фітоніма і ўключаюць у сябе фларыстычны код культуры: у складзе назва дрэва *Apfelstraße, Birnstraße (2), Erbsengasse (59), Baumstraße (82), Birkengasse (16), Eichenstraße (779), Laubstraße (10); Tannenstraße (473), Weidenstraße (353); Alleestraße (143)* – слова "*праспект*" паходзіць ад

МГПУ им. И.П. Шамякина

французскага і натуралізавалася ў Германіі падчас Трыццацігадовай вайны. “*Алея*” (ад французскага aller – ісці) першапачаткова называлася (цяністай) дарожкай у архітэктурным садзе. У некаторых нямецкамоўных назвах вуліц частка слова “*Алея*” часам сустракаецца без спасылкі на якое-небудзь дрэва; у складзе назва кветкі *Lilienstraße (408), Rosenstraße (1604)*;

– **ад ароніма** – уласная назва любога аб’екта рэльефу зямной паверхні [7, с. 100] – *Grüner Graben (4)* у Рудных гарах – гэта штучны роў даўжынёй восем кіламетраў, створаны ў XVII стагоддзі на схіле гары над Чорным Покаў, які раней падаваў адбойную ваду ў шахты недалёка ад Побершаў; *Wiesenstraße* з ням. “*Wiese” – луг (1692);*

– **ад гідроніма** – назвы водных аб’ектаў [7, с. 48] *Kanalstraße (317); Am Moselpfad;*

– **прафесійны код культуры** – *Musikerplatz, Schaffnerstraße (5), Schmiedstraße (101), Schneiderstraße (41), Schneidmühlgasse (2), Fischerstraße (228);*

– **ад айконіма** – назва населенага пункта [7, с. 139] *Schneppbachstraße (14)* з ранняга сярэднявечча гэта месца належала больш буйной зямельнай уласнасці імперскага абацтва Святога Максіміна ў пярэдняй частцы Трыра;

– **ад этноніма** – назва этнасу або этнічнай супольнасці [8, с. 120] *am Franzosenstein,* назва бярэ паходжанне ад камня даўжынёй больш за пяць метраў, які ніхто не змог зварушыць з месца. Падчас французскай вайны (Бітва пры Лойбене каля 1805 г.) кажуць, што цэлая рота французаў спрабавала гэта зрабіць з дапамогай вяровак і не змагла.

Некаторыя назвы патрабуюць болей падрабязнага разбору, так як могуць адносіцца да некалькіх семантычных груп: *Aktienstraße (11)* – назва акцыянерная дарога паходзіць ад таго, што для будаўніцтва дарогі кампаніяй Маціяс Сцінеса было створана акцыянернае таварыства, у якім удзельнічалі ўладальнікі вугальных шахт і гандляры вуглём з Эсэна і Мюльхайм [9]; *Industriestraße (1290), Kohlbruchstraße, Ziegelstraße (255)* з ням. *“цагляная”* вуліца ўзыходзіць да пешаходнай і каляснай сцежкі, якая існавала яшчэ з часоў сярэднявечча.

Вывады. Такім чынам, сярод даследаваных адзінак выяўлена найбольшая колькасць гадонімаў (66), што маюць антрапонімную аснову – 22 адзінкі, з асноваі-назвай дзеячаў навукі, культуры, мастацтва мінулага часу; 18 адзінак з асновай эклезіонімам, 6 адзінак з асновай-антрапонімам прозвішч даследчыкаў і навукоўцаў; 19 лінейных аб’ектаў, што маюць у складзе прозвішчы, якія апелююць да гістарычных, палітычных падзей; адна назва, што ўзыходзіць да старажытных павер’яў.

Невялікая колькасць назваў (3) нясе так званы фаўністычны код культуры, што рэпрэзентуецца пры дапамозе назваў відаў жывёл. Сярод зафіксаваных аб’ектаў ёсць назвы, што маюць у аснове фларыстычны код культуры (10), адзінкавыя фіксацыі лінейных аб’ектаў, што ўтвораны ад асновы-айконіма, этноніма, з асновай-аронімам (2), гідронімам (2), назвы, што рэпрэзентуюць прафесійны код (6), малая колькасць лінейных аб’ектаў патрабуе больш падрабязнага разбору, паколькі мае некалькі тлумачэнняў у розных крыніцах.

Аналіз адзінак паказаў, што частотнасць некаторых назваў лінейных аб’ектаў здольная выступаць экспанентам культурна-гістарычнай інфармацыі, вывучэнне якой стварае аснову для мадэлявання моўнай карціны свету. Так, гадонім *Goethestraße* з асновай-антрапонімам, што рэпрэзентуе дзеячаў навук, культуры,

МГПУ им. И.П. Шамякина

літаратуры, зафіксаваны 2071 разоў, гадонім *Mozartstraße* – 1442 разы, *Beethovenstraße* – 1278 разоў, *Schillerstraße* – 1171 раз у анамастычнай прасторы нямецкіх населеных пунктаў. Склад частотных гадонімаў змяняецца з цягам часу. Адны імёны вуліц застаюцца шырока выкарыстоўваюцца, іншыя выходзяць з ужытку.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.

2. Schill, Peter. Ikonographie und Kult der heiligen Katharina von Alexandrien im Mittelalter. / Peter Schill: Studien zu den szenischen Darstellungen aus der Katharinenlegende. – München, 2005.

3. Bayer, Justina. Die erste und einzige Kommerzienrätin Bayerns und Deutschlands. In: Marita Krauss (Hrsg.) / Justina Bayer, Lina Pfaff // Die bayerischen Kommerzienräte: eine deutsche Wirtschaftselite von 1880 bis 1928. – Volk Verlag, München, 2016.

4. Müller, Wolfgang. Eine biographische Skizze, erschienen in: Bezirksgruppe Kaiserslautern im Historischen Verein der Pfalz (Hrsg.) / Wolfgang Müller, Philipp Mees // Jahrbuch zur Geschichte von Stadt und Landkreis Kaiserslautern 1996/97. – Kaiserslautern 1998. – S. 305–311.

5. Rainer, Behring. Liberaler Sozialreformer – verbalradikaler Sozialist – sozialdemokratischer Parlamentarier / Rainer Behring, Rudolf Breitscheid // Detlef Lehnert (Hrsg.): Vom Linksliberalismus zur Sozialdemokratie. Politische Lebenswege in historischen Richtungskonflikten 1890–1945. – Böhlau Verlag, Köln/Weimar/Wien, 2015. – S. 93–124.

6. Arend, Helga Die Loreley – Entwicklung einer literarischen Gestalt zu einem internationalen Mythos / Helga Arend // In: Liesel Hermes, Andrea Hirschen, Iris Meißner (Hrsg.): Gender und Interkulturalität. Ausgewählte Beiträge der 3. Fachtagung Frauen-/Gender-Forschung in Rheinland-Pfalz (= Frauen- und Gender-Forschung in Rheinland-Pfalz, Band 4). – Stauffenburg-Verlag, Tübingen, 2002. – S. 19–28.

7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии: науч. изд. / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 179 с.

8. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 165 с.

9. Dickhoff, Erwin / Essener Straßen // Erwin Dickhoff Hrsg.: Stadt Essen–Historischer Verein für Stadt und Stift Essen. – Klartext-Verlag, Essen, 2015.

МГПУ им. И.П. Шамякина

ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЛИНГВО- И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

УДК 372.881.1

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

О. С. Гуркова,
магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: Olga.gurkova.by@yandex.by

В статье рассматриваются некоторые методы и приёмы визуализации в обучении студентов-первокурсников, получающих филологические специальности, русскому языку как иностранному, а также пути их использования на практических занятиях, в частности, при изучении раздела «Лексикология».

Ключевые слова: визуализация, сервис Learning Apps, русский язык как иностранный, методы и приёмы визуализации, средства визуализации.

VISUALIZATION IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

O. S. Hurkova,
Master of Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian, General and Slavic Linguistics at the Francysk Skaryna Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: Olga.gurkova.by@yandex.by

The article discusses some visualization methods and techniques in teaching Russian as a foreign language to first-year students receiving philological specialties, as well as ways to use them in practical classes, in particular, when studying the section “Vocabulary”.

Keywords: visualization, LearningApps service, Russian as a foreign language, visualization methods and techniques, visualization tools.

Введение. С начала XXI века активное развитие получила визуализация, связанная с компьютеризацией и появлением электронных средств обучения. Мультимедийные формы обучения, включая видеоматериалы и интерактивные задания, стали неотъемлемой частью преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ).

Использование визуализации в обучении РКИ – это мощный инструмент, который может существенно повысить эффективность преподавания и усвоение языка. Способы визуализации, такие как графические материалы, инфографика и видео, а также активное использование современных электронных средств, создают богатую образовательную среду. В связи с невозможностью дать обзор всех методов и приёмов визуализации, используемых на занятиях по РКИ, мы

МГПУ им. И.П. Шамякина

ограничимся, на наш взгляд, более эффективными техниками и средствами визуализации в изучении лексикологии и фразеологии русского языка.

Цели и задачи. Целью данного исследования является обзор использования визуализации в обучении студентов первого курса филологических специальностей русскому языку как иностранному.

Методы и материалы исследования. В исследовании был использован аналитический обзор методов, приёмов и средств визуализации в обучении РКИ.

Результаты и их обсуждение. Целью обучения русскому языку как иностранному является овладение иноязычной коммуникативной компетенцией иностранными студентами филологических специальностей высшего образования первой ступени. Достижению поставленной цели способствует применение преподавателем РКИ методов и приёмов визуализации, интенсивное использование которых на занятиях по РКИ способствуют лучшему восприятию, усвоению, запоминанию учебного материала, выстраиванию логических взаимосвязей между информационными блоками, формированию более гибкого, подвижного мышления у обучающихся.

Обратимся к определению термина **визуализация** (от лат. visualis – зрительный). Под ним понимается представление физического явления или процесса в форме, удобной для зрительного восприятия [1, с. 38].

Современным средством является визуализация учебной информации с помощью информационных технологий. Компьютер дает возможность демонстрации на экране объектов и процессов во времени, в пространстве, в движении. Мультимедийные технологии позволяют включать в учебный процесс текст, графику, звук, анимации, видеоизображения, презентации, интерактивные карты, анимированные опорные конспекты и пр. Традиционные наглядные пособия – таблицы, схемы, картины, иллюстрации – остаются актуальными, но при использовании компьютера требуют новых видов наглядности, основанных на интерактивности, мультимедийности и динамизме [2].

Технология визуализации необходима в обучении РКИ будущих учителей русского языка, так как, с одной стороны, визуализация является средством обучения иностранных студентов, а с другой – выступает в качестве методического инструмента в их будущей профессиональной деятельности.

Решением вышепоставленной проблемы может стать использование информационных технологий, в частности, создание мультимедийных и интерактивных упражнений, созданных в электронных сервисах LearningApps, «Текстометр» (сервис-генератор кроссвордов), сервисы для создания «Облака слов» и др. С помощью предложенных электронных сервисов нетяжело и удобно создавать разнообразные интерактивные упражнения, имея даже минимальные навыки работы с информационно-компьютерными технологиями.

Сервис LearningApps.org создан для поддержки обучения и преподавания с помощью небольших общедоступных интерактивных модулей (далее – упражнений). Данные упражнения создаются онлайн и в дальнейшем могут быть использованы в образовательном процессе. Для создания таких упражнений на сайте предлагается несколько шаблонов (упражнения на классификацию, тесты с множественным выбором и т. д.). Данные упражнения не являются законченными учебными единицами и должны быть интегрированы в сценарий обучения [3].

Технически организовать учебную деятельность с мультимедийными упражнениями можно разными способами: для фронтальной работы подходят

МГПУ им. И.П. Шамякина

мультиборд или компьютер с выходом в Интернет, подключенный к проектору; при индивидуальной, парной или групповой работе обучающиеся используют свои личные смартфоны. Достаточно отсканировать QR-код, предложенный преподавателем, со слайда презентации или бумажного носителя, чтобы перейти к определённым упражнениям. Отметим, что упражнения, созданные с помощью сервиса LearningApps, универсальны и подходят для применения на различных этапах практического занятия, а также в качестве домашнего задания. Обратимся к примерам использования средств визуализации.

В обучении РКИ упражнение «**Кроссворд»** используется для закрепления новой лексики, повторения терминов**.** Такое упражнение можно создать с помощью сервисов «Текстометр» (рисунок 1), LearningApps (рисунок 2) и др.

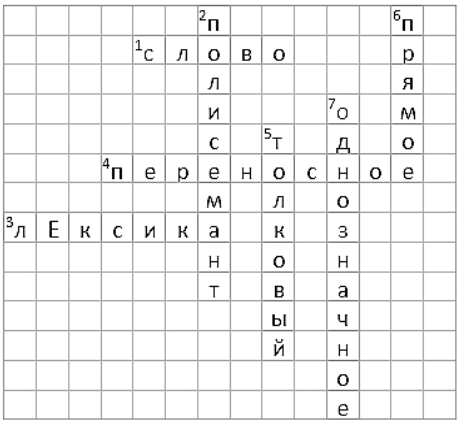


Рисунок 1 – Текстометр

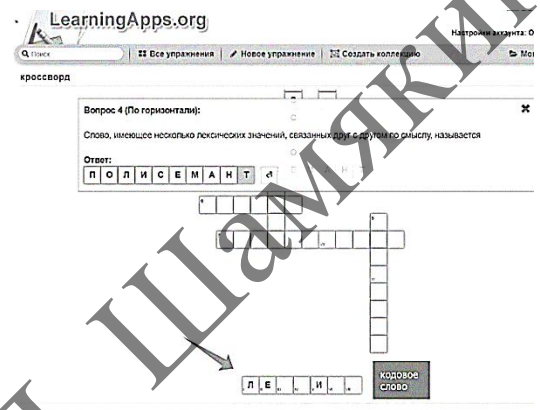


Рисунок 2 – LearningApps

Кроссворд, созданный в Learning Apps, содержит кодовое слово, например, название изучаемого раздела языка или языкового явления.

Приём **«Кроссенс»** создан по аналогии с кроссвордом, но, в отличие от последнего, в кроссенсе пересекаются изображения, объединённые причинно-следственными связями. Двигаясь по ассоциативной цепочке, обучающиеся могут либо составить рассказ, либо определить загаданный термин (составление кроссенса можно предложить и как домашнее задание (рисунок 3)); этот прием интерактивен, интересен аудитории, а с методической точки зрения помогает развивать критическое и логическое мышление, организовать командную работу, активизировать усвоение и запоминание учебного материала [4]. Такое упражнение можно сделать вручную или с помощью онлайн-приложения Google Презентации, перейдя по ссылке *http://docs.google.com/presentation*.

Рисунок 3 – Вариант кроссенса по теме «Фразеология»

МГПУим. И.П. Шамякина

Упражнение **«Облако слов»** является достаточно распространенным в настоящее время, используя которое, можно систематизировать ранее полученные знания, выделить наиболее значимые термины изучаемой темы или раздела (рисунок 4).

Рисунок 4 – Вариант облака слов по теме «Полисемия и лексическая омонимия»

Интерактивное упражнение **«Найти пару»** направлено на поиск соответствий. Можно предложить студентам сопоставить слова русского языка с их переводом на английский язык (сервис умеет озвучивать напечатанный текст на разных европейских языках), найти пары антонимов, как на рисунке 5.

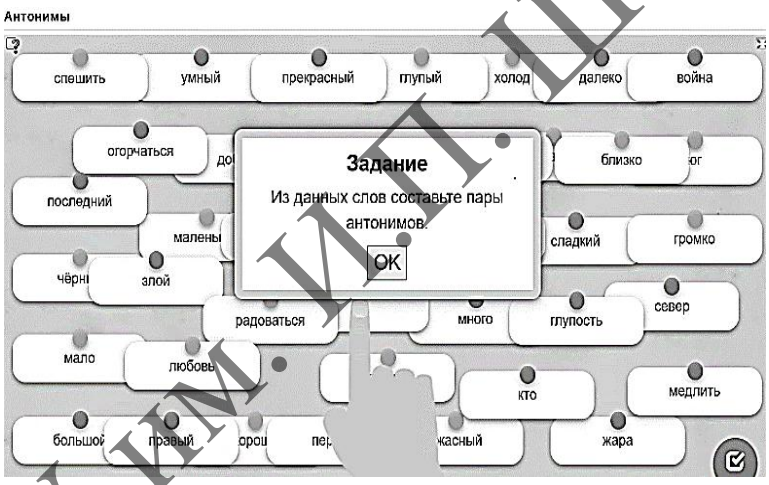


Рисунок 5 – Вариант интерактивного упражнения «Найти пару антониму»

Однако, используя такой мощный инструментарий, как визуализация, необходимо помнить, что кроме массы преимуществ (лучшее восприятие, усвоение, запоминание материала, выстраивание логических взаимосвязей между информационными блоками, отказ от стандартов, стереотипов, переход к более гибкому, подвижному мышлению студентов), которые она дает преподавателю, есть и ряд недостатков, которые могут быть вызваны её нерациональным использованием: громоздкая визуализация, дискомфортная визуализация, перенасыщенная визуализация, неполная визуализация, антисемантическая визуализация, нелогичная визуализация [4, с. 98].

Выводы. Использование визуализации не только облегчает процесс обучения РКИ, но и способствует активизации интереса у обучающихся к изучению учебного материала и к использованию визуальных средств в профессиональном будущем. Выбор методов визуализации должен соответствовать уровню владения языком, возрасту и индивидуальным особенностям студентов-иностранцев.

МГПУ им. И.Г. Шамякина

Список использованных источников

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Изд-во ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Федосова, О. А. О значении визуализации учебной информации / О. А. Федосова, Е. Н. Соколина // Проблемы педагогики. – 2018. – № 2. – С. 12–14. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-vizualizatsii-uchebnoy-informatsii (дата обращения: 12.02.2025).

3. Что такое LearningApps.org? – URL: https://learningapps.org/impressum.php (дата обращения: 22.03.2025).

4. Голушко, Т. К. Особенности использования инструментов визуализации учебного контента в вузе / Т. К. Голушко. – URL: https://tsutmb.ru/nauka/internetkofencii/2022/prepod_vyssh_shkoly/7/ Golushk.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

УДК 372.881.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ОБУЧЕНИИ РКИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ

А. В. Жаркова,
аспирант первого года обучения
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: zharkovaalinka@yandex.ru

Данная статья затрагивает некоторые лингводидактические аспекты обучения профессиональной лексике будущих врачей в процессе преподавания дисциплины «Русский язык как иностранный» (РКИ) в медицинских вузах. Актуальность статьи заключается в необходимости поиска новых эффективных методик преподавания медицинской лексики иностранным студентам-медикам в ходе занятий по РКИ. С использованием примеров словосочетаний заданной семантической группы автором демонстрируется эффективность приемов культурологического анализа при обучении РКИ, подчеркивается значимость культурно-ценностного аспекта в данном процессе. Делается вывод о том, что использование приемов лингвокультурологического анализа является не только эффективным средством в обучении РКИ, но и способствует осуществлению конструктивной межкультурной коммуникации в мультинациональной аудитории.

Ключевые слова: медицинская лексика, преподавание русского языка как иностранного, русские и английские переводные эквиваленты, лингвокультурологический анализ, культурно-ценностный аспект.

LINGO-CULTUROLOGICAL ANALYSIS AS AN EFFECTIVE METHODICAL TECHNIQUE IN CONDUCTING RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN TO FUTURE DOCTORS

A. V. Zharkova,
Vitebsk State University named after P.M. Masherova first-year graduate student,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: zharkovaalinka@yandex.ru

This article touches upon some linguodidactic aspects of professional vocabulary teaching to future doctors in conducting the discipline «Russian as a Foreign Language» (RFL) in medical universities. The relevance of the article lies in the need to search for new effective methods of teaching medical vocabulary to foreign medical students during RFL classes. Using examples of the given semantic group phrases, the

МГПУ им. И.П. Шамякина

author demonstrates the effectiveness of cultural analysis techniques in teaching Russian as a foreign language, and emphasizes the importance of the cultural-value aspect in this process. It is concluded that the use of methods of linguacultural analysis is not only an effective tool in teaching Russian as a foreign language, but also contributes to the implementation of constructive intercultural communication in a multinational audience.

Keywords: medical vocabulary, teaching Russian as a foreign language, Russian and English translation equivalents, linguacultural analysis, cultural and value aspect.

Введение. В Республике Беларусь число иностранных студентов, обучающихся в образовательных учреждениях самого разного профиля, год за годом неуклонно растет. Эта тенденция распространяется в том числе на сферу медицинского образования, давно снискавшего популярность среди потенциальных иностранных абитуриентов. Среди особенностей образовательного процесса в медицинских вузах Республики Беларусь следует отметить следующий факт: иностранные студенты, обучающиеся на английском языке, наравне с отечественными, отрабатывают практические навыки в местных учреждениях здравоохранения. Соответственно, знание русского языка актуально для иностранных студентов не только в свете удовлетворения бытовых коммуникативных потребностей проживания в стране, где русский язык является одним из государственных, но и необходимым средством осуществления профессиональной коммуникации в рамках образовательной программы.

Цели и задачи. На сегодняшний день стратегически важными задачами являются укрепление позиций и роли русского языка и славянской культуры на мировой арене, поддержание уважительного отношения, приобщение к богатейшему наследию русской культуры представителей других национальностей. Достичь этих высоких целей, помимо прочего, видится возможным за счет приобщения иностранных студентов, обучающихся в Республике Беларусь, к национальной традиции и культурному фонду нашей страны на уроках русского языка как иностранного (РКИ). Здесь более чем уместно привести высказывание выдающегося лингвокультуролога, профессора В. А. Масловой, о том, что «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [2, с. 56]. В связи с этим, особую важность приобретает роль преподавателя РКИ как проводника в мир не только русского слова, но и русскоязычного культурного наследия. Безусловно, в данном процессе с особой серьезностью необходимо подходить к выбору им лингводидактических методов и приемов, используемых на занятиях. Цель настоящей статьи – продемонстрировать эффективность использования лингвокультурологического анализа как приема при обучении РКИ.

Методы и материал исследования. В статье используются как общенаучные методы (наблюдение, обобщение, анализ), так и специальные методы, среди которых традиционные – таксономический, метод лексико-семантического анализа, а также сравнительно новый контрастивный метод, используемый в лингводидактике. Материалом послужили речевые формулы «Anamnesis morbi», используемые при обучении русскому языку студентов 2–3 курсов факультета подготовки иностранных граждан УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет».

Результаты и их обсуждение. Как известно, удивительная образность и богатство русского языка находят свое проявление в каждом из видов дискурса, в том числе и медицинском. Медицинская лексика, невероятно сложная и

МГПУ им. И.П. Шамякина

разнородная по составу, ядро которой составляют медицинские термины как отдельная лексическая макросистема, имеет в своем поле также большое число национально маркированных единиц. В этой связи нам видится целесообразным и дидактически обоснованным использование лингвокультурологического анализа при обучении иностранных студентов медицинской лексике на занятиях по РКИ.

Всегда чрезвычайно любопытными являются примеры разной фиксации в языках внешнего образа человека, того, как он сам себя видит и воспринимает. В русском языке при наименовании частей головы мы употребляем такие лексемы, как *лоб, висок, темя, затылок.* В английском же языке прямого эквивалента слову *затылок* нет. Вместо него употребляется словосочетание *«back of the head»* – «задняя часть головы», что, конечно, лишь в некоторой степени соответствует русской лексеме.

Следующим примером выступает русское слово *пупок* (производное от *пуп*) – рубец либо узел на передней брюшной стенке, остающийся после отпадения остатков пуповины у новорождённого ребёнка [3]. В отношении этимологии данного слова необходимо отметить наличие общеславянских корней (в древнерусском языке *пупъ*, болгарском языке *пъп*, чешском языке *pupek*), восходящие к существительному **роръ* [1, с. 874]. Само же существительное *пупок* встречается уже в древнерусских текстах с XI века (*пупокъ*). Фразеологизм *«пуп земли»* как центр мироздания (об объекте) или в значении «мнить себя центром Вселенной» (о субъекте), уходящий корнями в древнегреческую мифологию, подчеркивает особую важность это органа. Во-первых, пуп как рудимент пуповины, является жизненно важным органом, обеспечивающим необходимую связь плода с матерью в период внутриутробного развития. Соответственно, этот орган играет наиважнейшую роль в появлении новой жизни во Вселенной. Во-вторых, пуп является точкой центровки тела человека как по вертикальной, так и по горизонтальной плоскостям, являясь своеобразным «серединным меридианом». А как известно, понятие центра является одним из главных во всех религиях и мифологиях. В английском языке эквивалентом русскому слову *пуп/пупок* является устойчивое словосочетание *belly button.* Очевидно, что русский и английский эквиваленты структурно не тождественны: если в русском языке это одна лексема, то в английском – словосочетание *«belly button»,* где *belly* выступает в роли левого определения (живот, относящийся к животу) к существительному *button* – кнопка, пуговица (дословно, *кнопка/пуговица на животе)*. Подобная метафоричность английского эквивалента в русском языке не имеет места.

Рассмотрим русское словосочетание *«опоясывающая боль»* в значении «боль, охватывающая туловище на уровне верхних поясничных и нижних грудных позвонков. С точки зрения словообразования, причастие *опоясывающая,* входящее в состав словосочетания, через глагол *опоясывать,* восходит к существительному *пояс* (шнур, ремень, лента, завязанная по талии). Носителям русской лингвокультуры с большой вероятностью известно огромное значение пояса как обязательного компонента национальной одежды в культурной традиции славян. Показатель социального и семейного статуса, гендера, эстетического элемента костюма, пояс был предметом не только престижным, но и охранительным. В христианской религиозной традиции, как и нательный крест, пояс являлся обязательным атрибутом одежды благочестивого христианина, оберегающим

МГПУ им. И.П. Шамякина

владельца от напастей. Отсюда понятно происхождение фразеологизма *распоясаться*: не надеть пояса, а значит непозволительным образом себя вести. Английский же эквивалент данного словосочетания структурно совпадает с русским и также представляет собой словосочетание *«pain all around your middle»*, однако корреляции с существительным *пояс* (*belt*), как видно, в английском языке не происходит. Интерпретировать английское словосочетание на русский язык можно как *«боль по всей окружности тела»*.

В словосочетаниях *«рентгеновское излучение», «рентгеновский снимок»*, лексема *«рентгенограмма»* получила свое название по фамилии выдающегося немецкого физика Вильгельма Конрада Рёнтгена. В английском языке переводные эквиваленты данных названий не имеют корреляции с фамилией В. К. Рентгена, а соотносятся с названием *X-лучи (X-ray)*.

Выводы. Весьма очевидно, что все вышеперечисленные примеры являются ярким подтверждением того, что лексемы и словосочетания медицинской лексики, несмотря на узкопрофильность их значений, также являются национально-маркированными единицами языка, заключают в себе культурно-ценностную информацию. А некоторые из них можно по праву назвать «капсулами времени», хранящими в себе факты национальной истории и развития языка, что еще в большей степени подтверждает важность лингвокультурологического аспекта в преподавании русского языка как иностранного не только в целях реализации лингводидактических задач, но и способа погружения обучающихся в культурную традицию страны, язык которой они изучают. Более того, необходимым условием продуктивного процесса межкультурной коммуникации является его двусторонность. Взаимообмен информацией в лингвокультурологическом плане, безусловно, будет способствовать взаимообогащению участников коммуникации, созданию уважительной и доверительной атмосферы на занятиях, повышению эффективности образовательного процесса, развитию толерантности в рамках межкультурной коммуникации и расширению границ языковой картины мира как обучаемого, так и обучающего.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт ; М. : Рипол классик, 2008. – 1534 с.

2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

3. Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. : около 60000 терминов. Т. 2 : Кабана болезнь – Пяточный бугор / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 448 с.

4. Мюллер, В. К. Русско-английский словарь = Russian-English Dictionary : 50000 слов с прил. крат. граммат. очерка англ. яз. / В. К. Мюллер, С. К. Боянус. – М. : Астрель : АСТ, 2012. – 736 с.

МГПУ им. И.П. Шамякина

УДК 372.881.111.1

СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДАПТИРОВАННОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С. Н. Макеева,
доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии
Московского городского педагогического университета
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: makeevasn@mgpu.ru

М. Н. Николаева,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Московского городского педагогического университета
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nikolaevam@mgpu.ru

В статье рассматриваются возможности генеративного искусственного интеллекта по адаптации газетного текста для его использования в обучении английскому языку. Делается вывод о том, что преподаватель может использовать нейросети как инструмент, позволяющий автоматизировать некоторые аспекты его деятельности: для индивидуализации обучения в группах с разноуровневым составом обучающихся, для разработки учебных изданий/материалов на основе текстов, адаптированных до определенного уровня владения языком, для решения задач, связанных с изучением лингвистических и жанрово-стилистических особенностей текстов.

Ключевые слова: цифровая лингводидактика, искусственный интеллект, текст, адаптация текста, этапы адаптации текста, чат-бот, умения учителя иностранного языка.

WAYS TO USE ADAPTED TEXT IN TEACHING ENGLISH: DIDACTIC POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

S. N. Makeeva,
Docent, Can. Sci. (Education), Associate Professor of the Department of English Philology
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
E-mail: makeevasn@mgpu.ru

M. N. Nikolaeva,
Docent, Can. Sci (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
E-mail: nikolaevam@mgpu.ru

The article discusses the possibilities of generative artificial intelligence in adapting a newspaper text for its use in teaching English. It is concluded that a teacher can use neural networks as a tool that allows automating some aspects of his/her activity: for individualization of teaching in different-level groups, for designing educational materials based on texts adapted to a certain level of language proficiency, for solving tasks related to the study of linguistic and genre-stylistic features of texts.

Keywords: digital linguodidactics, artificial intelligence, text, text adaptation, text adaptation stages, chatbot, foreign language teacher skills.

МГПУ им. И.Я. Шамякина

Введение. Трудно однозначно предсказать, как изменится через 15–20 лет рынок труда, в частности, каковы будут функции учителя / преподавателя иностранного языка. Однако понятно, что владение компетенциями, связанными с использованием дидактического потенциала искусственного интеллекта, будет ему остро необходимо. Поэтому в научной литературе звучат призывы к пересмотру и диверсификации направленности педагогической профессии, изменению вектора ее движения в сторону освоения новых цифровых практик [1, с. 88].

Для решения различного типа методических задач в распоряжении учителя имеется большое количество средств генеративного искусственного интеллекта. Хотя попытки их использовать в преподавании иностранных языков начались сравнительно недавно, в научной литературе уже можно выделить определенные тренды их исследования [2, с. 2]. В обобщающей статье С. В. Титовой предлагается типология технологических решений на базе искусственного интеллекта, используемых в языковом обучении [3, с. 21–24].

К одной из таких групп принадлежат технологии, позволяющие учителю эффективно разрабатывать учебные материалы для использования в учебном процессе. Среди них важная роль принадлежит аутентичным текстам, то есть реальным продуктам речевой деятельности носителей языка, созданных для передачи информации носителям языка. Их неоспоримый дидактический потенциал неоднократно описывался в научной литературе. Осознание тех трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся при чтении аутентичного текста, привели к идее использования в практике преподавания учебных текстов, которые, по мысли исследователей, должны сохранить признаки аутентичности.

Под адаптацией письменного текста понимается приспособление аутентичного текста-источника, изменение его параметров с учетом потребностей читателей. Текст может быть модифицирован с использованием разных приемов, по сути представляющих собой исключение, добавление, замену, перестановку, с учетом разного уровня подготовки обучающихся, а также для достижения разных учебных целей.

Цели и задачи. Очевидным преимуществом использования технологий генеративного искусственного интеллекта в преподавании иностранного языка является его способность с легкостью трансформировать текст для более высокого или низкого уровня владения языком, что позволяет учитывать индивидуальные образовательные потребности обучающихся и таким образом реализовать дифференцированный подход. Данный вывод делают исследователи дидактического потенциала нейросетей (см., например, [4, с. 366–367]).

Цель проведенного исследования – определить, каким образом при использовании искусственного интеллекта меняется деятельность преподавателя иностранного языка по адаптации текста; уточнить, какие учебные задачи можно решить при использовании в учебном процессе адаптированного текста. Поставленная цель конкретизирована применительно к задаче адаптации газетного текста, что обусловлено его спецификой, в том числе тем, что газетные тексты содержат актуальную социокультурную информацию, для них характерно разнообразие типов, стилей, жанров и форматов. Они строятся по определенной структуре, при этом авторы для достижения своих целей используют большое количество выразительных средств.

Методы и материал исследования. В ходе исследования были проанализированы вторичные тексты, полученные в результате адаптации текста-

МГПУ им. И.П. Шамякина

источника с использованием технологий искусственного интеллекта для учащихся разных уровней владения иностранным языком в соответствии с Европейской шкалой. Запрос сформулирован следующим образом: *Adapt the text for level … according to CEFR*. Предварительно уточнялось, может ли нейросеть справиться с этой задачей.

Список чат-ботов включал электронный ресурс, созданный специально для преподавателей английского языка *Twee*, три американских чат-бота на основе искусственного интеллекта (*Perplexity*, *ChatGPT, HuggingChat*), два российских чат-бота (*YandexGPT* и *GigaChat*), китайский чат-бот (*DeepSeek*). Доступ к ним в России бесплатный (однако есть ограничения по функционалу при бесплатном использовании).

Для анализа полученных в результате адаптации вторичных текстов были использованы следующие инструменты:

– *TextInspector*, который анализирует различные характеристики текста: длина слов, количество предложений, маркеры дискурса и т. д., определяет читабельность текста по нескольким критериям, например, устанавливает индекс Флеша;

– *Text Checker* от *Oxford Learner's Dictionaries*, который позволяет анализировать текст с точки зрения отнесенности лексических единиц к уровням владения иностранным языком.

Для анализа отобрана статья из британской газеты *The Guardian* от 27 декабря 2024 г., посвященная проблеме использования искусственного интеллекта «*Godfather of AI' shortens odds of the technology wiping out humanity over next 30 years*» [5]. Данная статья вызывает интерес самых разнообразных групп обучающихся и успешно могла бы быть использована в учебном процессе. В ней отмечается, что темпы развития искусственного интеллекта оказались быстрее, чем ожидалось, и приводится мнение британского ученого Джеффри Хинтона о вероятности уничтожения человечества искусственным интеллектом в ближайшие 30 лет.

При сопоставлении вторичных текстов, полученных по запросу *Adapt the text for level … according to CEFR* (без дополнительных запросов), учитывались длина вторичного текста, уровень сложности лексики, грамматических структур, индекс удобочитаемости, трудность текста, также принимались во внимание контекстуальные факторы.

Кроме того, для анализа языковых особенностей аутентичного газетного текста в качестве инструмента адаптации текста был использован чат-бот *HuggingChat* на базе искусственного интеллекта. В настоящее время в лингвистике благодаря междисциплинарному подходу появилась возможность наряду с традиционными методами решения прикладных задач применять новейшие инструменты исследования, способные расширить методы анализа текста, одним из них являются нейронные сети, или чат-боты, созданные на базе генеративного предобученного трансформера (GPT) [6, с. 572].

Результаты и их обсуждение. Анализ полученных результатов применения инструментов искусственного интеллекта позволяет сделать вывод о том, что без дополнительных уточняющих запросов учителя названные чат-боты не в полной мере справляются с поставленной задачей. Так, в бесплатной версии широко

МГПУ им. И.Г. Шамякина

используемого преподавателями английского языка ресурса *Twee* возможности ограничены двумя опциями: *simplify/upgrade*, что не обеспечивает всего набора уровней владения языком. При адаптации текста чат-боты не учитывают объем вторичного текста (например, только текст, полученный на основе *Perplexity*, по объему соответствует уровню A1 – 95 слов, все остальные значительно его превышают). Индекс удобочитаемости по Флешу применительно к вторичному тексту одного уровня варьируется в зависимости от используемого чат-бота, что не позволяет в ряде случаев обеспечить читабельность текста (от 27 до 69 для текстов уровня B2). Жанровая специфика газетного текста не всегда сохраняется при адаптации: в ряде случаев (*Perplexity*, *YandexGPT*) вторичные тексты представляют собой реферат, что не в полной мере соответствует задачам обучения иностранному языку, поскольку нарушается жанровая специфика газетного текста.

Таким образом, в целом чат-боты берут на себя часть достаточно обширной и сложной работы преподавателя иностранного языка по адаптации аутентичного текста. При этом преподаватель должен использовать дополнительные промпты в соответствии со стоящими перед ним задачами по использованию текста, при разработке учебных изданий/материалов или в учебном процессе. В частности, он должен формулировать их с учетом понимания того, что адаптация текста включает следующие шаги: 1) чтение текста и определение предполагаемого вида чтения; установление уровня трудности текста с учетом его предметной, языковой и логической сложности; анализ культурно-языкового опыта обучающихся; 2) устранение ненужных деталей, сокращение тематических линий; исключение/трансформация сложных грамматических явлений и лексических единиц; 3) установление соответствия названия вторичному тексту, контроль связности, цельности, логичности нового текста, его прагматического эффекта, составление страноведческих и культуроведческих комментариев [7, с. 57].

С целью анализа языковых особенностей аутентичного газетного текста и его последующей адаптации чат-боту *HuggingChat* были адресованы шесть промптов-запросов, направленных на выполнение необходимых лингвистических задач. Данные промпты вводились последовательно, один за другим: 1) *Point out metaphors from this text;* 2) *Point out examples of metonymy from this text*; 3) *Select figures of speech from this text*; 4) *Select allusions from this text*; 5) *Point out stylistic means from this text;* 6) *Adapt this text by retraction of stylistic means, figures of speech and means of expression.*

Чат-бот *HuggingChat* достаточно быстро осуществил выборку стилистических приемов и экспрессивных фигур речи из оригинального текста, одновременно предложив лингвистический комментарий относительно их особенностей и функций в тексте.

Анализ результатов, полученных от чат-бота, в целом удовлетворяет поставленным задачам, однако отнесение некоторых примеров к определенным стилистическим приемам не позволяет нам согласиться с чат-ботом, считаем эти случаи ошибочными, «галлюцинациями» нейросети. Так, чат-бот относит к проявлению метафоры случай *Humans would be like toddlers compared with the intelligence of highly powerful AI systems* [5], хотя на самом деле это образное сравнение (simile), формальным признаком которого является предлог *like.* Также

МГПУ им. И.Г. Шамякина

при идентификации стилистических приемов наблюдается противоречивость, некоторые примеры чат-бот рассматривает и как метафору, и как метонимию, например, *the invisible hand* в фрагменте *“My worry is that the invisible hand is not going to keep us safe. So just leaving it to the profit motive of large companies is not going to be sufficient to make sure they develop it safely,” he said* [5]. Вероятно, в процессе предобучения чат-бот не был ознакомлен с приемом метафтонимии, сочетающим в себе свойства и метафоры, и метонимии. Во всяком случае, исследователь не должен полностью полагаться на полученные от нейросети результаты запроса.

Результатом предпоследнего запроса стало выделение чат-ботом 12 групп неоднородных языковых средств, среди которых повтор, метафора, метонимия, олицетворение, образное сравнение, гипербола, риторические вопросы, аналогия, аллюзия, профессионализмы и термины, средства апелляция к авторитету, контраст.

На последнем этапе, когда уже было сформировано определенное мнение об используемых в аутентичном тексте языковых средствах для выполнения ими различных задач, был задан промпт, связанный с адаптацией текста: *Adapt this text by retraction of stylistic means, figures of speech and means of expression.*

После адаптации аутентичного газетного текста путем исключения из него стилистических средств и прямых цитат вторичный текст стал напоминать пересказ, содержащий лишенное экспрессивности и эмоциональной окраски «сухое» перечисление утверждаемых профессором Хинтоном идей о потенциальной опасности искусственного интеллекта для человека. Для передачи высказанных мыслей в вторичном тексте используется косвенная речь, которая вводится различными глаголами-ассертивами (Дж. Серль): *note, indicate, respond, acknowledge, has stated that human intelligence, explain, emphasize, garner attention* (привлекать к себе внимание*), discuss, reflect, comment.* В адаптированном тексте встретились два синонимичных словосочетания, выражающие состояние беспокойства *express concerns, express worries,* которые мы относим к единственным в вторичном тексте средствам экспрессивности.

Следует отметить, что после исключения из оригинального текста стилистических и экспрессивных средств текст сократился на 95 слов, первоначально в нем было 577 слов. Он стал звучат сухо, по-деловому, что, на наш взгляд, свидетельствует о жанрово-стилистической трансформации текста и переходе его в жанр текстов с нейтральной эмоциональной окраской, например, научного или официального-делового стилей. По этой причине «вербальное моделирование, позволяющее воздействовать на пользователей СМИ и регулировать их отношение к происходящим событиям» [8, с. 42] подверглось изменениям и ослабило силу воздействия на читателя вторичного текста, так как в адаптированном тексте апелляция к читателю происходит только за счет констатирующих логически правильных аргументов, лишенных эмоциональной окраски, оценочности и экспрессивности. Другими словами, в адаптированном тексте воздействие осуществляется на разум, а не на психику человека, отвечающую за эмоционально-оценочное восприятие картины мира. Подобная адаптация нейросетью аутентичного газетного текста, лишенного экспрессивной

МГПУ им. И.П. Шамякина

составляющей и эмоциональной окраски, и дальнейшее применение данной технологии компьютерной обработки текста к газетным, публицистическим и художественным текстам может негативно сказаться на эмоциональном и творческом развитии человека.

Выводы. Технологии искусственного интеллекта могут быть успешно использованы при адаптации текстов в целях индивидуализации обучения в группах с разноуровневым составом обучающихся. Они также могут применяться для разработки учебных изданий/материалов на основе адаптированных для определенного уровня владения английским языком (CEFR) текстов, что требует от учителя понимания этапов и приемов адаптации текста и предполагает составление соответствующих промптов. Технологии искусственного интеллекта позволяют проводить лингвистические исследования используемых в тексте языковых средств, что дает возможность учесть эти возможности при адаптации текста и применить полученный вторичный текст в различных учебных целях.

Таким образом, технология адаптации аутентичного газетного текста с помощью нейросетей, безусловно, найдет применение в учебных и исследовательских целях при овладении иностранным языком на различных ступенях его обучения и при проведении лингвистического анализа текста с целью установления роли языковых средств, выражающих экспрессивность и эмоциональную окраску и участвующих в реализации типологических функций газетного текста: информационной и воздействующей.

Тем не менее считаем важным подчеркнуть, что обращение к нейросетям на этапе дотекстового прочтения творческих художественных текстов (публицистическая статья, художественное произведение) выражающих индивидуальный стиль автора, с целью их адаптации, может иметь отрицательный результат, в частности оказание негативного воздействия на вдумчивого опытного читателя, лишая его возможности эмоционального восприятия рассматриваемых в творческих текстах идей и, как следствие, препятствуя реализации когнитивно-эстетической функции в авторском тексте.

Список использованных источников

1. Тарева, Е. Г. Цифровая эпоха и педагогические профессии / Е. Г. Тарева // Вестник МГПУ. Серия : Философские науки. – 2018. – № 3 (27). – С. 85–90.

2. Сысоев, П. В. Актуальные вопросы интеграции генеративного искусственного интеллекта в обучение иностранным языкам / П. В. Сысоев, И. П. Твердохлебова // Иностранные языки в школе. – 2025. – № 2. – С. 2–3.

3. Титова, С. В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам: аналитический обзор / С. В. Титова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 18–37.

4. Вишневецкая, Н. В. Искусственный интеллект на уроке иностранного языка / Н. В. Вишневецкая // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика : сборник науч. ст. Всероссийской науч.-практ. конф., Москва, 23 ноября 2023 года. – М. : ООО «Языки народов мира», 2024. – С. 364–369.

5. Milmo D. Godfather of AI' shortens odds of the technology wiping out humanity over next 30 years. – URL: https://www.theguardian.com/technology/2024/dec/27/godfather-of-ai-raises-odds-of-the-technology-wiping-out-humanity-over-next-30-years (дата обращения: 28.02.2025).

МГПУ им. И.П. Шамякина

6. Овсянникова, М. А. Нейросети как инструмент анализа текста: сравнительный аспект / М. А. Овсянникова, М. Н. Николаева // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта : сборник науч. ст. по итогам междунар. науч. конф., Минск, 23–24 октября 2024 года. – Минск : Минский государственный лингвистический университет, 2024. – С. 570–575.

7. Макеева, С. Н. К вопросу об адаптации текста как лингводидактической проблеме / С. Н. Макеева // Человек и время в языке и литературе : сборник науч. тр. по лингвистике и литературоведению, посвященный юбилею докт. филол. наук, проф. Ольги Геннадьевны Чупрыны, Москва, 8 февраля 2024 года. – М. : ООО «Языки народов мира», 2024. – С. 51–59.

8. Викулова, Л. Г. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт / Л. Г. Викулова, Н. В. Новиков // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 42–49.

УДК 378.147: 37. 037.1(043.3)

ИНТЕГРАЦИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В КИТАЕ

Хэ Цзянфэн,
преподаватель китайского языка
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Т. Н. Чечко,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

В статье представлен анализ системы нравственного воспитания в профессионально-техническом колледже, основанной на интегративном подходе. Определено, что принцип интегративной целостности реализуется как при целеполагании, так и в организации учебно-воспитательного процесса. Система включает иерархически выстроенные компоненты: теоретические курсы, знакомящие с этическими нормами и ценностями Китая, а также личностно ориентированные практики, учитывающие региональную специфику. Ключевыми направлениями являются изучение теории нравственности, опыт активной преподавательской и волонтерской деятельности, и индивидуальное нравственное воспитание, направленное на формирование «культуры совместного бытия». Теоретические курсы формируют позитивное представление об истории страны, практика волонтерства воспитывает готовность к служению обществу, а индивидуальный подход развивает чувство личной ответственности. Установлено, что интегративный подход обеспечивает эффективность процесса нравственного воспитания студентов, способствует формированию гражданской ответственности и готовности к социальной деятельности.

Ключевые слова: интеграция, содержание нравственного воспитания, традиции народной культуры Китая.

МГПУ им. И.П. Шамякина

INTEGRATION AS A METHODOLOGICAL TOOL FOR ORGANIZING THE CONTENT OF MORAL EDUCATION OF STUDENTS IN CHINA

He Jiangfeng,
Chinese language teacher
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus

T. N. Chechko,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

The article presents an analysis of the moral education system in a vocational college based on an integrative approach. It is determined that the principle of integrative integrity is implemented both in goal setting and in the organization of the educational process. The system includes hierarchically structured components: theoretical courses that introduce ethical norms and values of China, as well as personality-oriented practices that take into account regional specifics. The key areas are the study of the theory of morality, the experience of active teaching and volunteering, and individual moral education aimed at creating a "culture of being together." Theoretical courses form a positive view of the country's history, the practice of volunteering fosters a willingness to serve society, and an individual approach develops a sense of personal responsibility. It is established that the integrative approach ensures the effectiveness of the process of moral education of students, promotes the formation of civic responsibility and readiness for social activities.

Keywords: integration, the content of moral education, traditions of Chinese folk culture.

Введение. В эпоху глобального интернета интеграция национальных систем образования во многом учитывает мировые тренды, перспективные инновации и негативные тенденции в образовательном процессе разных стран. Особенно это заметно в организации содержания нравственного воспитания средствами национальных культур. Ведь, к примеру, устное народное творчество – это универсальное коммуникативное выражение человеческой сущности, понятное и близкое каждому представителю той или иной культуры.

При этом народное искусство – это одновременно концентрированное проявление национальных особенностей, исторической эволюции, социального устройства, т. е. уникальный сплав национального и мирового, который позволяет успешно интегрироваться в мировое пространство, не теряя своей этнической идентичности. Интегративные процессы особенно актуальны в современном китайском профессиональном образовании в связи с достаточно высокой степенью лабильности практически всех направлений профессиональной подготовки специалистов.

Цели и задачи статьи. На основе специфики образовательного процесса профессионального колледжа в Китае важно проанализировать разноуровневую интеграцию как методологический инструмент организации содержания нравственного воспитания студентов; выявить и определить ведущие принципы организации содержания нравственного воспитания средствами произведений народной культуры.

МГПУ им. И.П. Шамякина

Методы и материал исследования. Для достижения поставленной цели нами использовались следующие методы исследования: теоретический анализ научной литературы и нормативных документов, обобщение, изучение педагогического опыта, моделирование педагогических ситуаций.

Результаты и их обсуждение. Поиск культурной «ниши», основанной на собственных традициях, является важнейшей стратегической задачей профессионального образования в Китае. В то же время, на наш взгляд, культурологический подход недостаточно учитывается, и на это есть ряд субъективных и объективных причин.

Современная парадигма профессионального образования и воспитания в Китае за последние сто лет претерпела лишь незначительные изменения в плане ориентации на западную модель (американскую, европейскую и российскую) функционирования образовательного процесса. Для того чтобы эта парадигма была направлена в будущее, необходимо задаться вопросом: что может предложить китайская народная культура мировой системе образования?

Давние традиции поэзии и песни, региональный стиль музыки, система культурной автономии и стиль диалекта (включая национальные меньшинства) в Китае тесно связаны, соответственно, влияют на восприятие народного искусства и организацию содержания нравственного воспитания молодежи [1, с. 344]. Сегодня особенно очевидно некоторое расхождение между культурными ценностями Востока и Запада, что актуализирует проблему взаимодополняемости, интеграции элементов восточной и западной культур.

С учетом этого положения в ходе анализа содержания нравственного воспитания студентов установлено, что регулятивными принципами, широко применяемыми китайскими учеными и педагогами в создании образовательного контента, являются:

1. Обязательное включение регионального компонента в образовательные программы.

2. Изучение культурного наследия других стран с учетом культурно-исторического контекста создания произведений народной культуры.

3. Преподавание широкого спектра учебных дисциплин в мультикультурном образовательном пространстве с учетом мирового методического опыта.

Цзяньхуа Гуань справедливо замечает, что одна из важнейших проблем, которую следует учитывать в организации нравственного воспитания студентов, заключается в том, что каждая традиция имеет свой собственный код сохранения, трансформации и передачи; соответственно, каждая региональная культура генерирует свою собственную педагогику и стратегию обучения [1, с. 201].

Цзяньхуа Гуань подчеркивает, что традиционная культура воплощает суть души нации и формирует основу для последующего культурного развития [2, с. 157]. Следовательно, будущее образования невозможно без понимания собственных традиций, которые выдержали испытание временем и воплощают ментальную идентичность нации. Только на этой основе возможна реальная интеграция как процесс объединения различных компонентов в единую целостную систему.

Характеризуя народный поэтический слог, Чжу Гуанцянь пишет: «По сравнению с зарубежными стихами о природе китайская пейзажная лирика

МГПУ им. И.П. Шамякина

похожа на стихи о любви» [3, с. 154]. Чэнь Шэню выделяет два вида природной красоты: одна – суровая, а другая – гибкая. Суровая красота – это горы, море, порывистый ветер, проливной дождь, тихая ночь и безлюдная пустыня. Гибкая красота – лунный свет, темный аромат, нежная тень, зеленый свет, чарующая озерная вода.

Черты «гибкой» и «жесткой» красоты также представляют важные культурные особенности эстетики китайской народной музыки. Можно сказать, что фольклорная китайская музыка отличается мягким звучанием и глухими приглушенными тонами, умеренностью во всех проявлениях. Хотя китайская духовая музыка столь же величественна, как и европейская, но в основном она используется для ритуальных, праздничных и драматических мероприятий [4].

Китайские национальные мелодии характеризуются гармоничным расположением элементов в произведениях, гибкой грамматикой, семантические характеристики которой ассоциируются с моделью пластичной пространственно-временной структуры. Такой образец китайского традиционного музыкального искусства обладает яркой линейностью, красивым благородным «зримым» стилем, эмоциональной искренностью – эстетическими характеристиками восточной музыки.

Таким образом, интегративные процессы современного китайского профессионального образования следует рассматривать как форму мультикультурных трансформаций, как механизм создания дополненного образовательного пространства, основой которого являются национальные, региональные культурные традиции. Не имеет значения, являются ли произведения народной культуры «модернистскими» или «консервативными». Важно, что это живая энергия, которая включает ассимиляцию чужого опыта и расширение собственного в едином интегративном процессе восприятия или исполнения произведений народного искусства. В то же время субъективность местной национальной традиции является прочной основой для интеграции.

Интеграция является методологическим инструментом организации нравственного воспитания студентов. Это способ придания качеств разноуровневого взаимодействия элементам системы воспитания на организационно-деятельностном, содержательно-функциональном, результативно-оценочном уровнях.

На важность комплексного, целенаправленного, систематического влияния на идеологические, моральные взгляды личности посредством «активного понимания и принятия», регулярной практики обращают внимание Ван Даоцзюнь（王道俊）и Ван Ханьлань（王汉澜). Тань Чжуаньбао (檀传宝) в своей трактовке выделяет активную роль педагогической среды и постоянное нравственное развитие личности.

В учреждениях образования Китая организация содержания нравственного воспитания характеризуется комплексностью.

В образовательный процесс внедрен комплекс теоретических курсов по нравственному воспитанию («Идеологическое и нравственное воспитание с правовыми основами» («具有法律基础的思想道德教育»), «Идеи Мао Цзэдуна и введение в социализм с китайской спецификой» («毛泽东的思想与中国特色社会主义概论»), «Краткий обзор современной истории Китая» (《中国近代史简史》).

МГПУ им. И.П. Шамякина

Они включают краткий обзор современной истории Китая, ознакомление с идеологическими принципами марксизма, идеями Мао Цзэдуна и теоретической системой социализма с китайской спецификой и т. д. Курсы предлагаются студентам всех специальностей, предполагают систематическое ознакомление студентов с нравственными знаниями, этическими нормами и социальными ценностями.

В партнерских образовательных проектах осуществляется трансляция опыта активного преподавания и волонтерства, практика добровольного служения. Студенты разрабатывают проекты, направленные на решение конкретных социально-этических проблем в своем городе или регионе (волонтерская акция «Передай дух и радость помощи другим» («传递帮助他人的精神和快乐»), акция по благоустройству дворовой территории Детского дома социального обеспечения Сукянь и др.). Деятельность студенческих клубов и объединений направлена на организацию благотворительных акций, помощь нуждающимся. Партнерские проекты призваны формировать у студентов позитивный имидж волонтерства, умение испытывать положительные эмоции и радость, помогая и доставляя радость другому человеку.

Создание центров психологического консультирования и организация просветительских курсов по психическому здоровью в кампусе позволяют не только своевременно оказывать помощь студентам, но и формировать у них здоровые психологические и моральные установки. Особую роль в этом процессе играют студенты-волонтеры Центра просвещения и консультирования в области психического здоровья. Приобретенный ими опыт позволяет им проводить циклы тематических психологических мероприятий «3.20 Мы любим тебя» («3.20我们爱你») для жителей г. Суцянь провинции Цзянсу. Это свидетельствует об эффективности преподаваемых методик, которые становятся для студентов инструментом саморазвития и позволяют им транслировать полученные знания и навыки в общество.

В учебные программы профильных дисциплин включены дополнительные интегративные задания, разработанные на материале сюжетов и мотивов устного народного творчества Китая. Чтобы познакомить студентов с этнической музыкальной культурой, организованы прямые трансляции концертов Национального народного оркестра Китая в мультимедийных аудиториях.

Широко практикуется «нравственное воспитание в онлайн-формате» с использованием образовательных медиа-платформ (онлайн-лекции по нравственности, онлайн-психологические консультации и т. д.). Так, на базе кампуса активно функционирует онлайн-платформа для дистанционного обучения этике – публичный аккаунт «Моральный WeChat». Он содержит определения составляющих нравственного воспитания с примерами коммуникативного поведения, принятия конкретных решений, моральных установок и рекомендаций на материале произведений устной народной литературы Китая.

Выводы. Система нравственного воспитания в профессионально-техническом колледже основана на интегративном подходе, который объединяет теоретическое изучение нравственных принципов с практическим опытом. Интеграция реализуется как на уровне постановки целей, так и в организации

МГПУ им. И.П. Шамякина

учебно-воспитательного процесса. Основные компоненты системы, выстроенные иерархически, включают в себя специализированные теоретические курсы и личностно-ориентированные практики, учитывающие региональный контекст. Ключевыми направлениями системы нравственного воспитания студентов являются: освоение теоретических знаний о нравственности, приобретение опыта активной преподавательской и волонтерской деятельности, а также развитие индивидуальных нравственных качеств, необходимых для формирования «культуры совместного бытия». Теоретические курсы обеспечивают систематическое ознакомление с нравственными нормами и ценностями китайского общества, формируя позитивное отношение к истории страны. Практика активного преподавания и волонтерства способствуют развитию чувства ответственности перед обществом. Индивидуальное нравственное воспитание, направленное на формирование чувства личной ответственности, является ключевым элементом в постижении «культуры совместного бытия».

Список использованных источников

1. Beijing and Shanghai: China's hottest cities. – Hong Kong, Airphoto International Ltd., 2004. – 564 p.

2. Li Limin'. Duej goyue fachzhan' lishi czaj zhen'shi [李丽敏.对国乐发展历史的再认识]. Novoe znakomstvo s istoriej razvitiya kitajskoj nacional'noj muzyki // Muzykal'naya kul'tura: cb. st./ Sost. Van Hun. – Pekin: CHzhungo ishu yan'czyuyuan' yan'czyuso. – 2009. –S. 163–179.

3. 李智. 新时代职业教育下中国民间口头文学教学方法改革浅谈[J]/李智. –上海：科技视界, – 2020 – 03 – 第. 81– 82. = Ли Чжи. Краткое обсуждение реформы методов преподавания китайской народной устной литературы в рамках профессионального образования в новую эпоху [J] / Ли Чжи // Видение науки и техники. – Шанхай. – 2020 – 03. – С. 81–82.

4. 张华. 中国谚语的德育价值研究.张华. –武汉: 教育研究与实验. – 2019. – 30 (2). – 第. 35–37. = Чжан Хуа. Исследование нравственно-воспитательной ценности китайских пословиц / Чжан Хуа. – Ухань : Образовательные исследования и эксперименты. – 2019. – 30 (2). – С. 35–37.

УДК 378.091.5

ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ У СТУДЕНТОВ – ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

С. Н. Щур,
доцент, кандидат педагогических наук,
проректор по идеологической и воспитательной работе
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: Shur-sergey-nikolaevich@mail.ru

В статье анализируются основные подходы по формированию сознательной дисциплины обучаемых, условия и уровни её организации в образовательной среде высших учебных заведений с учётом меняющихся социокультурных основ взаимоотношений участников образовательного процесса. С применением методов критического анализа психолого-педагогической и философской литературы, обобщения, систематизации сведений по проблемному полю исследования, моделирования ситуаций образовательного процесса по формированию сознательной дисциплины

МГПУ им. И.П.Шамякина

у студентов в образовательной среде высших учебных заведений выявлены и описаны её составляющие, уровни её организованности. Делается вывод о том, что сформированная сознательная дисциплина, а впоследствии и самодисциплина позитивно влияют как на построение образовательной траектории обучаемого, так и на формирование межличностных коммуникаций участников образовательных отношений, а также дальнейшую социальную организацию будущих специалистов в условиях профессиональной самостоятельной деятельности.

Ключевые слова: сознательная дисциплина, дисциплинарные правила, дисциплинированность, самодисциплина.

THE FORMATION OF STUDENTS' CONSCIOUS DISCIPLINE IS THE MOST IMPORTANT COMPONENT IN THE PROCESS OF FUTURE SPECIALISTS TRAINING IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

S. N. Shchur,
Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Vice-Rector for Ideology and Education,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: Shur-sergey-nikolaevich@mail.ru

The article deals with the main approaches to the formation of conscious discipline of students, the conditions and levels of its organization in the educational environment of higher education institutions, taking into consideration the changing socio-cultural foundations of the relationship between participants in the educational process. Using the methods of critical analysis of psychological, pedagogical and philosophical literature, generalization, systematization of information on the problematic field of research, modeling situations of the educational process to form students' conscious discipline in the educational environment of higher education institutions the author defines the components and levels of its organization. The author makes a conclusion that the formed conscious discipline, and subsequently self-discipline, both influence on the formation of the educational direction of the student and on the interpersonal communications of participants in educational relations, as well as the further social organization of future specialists in the context of professional independent activity.

Keywords: conscious discipline, disciplinary rules, discipline, self-discipline.

Введение. Гуманизация учебно-воспитательной среды в системе национального образования, демократизация общества, изменения социально-экономических и социокультурных основ взаимоотношений всех участников образовательного процесса вызывают изменения в поведенческой деятельности обучающихся при освоении учебных программ и получении ими профессионального образования.

Цель исследования – определение условий формирования сознательной дисциплины у обучаемых в высших учебных заведениях, а также уровней её организованности в условиях образовательной среды.

Материал исследования. Рассматривая обучение и воспитание студентов в высших учебных заведениях как часть национальной образовательной системы подготовки подрастающего поколения к дальнейшей самостоятельной профессиональной деятельности, можно констатировать, что студенты под воздействием вышеуказанных изменений становятся более активными в поступках, свободными в выражении собственного мнения, самостоятельными и нарочито независимыми в выборе решений, что, зачастую, создаёт предпосылки для

МГПУ им. И.П. Шамякина

нарушений поведения в учебных заведениях, несоблюдения ими дисциплинарных правил и в некоторых случаях ущемления свобод других участников образовательных отношений.

Эти обстоятельства вызывают серьёзную озабоченность педагогической общественности, так как несоблюдение дисциплинарных правил студентами, ущемление нарушителями прав других участников образовательных отношений затрудняет построение учебной и воспитательной траектории обучающихся, а также процесса их успешной социализации в образовательной среде высшего учебного заведения.

В связи с этим, в целях дальнейшего совершенствования национальной системы образования, отвечающей потребностям личности и общества, устойчивому развитию страны возникает необходимость в исследовании условий формирования сознательной дисциплины обучающихся, ограничения степени их свободы, приобщения их к пониманию и соблюдению дисциплинарных правил поведения в университете на всех этапах построения их образовательной траектории: при проведении учебных занятий, организации внеучебной развивающей деятельности, а также при поиске и нахождении обучающимися своего места в педагогическом сообществе студентов и преподавателей, с учётом уважения их прав и свобод.

Как отмечал в своих научных изысканиях по вопросам организации школьной дисциплины выдающийся чешский педагог-гуманист XVII века Ян Амос Коменский, «школа без дисциплины, что мельница без воды. Как мельница тотчас останавливается, если отвести от нее воду, так по необходимости все разваливается в школе, если у нее отнять дисциплину» [1, с. 350]. То есть очевидно, что дисциплина обучаемых для учебного заведения имеет исключительное значение.

С одной стороны, она выполняет разные функции: предписывающую, поддерживающую, ориентирующую, упорядочивающую, прогнозирующую и регламентирующую, создаёт внешние необходимые предпосылки к обучению, такие, как порядок, признание авторитета преподавателя, стимулирование к самообладанию, способствует формированию умения подчинять свои действия и чувства достижению поставленной цели; создаёт условия для самосовершенствования, преодоления недостатков, повышения культуры поведения. С другой стороны, при сознательной дисциплине студентов вырабатывается впоследствии собственная дисциплинированность при организации самостоятельной профессиональной деятельности по окончании высшего учебного заведения.

Таким образом, понятие «дисциплина» видится нам как дидактическая проблема, которая является в начале процесса обучения внешней предпосылкой успешности обучения и воспитания и в то же время позволяет вырабатывать у будущего специалиста профессиональные компетенции, индивидуальные черты личности и разнообразные моральные качества, то есть выступает как результат образовательной деятельности. Обращая внимание на вопросы дисциплины, американский философ и педагог Джон Дьюи (XX в.) отмечал: «Дисциплина есть необходимое условие успешности действий человека, продуктивности его общения с другими людьми. Дисциплина, означает власть над своими возможностями, управление имеющимися ресурсами для осуществления предпринятой деятельности» [2, с. 124]. А известный американский эксперт по вопросам

МГПУ им. И.П. Шамякина

лидерства Джон Максвелл процесс формирования дисциплины, а впоследствии – самодисциплины выразил известной цитатой: «… дисциплина – это решение делать то, чего очень не хочется делать, чтобы достичь того, чего очень хочется достичь. Но удивительно: через какое-то время дисциплина превращается в решение достичь того, чего очень хочется достичь, делая то, что теперь уже хочется делать! Я твёрдо уверен, что человек может стать дисциплинированным и даже получать от этого удовольствие – через годы непрестанной практики» [3, с. 219–220].

Рассматривая вопрос формирования дисциплины у студентов, можно выделить три её составляющие: дисциплина учебная, требующая соблюдения студентами дисциплинарных правил и традиций университета при организации учебно-воспитательного процесса; дисциплина личного поведения в учебной и внеучебной деятельности; дисциплина в общественной деятельности, предполагающая выполнение общественных поручений, обязанностей и таким образом, нахождение своего места в структуре сообщества группы, факультета, университета.

Эти три стороны дисциплины как важной составляющей процесса подготовки будущего специалиста в высшем учебном заведении, формируют как профессиональные компетенции, необходимые для организации предстоящей самостоятельной деятельности по избранной профессии, так и отношение к личному и общественному долгу, долгу перед Отечеством. То есть, дисциплина в образовательной среде соединяет профессиональную готовность, социальную ответственность и нравственную свободу личности студента, а при сформированной дисциплинированности становится новообразованием личности будущего специалиста.

Важным аспектом формирования дисциплины будущих специалистов с учётом индивидуальных особенностей каждого обучаемого и уважения к его личности является коллектив учебной группы и, в целом, окружающее его образовательное сообщество университета. Как отмечал выдающийся педагог XX века А. С. Макаренко, занимавшийся вопросами воспитания и перевоспитания молодёжи и имевший в этой области выдающиеся достижения, «не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определенного, без поправок и без смягчения» [4, с. 149].

Проводя анализ педагогической литературы по формированию дисциплины обучаемых в условиях образовательной среды высших учебных заведений можно выделить три уровня её организации:

– исполнительская дисциплина, основанная на применениях санкций к нарушителям, которая предписывает исполнение каждым обучаемым своих обязанностей, как правило, формируется в учебных заведениях на начальном этапе обучения, в процессе которого студенты адаптируются к установленным правилам и традициям учебно-воспитательного процесса в университете;

– сознательная (или активная) дисциплина, предполагающая использование обучаемыми предоставленных им прав и осуществление ими поведенческой активности на основании добровольно выработанных собственных ценностных и

МГПУ им. И.П. Шамякина

моральных норм и правил, с учётом требования и мнения образовательного сообщества (группы, факультета, университета);

– самодисциплина, основанная на личностном самоубеждении обучаемого в исполнении им установленных или традиционно сложившихся норм и правил поведения за счёт самоуправления своими обязанностями и правами, поведенческими реакциями.

Сформированная сознательная дисциплина и самодисциплина являются теми психологическими регуляторами, которые позволяют студенческой молодёжи проявлять организованность и ответственность как при освоении образовательных программ, так и осуществлять полноправное участие в делах студенческого, и, в целом, университетского сообщества.

Выводы. Таким образом, сформированная сознательная дисциплина будущих специалистов в высшем учебном заведении позволяет, на наш взгляд, упорядочить поведение студенческой молодёжи, обеспечить её совместную коллективную деятельность и социальную организацию как при организации учебного процесса, так и при построении межличностных коммуникаций вне учебного процесса в университете, при реализации собственных интересов и потребностей.

Список использованных источников

1. Коменский, Я. А. Великая дидактика / Я. А. Коменский // Избранные педагогические сочинения ; под ред. А. А. Красновского. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1955. – С. 164–628.

2. Дьюи, Д. Демократия и образование / Пер. с англ. – М. : Педагогика-пресс, 2000. – 382 с.

3. Максвелл, Джон. Воспитай в себе лидера / Джон Максвелл; пер. с англ. Г. И. Левитан. – Минск : Попурри, 2013. – 272 с.

4. Макаренко, А. С. Проблемы школьного советского воспитания / А. С. Макаренко // Собрания сочинений : в VII т.– М., 1958. – Т. V. – С. 103–224.

МГПУ им. И.П. Шамякина

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ЮБИЛЕЙНЫМ ДАТАМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 2025 ГОДУ

Ланская О. В. Память о войне в творчестве Ю. П. Кузнецова: слово и символ 3

Агафонова О. В. Фитонимы в поэтических текстах А. Т. Твардовского 8

Родионова И. Г. Бисубстантивные предложения со значением характеристики лица в «Семейном альбоме» М. Л. Матусовского 18

Татаринова Т. И. Тавтологические глагольные формы как средство функционально-стилистической и художественной выразительности в трилогии К. Симонова «Живые и мертвые» 20

Долбик Е. Е. Метатекстовые средства в повести Ю. Трифонова «Обмен» 25

Колоколова Л. П., Ермолова Е. А. Мифологические и фольклорные элементы в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» 31

Овчинников Ф. В. Трагедия нравственного выбора: моральные дилеммы Григория Мелехова в романе М. Шолохова «Тихий Дон» 35

Огнева Е .А. Координаты проксемных моделей в романе М. Шолохова «Тихий Дон» 39

Крученкова Т. Н. Образы стихии огня в поэзии И. Бродского 43

Пономарева Т. А. Роль концептов в моделировании лирического сюжета (на материале оригинальной и переводной поэзии Иосифа Бродского) . 48

Кузьмич В. В. А. С. Грибоедов как пародическая личность 54

Миргородская А. Ю. Сенсорные компоненты восприятия в повести «Степь» А. П. Чехова 59

Канакина Г. И. Синтаксическая организация рассказа А. П. Чехова «То была она!» 65

Табачёк И. И., Шевченко М. Н. Жанрово-стилистические особенности и функционирование языковых средств в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» 70

МГПУ им. И.П. Шамякина

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Афанасенко Д. С. Поэтика невербальной коммуникации в рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» 76

Белохвостик С. А. Художественное время в повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» 80

Борщева Ю. Д. Сравнительно-сопоставительная лингвокультурная модель «элита-дикари» в романе О. Хаксли «Brave New World» 84

Волкова А. Е. Тенденции художественного перевода лингвокультурем (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на русском и английском языках) 88

Гуцко И. Н., Сивченко Д. В. Психологические аспекты анализа и интерпретации текста 92

Зайцева И. П., Аршанская Е. Е. Несобственно-прямая речь как способ воплощения образа персонажа (на материале романа Дж. Остин «Доводы рассудка» и его перевода на русский язык) 97

Кураш С. Б. Языковая природа и типология образных контекстов в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов 103

Маслова В. А., Дединкин А. А. Филологический анализ, комментарий и интерпретация поэзии и других видов текстов 109

Муратова Е. Ю. Отражение истории России рубежа XVII–XVIII вв. в русской живописи и литературе 113

Дроздович Ю. В., Прохоренко Л. В. Корневой повтор – средство создания художественного мира (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») 119

Стулов Ю. В. А. С. Пушкин в зеркале афроамериканской литературы 124

Судибор И. Л. Концепт «дом» в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» 128

Фань Вэйци. Глаголы негативного эмоционального содержания в романе Юй Хуа «Жить» и его переводах на русский язык 133

МГПУ им. И.П. Шамякина

ЛИЧНОСТЬ, ТЕКСТ И ДИСКУРС В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Аматов А. М. О роли личности в политическом дискурсе 139

Дубинина В. А., Епифанова Т. В. Этнокультурные характеристики милитарного дискурса 144

Иванова Н. Г. Текстообразующая роль сегментированных конструкций в заголовочных комплексах современных газет 150

Коваль В. И. О десакрализации христианских святых в русских и белорусских народных легендах 155

Ничипорчик Е. В. Название сетевого канала как визитная карточка блогера в коммуникативном пространстве 160

Савчук Т. Н. Проблемы гуманитарной научной коммуникации с точки зрения экологии языка 167

Садовская Е. Ю. Стратегии самопредъявления в диалоге поколений 173

Семак Д. С. Юмор в кулинарном обзоре 174

Сенкевич В. И. Негация в аспекте вербального поведения 183

Соколовская О. Г., Батура В. В. Лингвистические особенности проявления национального менталитета в газетном тексте 189

Стародубец С. Н., Белугина О. В., Национальные и локальные особенности обрядового текста «Свадьба» (Брянское восточнославянское пограничье) 194

СЛОВО И ТЕКСТ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ И ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Дедович О. Г. Военные и медицинские метафоры лингводидактики (структурно-семантический аспект) 202

Жиганова Е. П. Отыменные адъективы дендронимической сферы в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси: семантика, функционирование 206

Жук В. И. Пейоративные и мелиоративные коннотации ольфакторной лексики в белорусском и английском языках 210

МГПУ им. И.П. Шамякина

Коцур А. С. Отношения превосходства в русском поэтическом тексте в аспекте поэтических традиций 214

Кравчук М. И. Отражение этнических стереотипов во фразеологии: сопоставительный анализ устойчивых оборотов с компонентом-этнонимом в русском и немецком языках 218

Лапицкая Н. И., Ван Жуйань. Особенности употребления личных имён в русских паремиях 221

Мельникова О. Н., Дубкова Д. С. Семантика и синтагматика лексемы *рок* в русском языке 226

Никитевич А. В. Когнитивно моделируемые смыслы и их реализация в диалектном производном слове 231

Ничипорчик О. И. Какие пороги преодолевает человек: к вопросу о валентности слова «порог» 236

Ранчинская Ю. В., Жильский А. А. Различия в описании погодных явлений в русском и английском языках 242

Солахаў А. В. Змест і структура тлумачальна-словаўтваральнага слоўніка індывідуальна-аўтарскай лексікі 249

Стариченок В. Д. Конструкции кумулятивного содержания с адъективом *ядовитый* 255

Сюэ Бин. Метафорические конструкции абстрактного содержания «личное местоимение + существительное» (на материале русского и китайского языков) 259

Тачыла Н. Р., Хакамі А. М. Гадонімы ў анамастычнай прасторы г. Кайзерслаўтэрн (Германія) 265

ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЛИНГВО- И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Гуркова О. С. Визуализация в обучении русскому языку как иностранному 271

Жаркова А. В. Лингвокультурологический анализ как эффективный методический прием в обучении РКИ будущих врачей 275

МГПУ им. И.П. Шамякина

Макеева С. Н., Николаева М. Н. Способы применения адаптированного текста в обучении английскому языку: дидактические возможности искусственного интеллекта 279

Хэ Цзянфэн, Чечко Т. Н. Интеграция как методологический инструмент организации содержания нравственного воспитания студентов в Китае 285

Щур С. Н. Формирование сознательной дисциплины у студентов – важнейшая составляющая процесса подготовки будущих специалистов в высших учебных заведениях 290

МГПУ им. И.П. Шамякина

МГПУ им. И.П. Шамякина

Научное издание

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Корректоры *Л. Н. Мазуркевич, В. В. Кузьмич*
Оригинал-макет *М. С. Галеня*

Подписано в печать 20.05.2025. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 37,5. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 40 экз. Заказ 5.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. +375(236) 24-61-29.